

КАЛДАРБЕК НАЙМАНБАЕВ

СР 11

199318

ДОРОГА НА АККЕНТ

**КАЛДАРБЕК
НАЙМАНБАЕВ**

ДОРОГА НА АККЕНТ

ПОВЕСТИ

Перевод с казахского

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Книги известного казахского писателя Калдарбека Найманбаева «Прощаться не хочу», «Жажда», «Неожиданный гость» получили заслуженное признание в республике. В предлагаемый вниманию читателя сборник включены лучшие его повести. Герои Калдарбека Найманбаева — интеллигенция сегодняшнего Казахстана, участники Великой Отечественной войны. Художественное исследование нравственных устремлений наших современников, глубокое раскрытие их внутреннего мира находятся в центре внимания писателя.

Художник Валерий Красновский

ДОРОГА НА АККЕНТ

Более месяца пробыл я в командировке в Аккенте, но вот настала пора возвращаться домой. Поезд мой уходил в полдень.

Не желая попусту терять время, я отправился в краеведческий музей скоротать там оставшиеся часы и узнать еще что-нибудь об этом маленьком зеленом городке, который я полюбил всем сердцем.

В разгар рабочего дня посетителей в музее не было, и я, наслаждаясь одиночеством и отсутствием экскурсионной суеты, не спеша бродил по просторным залам музея, где современное соседствовало со стариной, где сам воздух, казалось, был пропитан духом истории. Нашей истории.

Внезапно я обратил внимание на небольшой красный флаг, скромно висевший в дальнем углу. Я подошел поближе, чтобы узнать, чем этот выцветший, далеко не парадный кусок кумача заслужил такую высокую честь — храниться в музее, навсегда приобщиться к истории, но какой-либо поясняющей надписи не обнаружил.

— Тут есть какой-то секрет, — пробормотал я. — Непроста он здесь висит. . .

— Что, интересно, молодой человек? — услышал я чей-то голос.

Я обернулся и увидел аккуратненького старичка в белом полотняном костюме. Он сидел в небольшой комнатке, похожей на нишу, и пил чай.

— Да, — вынужден был признаться я. — На вид — обыкновенный флаг, и мне любопытно, почему его повесили в музее.

— Обыкновенный? — чуть усмехнулся старичок. — Ты так считаешь? А хочешь, я расскажу тебе его историю?

— Очень хочу, — сказал я.

— Это сейчас я на пенсии, — торжественно начал аксакал¹. — Выполняю общественную обязанность хранителя

¹ Седобородый. Старик.

нашего музея. А во время войны работал начальником Управления торговли. И вот как-то раз принял я на работу парнишку одного, фронтовика, с фронта он вернулся без ноги... Звали его Мейрамом...

* * *

...С гор дул пронзительный ветер, он кинжалом полосовал лица людей, собравшихся на переполненном, гудящем, как улей, перроне алма-атинского вокзала. Непогода обещала разыгаться не на шутку: черные тучи нависли над городом, осенняя листва, притоптанная ногами многочисленных прохожих, поднялась над землей, пыль слепила глаза.

«Как бы грозой не разразилось капризное алма-атинское небо, — думал Мейрам. — Не дай бог дождь пойдет — конца ему не будет, зарядит до самых зимних холодов...»

Подали поезд. Старые, побитые временем вагоны были похожи на перезимовавшие под снегом копны сена: казалось, нажми ветер посильнее — и сдует он их с места, полетят вагоны, как эта пыль, как эта листва...

— Граждане пассажиры! До отправления поезда остается пять минут, просим отъезжающих занять свои места. Провожающие, выйдите из вагона...

Отъезжающие... Провожающие... Большую часть толпы, жаждущей попасть на поезд, составляли женщины и ребятишки. Возгласы, крики, беготня — туда-сюда, туда-сюда... Инвалиды на костылях, люди в военной форме — полон алма-атинский вокзал, все спешат, все хотят уехать.

«Может, удастся уговорить проводника, выберу какого-нибудь, на вид подобнее, — лихорадочно соображал Мейрам. — Неужели инвалиду не помогут?»

Но визгливый голос кассирши до сих пор стоял у него в ушах. «Я здесь при чем? — кричала она. — Какое мне дело до ваших важных дел?! Идите к начальнику вокзала, с ним и объяснитесь, а у меня нету билетов, я вам десять раз одно и то же не стану повторять. Да поторопитесь, а то опоздаете!»

Спешу не спешу, а раз билета нет, кто в поезд пустит? Но выбирать не приходится — надо попытаться. Может, хоть в тамбуре разрешат постоять? Должны же понять, что не для себя человек старается; дело серьезное, можно сказать, государственное...

Постукивая костылями, он влился в толпу и, пробравшись к двери первого вагона, обратился к проводнику, худому, с чисто выбритыми щеками старика:

— Ага¹, возьми меня до Аккента... Билет не смог достать, а у меня в мешке груз срочный... Ждут меня не дождутся в Аккенте...

— Всех ждут, и у всех груз срочный. Ты что, лучше других, что ли? — раздраженно ответил старик.

— Папаша, да я правду говорю, ты только послушай... — начал было Мейрам, но проводник перебил его:

— Отойди от вагона, говорю тебе! Некогда мне тебя слушать, тут с билетами сажать некуда, а ты басни рассказываешь!

— Почему басни? — возмутился Мейрам, но старик отвернулся от него, всем своим видом показывая, что уговаривать его бесполезно.

— Эх, папаша! Черствый ты человек! — упрекнул его Мейрам и бросился что было мочи к следующему вагону. Узел на тяжеленном мешке, взваленном на спину, ослаб, и мешок с каждым шагом сползал все ниже и ниже, тянул к земле. Острая боль пронизывала поясницу. Перевязать бы проклятый мешок, да некогда и руки костылями заняты...

Грузная, средних лет женщина в черном кителе растопырила руки, будто собралась ловить курицу:

— Ты куда это, молодой человек? Билет сначала покажи...

— Умоляю, апатай², мне в Аккент надо...

— Билет, билет давай...

— Не смог я взять билета... Народу полно...

— Ну а мне что прикажешь делать, если у тебя билета нет?

— Что-нибудь придумайте, а, апатай?

— Не могу. Сам же говоришь — полно народу...

Не было у Мейрама времени объясняться с ней, и он бросился к третьему вагону.

— Нельзя, — кратко ответила на его просьбу красивая девушка с тонкими, точно пером нарисованными, бровями.

— Но что мне делать? Мне вправду очень нужно, — взмолился Мейрам.

— Не мешайте пассажирам, отойдите в сторону, гражданин, я вас прошу...

— Да что же это такое... — бормотал Мейрам, пробираясь к следующему вагону, — для инвалида одного местечка найти не могут...

— Ишь чего захотел! А кто за тебя, безбилетника, отвечать станет, ежели чего? — ответил ему на его очередную

¹ Ага, агай, агатай — уважительное обращение к старшему по возрасту.

² Здесь — тетушка.

просьбу проводник — здоровенный широкобородый мужчина с запавшими глазами и в надвинутой на самые глаза мерлушковой ушанке.

— Вот этот мешок, что у меня за спиной, там важный груз. . . Мне необходимо его завтра доставить в Аккент. Это не мне нужно, это для всего города нужно. . .

— Дорогой, ну чего ты меня агитируешь? Ведь всем жить надо, и мне тоже. У меня ребятишки, — мужчина дымил изо всех сил толстой, с палец, самокруткой и старался не глядеть на Мейрама.

А Мейрам, в котором вдруг проснулась надежда, заговорил торопливо:

— Да вы не думайте, я вам заплачу. . . Я вам много заплачу, только возьмите. . .

Мужчина рассердился:

— А ну катись отсюда. . . богач! Разве я у тебя деньги выпрашиваю? Сказано ведь, что нельзя!.. Инструкция!..

Мейрам покраснел до кончиков ушей, и тут из репродуктора снова раздался голос дежурного:

— Граждане пассажиры! Поезд Алма-Ата — Москва отправляется. Будьте осторожны!

— Уважаемый, — горько сказал Мейрам мужчине. — Неужели ты меня не понимаешь? Ведь я не вру, я правду говорю — мне срочно нужно в Аккент. . .

— Зря просишь, дорогой, — сказал мужчина. — Не могу, не имею права. . .

Мейрама даже в жар бросило.

— Да вы что, сговорились все, что ли?

— Почему сговорились? Ты бы на моем месте так же поступил. Я тебя понимаю, но и ты меня пойми. Война. . . Законы сейчас строгие.

Мейрам в гневе хотел напустить на мужчину, хотел крикнуть, чтоб постыдился он, крыса тыловая, толковать про войну ему, инвалиду, вчерашнему бойцу, фронтовику, но молча повернулся, заковылял на костылях и опустился на покосившуюся скамейку, что стояла на краю перрона.

«Может, и он фронтовик, может, израненный весь, снаружи-то ведь не разглядишь, а внешность у людей обманчивая», — устало подумал он.

И только он сел, как поезд, издав пронзительное «и-ий», будто говоря: «Хватит. Довольно. Продержали тут меня», тронулся с места, и длинный вытянувшийся, точно большая кишка, от одного конца вокзала до другого состав исчез.

Опустел перрон, и Мейрам попытался было подняться, но неудобные костыли так натерли под мышками, что там жгло и саднило, а поясница, казалось, совсем одеревенела.

Обильный пот, выступивший от недавнего нервного напряжения, еще не просох, руки дрожали.

«Что это со мной, не приболел ли я? — с тоской подумал Мейрам. — Несчастье за несчастьем. Поезд из-под носу ушел, а теперь мне только хвори не хватало, пропади оно пропадом».

И только сейчас он вспомнил, что за хлопотами у него со вчерашнего дня и маковой росинки во рту не было.

Пошел дождь. Капли, холодные, злые, жесткие, кололи кожу. Мейрам, содрогнувшись, крепко ухватился за костыли и с коротким «ауп!» поднялся с места.

Он шел задыхаясь и мало что различал перед собой из-за плотной пелены дождя. «Осень ведь, ноябрь», — утешал он себя, а колючие брызги все били и били ему в лицо, и казалось, не будет конца этому бешенству разбуженной стихии.

Внезапно он остановился. На развилке, в отдалении показалось что-то темное. «Может, это товарняк? — подумалось ему. — Точно — товарняк. . . Куда же он идет, уж не в мою ли сторону?»

Он подошел поближе. Да, это был товарный состав — бесконечное количество обшарпанных, грязных вагонов. Но паровоза вроде бы еще не было.

С Мейрамом поравнялся офицер в плащ-палатке, с поднятым капюшоном. Он куда-то, видимо, спешил и не заметил инвалида. А тот подумал уважительно: «Такие плащи кому попало не дают. Уж не местный ли он начальник?» И, поднявшись офицеру навстречу, нарочно кашлянул, привлекая его внимание.

— Эй, уважаемый, не скажете, куда этот поезд пойдет?

— В Тасты, — ответил офицер не оборачиваясь.

— В Тасты, говорите? А мне нельзя на нем подъехать?

— Ловок ты подъезжать, я вижу, — съязвил офицер и вдруг рассердился: — Сэкономить решил? Люди на фронте гибнут, а эти тут околачиваются. . .

— Кто «эти»? — удивился Мейрам. — Меня в Алма-Ату посылали, завтра мне дотрону надо дома быть, а билетов нет. . . Ты это соображаешь?

Офицер откинул капюшон и, только сейчас заметив костыли Мейрама, смутился:

— Кто тебя послал?

— Исполком, — ответил Мейрам. — И меня завтра ждут. Вот я и спрашиваю — нельзя на товарняке уехать? Он в Аккенте остановится?

— Скорей всего, остановится, — сказал офицер. — Но. . .

— Ну а если остановится, то я поеду, — перебил его об-

радованный Мейрам. — Что там одна ночь — Аккент-то, будь он неладен, рукой подать. Самое позднее завтра к полудню и доберусь до него.

— Да как же ты поедешь в такой одежонке в этакую холодину?

— Не беспокойтесь, — усмехнулся Мейрам, — повидал я и жару и холод, ничего мне не страшно.

— Парень, ты послушай моего совета, — сказал офицер. — Ступай лучше на вокзал, может быть, ночью уедешь. И не медли, а то к вечеру там народу столько набьется, яблоку упасть будет негде.

И тут вдруг состав дернулся, лязгнули буфера, загрохотали вагоны, двинулись было и снова замерли.

«Паровоз прицепили», — догадался Мейрам и, забыв про офицера, бросился к поезду.

Он собрал все свои силы, он забыл и про боль под мышками, и про ломоту в теле, и про поясницу — обо всем забыл он и лишь упрямо бормотал про себя: «В Аккенте, наверное, остановится. Должен остановиться. Не может не остановиться». Офицер молча глядел ему вслед.

В самом последнем вагоне товарняка дверь была полуоткрыта, и Мейрам первым делом закинул костыли. Затем он навалился грудью на высокий борт вагона и сделал попытку подтянуться, издав при этом свое обычное «ауп!» — так мальчишкой карабкался он на неоседланную лошадь, когда жил в ауле. Единственная нога нашла, видно, опору внизу, он уперся плечом и легко перевалился в вагон.

Отдышавшись, Мейрам огляделся и с удовольствием обнаружил, что вагон пуст, а стало быть, никто не будет препятствовать его намерениям. «Как бы там ни было, а я вовремя сообразил и поступил мудро, — подумал он с гордостью. — Теперь выплыву, а завтра, глядишь, к обеду буду в Аккенте. . .»

И тут вагон закачался, заскрипел — поезд тронулся с места. «А вдруг не остановится в Аккенте? — с испугом подумал Мейрам и тут же отогнал тревожные мысли: — Какие могут быть сомнения? . . . Еду — значит, доеду. А пропади оно все пропадом, самое главное, что я еду. Еду!»

Он снова воспрял духом и подался, чтобы выглянуть наружу, — уж больно любопытно было поглядеть на оставленный вокзал. И как ни одергивал себя — заметит кто-нибудь, остановят поезд, высадят, — любопытство все же взяло верх, и он, не выдержав, высунулся в раскрытую дверь.

За тоненькой призрачной пеленой дождя мелькали обнажившиеся печальные осенние деревья, маленькие домики,

съезжившиеся намокшие фигурки людей, повозки, арбы — все это проносилось, дрожало в зыбком дождливом морозе. «Здорово, что мне так повезло», — удовлетворенно отметил Мейрам. А потом еще подумал: «Лучше в товарняке ехать, чем на вокзале неизвестно сколько торчать». И еще: «Хорошо, что перед уважаемым человеком краснеть не придется».

Так и сидел он, успокоенный, притихший, освоившийся.

Однако дождь не унимался, и холодный ветер пронизывал Мейрама до костей. Он запахнул полы шинели и отполз в глубь вагона, зябко уткнувшись в воротник. «Дверь бы закрыть, тогда совсем хорошо было бы», — мечтал он, понимая, что одному ему с этой непосильной для инвалида задачей не справиться.

И как бы в ответ на его мысли на крыше вагона что-то загрохотало, и в дверном проеме повисли чьи-то ноги в грубых солдатских ботинках. Раскачиваясь, неизвестный прыгнул в вагон и, не удержавшись на ногах, покатился в угол. За ним другой, третий. . .

Опешивший Мейрам не подавал голоса.

А незваные попутчики, запаленно дыша, набросились на тяжелую дверь и так быстро задвинули ее, что Мейрам даже лиц их не успел разглядеть. Заметил только, что первый прыгнувший был крепкий рослый мужчина, другой — поменьше, а один и вообще был хлипкий коротышка в болтавшемся до колен, явно с чужого плеча пиджаке.

В наступившей темноте чей-то басистый голос, принадлежавший, по-видимому, рослому, облегченно произнес:

— Ну все, считай, что делу конец. . . Где она, эта доска? Не вижу, черт, в темноте. Сейчас забаррикадуемся и покатаем с шиком. Как в курьерском. Да где она, я спрашиваю, олухи?

— Не шуми, — раздался другой голос. — Совсем ослеп, что ли? Вон она, перед тобой. . .

У дверей снова завозились, и Мейрам понял, что люди эти наглухо зажали дверь длинной деревянной перекладной, чтобы снаружи ее невозможно было открыть.

Кто они, эти люди? Зачем так тщательно запираются? У Мейрама на миг перехватило дыхание, и он лапами шинели прикрыл мешок.

— Ну, теперь погуляем, только бы до места добраться. . . Вот что значит везенье, — сказал басистый, и Мейрам, напрягая зрение, обнаружил, что его попутчики расположились в дальнем углу вагона. Лишь один стоял, по-видимому тот, басистый.

— Чего стоишь, как неродной? — сказал кто-то. — Курево давай, анаша¹ есть? . .

— Есть, — ответил тот и присел на корточки.

Вскоре пальцы его осветила спичка, и он закурил. Другие тоже закурили. Огоньки их самокруток поблескивали в темноте и казались Мейраму глазами волков, выслеживающих добычу. В мгновение ока наглухо задраенный вагон наполнился едким махорочным дымом, к которому примешивался такой сладковатый тошнотворный запах, что у Мейрама запершило в горле, и он едва сдержался, чтобы не кашлянуть. «Ну и попутчики мне достались, — зло подумал он. — Да их тут целая шайка. Блатные, что ли? Вдруг накинутся на меня, что тогда буду делать? А ведь накинутся, как пить дать накинутся. . .»

И, не выдержав, закашлял. Курильщики насторожились. Вскочили.

— Эй, ты кто? — спросил писклявый голос.

«Коротышка», — отметил про себя Мейрам. Он все никак не мог совладать с приступом кашля.

— Раскашлялся, — недовольно сказал кто-то. — Ты отвечай, когда тебя спрашивают!

— Да это мешочник едет, я его заметил, когда в вагон прыгал, — успокоил всех басистый.

— Мешочник? Так у него мешок, значит, полный? Теперь его и раскурочить можно спокойно, — заволновался писклявый.

— А вдруг он сам тебе пасть порвет? — засмеялся басистый.

— Что? Мне? Да я ему сейчас! Эй, говори, кто ты такой?

— Вам зачем знать, кто я такой? Спасибо, что двери закрыли, а то совсем околел, — отозвался наконец Мейрам, решивший не давать им спуска.

— Ишь ты, как нахально отвечает! — завизжал писклявый, но слова его вызвали дружный смех у его дружков.

— Ну и голос у тебя, как у щенка, — сказал басистый.

— А у тебя как из бочки с дерьмом, — огрызнулся писклявый.

— Что? А ну заткнись, если не хочешь к праотцам отправиться! — рассердился басистый.

Писклявый испуганно смолк.

Мейрам тоже молчал. И если раньше он надеялся все же, что очутился в вагоне с мирными людьми (а прыгали они, видимо, потому, что отстали от поезда), то теперь сомнений

¹ Паркотик.

не оставалось: он попал в компанию воров, возможно — дезертиров, которые бегут подальше от Алма-Аты, где, судя по их похвальбам, только что «обтяпали» какое-то дельце.

«Говорят-то вон о чем! И как говорят — в любую минуту готовы друг друга прирезать, не то что меня...»

Что же делать? Мысли его разбегались в разные стороны, он никак не мог сосредоточиться. И в самом деле — что же делать?

С той минуты, как он выехал из Алма-Аты, каждый мелькавший за дверью огонек вселял надежду, словно бы говорил, ласково подмигивая: «Не бойся, Мейрам, люди рядом...» А теперь и огоньки исчезли, ибо он оказался наглухо запертым в вагоне с весьма подозрительными, если не сказать больше, личностями. Что же делать ему? Мейрам огорченно крикнул и вдруг решил: будь что будет, он станет уповать на судьбу, на везение. И надо вести себя так, точно он на фронте. Ведь они в р а г и. В этом он не сомневался.

«Пока подожду, посмотрю, что они дальше делать будут, — сказал он мысленно себе. — Слабый первым бросается с кулаками, не зря, видать, так говорят. А я не хочу быть слабым. Подожду. Для меня ведь что главное? Для меня главное добраться до Аккента, меня в Алма-Ату не затем послали, чтобы жуликов ловить. — Сердце его забилося. — А вдруг не доберусь до Аккента? Вдруг они убьют или выбросят из вагона, а мешок отберут?»

В горле его будто застрял камень, и Мейрам судорожно сглотнул слюну.

«Но в любом случае я ни за что не должен выпустить из рук мешок. Доберутся они до него — считай, что все пропало. С какими глазами я в Аккенте появлюсь? Лучше уж тогда тоже в бега удариться, как... эти... — Он бросил взгляд в сторону притихшей, задремавшей, видимо, шпаны и даже сплюнул с досады. — Надо же так влипнуть! И всё эти проводники противные... Хоть бы один посочувствовал, взял в вагон. А теперь вот мучайся тут... Мало своих печалей, так от э т и х еще обороняйся!..»

Еще через некоторое время он подумал: «Пассажирский поезд теперь далеко ушел, не нагнать... Эх, сидел бы я в нем, точно бы к обеду был в Аккенте, а теперь вот едешь и не знаешь, куда приедешь. Да и приедешь ли вообще...» И снова разобрало зло: теперь уже на войну, на проклятого Гитлера, на ранение: «Подлый осколок! Надо же было ему именно в меня угодить, в мою ногу. Да разве, не будь я калекой, пришлось бы мне сейчас трястись в этом поезде?..»

Воевал бы сейчас, вон наши уже границу перешли, на фашистской территории сражаются. . .»

И тут же ему стало стыдно своего гнева. «Что же делать, раз именно со мной это случилось? . . . А поручение я выполнил, сатин красный достал. Везу. И привез бы, если бы не эти шакалы. . .»

Но не привык он унывать, сидеть сложа руки — Мейрам на всякий случай положил перед собой костыли. «Пусть попробуют сунуться — я тоже в долгу не останусь, узнают, как связываться с фронтовиком», — сказал он сам себе.

Сказал, и какая-то неясная надежда замаячила перед ним. Он вдруг подумал: «А может, это, как говорится, у страха глаза велики? Может, и не воры это, какие сейчас воры? Может, это какие-нибудь шутники-бездельники такие глупые? Припугнуть, может, хотят, чтобы потом посмеяться? Дескать, что, струсил, да? . . .»

Неожиданно из угла снова раздался голос. Говорил басистый, и Мейрам понял, что именно он является вожакom всей этой шайки.

— Ну, долго будем в молчанку играть? Говори, кто ты такой, а то мигом кишки выпущу!

«Что ответить? Назвать имя, фамилию, выложить все как есть, может, люди они, поймут, пожалеют? Или зайти издали, заморочить им голову? Или отшутиться? Или вообще промолчать?»

— Язык у тебя к гортани присох, что ли? — сказал тот же голос.

Из угла будто ветром холодным подуло.

— Прижечь ему язык папиросой, паразиту! — выругался третий, которого Мейрам никак не мог разглядеть в темноте. Но не басистый и не писклявый.

— Помолчи, Муса, — остановил его вожак и снова обратился к Мейраму: — Ну, последний раз спрашиваю. . .

— Чего пристали к калеке с фронта! — вдруг неожиданно закричал Мейрам. — Я вас не трогаю, чего ко мне лезете!

Закричал и тут же едва не сгорел со стыда. С кем он разговаривать взялся? С подонками. И зачем себя калекой назвал? Унижение-то какое. . . И сразу одернул себя: «Хорохориться не стану, но и спуску им тоже давать нельзя».

Его настойчивых собеседников неожиданно развеселил смелый ответ.

— Герой отчизны, стало быть, с нами едет, — ухмыляясь сказал басовитый.

Мейрам даже задохнулся от ярости. «Над самым свя-

тым издеваются. Если и дальше так будет, не выдержу я, не выдержу. . .»

— Да, герой! Я был на фронте. А ты был?

— Ого! Поглядите вы на этого хвастуна, — посмеивался вожак.

— А тебе что, завидно? — Мейрам рубил напрямик, зная, что только дерзость спасет его. — И не думай, что я вас боюсь. По мне, так горите вы ясным огнем!

— А чего ж тогда плачешься, что калека? — ехидно сказал басистый.

Мейрам от неожиданности смешался. «Ишь сообразительный какой, — подумал он. — С ним ухо нужно держать остро. По самому больному месту бьет, рассердить хочет. . .»

Спрашивающий по-другому истолковал его молчание.

— Заткнулся, да? — торжествующе сказал он. — Тоже мне, нашелся герой. Тебе ль, бедняге, героем быть?

— Я не плачусь, я правду сказал, — отозвался Мейрам. — У меня хоть и нет ноги, но кто из нас бедняга — это мы еще посмотрим.

— Как бы тебе и второй ноги не лишиться за такую правду. Выбросим его, что ли, ребята? Пускай летит, как полено, а то надоел тут своей болтовней. . .

Но «ребята» молчали. Их, видимо, забавляла словесная перепалка вожака и неизвестного инвалида, который тоже за словом в карман не лез.

— Как же, выбросишь. . . Жди. . . Я-то привык умирать, мне ничего, а вот как бы ты сам отсюда не вылетел. . .

— Я вылечу?! — не на шутку обозлившись, рявкнул басистый. — А ну закрой пасть, я тебе последний раз говорю! . .

— Не вопи! — закричал и Мейрам. — Подумаешь, напугал!

Обломок кирпича просвистел у него над головой. Он пригнулся, второй удар пришелся по мешку.

Мейрам захлебнулся от злости.

— Стрелять буду! — вскричал он дрожа. — Люди, понимаешь, на фронте кровь проливают, с врагом сражаются. . . А эти. . . вон чем занимаются! Ворье! Гады! Всех сейчас перестреляю!

Мейрам все еще дрожал от гнева. И сам удивлялся тому, что с его уст сорвалось слово «перестреляю». Как он додумался до этого? Здесь, конечно, был риск. Если попутчики догадаются, что у него никакого оружия нет, — конец ему. Но с другой стороны, как бы ни куражились эти бродяги, а все они — трусы, он чувствовал это. Припугни таких хо-рошенько — всю жизнь перед тобой ползать будут.

И он не ошибся. Разговоры о стрельбе сильно не понравились воровской компании.

— У тебя что, и вправду пистолет есть? — нерешительно спросил басистый.

— А вот сейчас увидишь, — посулил Мейрам.

— погоди, не горячись. Ты куда хоть едешь-то?

— В Тасты я еду, — бросил Мейрам.

— Врешь, наверное, чтоб ты подох... ,

— Не веришь, так не спрашивай. А кто вперед подойдет, это еще неизвестно... .

— Тьфу, отца твоего... — буркнул вожак и вдруг решил: — Ну ладно, давай договоримся. Бросай нам сюда мешок, и я обещаю, что мы тебя не тронем, доедешь до своего Тасты.

— Какой такой мешок? — Мейрам и на самом деле удивился зоркости воровского глаза. — Приснился тебе мешок, что ли?

— Да ты что, за дураков нас принимаешь? А ну говори, что у тебя в мешке! Выкладывай, коли подохнуть не хочешь! Выкладывай, кому говорю! . .

— Совсем, гляжу, глаза у тебя мясом заросли, если ты мой мешочек за мешок принимаешь, — сказал Мейрам, стараясь держаться как можно развязнее и естественнее. — Что там, думаешь, золото, что ли? Старая моя одежонка, телогрейка, брезентовые рукавицы.

— Еще что?

— Полбулки засохшего хлеба... .

— Еще? . .

— Носки дырявые... .

— Еще? . . Говори, не тяни... .

— Еще граната у меня есть.

— Чтоб ты подох, чтоб тебе околеть! Вот пес, надо же таким вруном быть! . .

— Ты меня не проклинай, эй! — сказал Мейрам. — Ты мою гранату проклинай, храбрец!

Сказал и вдруг рассмеялся. «И для чего это они затеяли перебранку со мной? Скучно им, что ли? Или интересно? Или издеваются?»

— Отца твоего... . Братцы, да он никак смеется?

— А ты думал, я плакать буду? Сам плачь... .

— Довольно, эй! Деньги у тебя есть, ты вот что скажи?

— Откуда деньги у человека, который вышел из госпиталю, а? — сказал Мейрам так, будто сильно удивился глупому вопросу. — Ты сам подумай своей курьей башкой, были б у меня деньги, цеплялся бы я за товарняк, а?

— А откуда тогда у тебя граната? — коварно спросил

басовитый, и вопрос его чуть было не застал Мейрама врасплох.

— Оттуда же, откуда и пистолет, — загадочно сказал он.

— Ты смотри, если и дальше будешь так врать — похоронить тебя некому будет, — пригрозил басистый.

«Черт, а ведь так и будет, — тоскливо подумал Мейрам. — Если разгадают они мою игру, не быть мне живым...»

— Плевать мне, что вас тут много. У меня патронов много. А хоронишь ты меня рано. Памятника можешь мне не ставить. Я вам тоже памятника не поставлю, когда вас всех перестреляю.

«Точно, точно... Так с ними и надо, — думал он. — Чуть дашь слабинку, они тебя тут же растерзают. Пусть время идет, буду по возможности тянуть, а там что-нибудь придумаю. Может, люди на подмогу придут. Хотя откуда люди?»

— Слышали, что он мелет? — вдруг вступил в разговор писклявый. — Уделать его, что ли? Со вчерашнего дня руки чешутся кого-нибудь перышком пощекотать... Связываться только неохота.

— Ты, сопля, — отвечивал ему Мейрам. — Ну-ка, походи сюда поближе, если такой храбрый. И плюнь мне в рожу, если тут же своей кровью не умоешься.

— Что этому псу надо? Ой-ой-ой, братцы, да он нас сейчас изничтожит, бедненьких! Ой-ой-ой, дяденька, ты погоди, мы прежде хоть богу помолимся, — закривлялся писклявый.

«Развлекаются, — обреченно подумал Мейрам. — И даже довольны перепалкой. А как же — так день-деньской друг с другом грызутся, а тут — свежий человек, можно языки почесать...»

— Сколько вы слов на него потратили, а он все болтает. Пустите, я ему быстро глотку заткну, — угрюмо проворчал третий вор.

— Погоди. До Тасты знаешь сколько еще?.. Пускай болтает, доболтается, — остановил его басистый.

— Да голова болит от его нахальства!.. Столько выслушивать от каждой собаки!.. Дай я ему врежу!..

— Это кто там храбрится в темном углу? — угрюмо спросил Мейрам. — Тебя как зовут? Отвечай!

Вор тяжело запыхтел от злости, а басистый, посмеиваясь, сказал:

— Муса его зовут. Что, познакомиться с ним хочешь?

— Хочу, — решительно сказал Мейрам. — Ну, выходи, Муса. Один выйдешь, так я и без пистолета тебя уложу.

А дружков позовешь — по одному вас валить буду. Ёу, выбирай. Мне терять нечего.

— Ты это серьезно?

— А ты, заяц несчастный, думал, что в шутку? Или трусишь, так нечего тогда и хорохориться! — поддел его Мейрам.

— Пустите меня! . . . П-пустите, — завыл вор. — Я его щас так разделаю. Пустите, я вам говорю! . . .

— Заткнись! — рявкнул бас. — Захотел бы я его разделить, тебя не просил бы. . .

Мейрам мало-помалу успокоился. «Чему быть, того не миновать, — думал он. — Правильно я сообразил, робеть нечего. Повесишь голову, они на шею сядут. А так еще неизвестно, чья возьмет».

Он натянул лямки на мешке и почувствовал, что поясницу свело до немоты. Лямки больно врезались в спину, но когда он ослабил их, то сразу дышать стало легче. Он растегнул верхнюю пуговицу на шинели.

Те, в углу, сидели тихо. Видно, не могли придумать, как бы им еще развлечься.

Но хоть и получил Мейрам передышку, тишина действовала на него гнетуще. С новой силой всколыхнулись опасения, и он почувствовал страх: «А что, если в темноте подползут и все разом набросятся?»

Но прошло примерно с полчаса, прежде чем бас заговорил снова:

— Если у тебя денег нет, то, значит, и в реке рыбы нет. А я еще никогда не слышал, чтоб в реке рыба не водилась. Так что не серди нас и выкладывай свои денежки.

— Надо же, человек столько думал и такую глупость сказал, — тут же отозвался Мейрам. — Аппетит, видать, у тебя разгорелся, так могу тебе сухарь кинуть. Хочешь?

— Не лайся. Мы с тобой случайно встретились, так что давай ехать мирно. Нечего нас сторониться.

— Можмит¹, еще и друзьями станем, — вставил Муса.

— Парень хороший, у него пистолет есть, — поддержал его писклявый. — Эй, мужик, хочешь с нами по вокзалам углы вертеть?

— Не знаю, что это значит — «углы вертеть»?

— А чемоданы воровать, — рассмеялся басистый. — Ну что, будем дружить?

— Сами же мне грозите, так чего ж мне вас не сторониться? — сказал Мейрам, делая вид, что поверил им. И за-

¹ Искаженное от «может».

тем добавил: — И не пугайте меня, сколько раз вам говорить. Я фашистов не боялся, так что не думайте, что я перед вами тут буду раскланиваться. А углы вы свои довертите — пошлепают вас всех по законам военного времени, вот помяните мое слово.

— Ах ты скотина, отца твоего!.. — не выдержал басистый. — Шлепальщик нашелся. Ты лучше попридержи язык, фронтовик хренов, чтоб твой отец подох, если он еще не подох.

Мейрама то в холод бросало, то в жар. Невыносимо было слушать, как этот мерзавец костерит его отца, но что он мог поделывать? «Подзуживают, специально подзуживают», — думал он.

— Громила, эй, ты что умолк? — обратился басистый к Мусе. — Давай крой его вместе со мной. Помяни его отца, увидишь, как он сейчас взовьется.

— Пройдоха, эй, ты оставь моего отца в покое, — процедил Мейрам сквозь зубы. — Или, кроме ругательств, и не знаешь ничего?

— Болею я, — сокрушенно сказал басистый. — Голова у меня, понимаешь ли, болит, если кому-нибудь отцов и дедов не пересчитаю до седьмого колена.

— Тогда, значит, у тебя не рот, а помойная яма. Вон, оказывается, откуда вонь идет, я давно чую.

— Можмит! А тебе не кажется, что это от тебя трупом пахнет?

Неожиданно у Мейрама вновь закружилась голова, и снова в ноздри ему ударил тот давешний неприятный запах раскуриваемой анаши. Сперло дыхание, и он выдохнул во всю грудь — уф! Холодный пот прошиб его, струйкой тек по спине.

— Зажги-ка коптилку, — велел бас. Знакомый голос. Голос подонка, привыкшего повелевать.

— Ковер, что ли, вышивать будешь? — сострил писклявый.

— Слушай, ты, сучка паршивая, надоел ты мне сегодня своим визгом, аж голова кругом идет.

— А это потому, что ты псих ненормальный. . .

— Я псих?!

Раздался глухой чавкающий звук кулачного удара, и что-то глухо шмякнулось. По-видимому, басистый свалил с ног коротышку. И действительно, тот вскоре закончил, постанывая:

— За что, за что ты меня?

— Сам знаешь за что, — коротко ответил басистый. И добавил: — Будешь меня визжать.

Они зажгли копилку. Фитиль, тоненький, узенький, почти не давал света, но воры, не смущаясь этим обстоятельством, стали придвигаться к огню.

— Карты доставай, — сказал басистый.

— Сейчас. А может, одеколончику выпьем, першит в горле, черт, по глоточку бы, а? А то пересохло все внутри, — обратился к нему Муса.

— Одеколончику ему! Ты знаешь, что ты вчера все вплоть до рубашки проиграл. И смотался еще, на дело с нами не пошел. Одеколончику ему! ,, Гляди, без штанов останешься, простофиля!

— И мне, поди, удача улыбнется, посмотрим. А жив буду, так и дело будет, не бойся. . .

На сердце у Мейрама похолодело. В карты играют, пьют. Сволочи! И это тогда, когда все мужчины на фронте, гибнут под фашистскими пулями! Гады, пропади они пропадом! Эх, был бы сейчас автомат, показал бы Мейрам им! Сдал бы куда следует эту нечисть, что ползает по земле, когда страна воюет. . .

И тут в разговор вновь вмешался оживший писклявый:

— Вы что же это, про хромого-то забыли, что ли? Надо раскурочить его мешок, я вам говорю, а самого его давно за борт поря. . .

Вроде бы и не было оплеухи, которую он только что получил. Злобен и одновременно услужлив до отвращения.

Но его слова почему-то не понравились басистому и Мусе.

— Ишь ты, храбрый какой! Ну иди подойди к хромому, если такой храбрый, — заговорил Муса, а басистый добавил:

— Ты, храбрец, все за чужой счет прокатиться хочешь? Лучше вспомни, как ты прошлый раз убежал, когда мы тебя на стреме поставили?

— Да? А ты хотел, чтоб вы с барахлом ушли, а меня чтоб лягавые пинали, да?

— Да ты сам хуже лягавого. . .

— А ты свинья! . .

— Что? — басистый встал. — Тебе, видать, мало моей науки, так на, еще поучись!

Писклявый снова ткнулся носом в пол, но тут же вскочил, раздирая на себе рубаху:

— Убей! На, убей! Убей, иначе самого прирежу! Бей! Бей же, говорю! А то прирежу! И буду твою кровь пить! Что мне остается?

— А ну кончай психовать, — встал Муса.

— Сам кончай. С-у-у-ка! — выл писклявый.

— Слушай, ты прекратишь или нет? Ну, сейчас ты на самом деле подохнешь, настало твое время! Ха!

Огромный кулак басистого снова прихотился коротышке под подбородок, и он опять упал на пол. Муса поднял его, басистый вновь ударил. Писклявый рухнул, как подрубленное дерево.

— Ма-ма! . .

Воры разозлились не на шутку и стали пинать лежащего.

— Прекратите! — не выдержал Мейрам. — Люди вы или звери?

— А ты молчи, коли сам подохнуть не хочешь, — тяжело дыша, сказал басистый. — Можешь не заступаться за него, ему трепка только на пользу. Он у нас как барсук — чем больше его бьешь, тем больше жиреет. Это наши дела.

И точно, не успел Мейрам вступить за визгливого, как тот отдышался и вновь принялся за свое:

— Он что, мне на помощь пришел? Мужик вора защищает! О-хо-хо, братцы, да как же я до такого позора дошел? Это он, братцы, нам свою власть показывает. Дайте, дайте мне его, я ему тут же пасть порву! . .

Мейраму даже и отвечать что-нибудь было противно. Непонятная досада, чадаящая, как головешка, жгла его. Что это за люди такие? Да и люди ли они? То, что кричит этот обезумевший, накурившийся анаши дурак, гораздо хуже того, что с ним сделали. Избитый, он ищет себе жертву, чтобы в свою очередь и самому вдосталь поглумиться над ней.

У него заныло в висках. Все происходящее стало казаться дурным сном. И разве это не сон, когда двое бьют ногами лежащего? Это звери, а не люди. О чем думают они, кроме еды, денег, водки? Да и вообще, знают ли они, что это значит — думать? Народ страдает, идет война, и она принесла всем общее горе, а эти — почувствовали ль они хоть на мгновение, что тоже живут на нашей земле? У кого же повернется язык назвать их людьми?

Страх окончательно оставил Мейрама, и он вдруг почувствовал горечь и пустоту. «Задержать бы этих мерзавцев. . . но ведь мешок нужно в Аккент доставить. А если свяжешься с ними, так, пожалуй, и до Аккента не доедешь, это уж как пить дать, вон они какие головорезы! . .» Ему показалось, что он попал в тупик и нет из него никакого выхода. . .

Мало-помалу им овладело другое чувство, не то жалость, не то отвращение, смешанное с жалостью, сразу и не разберешь. И он подумал: «Несчастные вы бродяги! Раз душа ваша слепа — значит, и глаза слепы. Бродите вы в потемках по родной земле, и нет для вас рассвета. . .»

Ему вдруг вспомнился флаг и те кровавые дни и ночи, когда казалось, само небо изрыгало огонь. Дни и ночи, они проходили перед ним сплошной цепочкой видений, и из всего вдруг выплыло лицо добряка с жесткими колючими усами. Лицо земляка Ибрая.

Уж больно неуклюжий он был. И слова у него были неуклюжие, и походка — невозможно было спрятать улыбку, глядя на него. А он и не обижался. Стоило выпасть свободной минутке, как он сам начинал подшучивать над собой или печалился, вспоминая о доме. «Баба у меня — первый сорт, да не больно боевая. Трудно ей, наверное, приходится, время-то голодное». Он сильно привязался к Мейраму, хотя и был значительно старше его. Суетился, опекал, всячески выказывал свое расположение.

Он поздно женился, но с детьми не повезло. И об этом он вспоминал и не раз, и не два.

— А ведь мы оба детей любим — страсть! Но то ли господу богу эта наша любовь не по душе, не знаю, но сколько мы ни просили его, так и не дал он нам детей, — вздыхал, словно ловил ртом воздух. Вздыхал, но тут же спохватывался: — Мы-то что? Мало ли, много ли, а пожили на этом свете. И поженихались, и домом успели с женой обзавестись, так что если что и случится со мной, то и... как говорится, всякому овощу свое время. Ну а ты что видел? Мальчишка ведь совсем. И жизни-то хлебнуть не успел, как тут вот она тебе, война проклятая...

Мейраму становилось жалко его, и он возражал:

— К чему ненужное ворошить? Победим врага, и все у нас будет, и у вас, и у меня.

Ибрай снова предавался воспоминаниям.

— Да ты сам-то когда-нибудь пробовал кокпар¹ тянуть? — вдруг спохватывался он.

— Нет. А что там интересного? — нарочно поддевал его Мейрам.

— Да это я так, к слову. Бог с ним, с этим кокпаром. А вот ты лучше послушай, как я раз в президиуме сидел на районной конференции — разве это когда-нибудь забудешь?

Мейрам утешал его:

— Погодите, разобьем фашистов, возвратитесь в свой колхоз, вас еще председателем назначат, помяните мое слово.

Но тот уже вскипал:

¹ Национальная игра, состязание. Всадники пытаются завладеть тушей козла.

— Проклятый Гитлер! Что ты сделал с нашей землей! Столько слез, столько крови — земля ими пропиталась. А сколько еще горя впереди! Нет, никогда мы этого не забудем тебе, Гитлер! Чтоб тебе волком выть в собственной могиле!

— Мне иногда кажется, что я вас с детства знаю, — говорил ему Мейрам, переводя разговор на другое. — Почему так? Отца вы, что ли, мне напоминаете? Он такой же у меня. . .

— Ой, ну да, и я тебя с детства помню, — смеялся Ибрай. — Так прямо и вижу, как я тебя маленького таскал на спине. Веришь?

— Верю, верю, — хохотал Мейрам.

. . . И когда враг обрушил на бойцов свой шквальный огонь и разрывы следовали за разрывами так, что голову было поднять невозможно, Ибрай с Мейрамом сидели, тесно прижавшись, на дне окопа и ждали команды.

— Огонь! Огонь! Огонь! — крикнул командир, но тут же упал, подкошенный пулей.

А они стреляли, стреляли и стреляли. А враг все поливал и поливал их огнем. И невозможно было понять, что делается впереди. Казалось, подними голову — и снесет ее. . .

— Проклятые псы, никак не унимаются, — проговорил Ибрай.

— Думают, что прижали нас, — хрипло ответил Мейрам. — Еще немного — и в атаку пойдут. . .

— А мы чего ждем?

— Пусть ближе подойдут, чтоб наверняка стрелять.

— Куда ближе? — крикнул Ибрай. — Два шага — и они в наших окопах. . .

Неожиданно огонь со стороны фашистов стал вроде бы утихать, и тут земляк Мейрама с возгласом «ура» побежал к позициям противника. Еще секунда — и все бойцы пошли в атаку. Ибрай оказался прав насчет «двух шагов» — вслед за перестрелкой в мгновение ока завязалась рукопашная. . .

Они выбили немцев с той высоты.

Ибрай, пошатываясь, тяжело переставляя ноги, подошел к Мейраму и оперся на его плечо. Лицо у него побледнело, резче обозначились скулы. Громадный, он весь как-то сжался, согнулся.

— Видишь, нагнал на фрицев страху твой землячок, — все же нашел в себе силы пошутить он. — Теперь больше не сунутся.

— Вас ранило? — спросил Мейрам тревожно.

— В живот, — тихо ответил Ибрай. — А ты сам-то как, цел?

— Цел. Как тулпар, Ибрай-ага!

— Молодец. Хорошо, что как тулпар. Вот таким и будь.

— А вы?

— Что я? — запекшиеся губы Ибрая дрогнули. — Зашьют меня в медсанбате, и мы еще не один раз встретимся. В этом можешь не сомневаться. — И, покачнувшись, потерял сознание. Но тут подоспели санитары с носилками.

— Скорее, — умолял их Мейрам. — Скорее, и прошу вас — осторожнее. Скажите, он будет жить?

— Обязательно, а то как же! — торопливо сказал один из санитаров.

— Да сбудутся ваши слова! — крикнул Мейрам им вслед.

Но с того дня он так и не видел Ибрая. И писем от него не получил — ни в действующую армию, ни сюда, домой, хотя он заранее дал земляку свой домашний мирный адрес. Что случилось с Ибраем? Или адрес потерял? Или, выздоровев, наступает он и нет у него даже минутки для письма? Или стал он, как Мейрам, инвалидом и не хочет расстраивать земляка печальным известием? Или... самое худшее...

«Эх, друг, — подумал Мейрам. — Если бы эти прохвосты видели, как ты ринулся под немецкие пули и поднял за собой всех нас, может быть, проснулась бы в них совесть? Или даже этим не проймешь трусов и мерзавцев?»

Кто-то из воров подкрутил фитиль, и прыгающий чадящий светильник стал гореть ровнее. Картежники сгрудились возле огонька, теперь они показались Мейраму здоровыми и рослыми. Одеты они были не то в куртки, не то в полушубки и выглядели довольно внушительно — даже коротышка смотрелся совсем по-иному.

Кроме басистого, коротышки и Мусы при свете коптильника обнаружилась парочка еще каких-то типов, не принимавших участия в прежнем разговоре. «Спали, наверное, — сообразил Мейрам. — Один — верзила, еще крупнее басистого, другой, видать, его дружок».

— Задувает из щелей, — пожаловался коротышка, зябко поводя плечами.

— На том свете согреешься, — ответил ему басистый и спросил: — Ну что, начали?

Тонкие пальцы его, столь не вязавшиеся со всем его свирепым обликом, лихорадочно тасовали замусоленную колоду.

— Эй, будешь с нами играть? — как ни в чем не бывало предложил он Мейраму.

— Давай поиграй, глядишь — и обчистишь нас, — поддержал его Муса.

— Сызмальства нет у меня интереса к этой клятой

игре, — ответил Мейрам. — Да к тому же ни копейки у меня, — схитрил он, чтобы воры отвязались от него.

— Чтоб тебе околеть, нечестивец, — взъярился Муса. — Играть он не умеет. А чем ты, интересно, в своем госпитале занимался? Свиной, что ли, подковывал?

— Прикуси язык. И сначала на себя посмотри, прежде чем других нечестивцами называть, — бросил ему Мейрам.

— Болтать ты умеешь. Может, и здесь свою удачу попытаешь? Глядишь — и разбогатеешь в два счета.

— Поздно мне вашим играм учиться. И говорят тебе — не люблю я карт.

— Вы его только послушайте — рассопелся соловей. Отрезать тебе язычок, а? Не умеешь, так научишься. Научим!

— Слушай, ты кончишь или нет? — Мейрам повысил голос. — Я не то что играть с тобой, я на твою рожу смотреть не хочу. Зло меня разбирает. Так что отстань подобру-поздорову.

— Ну и черт с тобой, — плюнул Муса, но тут же за дело взялся коротышка.

— Не будешь играть, считай, что хана тебе пришла. Успел богу помолиться? — визгливо закричал он, и Мейрам чуть не расхохотался, вновь услышав его дурацкий голос.

— А ты успел? — спросил он, пряча улыбку.

Сказал и все-таки рассмеялся, не выдержал.

Коротышка не намерен был униматься.

— Давай-давай! Ну, что еще скажешь? Наговорись, нахочись вволю. Говорят, перед смертью каждый наговориться хочет. . .

— Экий ты грозный. . . сопляк! . . Наступаешь на хвост змее, а того не знаешь, дурак, что и она ужалить может.

— Что? Я дурак? Ну потом не говори, что я тебя не предупредил. Да одного моего удара для тебя достаточно, — похвалялся коротышка под одобрительный гогот других воров.

Мейрам сжал костыль. Сжал и злобно подумал: «Врезать ему, что ли, костылем? — Но все же сдержался и решил: — Что бы ни было — отмолчусь, все-таки успокоятся».

— А хочешь, я тебе для начала денежек займу, если у тебя нету? — ласково предложил коротышка.

— Слушай, ну отстань же ты, сколько раз тебе говорить? Я спать хочу, — вяло отозвался Мейрам и для убедительности зевнул.

— А ты знаешь, как кошка с мышкой в прятки играет? Смотри, как бы этой мышкой не оказаться, — снова завел коротышка.

Мейрам придвинулся к стене: дескать, я тебя не трогаю и ты меня не трогай. Но вдруг завопил что было мочи:

— Вы, суки, долго будете мое терпение испытывать? Сейчас всех перестреляю, паразиты, надоели вы мне!..

И сунул руку в карман шинели.

— Ты что, шуток не понимаешь? — шархнул от него коротышка.

А воры дружно накинулись на него.

— Ты что, падло, к человеку лезешь, в самом-то деле! — прикрикнул басистый. — Не хочет он играть, разве не видишь? Ослеп? Мало тебя сегодня учили? Мало, да? Можем еще поучить!.. Сядь на задницу и сиди спокойно!..

«Боятся, — с трудом сдерживая смех, понял Мейрам. И снова невольно задумался: — Интересно, есть ли у них отцы, матери, братья, сестры, друзья? Испытывали ли они по-настоящему радость или горе? А сострадание? А любовь? Ведь наверняка испытывали... Но как же можно так быстро забыть все это — нежные, добрые руки матери, журчащий девичий смех? Да и возможно ли это — забыть? А что, если попробовать вызвать их на откровенность, спросить об этом? Высмеют, пожалуй, вот и все. Или растрогаются, выложат все начистоту? Вряд ли... Слишком огрубели их души. Вон ведь как грызутся между собой, точно собака с кошкой. Как бы не перерезали друг друга из-за этих проклятых карт... Ну и черт с ними, туда им и дорога!»

А поезд шел полным ходом и от самой Алма-Аты не сделал еще ни одной остановки. Вот и вопрос — остановится ли он в Аккенте?.. Аккент, Аккент... .

Перед глазами Мейрама встал вокзал в Аккенте. Привычная, милая сердцу картина — небольшой голубой домик с остроконечной крышей, с обеих сторон — низенькие пристройки, а у выхода в город — небольшая впадина. Пройдешь через впадину — упруешься в забор старого базара. А за ним приземистые глинобитные домики с плоскими крышами... .

Западная часть железнодорожной станции в Аккенте не так многолюдна. И ведь именно там обычно останавливаются товарные поезда, наверное, и этот там остановится... . Если остановится... .

— Надо же, как не везет!.. И на помощь никого не позовешь!.. — Эту фразу он по неосторожности произнес вслух.

— Что? — произнес кто-то в углу. — Тебя не трогают, сам напрашиваешься?..

«К счастью, не расслышали», — понял Мейрам.

— Ты в карты свои гляди, пока не продулся, — сказал

он, изображая на лице улыбку. — Что тебе за дело до меня? . . .

Он снова и снова искал выход из создавшегося положения. Сатин обязательно нужно доставить к завтрашнему дню в Аккент, иначе его поездка окажется бессмысленной, что ни говори, как ни оправдывайся потом сам перед собой. Но с другой стороны — разве можно дать уйти этим шакалам? Сколько горя они принесли людям, и сколько слез еще прольется, если оставить их свободно разгуливать! «Нет, — сказал он сам себе, — в любом случае нужно попытаться их задержать, каким-то образом дать знать о них на первой же остановке. Ехать с ними вместе и . . . упустить? Дудки! Любой ценой нужно задержать их в Аккенте, иначе дальше они исчезнут, растворятся, как песчинки в пустыне. . .»

И чем больше он об этом думал, тем крепче зрело его решение. «Задержать! Попытаться задержать!»

Решил вроде бы, а главная забота так и жжет его, так и гложет душу. Сатин! Красный сатин! Ведь целая штука красного сатина у него в мешке. Сегодня пятое ноября, завтра — шестое, послезавтра — седьмое. Самое позднее к завтрашнему обеду он должен доставить сатин в Аккент. . . А вдруг не успеет? . . . А вдруг? . . . Нет, об этом не стоит и думать.

Да, пожалуй, уже и за полночь перевалило? Так что сегодня он должен доставить сатин в родной город. . . Сегодня. . .

Там, в углу, снова загорланили:

— Трус в карты не играет. . . Расквашу я тебе сейчас физиономию.

— Ну-ка, попробуй!

— Иду на всё!

— А если проиграешь? Найдется, чем заплатить?

— Дашь ты мне карту или нет?

— Чем платить станешь, если проиграешь?

— С чего ты взял, что я проиграю? У тебя что, карты крапленые?

— Проиграешься, не говори, что не предупреждали.

— Ты карты хорошо тасуй. Смухлюешь — глотку порежу.

— Глотка и у тебя есть. А у меня — ножик.

— Иду на всё!

— Предупреждаю: без штанов останешься.

— Давай, говорю, карту, не болтай!

— На! Держи! Накушался?

Картежники испытывают друг друга. И вор вора никогда не пожалсет, это ясно. Кто-то возьмет все или отдаст

все, и на этом — конец. «И это — жизнь! Настоящая, как они говорят, жизнь, — с горечью подумал Мейрам. — О чем они молят бога? Чтобы карта хорошая пришла... Откуда такне взялись на нашей земле?»

— Хватит, — сказал верзила. — Сам бери. И не мухлой — у меня глаз острый... И нож — тоже, — добавил он.

— Не пугай, пуганые, — огрызнулся бас. — Щас разделяем тебя под орех.

— Кончай болтать, бери карту.

— А что... Беру... Ха-ха-ха! Двадцать одно. Очко!

И басистый зашелся торжествующим смехом.

— Ты... как? Ты откуда туза взял? — опешил верзила, который только что важничал и наступал.

— Откуда? Из колоды, — нагло осклабился басистый.

— Ты, гад, колдун, наверное? Ты откуда туза выцарал? — никак не мог успокоиться верзила.

— Я тебе сказал откуда, — разъярился басистый.

— У меня ж у самого двадцать было...

— Было, да сплыло... Гони денежки...

— Сгубил, проклятый! Начисто ободрал!...

— Не вопи! Деньги давай!

— погоди! Я знаю, что ты мухлюешь! Ох, попадешься ты мне когда-нибудь, бурдюк плешивый! А попадешься, это как пить дать попадешься! Можешь плюнуть мне в рожу, коли я вру! погоди, я еще заставлю тебя землю полизать...

— Чего раскудахтался? Разниюнился тут... Сам же говорил: «Трус в карты не играет...»

Что-то тяжелое плюхнулось на пол. Узелок, что ли?

— На, подавись! Чтоб тебе сдохнуть на месте!

— погоди! Ты чем это рассчитываться вздумал? Это уж не то ли старье, которое ты украдкой от нас вынес из дома профессора? И ты думаешь, этого хватит? Сейчас переведу на деньги...

— Хватит не хватит, а больше я тебе ничего не дам... Сверкнуло лезвие ножа.

— Смеяться вздумал? — свирепо сказал басистый.

— А ты, я вижу, вечным сном заснуть спешишь? — Верзила вскочил и тоже вытащил нож.

— Не бойся, тебя с собой прихвачу — подушкой будешь. Я тебе говорил, чтоб не шел на всё, если денег нету? Вон ребята свидетели...

— Ты, прежде чем разоряться, посмотри, что в моем узелке. А то «подохнешь, подохнешь»... Привык, понимаешь... Бродяга зарвавшийся. И нечего меня пугать — душу, данную богом, бог и заберет...

— А это ты правильно говоришь, герой, — неожиданно

смягчился басистый и тут же пояснил свои слова: — Прирехать тебя я всегда успею, но ты подохнешь, а мне-то жить надо, дорогой, а? Сам видишь — анаша кончается, а в Тасты я, по крайней мере, месяцок покейфовать хочу. А чтоб кейфовать — денежки нужны. Сейчас разглядим твой узелок.

— Хотя сто раз смотри, копейки больше не прибавлю.

— Отстань... Золотых колец — два, ожерелье... Три пары золотых сережек... По ценам в Тасты это будет... — Басистый задумался, шевеля губами.

— Умеешь ли ты считать-то, безмозглый?.. Или все твои мозги анаша съела?

— ...Двое золотых часов. Одни — мужские, другие — бабьи... А это что? Булавка? Кому она нужна, выкинь ее...

— Да ты и вправду осел. Это заколка для галстука, позолоченная, ничего не знаешь.

Басистый закончил подсчет и глубоко задумался.

— Ну, мой мальчик, — вдруг торжественно сказал он, — ты оказался молодцом, с карточным долгом сумел рассчитаться, а стало быть, ухитрился живым остаться, потому что за эти дела — режут, это тебе любой вор скажет. Так что закатывай в Тасты на радостях той. На тор¹ вот его посадишь, хромого, — басистый указал на Мейрама и расхохотался.

— Я его боюсь, пасть может порвать, — скривился верзила, поддерживая его шутку, и мир между двумя картежниками был, таким образом, окончательно установлен.

Басистый, довольный выигрышем, пустился в откровения:

— Торгаши золото больше любят, чем деньги. У этих прохвостов, что спиртом и анашой торгуют, глаза разгораются, стоит им где золотишко углядеть. Ох и покейфую я!..

— Добыча волка — на дороге. Ты кейфуй, а я за дело примусь, раз уж помог тебе аллах так меня обчистить.

— Дай бог тебе удачи, напарника хорошего, — умилился басистый. — Только вот когда карманы набьешь, не забудь в картишки со мной сыграть, авось и отыграешься...

— С шайтаном играй, — вяло огрызнулся верзила.

Оба они устали от пререкательств и притихли. Вагон было погрузился в сон, но тут писклявый, точно дождавшись своего часа, вдруг завопил:

— Убить меня, что ли, хотите? Дайте хоть глоточек!.. Голова болит, внутри болит все...

— Вот же напасть! — прогудел басистый. — Ни слова

¹ Почетное место.

его не принимают, ни кулак. — В голосе его сквозило удивление. — Тут люди, понимаешь, отношения выяснили, только решили вздремнуть, а он завыл.

— Сами-то выпили, дьяволы, — не унимался писклявый.

— Дайте ему, чтоб не канючил. Пусть напьется да сдохнет.

Воры переглянулись.

— Так и быть, дадим, — сказал Муса. — Но если уж выпить хочет, то пускай с понтом пьет, посмотрим, сумеет ли он это сделать или нет. Пускай хлеб намочит в одеколоне и сожрет его. . .

— Давай, — закричал коротышка.

— А не сдрейфишь? . . Подумаешь, голова у него болит! Трус несчастный, тебе ли одеколон пить? — подзуживали воры писклявого.

— Давайте! . .

Мейрам содрогнулся всем телом и почувствовал, что к его горлу подкатывается тошнота. «Господи, — подумал он. — Ну и зверюги, впрочем, какие там «зверюги»? Разве зверь на пакость способен?»

— Ты серьезно?

— Давайте, я вам говорю! . .

— Струсишь ведь. Струсишь, а?

— Вы, дьяволы-пустомели, дадите или нет?

Появился пузырек одеколону.

— Ну, показывай свое искусство, — загалдели воры.

— Если выживешь — сто лет после этого проскрипишь.

— Этот пес и мышь вонючую проглотит — глазом не моргнет.

— Как бы он нас, братцы, всех в дураках не оставил! . .

Грубый животный хохот волной прошел по вагону.

— Где хлеб? — спросил коротышка.

— Ишь ты, господин! Возьми. Или тебе нарезать? — закривлялся басистый.

— Нарезь!

— Слушаюсь и повинуюсь, господин!

— Не все ли равно, как будет пить батыр, если он батыр, — удивляясь сказал верзила. — Я вот ему и ложечку приготовил. Кушай. . . — обратился он к коротышке.

— Благословляю, брат мой! Да вознаградит тебя аллах красотой, — поддержал коротышку Муса.

— И ростом, — добавил вор, доселе молчавший.

— Долго будете болтать, пустомели? — сказал писклявый, и трудно было уловить в его голосе оттенок злости либо отчаяния. Равнодушный погасший голос. Голос человека, которому давно уже все равно в этой жизни. . .

Мейрам не выдержал:

— Да перестаньте вы издеваться над человеком! Ваш же товарищ. . .

Он и сам не заметил, как вырвались у него эти слова. Воры обозлились.

— Эй ты, скотина хромая! Что от него останется, тебе в глотку впихнем!

— Ишь учитель нашелся!

— Подохнуть не терпится?

— Выпустить ему потроха — и разговор окончен!

— Тише вы, тише, — утихомирил всех басистый. — До Тасты еще долго ехать, надо же будет чем-нибудь позабыться. . . Так что не трогайте его, пускай себе болтает дурак!

Его поддержал Муса:

— И правда, хватит трепаться. Ну, герой, начинай!

Коротышка, польщенный общим вниманием, макнул хлеб в одеколон и стал жадно поедать его, всем своим видом выказывая полное довольство.

Это привело в немалое изумление даже видавших виды воров.

— Парень из того сорта, что и в огне не горят, и в воде не тонут. Молодец, коротышка!

— Слушайте, так на него и не напасешься, — сказал Муса, притворно сглатывая слюну.

— Приятного аппетита! . .

— Беденький, добрался до одеколончика, а то еще немножко — и помер бы, — смешно просюсюкал басистый.

А тот все жевал и жевал. И непонятно было — понимает он, что делает, или мысли его бродят где-то далеко.

Мейрам, не в силах смотреть на эту омерзительную сцену, нашел крохотную щелку в стене вагона, но сплошная темень окружала мчащийся поезд.

«Где мы хотя бы приблизительно? . . — подумал Мейрам. — Кымызбель вроде бы проехали. А если Кымызбель позади, то, считай, Айлиеата рядом. А там и до Аккента рукой подать. К обеду. . . к обеду будем. . .»

От такой мысли на душе у него снова полегчало, и воспоминания о том, что было и прошло, вновь встали перед его глазами. . .

. . .Всю-то ночь проворочался он в жесткой своей постели, а утром, положив в карман сложенную вчетверо «черную бумагу», похоронку, пришедшую на отца, пошел в вешкомат.

Дорогой он твердил себе: «Пусть только не отправят, пусть только не отправят...», и чем ближе подходил он к военкомату, тем большее нетерпение овладевало им.

Это старое здание из красного кирпича стало за годы войны родным для всех. Отсюда уходили на фронт отцы, старшие братья, а сейчас военкомат осаждала молодежь, жаждавшая, подобно Мейраму, отомстить за погибших, за поруганные города и разоренные фашистами села.

Вот и сейчас, несмотря на раннее время, Мейрам встретил возле военкомата немало знакомых ребят.

— Не спеши, начальника еще нет, — сказал один из них.

— А придет — наверняка не захочет с нами разговаривать. Вчера так просто прогнал: идите, говорит, учитесь, не мешайте мне, — вздохнул другой.

— Пусть хоть в шею выталкивает, а я своего добьюсь, — вскипел Мейрам и, ссутулившись, присел на краю длинной некрашеной скамейки.

Вскоре послышались голоса: «Идет, идет», и Мейрам увидел сурового, подтянутого, чисто выбритого мужчину в военной форме. Немолодого уже, почти старика. Исхудавшего, с покрасневшими от бессонницы глазами...

— Товарищ военком! — Мейрам шел следом за ним. — У меня к вам дело!

— Какое еще дело? Спешу я. Говори, что надо, — отрывисто бросил военный, но все же остановился, сердито глядя на Мейрама.

— Отец у меня погиб, — выдавил из себя Мейрам. — Прошу вас, отправьте меня на фронт.

— Тебе сколько лет?

— Восемнадцать.

— Учишься или работаешь?

— Учусь. Торговый техникум заканчиваю.

— Вот и учись, — сказал военком. — Закончишь учебу, тогда и поговорим.

Мейрам чуть не заплакал. Что же, так и выпроводят его, как раскапризничавшегося ребенка?..

— Вы обязаны меня отправить на фронт! Слышите? В обязательном порядке должны отправить!.. — Он почти кричал, слезы выступили у него на глазах. — Вот она, видите, «черная бумага». Так что ж вы хотите, чтоб мой отец так и лежал в чужой земле неотмщенный?

Военком внимательно посмотрел на него и сказал:

— Зайди ко мне в кабинет. . .

Там, прочитав похоронку, он долго думал, но потом вновь закачал головой:

— Нет! Если я вас всех на фронт отправлю, кто здесь-то

работать будет, в тылу?.. Ты понимаешь или нет? Ведь ты же знаешь, что тыл — это тоже фронт. Ведь мы все для победы работаем!

— Отправьте. А то сам уйду, — опустил голову Мейрам.

— Что? — рассердился военком. — Ты знаешь, что в военное время за самоуправство бывает? — И вдруг не выдержал и махнул рукой: — Ладно, отправлю я тебя, уж больно настырный ты хлопец оказался, не дай бог еще глупостей каких наделаешь...

Выйдя из кабинета, Мейрам столкнулся со своими сверстниками.

— Ну как? — спросил его давнишний приятель. — Прогнал он тебя?

— Как бы не так! Отправляют!

— А меня и близко не подпустили, — огорченно вздохнул юноша.

И вот всего лишь три с небольшим месяца после этого разговора Мейраму в одном из боев раздробило осколком снаряда бедро, на чем и закончилась для него война.

Думал он, лежа долгими ночами в госпитале после ампутации и скрипя зубами от боли и досады, что мало, мало он воевал, мало положил проклятых фрицев, ничем, собственно, и не отличился, даже медаль какую-нибудь не успел заработать... И каждый день, проводимый на койке без движения, казался ему годом. Ему ли не помнить, как рвался он на фронт, как мечтал мстить...

Мало-помалу он начал забывать, что ему всего восемнадцать, и он не удивился даже и редкой седине, вдруг пробившейся в его черных жестких волосах. И что там день — час, минута были мучительны для него, изнывающего от вынужденного безделья. Рассвет — вечер никак не наступит, закатится солнце — рассвета не дождешься.

Постепенно он научился ходить на костылях, и в один из весенних солнечных дней врачи выписали его из госпиталя и, комиссовав подчистую, как инвалида, отправили домой в Аккент.

О чем думал он по дороге, когда за окном мелькали расцветающие сады и зазеленевшие весенние поля — близкий сердцу пейзаж его милой родины, — когда на остановках прямо пахло степью через открытую дверь вагона и слышны были звуки родной казахской речи? Да все о том же. Все та же привычная горечь жгла ему нутро. «Если б не этот проклятый осколок, сколько бы фашистов я уложил!» — думал он, ворочаясь с боку на бок...

А что проку от запоздалых дум? Все останется как есть. «И тем не менее, — мучился он, — с какими глазами я домой приеду? И разве забудутся те опаленные порохом дни на передовых позициях, бессонные отчаянные ночи в госпитале?»

Через день после возвращения домой Мейрама разбудили рано утром — его вызывал к себе начальник управления торговли.

Когда Мейрам с трудом открыл тяжелую, обитую толстым войлоком дверь, навстречу ему уже спешил маленький седенький старичок, и они чуть не столкнулись на пороге.

— А-а-а, вернулся, значит? Ну, проходи, проходи, дорогой. Уж извини, по скрипу костылей понял, что ты идешь. Ах эта война проклятая!.. Лучших наших ребят губит!..

Только что, выходя из дому, Мейрам думал: «Важный какой-нибудь этот начальник. Наверняка расспрашивать начнет про то да про се, всю душу вымотает», но теперь, после такой ласковой встречи, его опасения рассеялись, как тучи после дождя, и он сразу же почувствовал себя легко и непринужденно.

— Как живете-здравствуете? Как здоровье? — поинтересовался он так, будто давно знал старичка, но долго не встречался с ним.

Начальник управления торговли присел на шаткий стул и, посерьезнев, сказал:

— Что спрашиваешь? Сам видишь — ни дня, ни ночи для нас нет, все бегаем да суетимся. Дел невпроворот, а работники — все больше женщины да старики. Да к тому и с грамотешкой у них неладно.

— Вот и я, видите, какой вернулся... — Мейрам, неловко улыбаясь, показал на костыли.

— Брось, брось, дорогой! Не надо попусту огорчаться, ни к чему это. И унывать не надо, парень ты молодой, а сейчас всем несладко, — остановил его старик.

— Вы просили, чтоб я срочно явился? — спросил Мейрам.

— Да, я тебя срочно вызывал, это верно, — подтвердил старик, сделав паузу. — Не хочу усложнять, но нам, как ты видишь, сейчас очень трудно с кадрами. Давно болен заместитель начальника горпромторга, больше года уже в постели, и сколько ни лечат его, а все не впрок бедняге... Вот мы посоветовались и, узнав о твоём возвращении, решили тебя на его место назначить. Ты грамотный, в торговом техникуме учился, коммунист — я ведь слышал, ты на фронте в партию вступил? Так что, если согласен, давай приступай.

А об остальном не беспокойся, с товарищами из горкома партии я договорился. . .

Зазвонил подвешенный к стене телефон. Старик, соскочив со стула, крутанул ручку аппарата и взял трубку. . .

. . . А ведь покидая госпиталь, Мейрам думал: «Положение мое аховое, незачем мне и телеграмму давать о своем приезде». Сколько трудностей он в дороге испытал — обо всех и не скажешь. И не в том дело, что ему, скажем, тяжело было или больно. Чувствовал он себя сносно, поезд до самого Аккента шел по расписанию, и проводники и пассажиры по возможности старались помочь ему, ухаживали за ним, выказывали ему почтение. Ну и, разумеется, вздыхали украдкой — такой молоденький, дескать, а уже калека.

И вот именно это непрошеное сочувствие больше всего угнетало его.

Всю дорогу он не поднимал глаз, тяготясь чьим-либо вниманием и мучаясь от своей вынужденной беспомощности. Да и чем заслужил он такое почтительное к себе отношение? Эх, если б хоть раз отличился в бою, ну, скажем, как Ибрай.

Думал ли Мейрам, стоя на пороге военкомата, что в одном из первых же настоящих сражений он лишится ноги? Нет, и во сне не привиделась бы ему такая напасть. Уж лучше бы убили его, что ли? Но он остался в живых, и ему нужно жить, работать, нужно заботиться о старенькой матери. Так как же смириться со всем этим, как жить? Смириться? Списать все на проклятую войну? Кто знает? . .

Утром он сошел с поезда. Ярко светило солнце, и в городе стоял такой зной, что казалось, улицы погружены в марево. И на вокзале было тихо-тихо. Он огляделся по сторонам — никого, кроме редких пассажиров, дремлющих на скамейках в ожидании поезда.

Небольшая речка пересекает Аккент надвое, и он, припав к родной воде, долго жадно пил ее, чистую, студеную. Затем лег на траву и долго глядел в небо.

А потом вдруг заспешил. И острой болью пронзила его мысль — как встретит мать-бедняжка его, Мейрама, израненного своего сына? . .

Вещее сердце матери почувствовало, что ли, но когда он пришел, она уже ждала его, стоя на пороге, — маленькая, крохотная, с листочек. Увидев Мейрама, плача от радости, раскрыла ему свои объятия.

Мейрам, путаясь в костылях, неловко обнял ее и замер, прижавшись небритой щекой к ее сухим измученным губам.

— Жеребенок ты мой, ты ли это? — плакала мать. — Аллах дал мне счастье, и я снова увидела тебя! О, мир! Сон

это или явь? Эй, где вы тут? Где вы, люди? Почему все молчат? Почему вместе со мной не радуются моему счастью?

Он дал себе зарок крепиться, но как ни сдерживался, все же не выдержал. Слезы бежали по его щекам, и он не утирал их. . .

— Жеребенок ты мой, единственный мой, приехал наконец! Теперь и умереть я спокойно могу. Я готова, принимай меня, сырая земля. . . Бери меня, земля, слова против не скажу, теперь я сыночка своего повидала, — причитала мать.

— Каншайым, да отпусти ты своего батыра, дай и нам на него полюбоваться, — обратилась к ней соседская старуха, тоже готовая разрыдаться.

— Да погодите вы! Сколько дней, сколько ночей я ждала его, и вот он — как с неба спустился! О, всевышний! . .

— Апа!¹ — сказал ей Мейрам, справившись наконец со слезами. — Что с тобой? Ты похудела, высохла — одни косточки. . .

— Жеребенок! Единственный! Что я! Лишь бы ты жив был. А коли нужна я богу, то пусть берет, я не боюсь. Лишь бы тебе он отпустил долгие дни. Лишь бы ты здравствовал. О, создатель! Дай долгие дни моему сыночку!

— Апа, люди собрались. Дай поздороваться, — сказал Мейрам, отступая от нее.

— Не сердись на меня, какой с меня спрос. . . Едва дождалась тебя. . . Как же теперь я отпущу тебя? Легко ли, легко ли? . .

Сухие в прожилках руки намертво сплелись на его спине.

— Жеребенок мой, — тихо сказала мать, — да не нашлось, что ли, клочка бумаги? Черкнул бы, что возвращаешься, а то ведь мне тебя и угостить-то нечем. . .

— Не надо беспокоиться, апа. Все будет хорошо.

— Жеребенок мой, да быть мне жертвой ради тебя, а больше мне ничего не надо.

Лишь только отошел Мейрам от матери, как его тут же обступили соседи.

— Каншайым, ты сегодня у нас самая счастливая, — говорили они матери.

— А каким батыром наш Мейрам стал!

— Что значит — идут дни, идут годы. . . Давно ли наш Мейрамжан на прутике верхом носился, голышом на речку бегал, а теперь вот джигит, боец, с фронта пришел! . .

До самой полуночи засиделись за скромным дастарха-

¹ Мама.

ном¹ в небольшом их домике соседи, знакомые, родственники Мейрама, обо всем переговорили. И вопросы были, и вздохи, и слезы о тех, кто уже никогда не вернется домой. Горько было Мейраму так, что и словами трудно передать.

Соседская старуха, щуря подслеповатые глаза, спросила:

— Голубчик, не буду донимать тебя, но не встречал ты там на фронте моего чернявого? Три месяца уж нет от него весточки. Всем домом переживаем — и еда не еда, и питье не питье. . .

И еще женщина, тоже соседка, вся высохшая, смуглая до черноты:

— Отца нашего не видел там, а? Не видел? . . . Вспомни хорошенько, может, хоть слышал что-нибудь о нем?

И весь вечер не сводила с Мейрама больших карих глаз прекрасная молодуха в белом платке. Хоть и сидела она к нему боком, но Мейрам отчетливо читал в ее умоляющем взгляде: «Скажи, он жив, наш сосед и твой сверстник, что так здорово на мандолине играл? Заждалась я его. . .»

Понимал Мейрам все взгляды, но что с этого толку? Что скажет он, хоть и понимает все? Как утешит? Боже, какое же это наказание!

На самом почетном месте восседал старик с широкой складистой бородой.

— О, судьба, о-о, судьба. . . — вздохнул он вдруг. — Не стало вестей от ребят с нашей улицы. И чего молчат? Бумагу, что ли, жалеют? . . . Не понимают, что здесь сердца кровью обливаются. . . Ну, ничего, Мейрам вернулся, и они вернутся. Вот тогда я им, озорникам, задам за то, что не писали. . .

Чего только не скажешь, надеясь!

У всех, как говорится, ушки на макушке — ведь за новостями с фронта люди следят внимательно. Иногда так получалось, что земляки были осведомлены лучше Мейрама. Только начнет он рассказывать, а они дальше подхватывают. Ну а вопросы у всех одинаковые. «Неясная надежда на хорошее поддерживает их. Что же еще остается?» — тяжело думал Мейрам.

А как задумался он, так и окружившие его люди приуныли. Наступило неловкое молчание. К тому же многие в тот вечер весьма откровенно посматривали на его грудь, а один старик все же не удержался и спросил:

— Сынок, фронтовики обычно с орденами да медалями

¹ Скатерть, застолье.

возвращаются, а тебя что ж, ничем не наградили? Или ты зря ногу потерял?

Жестко прозвучали его слова в наступившей тишине, и умалкший Мейрам долго не мог поднять головы. Стыдно ему было до того, что он готов был под землю провалиться. Но чего стыдиться ему и зачем оправдываться? В оправдании ли дело? Что скажет он и почему замолчали те, которые только что ласкали его словами «милый», «дорогой», «батыр ты наш»? Может, еще и презирать его теперь будут? Вон даже и мать заозиралась беспокойно. Он рвался в бой, он надоел командиру просьбами отправить его на передовую, умолял, слов не жалел. Но не ради того, чтобы заполучить орден или медаль, такая мысль и в голову не приходила ему. А потом ранение. . . На фронте он, считай, и пробыл-то лишь три месяца, да три месяца провалялся в госпитале. Всего — шесть, и он уже успел вернуться домой. Без ноги, но вернулся. А ему от роду восемнадцать. Все еще восемнадцать. Только восемнадцать. И можно ли его винить за то, что у него нет ордена? Мало ли другой горечи, отравляющей его душу?

Мейрам едва не сгорел от унижения.

Но, взглянув на съезжившуюся у порога мать, сказал:

— Стрелять я научился быстро, и командир хвалил меня, а то, что не пришлось долго воевать, — не моя вина, сами видите. . . Но фашисты получили свое, наш взвод им дал понять, что мы не слабаки. . .

Сказал он все это, но старик, который спрашивал про награды, по-прежнему смотрел на него испытующим взглядом, и это было для Мейрама больше всего.

В старческом взгляде он ясно читал укор.

Как убедить его? «И зачем я про взвод заговорил, про ребят — будто оправдаться хотел», — снова огорчился Мейрам.

Широкобородый старик, что сидел на торе, вдруг рассердился:

— Мы что его, за орденом отправляли? Мы его фашистов бить отправляли, и он их бил как мог. До родного дома, понимаешь, еле живой добрался, а ты тут прицепился к нему, и не стыдно тебе?

— Да нет, я ничего. . . — оправдывался аксакал, задавший неприятный вопрос.

— Что «ничего»? Всегда ты как тронутый, вечно тебе надо встрять где попало. . .

— Пропали он пропадом, болтун эдакий! Прицепится, ровно клещ! — поддержала широкобородого соседская старуха.

Это заступничество еще более смутило Мейрама, и он едва не выскочил из дому. И выскочил бы, как знать, да костылей постеснялся.

Сколько же было сидеть за дастарханом — гости стали расходиться.

— Припозднились мы, — сказала соседская старуха. — Мальчик устал с дороги, а мы тут накинулись на него всем скопом. . . Забыли, что на работу завтра? . . — И, уходя, еще бормотала: — Мальчик и без того еле живой до дому добрался, а он — орден. . . Тупарь безмозглый, с праздника, что ли, наш мальчик пришел? . . И впрямь, видать, чего-то у тебя в башке не хватает, правильно люди говорят. . . Ой-бай, поясницу-то как ломит, уф! Хорошо хоть, еще не спросил: «Может, ты нарочно ногу потерял?» Э-э, старик, старик, а ума не нашил, как есть дурачок. . . Бедняга. . .

Следом за ней двинулись и остальные. Мать с сыном наконец-то остались вдвоем.

— Все нам застолье испортил, — недовольно сказала Каншайым.

— Апа, ничего в этом зазорного нет, вопрос дельный, — отозвался Мейрам, пытаясь сгладить неприятный осадок. — Конечно, хорошо бы повесить на грудь орден — пусть бы себе сверкал. Но так уж получилось — не всем судьба героями быть. . .

— Ладно, бог с ним! У меня есть мяса немножко. Вяленое. Я его для тебя сберегла. Покушаешь?

— А людей чаем угощали. . . Апа, что же это ты? Как же мы его одни есть станем? В горло не пойдет.

— Ой, милый мой, зачем же нам позориться перед людьми? Кусочек такой маленький, что одному тебе, пожалуй, не хватит.

— Да я и не хочу, апа. Устал я. Сильно устал. Отдохнуть хочу, выспаться, — сказал Мейрам.

Но мать-бедняжка давно, видать, хотела поплакаться ему, да все сдерживалась и лишь теперь, когда они остались паедине, дала наконец волю чувствам.

— Жеребенок ты мой, ты ли это? Ну-ка погляди на меня! Что же мне для тебя сделать? И чего только не передумала я за эти полгода?! Заботы-заботы, так и день проходит. Солнце зайдет, сядешь к вечеру одна-одинешенька за стол, делаешь вид, что чай пьешь, а у самой слезы так и капают. . . А ночью — и не говори. . . Не приведи бог никому таких почей. Лежу одна, в крошечной темноте, как в могиле. И все думаю, думаю, ад какой-то, никак не могу избавиться от этих дум. Отца нашего вспоминаю, о тебе печалюсь. Пропади все, весь интерес-то жизни в вас, оказывается, чтобы

вы всегда перед глазами были, живые, здоровые. Да как вспомню, что отца нашего мы больше с тобой никогда не увидим, а ты сам под немецкие пули пошел, так и заплачу снова. Эх, разве перескажешь все. . .

— Всем нелегко, апа, — заметил Мейрам.

— Много наших-то гибнет, а?

— Много. Но еще больше таких вот, как я. К чему себя тешить попусту? Видишь, что меня ждет? . . . — Мейрам показал на костыли и вздохнул. — Кому я теперь нужен? На кой мне мои восемнадцать лет? К чему притворяться, воображать из себя невесту что? Нет уж, не надо мне такой жизни, пропади она пропадом.

— Кому нужен? Да мне нужен. И зачем ты так плохо о жизни говоришь, — начала было мать и вдруг засуегилась: — Ойбай-ау, да ты спишь совсем, притомился, бедняжка. . . Сейчас, сейчас я тебе постелю. . .

Но до рассвета не мог заснуть взволнованный Мейрам. Укрывшись с головой одеялом, он ворочался и ворочался, не в силах сомкнуть глаз, несмотря на усталость. . .

. . . — Да, да. Я ваше приказание понял. Все будет исполнено в срок, — начальник управления торговли повесил трубку и потер виски ладонями. А Мейрам уставился на него во все глаза. Только ведь выглядел бодро, весело. А сейчас будто сразу лет на десять постарел. Не выспался, наверное, заматался на работе. Ему стало жалко старика. . .

— Заждался? Это начальство меня распекало. Вот она, наша работа, — подмигнул ему старик и продолжил деловым тоном: — Так что с сегодняшнего дня и приступай.

Вот те и на! Приступай, говорит! С сегодняшнего дня! Без подготовки, без отдыха. Мейрам не нашелся что сказать и лишь пробормотал:

— С сегодняшнего дня, говорите?

— Да, можешь прямо сейчас начинать. Сам видишь, какая у нас обстановка. Прямо, можно сказать, боевая. . . Ты нам нужен.

Мейрам опять смешался. И вдруг разволновался. Очень разволновался. Сердце забило в груди, и он, вскочив с места, зашатался и едва не обнял старого человека за его слова о том, что он нужен людям. И подумал: «Вот кто мог бы меня понять. Выложить бы ему все, что на душе накопилось. Даже и про орден этот, которым меня попрекали. . .»

— Что ж, раз я нужен. . . — начал было он, но тут снова задрезжал телефон. Старик, нахмурившись, взял трубку и сердито бросил: — Товарищ, ну зачем вы мне одно и то же

по сто раз напоминаете. Да, я сплю и во сне это вижу, во сне, вы понимаете?

Но человек на другом конце провода, по-видимому, не унимался, и старик проговорил жестко:

— И без того всем несладко. А я всю ночь в пекарне провёл, вот только сейчас в свой кабинет возвратился. И они стараются изо всех сил, но они — люди! Люди! Из мяса и костей. . .

Глаза у него покраснели, уголки губ опустились. . .

— Голубчик, — мягко сказал он неизвестному начальнику, — чем с утра до вечера нас проверять, лучше помогли бы. Ведь на своих двоих везде топаем. И в пекарню, и на мясокомбинат, и на маслозавод. Ступни к вечеру горят, честное слово. . . Что еще? . . . Парень тут у меня. . . Фронтвик. . . — Он снова подмигнул Мейраму. — Да, хороший парень. Боевой. Бросаем его на горпромторг. А в пекарне я снова буду. . .

Телефон утих, и старик пожаловался Мейраму:

— Хлебом никак город не можем обеспечить. Пекарня крохотная, а у нас эвакуированных полным-полно. . .

Очки у него съехали на кончик носа, и только сейчас особенно стало видно, как он устал.

— Все время на ногах. Транспорта, учти, у нас почти нету, — сказал он Мейраму.

Но Мейрам точно ждал этого и ответил с улыбкой:

— Я и сам все вижу, как рубашку на себе. Да и не время сейчас в тарансах разъезжать, правильно?

— Ой, молодец! Все бы такие сознательные были. . .

— Вам девушка чаю принесла, а он остыл, наверное. . . Мне что-то кажется, вы и не завтракали сегодня. Вам подкрепиться надо, — уже смело сказал Мейрам, освоившись в новой обстановке.

— Что чай, бывает и про обед забудешь. Как тебя зовут, иной раз забудешь, — добродушно рассмеялся старик.

— А вы не поддавайтесь старости. Стоит ей поддаться, она мигом вас оседлает. А вам еще далеко до старости, — подбодрил его Мейрам.

— Ого! Веришь, подумать об этом и то времени нет.

— Здорово сказано.

— Что же делать, — вздохнул старик. — Работа. Никто сейчас не прохлаждается, время такое, понимаешь. . . На фронте тяжело, но и здесь не легче. И старики, и женщины, и дети ни днем ни ночью не знают покоя.

Мейрам, заметив в кабинете вчетверо сложенную кошму, подумал: «Наверное, и спит здесь. . . Вот бы поговорить с ним по душам — всю ночь, до самого рассвета. . . Все ему

рассказать, он бы понял... Как знать, может и выдастся когда-нибудь удобный момент...»

— Ничего, не робей, — сказал старик. — За неделю освоишься. Я по тебе вижу, что освоишься.

— Кто знает, — уклончиво ответил Мейрам. — Нежданно-негаданно начальником вдруг стал. А если не справлюсь, вас подведу.

— Бояться не надо. Не то сейчас время, чтобы бояться, — закипятился старик. — Сам ты товарищ молодой, чего робеешь? Иди за дела принимайся... А я тебе верю.

— Коке, — вдруг сказал Мейрам, и сам не понимая, почему вдруг вырвалось у него это слово, — ведь раньше он никого, кроме отца, так ласково не называл. — Коке, я ведь три месяца всего провоевал — ранило. Да так, что вот ногу отняли, комиссовали подчистую... Сколько я бессонных ночей провел, лучше не вспоминать... И досадовал, и горевал, едва не умер с тоски. А приехал — мать исхудала, один скелет, как говорится, остался. Отец-то ведь у нас еще раньше на фронте погиб, вы знаете, наверное...

Старик, перебиравший в это время служебные бумаги, взглянул на него удивленно, не понимая, с чего это вдруг разоткровенничался парень.

— Я не жалуюсь, вы только так меня поймите, — вспыхнул Мейрам. — Я это к тому, что не очень-то я в себе уверен.

— А по мне — включайся быстрее в работу, мой друг, и все будет в порядке, — сказал старик. — Чем могу — помогу. Но и спрашивать с тебя буду строго, на поблажки не надейся.

— Спасибо вам! Спасибо, что за человека меня посчитали и сказали, что я нужен, — поднялся Мейрам. — А поблажки мне не надо, я сам себя жалеть не стану...

— Ну и добро! Желаю тебе удачи!..

Уходя, Мейрам все же задержался на пороге.

— Да, а вы знаете, что мне еще девятнадцати нет? — помявшись, спросил он. — Может, вы думаете, раз фронтовик, так постарше возрастом?

— Голубчик, — устало сказал старик. — У меня у самого сын твоих лет был. Тоже добился отправки на фронт, сам к военкому ходил, сам и разрешение выпросил. Попрошачиться с нами даже не успел — так его быстро отправили. И вот уж год, как «черная бумага» пришла на него...

— Простите меня, я не знал...

— Горе — оно что омут. Поддаваться нельзя ему, затянет... Вот старуха моя... не выдержала этого горя. Что делать — единственный сын он у нас был... Так вот я и остался один. Иной раз и домой с работы идти не хочется —

опустел мой дом. И что ни говори, сынок, а быть среди людей — это большое прибавление силам. От печали, дорогой, к людям нужно идти, надо среди людей быть, не отставать от жизни. Жизнь, она сама тебя подхлестнет — забот у нее хоть отбавляй. Думаю, что это только и поддержит нас, сынок, в нашем горе. . .

— Тысячу благодарностей вам за то, что и мне не дали остаться в стороне от жизни.

— Погоди, у тебя все еще к лучшему обернется, — тихо сказал старик и тут же замахал на Мейрама с притворной строгостью: — Ну иди, иди, работай, некогда мне с тобой ляды точить. . .

С радостью принял Мейрам за дело. Домик его стоял на окраине, и Мейрам спозаранок отправлялся, стуча костылями, в контору Горпромторга, расположенную на центральной улице. Под мышками больно, руки сводит от напряжения — не привык он еще ходить на такие длинные расстояния. А доберется до конторы, сразу же начинается рабочая круговерть, которой нет ни конца ни краю. Бывало, что и до утра приходилось засиживаться.

Бедная старушка стала вздыхать еще пуще прежнего. И про себя, и про свои заботы забыла — а ведь тоже за весь день не присядет. «Хоть бы пообедал вовремя, хоть бы соснул немного», — думала она о Мейраме.

Порой не выдерживала и укоряла его:

— Жеребенок мой, все ты спешишь, все ты спешишь. Что ж от тебя останется? Кожа да кости?

— Апа, ну о чем ты, — мягко обрывал ее Мейрам. — Разве можно сейчас хоть минуту быть спокойным? Да и кто нынче позволит себе сидеть сложа руки?

— Хоть на этом благодарение богу, — бормотала про себя старуха. — За работой и забыл совсем о том, что калекка. О создатель, тысячу и один поклон тебе за это.

Так прошло лето.

Мейрам сменил железные наконечники на костылях — за лето они стерлись, несколько раз подбивал каблук на единственном сапоге:

Осень того года выдалась необыкновенно мягкой — как пенка на молоке. Глянешь на небо, а оно чистое, голубое. И урожай неплохой выдался. Все, вплоть до детей, проводили дни и ночи на сборе и обработке хлопка. Город опустел, лишь прокопченные трубы большого завода на окраине дымили по-прежнему. И каждый раз, когда взгляд Мейрама падал на эти трубы, он думал: «Рабочие тоже, видеть, забыли про сон. . .»

Как обычно, он вышел из дому еще на рассвете: «Как же

сказала Айша?» — вспоминал он подробности вчерашнего разговора с секретаршей начальника управления торговли. «Мне человек нужен. Чтоб я его любила и он меня любил. А если он и ходит на костылях, это не имеет для меня никакого значения».

— Не имеет значения, — громко повторил он, остановившись, и сердце у него забилося.

Но много ли толку от того, что так сказал он, — сомнения снова завладели им. «Жалеет меня, наверняка жалеет, — думал он. — Или издевается, одно из двух. Не может быть, чтоб она меня полюбила... Меня... калеку безногого...»

Он прибавил шагу, как бы сердясь на себя, но мало-помалу успокоился, и сомнения его стали рассеиваться. Встало перед ним чистое, красивое, слегка печальное лицо Айши с припухшими алыми губами, вздернутым носиком, черными как смоль бровями. «А глаза у нее какие, — вспомнил Мейрам. — Карие, глубокие, точно бездна... Эти глаза не обманут...»

«Попробую как-нибудь на людях пройти с нею. Интересно, как это будет выглядеть?» — вдруг озорно и весело подумал он и счастливо рассмеялся, благо улица в этот ранний час была пустынна.

Остановившись передохнуть, он огляделся по сторонам. И снова поразила его мягкая и спокойная красота осеннего пейзажа. Воздух прозрачен, хребты Каратау в отдалении зыбко дрожат, точно стыдятся чего-то, — так смущается невестка, впервые переступающая порог чужого дома. Эхе-хе, мир! Он чувствовал такую легкость на душе, такой подъем, такую радость слияния со всем окружающим, что, наверное, пустился бы вприпрыжку, кабы не проклятые костыли.

И тут заговорил репродуктор:

— Говорит Москва! От Советского информбюро! . .

Чистый отточенный мощный голос Левитана. И показалось Мейраму, что диктор не сообщение делает, а читает строки какой-то прекрасной поэмы: «Наши войска преследуют врага на его же собственной территории. Победоносное наступление набирает силу день ото дня. . .»

У Мейрама снова забилося сердце, и он задохнулся от радости. «Интересно, слышит ли это Айша?» — думал он, и если бы она вдруг появилась перед ним, то, наверное, выложил бы ей все, что у него накопилось в душе. «А что, сказал бы. . . — храбрился он. — Сказал бы: «Айша, как хорошо, что мы встретились с тобой». . .»

Вскоре после того, как он пришел в контору, у него на столе зазвонил телефон.

— Как дела, Мейрамжан? — услышал он голос началь-

ника управления торговли. — Дома все хорошо? Как апа себя чувствует?

— Спасибо, все в порядке.

— Левитана слышал? Вот уж говорит, да? Каждое слово как пуля.

— Точно. Пуля по врагу.

— Слушай, Мейрамжан, надо поговорить. . .

— Я к вам сам через часок забежать собирался, а тут вы позвонили. . .

— Что-то ты веселый сегодня, с чего бы это? — лукаво осведомился старик.

— Не знаю, почему веселый? — смутился Мейрам.

— Ладно уж, ладно. В общем, жду тебя.

Вскоре Мейрам уже стоял в знакомом кабинете.

— Ты на чем приехал? — удивился старик. — Что-то быстро добрался.

— Я пешком пришел.

— Пешком? — Старик с сомнением посмотрел на его костыли. — Крылья, что ли, приобрел?

— Почти что летел. . .

— И я знаю, на каких ты крыльях летел. Ох, не зря, видеть, люди говорят, что ты на нашу Айшу засматриваешься!

— Кто это такое говорит? — покраснел Мейрам.

— У народа, брат, сто ушей и тысяча глаз. Слышал такую поговорку? А красавицы твоей сегодня нет, на хлопке она. Все сегодня на хлопке, вот один только я остался, старый сын, да девчонка из бухгалтерии, Лиза, она документы должна оформить. . .

Мейрам почти не слышал его последних слов, потому что ему разом стало и жарко и холодно. . . Что ты с людьми делаешь? И на самом деле у них тысяча глаз. . .

— Да что смутился-то? — старик удивленно поднял брови. — Девушка она хорошая, принесет счастье любому джигиту, в этом можешь не сомневаться. Как у вас дела-то? Продвинулись? . . — подмигнул он.

— Пока — так. . . Встречаемся, а дальше что будет — кто знает.

— Желаю вам счастья. И не беспокойся. Мне кажется, что она к тебе хорошо относится. Повезло тебе, голубчик.

— Да я сам-то видите каков? Инвалид. . . И на душе, что ни говори, потемки. . .

— Э-э-э, ты давай эдак себя не принимай, мальчик мой. Зачем заранее себя хоронить? Я Айшу хорошо знаю, и она не из таких, которые на костыли смотрят. Ей человек нужен. Понимаешь? И чтоб я больше не слышал таких разговорчиков. А то чуть что — инвалид, инвалид, костыли, костыли, —

И вдруг он отвернулся, прикусив губу. — Эх, если бы мой сын! . . . Пускай на костылях, пускай весь израненный, но вернулся бы! . . . Вернулся! . . .

Плечи у него опустились, сам он стал маленьким, сгорбленным, и Мейрам просто не знал, чем его утешить.

— Что так смотришь? — спросил старик, вытирая слезы. — Небось жалеешь?

— Вы совсем похудели. . . Нельзя столько работать, надорветесь, — участливо сказал Мейрам.

— А кто за меня ее будет делать? — вскипел старик. — Ты уж меня, пожалуйста, не жалея. Я пока еще бойко бегаю. А как будет дальше — время покажет.

— Мучаете вы себя, — вздохнул Мейрам.

— Ладно, хватит на эту тему, — недовольно сказал старик и уже другим, официальным тоном начал: — А дело у меня к тебе такое. . . Вчера инвентаризацию проводили и выяснилось, что у нас на складе ни кусочка красного сатина нету. То есть крохи какие-то имеются, конечно, это считай, что ничего нет. Работы невпроворот, хлопок, то да се, чуть было мы это дело не упустили. Ты представляешь, какой стыд мог быть — в такой великий праздник не найти ткани для флага? Позор. Вот. Я только что говорил с Алма-Атой. Человека у них нет, а если почтой пошлют — опоздает посылка. Такие дела. Что делать будем? Начальник твой на хлопке, отвлекать его нежелательно. Ты как считаешь? . . .

Зазвонил телефон.

— Да! — откликнулся старик. — Звонил, звонил я в Алма-Ату. . . Как там? По-прежнему. . . Нету. . . Мейрам? Он здесь, рядом стоит. Что «почему»? Кто виноват? Ну, считай, что я виноват. Я. Лично я. Да брось ты меня пугать, повешишь или расстреляешь — твоя воля. . .

— Через час, поняли? Я повторяю — через час долбжите. . . — донеслось из телефона.

— Если будет, что докладывать. . .

— Найдете, что докладывать. А не найдете — партбилет на стол, — напористо закончил голос из трубки, и на этом разговор прекратился.

— Всегда он так, — огорчился старик. — Чуть что — сразу же: «Партбилет на стол. . .» Молоденький начальник, а только и умеет, что с утра до вечера кричать да угрожать. Я с ним и так и эдак пытался — ничего не получается. Придется мне, кажется, потолковать с ним в присутствии секретаря, может, тот ему объяснит, что нельзя меня, старого человека, «на золотку» брать. . .

Вконец озадаченный Мейрам не знал, что и посоветовать старику. Действительно, скверно получится, если в день ок-

тябрьского праздника на улицах не будет красных флагов — что это за праздник без флагов? Этого допустить нельзя. Ведь просто невозможно представить себе праздничный город, не расцвеченный кумачом. . .

Он до сих пор помнит, как несколько лет назад был знаменосцем и шел на демонстрацию во главе колонны учащихся техникума.

Возможно, лишь потому и доверили ему знамя, что был он парень рослый, симпатичный, ведь других преимуществ перед товарищами у него не было. Тем не менее он чувствовал себя в тот памятный день героем и еще долго находился под впечатлением праздника.

После демонстрации директор техникума сказал ему:

— Сегодня поддержи знамя у себя дома, а завтра прине- сешь в техникум. — И добавил: — Но помни — это тебе не игрушка. Отвечаешь за знамя головой.

— Зачем вы так?! Не доверяете разве мне? — нахму- рился Мейрам.

— Ну-ну, не горячись, — директор ласково потрепал его по плечу. — Я верю тебе.

Сколько с тех пор прошло дней, сколько, как говорится, воды утекло, но разве забудет он, как гордо шествовал по улицам родного города с красным знаменем в руках? А те- перь вот, в самый канун праздника, случилась такая беда. «И как мы это дело проглядели? Как в глаза людям смо- треть будем? — Он почувствовал, что пот выступил у него на лбу. — А ведь меня позвали в надежде, что я найду ка- кой-нибудь выход из трудного положения. . .»

— Не могу себе представить праздника без флагов, — в унисон его мысли сказал старик. — Опозорились мы с то- бой, дружок, а?

— Самим в Алма-Ату за сатином нужно съездить, — вдруг сказал Мейрам.

— Э-э, думал я и об этом. Некому! — махнул рукой ста- рик.

— Как так некому? — чуть ли не возмутился Мейрам. — Я могу поехать.

Старик, который потянулся было к телефонной трубке, невольно глянул на костыли Мейрама, стоявшие в углу, а потом и на него перевел удивленный взгляд.

— Ты соображаешь, что говоришь? — грубовато сказал он. — Ты думаешь, Алма-Ата на соседней улице находится?

— Знаю я, где Алма-Ата, — сказал Мейрам. — И знаю, что трудно туда попасть, но что делать — другого выхода нет.

Старик молча глядел на него.

«И нечего смотреть на мои костыли», — хотел было добавить Мейрам, но вовремя сдержался — вдруг обидится старый человек.

— А ты джигит! — вдруг сказал старик и раскрыл дверь кабинета. — Лиза! — крикнул он. — Зайди ко мне.

Мигом прибежала рыжая курносая девчонка с тоненькими косичками. Она с любопытством уставилась на Мейрама.

— Принеси нам те бумаги, что ты для Алма-Аты оформила, — приказал старик. — Да ты их, часом, не отослала еще? — вдруг всполошился он.

— Нет, вы же сказали — подождать.

— Тогда давай. . .

Снова зазвонил телефон.

— Я жду вашего звонка, аксакал, — объяснил все тот же голос. — Но вы мне почему-то не звоните. . .

— Только что хотел сообщить вам — вопрос решен. Мы посылаем в Алма-Ату специального человека.

— Успеет?

— Должен успеть.

— Надежный человек? Не подведет?

— Ручаюсь за него, как за самого себя, — серьезно сказал старик.

И неожиданно теплое чувство вдруг завладело Мейрамом. Он вспомнил отца, свой последний разговор с ним. «Любил я, когда ты, еще совсем маленький, бросался мне на шею, ласкался, играл со мной, — тихо говорил отец. — Не хватает мне этой ласки. Ну, ничего, — смеялся он. — Скоро, глядишь, и внуками обзаведемся, а, Мейрам, как ты думаешь? Ведь кончится же когда-нибудь проклятая война, будешь и ты джигитом. . .»

И теперь, сидя в кабинете и поглядывая на старика, Мейрам напряженно думал: «Ну почему, стоит увидеть мне этого человека, как сразу же вспоминаю я отца? И ведь надо же — такой хороший человек, а на старости лет остался один». От этой мысли ему стало больно, но он тут же попытался успокоить себя: «Вот у кого нужно учиться мужеству. Столько у него несчастий и так бодро держится. . . Воистину из железа этот человек».

— Через час на Алма-Ату будет поезд. Тебе нужно во что бы то ни стало попасть на него, — сказал старик. — Домой заскочишь?

— Боюсь, не успею, — сказал Мейрам. — Вы уж сами мать известите. А то волноваться будет, куда, мол, я пропал.

— Хорошо, сделаем. Ну, — старик торжественно встал

из-за стола, — желаю тебе удачи! Быстрой возвращайся, родной. Одна нога, как говорится, здесь, другая. . . Тьфу, — сплюнул он и залился краской смущения, поняв всю неуместность этой поговорки.

Мейрам не выдержал и расхохотался.

— Прости меня, старого, Мейрам, — сокрушенно сказал старик. — Видать, и вправду я из ума выжил — видишь, как опростоволосился. . .

— Да ладно, чего уж там, — утешил его Мейрам.

— Счастливого тебе пути! — вздохнул старик.

Таким и оставил его Мейрам, озадаченным, растерянным. . .

На перроне было шумно и многолюдно. Подали поезд. Народ с нетерпением ринулся к вагонам, увлекая за собой с трудом державшегося на костылях Мейрама.

Мейрам обернулся и увидел позади себя огромного деда в лисьем тымаке. . .

— Эй, аксакал, легче напирай, а то костыли мне поломаешь, — улыбнулся он.

— О, война, ни дна ей, ни крыши, проклятой! — вздохнул аксакал. — Пропади она пропадом, чтобы ни уши, ни глаза не слышали и не видели ее. . .

— Эй, дед, ты что ж парня назад тянешь? — вскричала хриплым голосом какая-то рыжая, с сединой старуха, ухватив Мейрама за руку.

— Чего ты стрекочешь, балаболка, — рассердился аксакал. — Не видишь, так не говори — я его к тамбуру пытаюсь протолкнуть. . .

— Ну, давай тогда на пару пробираться. Ну, еще разок, — подбодрила рыжая старика, и вскоре все они оказались в вагоне.

— Эта рыжая, оказывается, и есть проводница, — сказал старик. — Ишь какая ловкая да сильная, не смотри, что стара. Здорово она нас с тобой из этой толчи вызволила.

— Сообразила, что вы мне помогаете, а сначала раскричалась, — вставил Мейрам.

— Вы что торчите, как гости незваные? — вновь наскочила на них старуха. — Быстрее занимайте места. Здесь через пять минут яблоку негде упасть будет. . .

— Мы ее хвалим, понимаешь, а она опять. . . Ну и язык, кого хочешь отбреет, — буркнул старик, когда они едва отыскивали себе крохотный уголок в конце вагона.

— И на том спасибо, — сказал Мейрам.

— Да, свет мой, не от хорошей жизни люди толкаются. Всем ехать нужно. — Старик снял тымак и платком, кото-

рый вполне мог бы заменить косынку какой-нибудь женщи-
не, утер пот со лба. — Уф! О господи! Легче по мостику
с конский волос пройти, чем на этот поезд сесть.

— Сами же говорите — всем ехать надо, у всех сейчас
заботы. . .

— И то верно. . .

Положив тымак на ковровый курджун¹ рядом с со-
бой, старик сунул руку в нагрудный карман и извлек оттуда
казахскую шитую из черного бархата тюбетейку.

— Неудобно среди людей простоволосому сидеть, — по-
яснил он. — Сколько лет на дне сундука валялась, я ее и за-
хватил на всякий случай.

— А она вам идет! Вы в ней прямо помолодели! — по-
хвалил тюбетейку Мейрам.

Довольный старик важно откинулся.

А Мейрам, углядев торчащую из его курджуна камчу,
поинтересовался:

— А камча вам зачем? Мы ведь в город едем?

Старик сердито насупился.

— Чего допрашиваешь? Камчи, что ли, никогда не ви-
дел? . . . Своя ноша не тянет.

— Да я так, к слову, — Мейрам почувствовал нелов-
кость. — У вас в ауле скакун есть?

— Какой скакун? Время ли сейчас скакуна держать?
Как началась война, я своего гнедого в колхоз сдал. Теперь
у арбакешей он, — сухо ответил старик. Зачем, дескать, в
душу лезешь, разве сам не понимаешь? . . .

В вагон хлынула новая группа пассажиров с мешками,
чемоданами, узлами. Толкают один другого, выскивают
свободное местечко, лезут вперед.

— Как бы нас тут не затоптали, сынок, — проворчал ста-
рик. Вытянув из курджуна камчу, сказал, чуть ли не оправ-
дываясь: — Привык, не хочу ее бросать. Лежит она, окаян-
ная, в курджуне — все на душе легче.

— Мастерская рука сделала ее, — Мейрам мечтательно
оглядел камчу.

— Ай, свет мой, не тем интересуешься. Время ль сейчас
о камче да о скакунах думать, — напал на него старик.

Пассажиры постепенно разместились, шум стих, и разве
что вздохи да охи слышались еще кое-где.

Хлопнула дверь, и в вагон вошла рыжая старуха. Уперев
руки в бока, она ахнула:

— Народу-то, народу! . . .

¹ Перекидная сумка.

— Как сельдей в бочке, — сострил кто-то.
— Хорошо, хоть сели. . .
— Дай бог доехать благополучно. . .
— Со вчерашнего дня ждали. . . все глаза проглядели. . .
— Ладно, сели и слава богу! — сказала старуха и, опрокинув кверху дном ведро для мусора, плюхнулась на него. — Ноги проклятые не держат, — пожаловалась она.

— А как же — легко, что ли? Попробуй побегай в такие-то годы, — поддержал ее кто-то из пассажиров.

— Эх, какие наши годы! — Старуха тут же проворно поднялась и, взяв в руки флажок, грузно протопала в тамбур.

Поезд тронулся. Старик вдруг спросил Мейрама:

— Долго в госпитале лежал?

— Да месяца три. Весной вернулся. . .

— Эх, жизнь, — вздохнул старик. — Бегут дни, бегут. . . Давно ли ты здоровый был, а вот видишь, как все обернулось. . .

— А я у вас хочу спросить, уж больно мне интересно, — сказал Мейрам, нарочно меня неприятную для него тему разговора. — Вам сколько лет? Сразу и не определишь, трудно. . .

— Ой, нашел, чем интересоваться! Что проку спрашивать у старика, сколько ему лет. Вот борода седая, вот усы, они сами говорят, сколько мне лет. Есть пословица: «В шестьдесят караван начинает обратный путь».

— И все-таки сколько? — настаивал Мейрам. — Руки у вас сильные, я это почувствовал, когда вы мне в вагон помогали подняться. . .

— Мой караван уже давно обратно повернул, — усмехнулся старик. — Теперь молю бога, чтоб еще мне годков отпустил. . . Хотя мы что? . . Мы свою жизнь прожили, вам бы жизни поболе. . .

— Значит, из крепкой вы породы, раз такая бодрая старость у вас, а? — заметил Мейрам, желая польстить старику.

— Э-э, милый, в пору, когда сыновья на фронте и людская кровь льется, когда вас видишь. . . таких израиенных, не в радость долгие годы. Уж лучше в земле сырой лежать. . . — горько ответил тот, и Мейрам смешался.

«Так мне и надо, чего полез с вопросами? — раздосадованно подумал он. — Зачем про крепкую породу да бодрую старость заговорил? Подумает еще аксакал, что я над ним насмешки строю. . .»

— Добро, — произнес вдруг старик и вздохнул.

Мейрам все еще испытывал неловкость. «Надо слова

подбирать. Неловким словом недолго и больное место разбередить. А вообще-то беспокойно старику, это сразу видно», — заключил он.

После некоторого молчания старик повторил:

— Добро!.. Удачной дороги тебе, сынок! Куда путь держишь?

— В Алма-Ату. — Мейрам обрадовался, что возникшая было неловкость исчезла.

— Тогда, значит, до самого конца мы с тобой попутчиками будем, — подытожил аксакал.

Поезд набрал скорость. Пассажиры дремали, некоторые из них то и дело просыпались испуганно — некрепок сон в духоте. Молодая женщина кормила грудью ребенка, лицо ее поразило Мейрама своей неестественной бледностью. Длинные густые ресницы ее слипались, когда она смыкала глаза от усталости, ребенок сладко причмокивал, и от этого звука у юноши щемило сердце.

— Душно-то как! — сказал Мейрам и, приподнявшись, открыл окно.

— Ничего себе ветер! — поежился старик. — Ночью, видать, заморозок будет.

Мейрам поднялся снова и хотел было закрыть окно, но старик потянул его за длинную полу шинели.

— Оставь так, пусть всему вагону воздух свежий будет.

— Я боюсь, вы простудитесь... это худо, в дороге простудиться...

— О, свет мой, о болезнях ли мне думать сейчас? Прошло то время, когда мы, старики, про «охи» думали... — И, подобрав под себя полы халата, попросил: — Вот если б чайку горячего достать... Я как утром с арбакешем выехал, ничего еще во рту не держал...

— Сейчас, — сказал Мейрам и, опираясь на вагонные полки, ловко запрыгал к служебному купе.

Возвратился он с полной фляжкой.

— Не очень, правда, горячая, — сказал он смущенно. — Старуха ругается, говорит — нету сил по десять раз на день титан топить. И заварки, говорит, у меня нету.

— Никогда мне не везет, — огорчился старик. — Какой прок от теплой воды? Хоть бы кипяток был...

Мейрам поерзал на месте, но так ничего и не придумал. «Интересно, по какому делу он едет? Не похоже, что провертеться выехал. Что за старик, ровно дитя какое. То говорит без умолку, а то замкнется и молчит...»

— Сын у меня в больнице, — сказал старик после длительной паузы. — С фронта еле живой вернулся, одни мощи. Дома вроде бы полегчало ему, да вот беда — старая рана

открылась. Что теперь будет — один аллах знает. Второй месяц уже в алма-атинском госпитале лежит. . .

— Рана, говорите?

— Пуля в живот попала. Сколько операций ему, бедному, делали, а все на поправку не идет. Или лечат не так, или что другое, но в общем — ничего хорошего, не поправляется.

Густые брови старика сдвинулись.

— В ауле работы по горло, людей не хватает. Но сам видишь — не от хорошей жизни катаюсь. Что делать? Старуха ревет ночами, а письмам его не верит. У нас их трое было, один он остался, а те двое. . . погибли. . . Трудно, сынок, трудно. Председатель и тот говорит: «Поезжайте, мол, обязательно нужно съездить». Вот я и выехал. В живых бы хоть сына застать, — невольно вырвалось у него.

Противоречивые чувства охватили Мейрама. Утешить старика, но как? Или, наоборот, сказать ему, чтоб не обманывал себя пустыми надеждами, что нет проку от слез и уж кому написано на роду, так и будет. . . Но разве выговоришь такое?

— Ваш сын женат? — спросил он.

Старик вздрогнул.

— А зачем тебе это?

— Так спросил. . . просто, — растерялся Мейрам.

— Ушла она от него. К родственникам уехала, — сказал старик, не глядя на него.

— Почему? Как она могла? — рассердился Мейрам.

Старик с легким «уф» подался вперед, снова подоткнул полы шекпена¹, надел тымак и замолчал.

А перед глазами Мейрама встала Айша. Все с той же своей ласковой улыбкой. И как будто бы спрашивает Айша: «Отчего ты нахмурился, мой Мейрам?» — «Как же мне не хмуриться, Айша? — мысленно отвечал ей Мейрам. — Вот старик говорит, что невестка его к родственникам уехала. А сын в госпитале, раненый с фронта вернулся. Как же она могла бросить его? Когда, значит, здоровый был, миловались-ласкались, а чуть с человеком беда — наутек? Как же так можно? Откуда в ней такое? Где преданность ее, преданность любящей жены, друга? Айша, может быть, и ты завтра от меня отвернешься?..» Мейрам содрогнулся и твердо решил: «Не прощу. Никогда бы не простил. Ноги у меня нет, зато совесть чиста».

— Вот так. Взяла и уехала, — продолжил старик, снова сняв тымак. — Я ее, бедняжку, и не ругаю, и не хвалю. . . Греха на ней нет, до самого возвращения она его ждала. Но

¹ Халат.

как только вернулся он, все у них разладилось. Мы со старухой пытались вмешаться, да куда там! Если кувшин разбился, разве его склешь?

— А дети есть у них? — спросил Мейрам.

— Мальчик. Девять лет. У нас он, озорник! Что и говорить, наша опора, наша надежда.

— Лучше б и не ждала! — бросил Мейрам.

— Э-э, сынок, жизнь хитрая штука, разве можно так сплеча рубить, — грустно отозвался старик.

Как ни старался Мейрам держать себя в руках, но сомнения вновь проснулись в нем и невозможно было их отогнать. «Вот-вот, ты, понимаешь, инвалид, калека без одной ноги, а тянешься без зазрения совести к прекрасной козочке Айше, — корил он самого себя. — А может, жалеет меня Айша?.. Не надо мне ее жалости! Не буду вымаливать у нее любовь, пусть отвернется — все равно молить не стану! Нашла калеку — пусть не думает, я с протянутой рукой стоять не буду!..»

Последнее он, видно, произнес вслух, потому что старик вздрогнул. Или это только показалось Мейраму? Во всяком случае старик сказал:

— Что-то притих ты?..

— Да вспомнилось кое-что... Так, само по себе, — туманно пояснил Мейрам.

— Все мы сейчас на виду, точно в форме стеклянной, — сказал вдруг старик, задавая неожиданный тон разговору. — Не можем скрыть ни хорошего, ни плохого. И слава богу, что хорошего в нас ой как много! Но есть ведь и плохое, и не надо его держать в себе. Не стоит оно ни гроша, свет мой. Все беды от него, от того, что держишь его в себе, плохое. Что уж говорить — многое я видел...

— Вы правы, — медленно проговорил Мейрам, обдумывая мысль старика. — Нынешние трудные времена действительно... поставили перед каждым из нас зеркальную стену. В ней мы все и отражаемся.

— А невестку я не виню. Понимаешь, может, она и неправильно поступила, но моя старуха мне рассказывала... — начал он, но закончить не успел, потому что на пороге появилась рыжая проводница.

— Эй, дед, куртом¹, что у тебя в курджуне, угостишь или нет? Что-то кисленького охота, так что выкладывай, не зажимай курт, старый скупердяй! — зашумела она.

— Ни дна тебе, ни покрывки, ты тише говорить не мо-

¹ Сухой овечий творог.

жешь? — рассердился старик. — Или, думаешь, я совсем глухой?

— Ты, я слышала, теплой водой брезговал, так у меня чай кипит, — сказала проводница, чуть понизив голос.

— Завари хорошенько, — наказал старик.

— Ишь подсказчик нашелся! Дожила до седых волос — никто еще не попрекнул, что чай заваривать не умею! — надулась проводница и ушла, изображая обиду.

Старик, беззвучно хохоча, откинулся назад. Бархатная тюбетейка сползла на затылок, пуговицы на плюсовой жакетке расстегнулись, он возбужденно пристукивал каблукми сапог. «Что за непоследовательность такая? — раздраженно подумал Мейрам. — И почему он не закончил недавний печальный разговор? Что это с ним? Забыл, о чем говорил? Так скоро? И это седоголовый такое выделяет, что смотреть противно!»

А старик возьми да и скажи в такой момент, когда Мейрам и без того уже поглядывал на него неприязненно:

— Вот хорошо, что я с этой старухой рыжей встретился, чайку сейчас напьемся. . .

— Куда спешите, куда чай ваш подевается? — сердито бросил Мейрам и тут же отчаянно покраснел. И все же спросил, что его интересовало: — А может, невестка ваша не зря ушла?

Старик, как бы не замечая его смятения, задумался:

— Как знать, как знать. . . Ни сын, ни невестка ни в чем нас со старухой упрекнуть не могут. Сами не смогли договориться, и мало проку от наших вздохов или советов! Что же делать? Таково, видать, повеление свыше. . .

— Да я это так, к слову. Вы не принимайте близко к сердцу, — неловко оправдывался Мейрам. «Получилось, что я вновь разбередил его старую рану, которая только что начала затягиваться», — подумал он и замолчал, съежился, будто навалили на него непомерную гору тяжести.

— Старуха моя так рассказывала, — продолжил старик после длительного молчания. — Сын когда приехал, так в ту же самую ночь они себе постелили раздельно. От бога не скрывал и от тебя скрывать не стану — жизнь мы со старухой прожили, а такого случая не помню, чтоб мы с ней порознь спали. Ну а они молодые и отдельно спать легли — значит, разладилось у них что-то, правильно?

Что сказать Мейраму? Поерзал-поерзал на месте, да и все.

Но старик, казалось, и не ждал ответа.

— Что же делать? — снова повторил он. — Худо дело! Даже сам председатель колхоза за нас переживал. Рабочих

рук и так не хватает, а тут невестка ушла — легко ли? . . . И все же отпустил меня, сам приказал: «Поезжай к сыну, может, все еще и образуется. . .» Ойпыр-ай, ты, может, мне не поверишь, но это чистая правда, знаешь, какая невестка у нас работящая была? Да в ее руках всякое дело спорилось. Первой работницей в колхозе была, сколько раз ее на доске Почета отмечали, премии давали. . . Э-эх, как я досадовал — сказать трудно, это я про сына своего. Даже побить его хотел — да что там, рука не поднимается, все же дитя родное. Да к тому же и на ногах он еле-еле держится после ранения. Ой-ой! Говорить — всего не перескажешь. Болит сердце, болит за них, окаянных. . . И не дай бог никакому мужику такой славы, что, мол, баба его бросила. . .

— Чай остыл давно, ты чего разболтался там? — закричала рыжая проводница по своему обыкновению на весь вагон. — Иди сюда скорее. Или министром стал, подавать себе прикажешь?

Старик улыбнулся.

— Права на меня заимела рыжая, что ли? Гляди, как шумит, точно на мужа своего.

— Идемте и правда польем, — сказал Мейрам. — Дорога дальняя, выпьем чашечку-другую, все, глядишь, ехать веселее будет.

— И правда, пока эта старушенция в настроении, нам надо вдосталь напиться, — сказал старик. — А то характер у нее, видать, строптивый. Опять потом не пустит к себе. Но уж я тебе доскажу, раз начал. Так вот. А дело все в том, что сын-то мой, шенок, сдуру взял да и наветам чужим поверил. Сплетням, что она, дескать, того-сего, пока он там на фронте был. . . Ну не дурак ли? Ведь сейчас время такое, что все на виду — и хорошее, и плохое, — ничего подобного невестка даже в мыслях не держала. Он, наверное, ее обругал, а какая же честная женщина выдержит, если на нее напраслину возводят?

— Эх, укоротить бы язычки таким злопыхателям! — разозлился Мейрам. — Слышал я о таких, и мне на фронте один парень рассказывал, что, мол, пишет ему «доброжелатель» — дескать, жена твоя делает то-то и то-то. И не советую, не противно людям? Эх, попался бы мне в руки такой «доброжелатель», я б от него живого места не оставил! . . .

— Уф! — выдохнул старик. — Жалко, что и говорить, жалко невестку. Недолго она с нами прожила, но ведь, слава богу, всем взяла. И о нас заботилась, а так с ней все нехорошо получилось, стоит вспомнить, и сердце кровью обливается. . .

— Вернетесь домой — забирайте ее от родственников без всяких слов. А сыну серьезное внушение сделайте, скажите ему, сколько семей война разрушила, так зачем самому у себя счастье красть? Пусть не дурит, так ему и скажите. . .

— Только бы поправился он, — вздохнул старик. — А тогда уж что-нибудь придумаем, обязательно. . .

— Поправится, не волнуйтесь, — уверенно сказал Мейрам.

— Тебе все легко кажется. Ты человек военный, — усмехнулся старик. — А мы уж до того намыкались, что и не верится.

Пройдя в крохотное купе проводницы, они уселись пить чай.

Любознательная старуха тут же стала допытываться у них, кто-де такие, да куда едут, да откуда, да зачем.

Старик рассказал о себе.

— Да, — вздохнула проводница, выслушав его. — Кому охота сейчас по городам да по больницам разъезжать? Но раз уж выпало такое несчастье, нужно его терпеть до конца. И держать себя в руках, стать каменно твердым! нужно. . .

При этих словах она слегка всплакнула, а потом продолжила:

— Старик мой еще до войны от туберкулеза умер, а два сына на фронте погибли. Сам видишь — трудно сейчас найти такого человека, у которого горя нету.

— Хорошо хоть, что работу не оставляешь. А то б разве усидела одна в доме? — заметил старик.

— Я от работы никогда не отлынивала, — твердо произнесла старуха.

— И правильно делала. Да и кто сейчас себя жалеет? Все про болезни забыли. . .

Мейрам разволновался. Разволновался и обрадовался. Очень нравилось ему, что совершенно незнакомые старик со старухой стараются поддержать и подбодрить друг друга. Он вспомнил и свою мать, которая дни и ночи крутила тяжелую ручную мельницу. С рассветом, наполнив торбу мукой, она направлялась в детский сад, куда сдавала муку. И так — каждый день. А когда заканчивалось зерно и она оставалась без работы, то, бывало, всю ночь не заснет бедняжка. Все вздыхает да ворочается на постели. . . И днем ходит хмурая, неприветливая. А все почему? Да потому, что если не сделает чего-нибудь для общего дела, то сразу же и неловко ей, и неприятно.

Мейрам подбирал слова: «Без вас ведь нам и жизни нет!» Так что не старейте, не уставайте, добрые вы старейте!

люди. . .» Но пока он намеревался это сказать, старуха опередила его:

— Удачной дороги тебе, сынок. . . В Алма-Ату-то зачем едешь? К жене или по делу?

— Праздники скоро, а у нас в городе материалу необходимого нет, — поспешил объяснить Мейрам. — Вот меня и послали, быстро нужно съездить, дело у меня срочное. . .

— Кто, думаешь, медлит нынче, сынок? Вон и паровоз, сам видишь, надрывается, пыхтит, чтобы успеть.

— Ему сатин для флагов нужно привести, — пояснил старик. — Праздник-то на носу, так что как же ему не торопиться?

Старуха долго глядела на костыли Мейрама, а потом неожиданно спросила:

— Жена-то у тебя хорошая? Молодая, поди? А детей у вас сколько?

Мейрам поначалу даже оскорбился. «Вечно эти старые люди лезут куда не надо», — подумал он. И тем не менее, не желая открываться, бросил двусмысленно:

— Пока что некогда этим заниматься.

— Будут еще, — примирительно заметил старик.

— Странно! — старуха звучно шлепнула губами. — Разве плохо отцом стать в свое время? Зачем бежишь от этого? Старость наступит, что делать будешь?

— Так мне же пока еще и девятнадцать нет, — возразил Мейрам, удивленный ее мрачными словами.

— Как? Сколько ты сказал? Девятнадцать? — тут же вскинулась старуха. — А я-то тебе все тридцать дала, старая грешница, потому и удивляюсь. Ой, надо же, грех-то какой!

— Да я уж привык, что мне на добрый десяток больше дают, — грустно отозвался Мейрам и почувствовал, как горечь заполнила его душу, и пусто, холодно стало у него на сердце.

Он вспомнил, что и Айша временами останавливала на нем пристальный, озабоченный непонятной думой взгляд. Вспомнил, как смущенно улыбалась она, когда он перехватывал этот ее странный взгляд. «Замучила меня девушка своими загадками. Приеду — поговорю с ней начистоту. Да и, по совести сказать, давно это нужно было сделать. . .»

Рыжая старуха, оказавшаяся из-за своего языка в такой неловкой ситуации, встала.

— Не обращай внимания, сынок, на то, что иной раз сболтнут старые, умом тронутые от горя, — сказала она и вышла.

— Бедняжка, — старик поглядел ей вслед. — Думаешь,

сладко ей? Доброй души она человек, привыкла все напрямую резать, вот и высказалась невзначай в твой адрес. Да видишь, как опростоволосилась. . .

— Я не женат, — вдруг вырвалось у Мейрама. — Я жениться только собираюсь. И чего уж скрывать — мне порой и самому мое намерение кажется сомнительным.

— Намерение если есть, ничего, рискни. Когда-то мы со старухой, не зная друг друга, соединились. . . И слава богу, вот уже сорок лет живем. . . Не хуже других. . .

— Мне ли рисковать? Сами видите, без ноги я. . .

Старик, отряхнув полы шекпена, сказал:

— Ты костылями своими не тряси, сынок. Человеку человек важен, а не костыли. Если человек она, то будет у вас семья. Как все, жить будете. . .

Рыжая старуха, стоявшая неподалеку, слышала все. И конечно же не удержалась.

— И чего ты робеешь? — певуче сказала она. — С войны вернулся, а робеет. На войне-то небось не робел? И разве ты виноват, что с тобой такое несчастье случилось?

— Не хочу я ни для кого обузой быть. Уж лучше один свои дни коротать буду. . .

— Зря ты так, — опечалилась старуха. — Разве может человек один прожить? Хотя есть теперь и такие молодые люди — женихаются, так от любви друг к другу сгорают, а поженятся — на другой день ссориться начинают. Так что, может быть, и правильно, что ты с бухты-барахты жениться не хочешь. Ты сначала узнай ее, а потом и рискни. Домом своим заживете — глядишь, и образуется все. А то, что ты калека, это ты из головы выкинь. Гляди, какой статный да красивый. . . Эх, скинуть бы мне годочков тридцать — сорок, а? Как ты, дед, думаешь? — повернула она к старику смеющееся лицо.

— Ладно уж, разбалаболилась, — старик почему-то остался недоволен поведением проводницы, а она продолжала:

— По совести сказать, и раздумывать долго нечего, женись, да и все! Правильно тебе дед сказал. И мы с покойным моим мужем только на свадьбе встретились. Всякое, конечно, было, но тридцать лет душа в душу прожили, а это срок немалый. . .

— Да уж, с твоим характером и в самом деле немалый, — не удержавшись, съязвил старик.

— А ты откуда знаешь мой характер? — подбоченилась проводница.

Мейрам тихо вышел из закутка проводницы и отправился на свое место. Он был искренне тронут заботливыми

словами стариков, и ему казалось, что теперь он знает, как жить дальше.

Смеркалось. В вагоне было почти темно, и пассажиры, намаявшись за день, дремали. Молодуха, обняв ребенка, прилегла, отвернувшись лицом к стенке. Мейрам тоже было решил соснуть, но вдруг услышал жесткий голос проводницы:

— Ты что, до утра здесь сиднем сидеть собрался да мне нравочения читать? А ну ступай! Я не хочу, чтоб бригадир мне выговор сделал за то, что у меня в служебке посторонние. . .

Спотыкаясь об узлы, старик кое-как пробрался к своему месту.

— Ну и бой-баба! — сказал он, отдуваясь. — Прогнала, и никаких!

— Не поладили, значит? — улыбнувшись, сказал Мейрам.

Старик ничего не ответил и, отвернувшись, сплюнул через окно. Он явно испытывал смущение.

Вскоре зажгли свет, но освещение было слабое, зыбкое, и все кругом мерцало, кружилось в мутном мареве — за два шага от себя ничего не увидишь.

Тяжело ступая, к ним снова подошла рыжая старуха и присела рядом со стариком. Тот невозмутимо глядел в темное окно.

— Приколотили тебя, что ли, к месту? — возмутилась проводница. — Подвинься. . .

— А что, в купе, откуда ты меня выгнала, наводнение, что ли? — осерчал старик.

— Ладно тебе. Ты что, шуток не понимаешь? Ну и старики нынче пошли.

— Какой я никакой, а терпеть не могу, когда меня гонят. . . Я, когда рассержусь, сам не знаю, что сделать могу.

— Да брось ты, хвастун несчастный, — поддела его старуха.

Старик насупился.

— Что она сказала? — обратился он к Мейраму.

Мейрам едва удерживался от смеха, слушая их перепалку.

— Она говорит, что никогда не видела подобных хвастунов, что, дескать, вам не осталось больше ничего, как хвастать, — пряча улыбку, сказал он.

— Ну, без ножа зарезала! — воскликнул старик. — Ты, рыжая, не шути, а то выведешь меня из себя — мигом в наш аул тебя увезу. А уж со своей старухой как-нибудь объяснюсь. . .

— Ладно уж, ты, видать, и взаправду обиделся, — вздохнула проводница. — Порой и любая шутка хороша, когда грусть-тоску разогнать хочется. . .

— У нас говорят: «Коли шутка хороша, так шути и с самим дьяволом», — согласился старик. — Так что. . . вовсе я и не рассердился. У нас ведь это так, милая перебранка, правда ведь?

— Ну вот, наконец-то вроде бы договорились, — подытожила старуха. — Да, худо на старости лет одному оставаться! Худо! Не дай бог никому, — обратилась она к Мейраму.

Тот молчал, с состраданием глядя на нее.

. . . Поезд прибыл в Алма-Ату глубокой ночью, и Мейрам со стариком стали пробираться к выходу.

— Куда вы? — остановила их проводница. — На улице темень, хоть глаз выколи. Ночуйте здесь, в вагоне, пассажиры сейчас уйдут, а я уж как-нибудь отболтаюсь перед бригадиром, случись что.

— Да отблагодарит тебя господь за заботу, — растрогался старик. — Но я в госпиталь поспешу. Авось днем раньше сыночка своего увижу.

— И мне идти нужно. Спасибо вам. Мы еще обязательно встретимся, — отказался и Мейрам, не желая обременять старуху.

— Ну, тогда до встречи! — сказала проводница и проследилась. Затем, повернувшись к старику, добавила: — А сыну привет передай. Скажи, что неизвестная ему старуха велела поправляться скорей. А то джигит, понимаешь, молодой, сильный, сбросил бы к чертям эту болезнь — и точка.

— Ладно, скажу, — пообещал старик.

— А если у него дела на поправку пошли, то забирай его к себе в аул, — настаивала старуха. — Нечего ему по госпиталям валяться. Провались они, эти больницы, там здоровый расхворается. . .

— Будет хорош, так и действительно заберу, — решил старик.

— А что ж ему хорошим-то не быть? — удивилась старуха. — Он в таком аду побывал, так неужели на родной земле болезнь батыра одолеет?

— Маслица б тебе на уста! Добрая ты! — просиял старик. — Ну, до свидания. . . — И, нахлобучив на голову тымак, взяв под мышку курджун, наказал на прощанье: — И ты особенно не переживай. Найди себе какого-нибудь хорошего старичка, глядишь, все тебе веселее будет. . .

— Да пропади он пропадом, твой хороший старичок! — вдруг огрызнулась старуха. — Стану я на старости лет кальсоны ему стирать! Нет уж, мне таких советов не надо. . .

— Тыфу, глупая! — рассердился старик. — Ведь друг дружке опорой будете. Сама же говорила, что трудно одной. . .

— Слушай, ты перестанешь мне нравоучения читать? — вскипела старуха. — Не хочешь ночевать, так и ступай, делай свои дела. — И, не попрощавшись, ушла в вагон.

— Вы не сердитесь на нее. Это она от одиночества такая, — мягко сказал Мейрам.

— Да я и не сержусь, я понимаю, — вздохнул старик. — Но уж больно. . . языкастая, — не удержавшись, добавил он.

Они шли ощупью, так было темно на улицах осеннего города. Кто-то сказал им в темноте, отвечая на распросы:

— Идите вдоль этого арыка прямо-прямо. На повороте первый высокий дом — госпиталь.

Сказать-то сказали, а высокого дома все не было и не было. Как ни вглядывались путники в темь, ничего, кроме обыкновенных строений, не видели.

Костыли Мейрама глухо стучали по мостовой, а старик весь изошел нетерпением.

— Вот так всегда, — сказал он. — Ночью любое расстояние длинным кажется. Не заплутаться бы нам?

— Не бойтесь, я с вами, — сказал Мейрам.

С того момента, как они покинули вокзал, его точила мысль, что он теряет со стариком драгоценное время. «Но вряд ли я среди ночи заведующего базой найду, — размышлял он. — А этому бедняге моя поддержка сейчас ой как нужна! Утром, даст бог, быстро сделаю дела, авось и на полуденный поезд успею. . .»

Старик едва передвигал ноги, точно это не он, а его призрак искал дорогу к госпиталю. И перед его глазами маячила страшная картина — бледный джигит на койке. . . не в силах от слабости даже раскрыть глаза. «Оборони бог! — думал старик. — Неужто и взаправду это меня ждет?»

Они долго колотили в закрытые ворота госпиталя, пока наконец с той стороны не раздался голос:

— Эй, кто там среди ночи ломится?

Мейрам пустился было в объяснения, но его и слушать не стали.

— Ночью нельзя. Утром приходите.

— Ну какой ты непонятливый! — рассердился Мейрам. — Мы с поезда пешком шли. Старик здесь. Все кругом закрыто. . .

— Нельзя, — повторил голос.

— Издалека мы, войди ты в наше положение: . . .

По-разному пытался уговорить Мейрам невидимого ему

привратника — и просил, и умолял, даже вознаграждение сулил, но тот был неумолим, и им со стариком пришлось остаться ни с чем.

Старик во время этих переговоров не проронил ни единого слова.

Они разыскали Дом колхозника, и, к счастью, для них нашлись там две свободные койки.

Тучи рассеялись, на небе неожиданно выглянул ясный месяц. И сразу же стало светло как днем в маленьком дворике при гостинице. Серебристые тополя роняли листву, от них исходило слабое свечение. С гор подувал холодный ветер.

— Рано в этих краях осень начинается, — заметил старик.

— Горы, одно слово. . .

На койке в дальнем углу залиvisto храпел какой-то толстяк с громадным, точно у беременной женщины, животом. Такого мощного храпа Мейрам в жизни не слышал: и посвисты, и стон, и хрипы — мочи нет!

— Представляю, каково живет его домашним, — сказал старик.

— Здесь и не заснешь, наверное, — отозвался Мейрам. — Пропади все пропадом!

Какой-то ражий детина выскочил из постели и, подойдя к толстяку, перевернул его. Храпящий на секунду утих, но тут же следом послышалось его бормотанье. Бредил он, что ли: «Десять мешков! Хоть умри, а достань десять мешков! Десять мешков!»

— Артист! Все может! Жалко, что такой талант пропадает! — плюнул детина и закрылся одеялом с головой.

Только они задремали, как в комнату ввалилась подвыпившая компания. Эти такой шум подняли, что недавний храп показался Мейраму тихим шорохом: то анекдоты взялись рассказывать, то друг дружку высмеивали, короче — всю ночь колобродили.

. . . Мейрам проснулся утром совершенно разбитый и, увидев старика, суетящегося в дальнем углу двора, пожалел его. «Привык, бедный, дома омовение совершать с кувшином в руках, а тут. . . Намучился, конечно, старикан. . .»

— Здесь и по нужде не сходишь, как надо, — пожаловался ему старик. — Курятники везде. Не повернешься.

Вскоре они подошли к воротам госпиталя.

— Ну, я пошел. А ты своим делом занимайся, — сказал старик и добавил: — Спасибо тебе за все, сынок!

— За что вы благодарите меня? — смутился Мейрам. —

Я, если быстро с делами справлюсь, попозже загляну, а если не выйдет — уж не обессудьте. Вы знаете, что я сюда не гулять приехал.

— Кто ж с этим спорит? Дай тебе бог удачи! Хороший ты человек! — расчувствовался старик на прощанье.

Мейрам довольно быстро нашел нужную ему торговую базу.

— Это плохо, что у вас не оказалось к празднику красного сатина, — сурово сказала заведующая базой, полная высокая женщина, которая, казалось, едва умещается в своем крохотном кабинете. — Беспечность, вот как это называется. . .

У Мейрама сжалось сердце. Неужели не поможет? Но женщина уже крутила диск телефонного аппарата.

— Надо! . . . А я вам говорю — обязательно нужно это сделать, — тоном, не допускающим возражений, громко говорила она. А затем повернулась к Мейраму: — Договорилась. Он тебе поможет. Я тебе запишу адрес, куда нужно ехать, имя его и фамилию. А там у входа стоит моя арба. Скажешь арбакешу, чтоб доставил тебя по этому адресу.

— Большое вам спасибо, апа!

— Не за что. А начальству своему так и передай — больше я их выручать не стану. Загодя нужно о таких вещах думать!

— Хорошо, апа. Будьте здоровы, апа. Спасибо, апа! — весело крикнул Мейрам.

Его всего аж распирало от счастья. И на складе его не задержали. Как по мановению волшебной палочки, оказались перед ним две увесистые штуки ярко-красного сатина, которые он с трудом сумел втиснуть в два мешка и, поблагодарив заведующего складом, толстого сонного человека, велел арбакешу ехать на вокзал.

Но по дороге вспомнил, что поезд на Аккент идет значительно позже, и решил проведать старика.

— Друг, подвези меня до госпиталя, — попросил он арбакеша.

— Не полагается, — коротко ответил арбакеш. — Мне велели тебя на склад и на вокзал доставить. Про госпиталь мне ничего не говорили.

— Дорогой, не обижайся, но мне очень надо. Если б не мой груз, разве я просил бы тебя? А коли устал, подожди меня здесь, я сам на твоей арбе сгоняю.

— Ничего подобного. Не хочешь ехать на вокзал — слазь с телеги, и делу конец. Ты что, думаешь, на фронте был, так и мной командовать можешь?

— Агатай, минуточку терпения. Ведь это рядом. Заедем, и напрямиком на вокзал!

— Кончай шалтай-болтай! Я же сказал тебе, какие у нас порядки! — Арбакеш рассердился и взмахнул камчой.

Мейрам затрясся в гневе.

— А ну, поехали тогда назад! — вскричал он. — Я сам спрошу у твоей начальницы, какие у вас тут порядки, и расскажу ей, как ты со мной разговариваешь. Я, понимаешь, на костылях к вам из Аккента добрался, а ты пять метров на телеге ленишься проехать! . . .

Арбакеш, препиравшийся с ним, в замешательстве залопал глазами.

— Чу-у! — Мейрам потянул вожжи, и гнедой рванул с места.

— Не надо! Не надо! — вдруг взмолился арбакеш. — Не надо ехать к начальнице.

— Это почему еще? — Мейрам остановил арбу.

— Съест она меня со всеми потрохами, — сказал арбакеш. — Она знаешь какая у нас строгая! . . .

Он живо повернул телегу к госпиталю.

— Это брат, такая баба, ни дна ей, ни покрышки, — бурчал он. — Обязательно мне будет от нее за тебя выволочка. Она фронтовиков уважает.

— А если ты это знаешь, так чего ж на рожон лезешь?

— Ладно, приятель! Я ж тебя везу, хоть и не подобаает мне от тебя, мальчишки, приказы выслушивать! . . . — надулся арбакеш.

Он нахлестывал гнедого, и тот споро рысил по мостовой. Мейраму с руки была спешка возницы. Скорей добраться до госпиталя, скорей возвратиться на вокзал, сесть в поезд, и вот он, Аккент!

— Приехали, вот твой госпиталь, — сказал арбакеш.

— Не сердитесь на меня, — сказал Мейрам. — И если что лишнее сказал — простите меня! . . .

— Чего уж там, — буркнул арбакеш. — Я ведь тоже человек, разве я не понимаю?

Старик, недавний попутчик Мейрама, съездившись, сидел во дворе госпиталя и плакал. На сердце у Мейрама похолодело.

— Встретились? — спросил он.

— Считаю, что и не свиделись, — ответил старик, и голос его задребезжал.

— Как так? — Мейрам немного успокоился. «Значит, все-таки жив», — подумал он.

— Совсем он плохой, не узнал меня, — прошептал старик, опустив голову.

— А врачи что говорят?

— Что они скажут? То-се, ничего не понятно. . .

— Вы с кем говорили?

— С самым главным говорил. Мудрит тоже, глаза отводит. А раз глаза отводит, считай, дело плохо.

Мейрам не стал спрашивать дальше и отправился на розыски главврача. Главврач, высокий представительный мужчина в белом халате, сказал ему:

— Ты, парень, я вижу, фронтовик, ко всему привык, так что я с тобой лукавить не стану. Рана у него запущенная, и начался абсцесс. . . И спасти его может только чудо, — помолчав, добавил он.

Мейрам, сам себя не помня, вышел из его кабинета. «Что я скажу старику? — в отчаянии думал он. — Легче сквозь землю провалиться, чем правду ему сказать. Что же делать?»

Старик о чем-то разговаривал с арбакешем. Он вскинул на Мейрама измученные глаза.

— Надежда есть, — прокашлявшись, сказал Мейрам. — Главный врач говорит: «Общими усилиями лечим. Поправится. Видали мы и не такое».

Старик внимательно поглядел на него.

— Ладно, езжай домой, — сказал он. — И пусть бог отблагодарит тебя за доброту. . . Да, ты достал ли сатин? — заволновался он.

— Конечно. Помогли добрые люди. Вон и арбакеш-агай старается, подвез меня.

— Хорошо, — сказал старик. — А то, что тебе врач сказал, я по твоим глазам прочитал. Не научился ты еще врать, да и не нужно это. Я ему больше уже ничем помочь не смогу, так что буду ждать, чем дело кончится. Бог даст, и выкарабкается он. А я буду ждать. О господи! — вырвалось у него. — Если бы он меня узнал! А раз не узнаёт — какая у меня надежда?! О господи. . .

— А где вы ночевать будете? — спросил Мейрам, потрясенный его словами.

— Тот вчерашний негодяй, что нам ворота не открыл, — старик усмехнулся, — подружился мы с ним сегодня. Он мне говорит, что вечером меня в свою сторожку пустит. Так что не волнуйся за меня, езжай, сынок. . .

— Мне и правда пора, — сказал Мейрам. — Простите. Скоро должен поезд отправляться. . .

— Ну, до встречи! И еще раз спасибо тебе! . .

Старик, волоча курджуи по земле, стал пятиться.

Арбакеш нетерпеливо постукивал рукояткой камчи по сапогу.

— Не переживайте! На обратном пути заезжайте ко мне в Аккент. Чем смогу, помогу, — сказал Мейрам.

— Добро! — откликнулся старик. — Ну, а чему быть, того не миновать, как говорится. . .

Арбакеш пустил коня в галоп. Гравий похрустывал под колесами арбы, а Мейрам сидел опустошенный, и в его глазах пестрым калейдоскопом мелькали видения: бледное лицо храброго джигита, умирающего от старых ран, скорбный профиль его отца. . . О, проклятая война! . .

— Ты уж не думай обо мне плохо, парень, — сказал ему арбакеш на прощание. — Кому сейчас легко? У меня вот тоже уже больше года, как сын пропал без вести. Все время о нем думаю, и жена-бедняжка слезами исходит. . .

— О, проклятая война! — только и ответил ему Мейрам.

Гул голосов близ кассы вокзала оглушительно бил ему в уши. Мейрам попробовал протиснуться к кассе, но куда там — его и близко не подпустили.

Неизвестно откуда в толпе появилась цыганка, окруженная галдящими детьми, и, бесцеремонно всех растолкав, загородила крохотное окошко кассы.

— Ты, баба, давай мне билет до Аккента, — визгливо сказала она.

— Нет билетов!

— Ты меня не обманешь. Я тебя, бабу, знаю, припрятала, поди, билеты под подолом.

— Где я тебе билет выкопаю? Нету, говорят тебе. . .

— Выкопаеть! Попробуй только не выкопать! Или на вот, нянчись с моим, раз у тебя билетов нету! — С этими словами она стала запихивать в окошко кассы младенца, что был у нее на руках. Остальные ее дети дружно заревели, а какой-то старик в очках, стоявший рядом с нею, успел удержать ее:

— Ты что, сумасшедшая, делаешь? Ребенка убить хочешь? А ну иди отсюда, непутевая!

— А тебе, старому хрычу, дети нужны? — ничуть не растерялась цыганка. — Ишь заступничек нашелся! Денег, поди, у тебя много — так корми моих детей! Выцарапаю вот сейчас тебе глаза при всем честном народе, чтоб не лез, куда тебя не просят!

Она разошлась, распахнула платье на груди:

— Со вчерашнего дня мы ничего не ели. Грудной вон с утра ничего во рту не держал. Эй, кассирша, если у тебя билетов нет, веди нас к себе домой и корми. А ну выходи сюда, ишь накрасилась, стерва! Выходи!

Все в очереди ошарашенно глядели на нее.

— Без билета я не уйду. Убьешь — не уйду. Ну-ка зови сюда начальника!

— Билетов нет!

— Найдешь! Попробуй не найти! — Цыганка снова устремилась к кассирше, но тут подросла другая женщина, видимо дежурная по вокзалу, взяла ее под руку и куда-то повела уговаривая.

Дети гурьбой устремились за ними.

— Бедные, ребятишек жалко, — сказал кто-то из очереди.

— Врет она все. Привыкла орать, где надо и не надо, — не поверил другой.

Мейрам понял, что ему нужно идти к начальнику вокзала.

Им оказался неприветливый, хмурый человек средних лет. Глаза воспаленные, в прожилках. Наверняка не спал всю ночь.

— Дорогой, все понимаю, но ничем помочь не могу. Ни одного билета, поверь мне. Это самый противный поезд, так что не воль, — сказал он, когда Мейрам изложил ему суть дела.

— Агай, да поймите вы! — взмолился Мейрам. — Если я сегодня не уеду, то не успеть мне. А если не успею, то ведь это гибель моя, как я людям в глаза глядеть буду?

— Ну а что бы ты делал на моем месте? — начальник вокзала развел руками. — Думаешь, жалко мне билета? Нету билетов, хочешь, хлебом поклянусь?

— Я верю вам и одновременно не верю, — сказал Мейрам. — Неужели совсем нельзя? Все ведь в ваших руках.

Углы губ у начальника дрогнули.

— Ночью еще один поезд пойдет, постараюсь тебя на него посадить. . .

Обещание начальника вокзала обрадовало Мейрама — хоть какая-то надежда есть, что он не опоздает. Но он все же сказал для проформы:

— А может, все-таки посадите? Ну, пожалуйста, я вас очень прошу.

— И не проси, дорогой, и не беспокой больше. Не могу! Ты понимаешь это слово?

Исчерпав все свое красноречие, прибегнув даже к угрозам пожаловаться на железнодорожника вышестоящим инстанциям, Мейрам вынужден был отступить.

Он вышел на привокзальную площадь и застыл, беспомощно опираясь на костыли. Выхода не было. Нужно было ждать полуночи.

Внезапно его окликнули:

— Эй, Мейрам, ты что здесь делаешь?

Перед ним стояла знакомая женщина из Аккента, подружка его матери.

— Домой уехать не могу, — сказал он. — А вы что делаете?

— Тоже домой еду, но я билет достала, — сказала знакомая.

Пот проступил у Мейрама на лбу. Он, кажется, нашел выход!

— Женгей¹, выручайте, — взмолился он. — Довезите до Аккента вот эти два мешка.

— А что в них за напасть? — спросила женщина, с удивлением глядя на взъерошенного Мейрама.

— Не напасть, а красный сатин для флагов. Меня за сатином послали, а я никак уехать не могу.

— В обоих мешках сатин?

— Да.

— Для флагов?

— Для флагов.

— Нет, не повезу и не проси даже, — растерялась женщина. — Еще впутаюсь с тобой в какую-нибудь историю. Ты где эти мешки взял?

— Успокойтесь вы! Я же говорю, что меня послали. Я ведь теперь в горпромторге работаю, вот меня и послали.

Его слова несколько успокоили женщину, и она, поколебавшись, все же согласилась взять один мешок.

— Это ведь не для меня, это для всего города, — объяснял ей Мейрам. — И пожалуйста, прошу вас, сразу же, как приедете, доставьте мешок в управление торговли. Знаете это здание, где карточки выдают?

— Дай бог мне мешок благополучно довести, — снова засомневалась женщина.

— Вы как приедете, сразу же с вокзала идите в управление, — просил ее Мейрам.

— Легко ли с таким грузом? Ну, дай бог, доставлю его в целости и сохранности. Если для всех, то сделаю. У меня ведь тоже сознательности немножко есть, — усмехнулась женщина.

— Ну, спасибо! — обрадовался Мейрам. — А я попытаюсь все же сесть на этот поезд, может, попутчиками еще будем.

— А если не сядешь? . .

— Сяду, — уверенно сказал Мейрам.

¹ Сноха, невестка.

Знал ли он тогда, что поедет на Аккент в обществе таких людей, по которым давно плачет свинцовыми слезами пуля?

* * *

Рассветало. Дымно чадила коптилка, но никто не обращал на нее никакого внимания. Картежники затаились, будто коты, выслеживающие мышь. «Много, видать, денег на кону, — сообразил Мейрам. — Чем, интересно, все это кончится? Как бы они поножовщину не устроили напоследок. . .»

— Все, — сказал басистый. — Ободрал я вас, как липку. Гоните денежки! . .

Остальные не проронили ни звука. Слышался лишь хруст скомканных ассигнаций — выигравший собрал обильную дань.

— Гаси свет, — сказал кто-то. — Прокоптились совсем, аж дышать нечем.

— Пусть наш падишах деньги пересчитает, — откликнулся другой вор.

— А зачем считать? Не доверяет? Пусть тогда не играет больше с нами, коли не верит.

— Не старайся. Все равно назад свои денежки не получишь. А завидно — так соль полижи.

— С чего это ты такой довольный? Ведь он ни копейки нам не оставил.

— Сегодня проиграл, завтра выиграю. Стану я из-за всякого дерьма слезы лить? Я и не такое видал. . .

В дверной щели заметно посветлело. Розовые блики запрыгали по полу, и Мейрам понял — солнце взошло, начинается день. . .

«Чего ж ты дремлешь — проснись, скоро Аккент, — сказал он сам себе. — И брось бояться э т и х. Испугаешься, и груз пропадет, и сам погибнешь. Попробуй обмануть их, а не поспешишь — будет поздно. Вдруг поезд, минуя Аккент, промчится дальше? Что тогда станешь делать? . .»

Рассвет лишил его покоя, и Мейрам снова и снова обдумывал свое почти безвыходное положение, попутно вспоминал всякое. . .

«А как там мать? Всю ночь, поди, жернова крутила, а теперь ташит, согнувшись, муку в детский садик. . .» Предстал перед глазами и тот старик в лисьем тымаке. Держит под мышкой курджун и бормочет: «Не хочу, не стану терять надежды». Спрашивает: «Кто поручится за то, что все будет хорошо?» Говорит: «Многих я видел, что из лап смерти вырвались». А он, Мейрам, отвечает ему: «Хорошо вы ска-

зали, разве ж это дело — надежду терять?» И вдруг забеспокоился, вспомнив ту женщину, которую встретил на вокзале: «Пассажирский поезд конечно же уже пришел в Аккент. . . Отнесет ли она сразу сатин в управление торговли? Снесет, наверное, раз обещала. . . И начальник тоже, поди, извелся весь. . . Ждет. . . А как же — дело-то какое! . . .»

Через некоторое время подумал: «А как там Айша? Может, обиделась, что не попросался? . . . Дурная голова, нужно было забежать к ней хоть на секунду. . .» И тут же нашел себе оправдание: «Времени не было. Сразу из конторы — и на вокзал!»

Писклявого, который наелся хлеба с одеколоном, вызорачивало наизнанку. Наконец он свалился на пол и затих. Кто-то из воров пробурчал:

— И чего мы с собой этого пса таскаем? Давно пора от него отделаться, от него все наши несчастья. . .

Услышав это, писклявый вскочил, будто его пружиной подбросило.

— Повтори, что сказал? — завопил он, хватаясь за нож. — Может, из-за меня ты в карты продулся? Повтори, и тогда посмотрим, кто из нас пес. . .

— Щенок, который подохнуть желает, завсегда вот так твякает, — угрюмо сказал вор, и Мейрам узнал по голосу Мусу.

— Иди сюда! Сейчас все увидят, как распорю я тебе брюхо и напыюсь твоей крови! — верещал писклявый, и слова его звучали угрожающе, несмотря на то что коротышка, изрекавший их, едва держался на ногах от слабости.

Расплата не замедлила последовать. Муса, изловчившись, больно пнул его, и писклявый вместе со своим ножом рухнул на пол. Рухнул и снова вскочил:

— Всех перережу, как баранов! Всех!

— Да брось ты!

— Всех перережу! Гады! Увязался за вами — теперь в глаза людям глядеть не смею. Падаль одна! Из-за вас я таким стал! Дурак я! Мне б не за вами гнаться, а пойти на фронт, героем стать! . . . Проспал я с вами, ко дну иду! Собаки! . . . Всех бы вас в тюрьме сгноить! . . . А ну, кто первый? Выходи, разобью в кровь рожу. Бойтесь, да? Трусы воюющие, собственной тени бойтесь! Вы как крысы, что из нор своих не выходят. Обыкновенные могильные крысы! . . .

Муса рванулся к говорившему и наотмашь ударил его по лицу, тот упал, и Муса принялся избивать его ногами. Писклявый сначала молил о пощаде, а потом затих, но озверевший вор никак не мог остановиться.

Мейрам едва сдерживался и, желая унять дрожь, крепко стискивал зубы.

— Эй, побереги ботинки!.. — расхохотавшись, посоветовал Мусе басистый.

— Поучу его, на всю жизнь меня запомнит!..

— А вдруг он подойдет и вся твоя учеба даром пропадет? — веселился бас.

— Подлец тот, кто бьет упавшего, — не выдержал Мейрам.

— Замолчи, а то и тебе кишки выпущу! — вскипел Муса.

— Ты, дубовая башка, других слов и не знаешь, поди? Идиот!..

— Правильно тебе этот говорил!.. — процедил Муса, для наглядности еще раз пнув писклявого. — Кошка с мышкой перед смертью играет...

— Ага, только непонятно, кто кошка, кто мышка, — рассмеялся Мейрам.

— Ты с ним так не шути, он у нас грозный товарищ, — издеваясь, предостерег Мейрама басистый. — Не станет смотреть, что ты герой, запросто тебя на тот свет отправит.

— Руки коротки, — отозвался Мейрам.

— Нет, я все-таки заткну ему глотку! — снова взъярился Муса.

— Ну давай, отведи душу! — благословил его басистый.

— Да бросьте вы ерундой заниматься, — вмешались остальные воры, жаждавшие, по-видимому, отыграться. — Начинай... По новой сдавай...

И снова зашелестели карты — будто змея шипит. А подступись ближе — заглотит.

Мейрам, все чаще поглядывая на запертую дверь, соображал: «Как только поезд остановится, надо попытаться выскочить из вагона... Но как? Тут рисковать нельзя — любая попытка может оказаться для меня смертельной...»

Он уже в который раз обдумывал свое положение, но нужное решение все не приходило.

Всю ночь он был очевидцем мерзких раздоров шайки, засевшей в углу. Можно, конечно, пересидеть, промолчать, укрыться подальше от беды, подумать о спасении собственной головы, может быть, даже и до Тасты с ними доехать, но не будет ли это трусостью? Ведь скольких невинных людей еще заставят проливать слезы эти кровожадные псы! Никого не пожалеют, подлецы!

Надежда, что он все же вызволит себя, спасет свой груз, не оставляла его, и он чувствовал, что уже не боится их численного превосходства. И понимал, что болсе сдер-

живаться не сможет. Как бы там ни было — нужно рискнуть. Как бы ни сладка была жизнь, но существование, полное страха, боязни, — не жизнь. Ведь если он упустит эту погань — никогда себе потом не простит. Он потянулся, сильно, от души, и решил: «Найду способ избавления. В нужную минуту все само собой придет. А они пусть ни сном ни духом не догадываются о том, что я задумал».

Пока он так размышлял, один из игроков, приятель проигравшегося в пух и прах верзилы, вдруг бросил карты.

— Никогда больше не буду с вами играть! — Тон у него был раздраженный, злой.

— Чего пищишь? — спросил басистый.

— Вы мухлюете. Подлецы вы! Сговорились, так и норовите объегорить...

— Слушай, катись на ходу из вагона, если тебя не устраивает наша компания. А лучше клади денежки на стол, пока жив! Вечно ты, продуешься, а потом слезу льешь. Не садись играть, раз невезучий...

— А ты в карты не подглядывай. Дурак я, что с вами играю.

— Открытие сделал — всем давным-давно известно, что ты дурак.

— Теперь я ни копейки не дам.

— А ты знаешь, что головой за это заплатишься?

— Ну, ладно! Считайте, что я вам должен. В Тасты рассчитаемся, когда приедем. Сейчас у меня нету денег...

— Не болтай — гони монету! Нечего было за карты садиться, раз денег нет, а то разрыдался, понимаешь!..

— Нигде не встречал больших прощелыг, чем вы, пусть мои глаза вытекут!..

— Да он смеется над нами, братцы! — взвился басистый и вытащил нож. — Ну, прощайся с белым светом, хорек!..

— Нате, держите деньги, чтобы вы околели! — всхлипнул вор и полез в карман.

— Не хватит, шкуру с тебя спустим... Кальсоны снимем...

— Заодно и портянки мои потные прихвати, — не удержался вор.

— Снимем, можешь в этом не сомневаться, — посулился басистый.

— Да я и не сомневаюсь. Знаю, что такие мошенники — клейма на вас негде поставить...

— А знаешь, так молчи.

— Ну и молчу...

— Вот и молчи, не твякай!..

Солнце, по-видимому, поднялось довольно высоко, и не-

давние блики его играли уже на потолке. Попутчики придвинулись ближе друг к другу, и Мейрам заново пересчитал их. Пятеро. Избитый коротышка валялся на полу. Вор, пытавшийся выйти из игры, сидел спиной к Мейраму, обняв колени. Басистый и Муса, сталкиваясь головами, лихорадочно считали деньги.

«Знал бы машинист, что творится в нашем вагоне. Но откуда ему знать? Как с полуночи набрал скорость, так и шпарит без остановки. Может, в Аккенте загружаться будет? Хорошо бы», — подумал Мейрам.

— Точно, не хватает! — завопил басистый. — Даже половины нет.

— Оставшееся потом отдам, — сказал вышедший из игры.

— Когда?

— Когда у верблюда хвост до земли достанет, — нагло ответил вор.

Басистый вскочил.

— Отца твоего!.. Ты что мелешь? Смеяться вздумал? Ну, берегись, сейчас мы тебе покажем!..

— Звери вы!..

Вор тоже вскочил, неожиданно для всех подбежал к Мейраму и с размаху пнул его в бок. В глазах у Мейрама потемнело от боли.

— Деньги давай! — хрипел вор.

— Что?

— Деньги! Деньги!

— Ни копейки не дам!

— Дашь! Попробуй не дать! — Вор снова размахнулся, но Мейрам успел схватить его за ногу и оттолкнуть.

— Уйди, если жизнь тебе дорога! — крикнул он. — Забыл, что у меня пистолет?

Но отчаявшемуся вору было теперь все равно. Глаза его дико блестели, он буквально навис над Мейрамом.

— Ну, дорогой, вот и смерть твоя пришла! — Он приготовился схватить Мейрама за горло, но тот, изловчившись, наотмашь ударил его костью. Удар пришелся точно ко коленной чашечке и вор, завывая от боли, рухнул на пол и пополз в угол.

— Так тебе и надо, — сказал басистый. — Получил бы по лбу, так вообще бы богу душу отдал.

Побитый, растирая колено, униженно обратился к басистому:

— Разрешись, так я его сейчас прикончу.

Бас оглушительно расхохотался.

— Я-то разрешу, а сможешь ли ты? .. Забыл, как только что драпанул от него. . .

— Мигом прикончу. На части разорву, — неуверенно сказал вор.

— Давай! — взвился Мейрам, приготовив второй костыль. — Посмотрим, кто кого прикончит.

— Ну, держись, отца твоего! .. — Вор, сделав зверское лицо, бросился было на Мейрама, но в последнюю секунду передумал.

Мейрам, раздосадованный тем, что не успел в этот раз огреть обидчика хотя бы по спине, крикнул:

— Ну, кто храбрый? Подходите! .. Думаете, легкую добычу нашли? Шиш вам! ..

— Ого! Развоевался наш хромой! — удивились воры.

— Замолчите, обормоты! — рявкнул Мейрам. И подумал с ужасом: «А что, если они впятером на меня навалятся?»

Но бас успокоенно прогудел:

— Ты сильно-то не петушишься, герой отчизны! Знай, что для нас это пара пустяков — тебя из поезда выкинуть. . .

— Уши от твоих речей вянут, — отозвался Мейрам. — Надоел ты мне хуже горькой редьки. . .

— О-го-го! .. — протянул басистый. — Вытряс бы я из тебя всю дурь, да руки неохота марать. Ты, может быть, и не боишься смерти, может, и отчаянный ты фронтовик, но не думай, что я такой же трус, как этот дурачок! Я тоже всякого в жизни навидался, видал и таких петухов! .. погоди чуть-чуть, вот минует Аккент, я сам с тобой разделаюсь.

Мейрам молчал.

Бас, довольный его молчанием, обратился к своим спутникам:

— Вот, учитесь у меня, пока я жив, как с такими шакалами обращаться надо. . . Да не медлите вы, сдавайте карты! .. Игры нет — и денег нет. А без денег какая жизнь? Без денег нет для меня жизни. У меня красotka есть в Тасты, она свое дело хорошо знает. Пока не наполнишь ей подол красными бумажками — не улыбнется. . .

— Ой, бедняга, — насмешливо сказал Муса. — Запутался ты в подоле этой бабы. Ну на, держи карту. Или боишься погореть? Тогда зря не рискуй. . .

— Издеваешься, да? — добродушно спросил басистый.

— Сам говоришь — трус в карты не играет, — парировал Муса.

— Давай еще одну, — решил басистый.

— Смотри, — веселился Муса, явно напоминая басистому

его прежние слова: — Не говори потом, что тебя не предупредали.

Только он это сказал, как бас в отчаянье хлопнул себя по лбу.

— Перебор! — сплюнул он. — Отвлек меня этот пес своей болтовней, вот вы меня и подловили. Ну, хромой, молись богу!..

— И ты молись, не помешает, — ответил Мейрам с вызовом.

— Нет, этот человек неисправим, — вздохнул басистый. — Придется его прикончить.

Он закатал рукава и начал медленно подниматься с места.

«Началось! — подумал Мейрам. — Ну, чему быть, того не миновать. Пропадать — так с музыкой».

Левой рукой он ухватился за костыль, а правую сунул в карман шинели.

— Стреляю без предупреждения, — сказал он и уточнил: — По всем стреляю. На закуску — гранатой вас угошу!..

Басистый в замешательстве остановился.

— Да, может, у тебя и гранаты нет? — нерешительно сказал он. — Покажи гранату.

— А вот подходи ближе, увидишь!..

Воры струхнули.

— Чего ты, как проиграешься, лезешь к нему? — недовольно сказал Муса. — Кончай шуметь, давай сначала игру закончим.

— А пусть он язык свой не распускает, — сказал бас и надулся, как ребенок. — Поддевает да поддевает, понимаешь!..

Мейрам от неожиданности едва не рассмеялся.

— Ну давай, долго ты там будешь копать? — торопил басистого Муса.

— Раздавай! — махнул тот рукой.

— Ты сначала должок отдай. Ишь взял привычку денежки зажимать!..

— Да на, на! Думаешь, скряга я? Выиграю — беру, проиграю — отдаю, — гордо провозгласил бас.

— Ох, боюсь, что и старик, который торгует анашой, и красотка твоя, которая не знает ничего, кроме как рожу свою малевать, останутся нынче без заработка, — усмехнулся Муса. — Сейчас еще раз мне на крючок попадешься, и плакали все твои денежки!..

Воры захохотали.

— Не разливайся — раздавай, — с досадой перебил его

басистый. — Цыплят по осени считают. Забыл, сколько раз я тебя голышом пускал?

— Кто прошлое помянет, тому глаз вон!.. Ты лучше в карты гляди...

— Ну погоди, доберусь я до тебя...

— Как ни старайся, а сейчас снова проиграешь. Видать, не встречал ты до сих пор настоящего игрока, — болтал Муса.

— Иду на всё! — вдруг сказал басистый.

Муса набычился и медленно дал ему карту.

— Опять перебор! — завопил бас. — Да что такое со мной? Это хромоногий, видать, накаркал... И зачем я с ним связался! Сгубил он меня, сгубил...

— Деньги давай, — кратко сказал Муса.

— На! — бастистый показал ему фигу.

— Что? — поднялся Муса. — Платить не хочешь?

«Еще немного — и глотки друг другу перегрызут», — подумал Мейрам, но басистый отступил.

— Ладно, будет и на нашей улице праздник. Долго твое везенье не продлится, не думай, — сказал он.

— Давай-давай раскошеливайся. Что крутишься, будто в штаны наклал?

Видимо, удача и впрямь изменила басовитому. Он вынул деньги и, тяжело вздохнув, пообещал:

— Ничего, доберусь до узких улочек Тасты, отведу душеньку! Волка ноги кормят, как говорится.

— Так тебе и надо! — вступил в разговор тот вор, что получил трепку от Мейрама. — Сидит, вроде и не проигрывал никогда. Ну и вой теперь, как тот волк, о котором ты говорил. Чтоб тебе и в могиле выть!

Только он это сказал, как басистый вскочил на ноги.

— Правильно старики говорят — все беды от языка! — вскричал он и, приподняв беднягу с полу, ударил его наотмашь раз, другой. Снова поднял и снова ударил.

— За что бьешь? — завыл вор.

— Под руку не ной, — пояснил басистый и снова сел за карты. — Давай! — быстро сказал он. — Бог взял, бог и даст. Посмотрим на твою прыть. Иду на всё!

— Снова на всё?

— Снова. Сколько там у тебя в банке?

— Двадцать одна тысяча.

— Вот я и иду на всё...

— Осторожней, красноглазый, — предупредил Муса. — Денег не хватит, ремней из твоей кожи нарежу.

— Не болтай, давай карту! — отвечивал басистый. — У меня денег хватит. А не хватит — вон хромоногий герой

сидит, пошарим у него в мешке, авось что-нибудь и найдем.

— Повадился на легкую добычу. Ты сначала деньги покажи. Отъел на нас пузо, — загалдели воры.

Вдруг басистый подпрыгнул от радости.

— Очко! Гоните денежки! — заорал он. — Вытаскивайте, будьте вы прокляты! Вот что значит — игрушки судьбы.

— Погоди, погоди, покажи карты. — забеспокоились воры.

— Натe, смотрите! Может, бинокль дать?

— Черт, и везет же тебе, — огорчился Муса. — Надо же — одна к одной карты подобралась.

— Трус в карты не играет, я тебе давно это говорю, — уел его басистый.

Он пододвинул к себе гору бумажных денег и начал их алчно пересчитывать.

— Сел батя на белого коня. Ну-ка, где эта баба, что прибарахлиться любит? Где старик с анашой? Всем теперь денег хватит, — приговаривал он.

— А раз всем хватит, то и про нас не забудь. Купи нам в Аккенте еды да выпивки, а то ведь со вчерашнего вечера глотка сухая, как дальше ехать? — угодливо заговорил Муса, который только что издевался над басистым.

Другие воры согласно закивали головами.

— Не жалеи гроши, угости товарищей!..

— Об этом можете не беспокоиться! — басистый гордо вскинул голову. — Всех досыта напою и накормлю.

Мейрам, который все это время лихорадочно обдумывал свое положение, вдруг понял, как можно обмануть воров, и неясная надежда на спасение замаячила перед ним.

— Эй ты, бас, — вставил он. — Про меня не забудь. Я тоже два дня ничего не ел.

— Молчи, покуда цел, — ответил басистый. — Ишь голос подает — подохнуть ему не терпится.

— Мне б стаканчик спирту да колбасы кружок, — беспечно проговорил Мейрам. — Зачем мне осквернять рот вонючей жидкостью, одеколоном этим вашим...

— Поттише, болван, — прогудел бас.

— Пускай наболтается перед смертью, — сказал Муса. — Правду ведь старые люди говорят: «Человек перед смертью выговориться хочет». Видать, и этому подохнуть не терпится...

— Эй, пустоголовый! — ответил ему Мейрам. — Чего ехидничает? Или досада берет, что денежки продул?

— Ну, проедем Аккент, мы с тобой разберемся...

— А сейчас? Сейчас боишься, а?

— Вот поганцы, со счету меня сбили, — рассердился бас. — Словно бабы раскудахтались.

— Чего ты возишься с ними? Сложил бы — да в карман. Найдется кому их посчитать, — обратился к нему Муса.

— Денежка счет любит, — ухмыльнулся бас и, сложив деньги в большой платок, крепко-накрепко привязал его к поясу.

— Красотка в Тасты пятки мне лизать будет, — с гордостью сообщил он. — Пару тысконок ей брошу — навек хмуриться перестанет, стерва!..

— Эх, дурень, так рисковать из-за какой-то шлюхи! — сказал Мейрам. — Я ни за что бы не стал.

— Здорово тебя хромоногий уел, — поддели басисто воры. — Мы тебе то же самое всегда говорим.

— Да вам ли знать цену бабе, сопляки! Разве тот, кто испытал, забудет ласки красоток? Э-эх!.. Представьте себе: белоснежная постель, вина и водки — завались. Красивая баба в шелковом платье суетится возле тебя, платьем шуршит. Вырез впереди — во! Что еще в жизни человеку надо! — басистый едва не лопнул от вожделения.

Мейраму показалось, что поезд чуть сбавил ход, и сердце его тревожно забилося. «Подъезжаем к Аккенту. Ну, держись, Мейрам! Твой час пробил! Если растеряешься, считай — все кончено. Ну действуй же, действуй. Заводи разговор о деньгах. Деньги — это единственное, на что они клюнут...»

Только он так подумал, поезд вновь прибавил скорость. «Переезжаем, что ли? Невозможно! Надо, чтоб поезд остановился в Аккенте. Надо! Надо!» Мейрама даже холодный пот прошиб, и он подался к дверной щели, чтобы разглядеть дорогу. Но что увидишь в крохотном просвете?.. Ничего...

— Поезд скоро остановится, как вы думаете? — не выдержав, спросил Мейрам у воров.

— А тебя что, в Аккенте с музыкой будут встречать? — съехидничал бас.

— Думаешь, я как ты? Бродяга, без крова, без родственников, без друзей?! Ошибаешься...

— Смотри, пасть порву. И от ребят я тебя защищать не буду, — рассердился басистый.

— Ты себя сначала сумей защитить. Жалко, что мне в Тасты позарез надо и в Аккенте недосуг выходить...

— Ты, считай, самый счастливейший человек на земле. Через каких-нибудь два-три часа переступишь порог того света. На этом свете ты, как видно, много мучился. Не горюй — может, на том повезет, заглянешь на минутку в рай.

— Ересь ерунду молоть! — оборвал его Мейрам. — Ты лучше скажи — мы это к Аккенту подъезжаем или нет?

— К Аккенту, к Аккенту. А почему он тебя интересуется? Может, сбежать хочешь? Или лягавым на нас донести? А может, ты и сам лягавый?

— Типун тебе на язык, — деланно рассердился Мейрам, одновременно чувствуя большое облегчение, что поезд не миновал еще его родной город. — Какой я лягавый? Я сам от них скрываюсь, мне в Аккент и носу показать нельзя, меня там все знают. . .

— А что ты такого наделал? — с любопытством спросил басистый.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — коротко ответил Мейрам и отвернулся.

От ночного сидения, что ли, спина затекла, не пошевеливаться. «Лишь бы поезд остановился, лишь бы остановился поезд, — думал он. — А дальше поглядим, чья возьмет».

— Давайте мешок, станция близко, — сказал басистый. — Не буду же я бутылки и свертки в руках тащить? Сразу лишнее внимание к себе привлечешь. . .

— Миленький! Вот тебе мешок, лишь бы полный ты его нам принес! — растрогались Муса, верзила и его дружок.

— Напой, так нас напои, чтоб мы на всю жизнь запомнили, — не отставал от них чудом воскресший писклявый коротышка.

— Не бойся, по крайней мере ты досыта напьешься, — сказал ему бас. — Тебе ведь и одного стакана вонючей воды достаточно. . .

— Вот сволочь! — пропищал коротышка.

— Кто? Я сволочь? — обозлился басистый. — Тунеядцы проклятые! В ноги мне кидайтесь! Пятки мне лижите! Хвостом виляйте, как сучки, если хотите от меня что-нибудь получить! И молча не вздумайте сидеть — хвалите меня, умоляйте! Страсть как люблю, когда кто-нибудь передо мной на коленях ползает. . .

Воры подавленно молчали.

— И ты, эй, хромой, — обратился бас к Мейраму. — Хочешь спирт, так бросайся мне в ноги и проси! . . Пади вниз лицом. . . Или нет, с тобой мы по-другому решим. Ты нам спляши. . . Ну и что, что хромоногий? . . Спляшешь, дам тебе спирту, а не спляшешь — поедешь всухомятку! . .

— Дурак! — вдруг отчетливо сказал Мейрам и оскорбительно захохотал.

— Ты. . . ты меня дураком называешь? — Глаза басистого, казалось, готовы были выскочить из орбит от ярости.

— А как же тебя еще назвать, мелкая ты шушера! —

сплюнул Мейрам. — Выиграл какие-то копейки и раздулся от важности, как индюк. Гляди не лопни!..

— Копейки?! — задохнулся басистый. — Да ты знаешь, сколько я выиграл?..

— А ты знаешь, что я вот целую ночь на мешке с деньгами сижу? Да я за свои деньги всю вашу компанию с потрохами купить могу! Вы у меня за мои денежки не то что плясать — кувыркаться у меня будете... Осел, расхвастался тут!.. Отца твоего!..

Точно гром грянул над головами присутствующих. Все притихли.

Через некоторое время басистый пришел в себя.

— Это правда? — Голос его дрожал.

— Разума никак лишился? — холодно заметил Мейрам. — Не веришь — подойди погляди, боюсь только, лопнешь от зависти.

— А где ты их взял? — наивно спросил басистый.

— Там же, где и пистолет с гранатой, — издевательски объяснил Мейрам.

— Ну, гляди, коли соврал — тут же ноги протянешь, — нерешительно пригрозил басистый, но с места не трогался.

— Иди же, чего стоишь? — подтолкнул его Муса. — Боишься, так я погляжу.

— Боюсь, это будет последнее, что ты увидишь в жизни, Муса, — сказал Мейрам и снова сунул руку в карман шинели.

— Не лезь ты, безмозглый! — зашипел на Мусу вожак. — В городе мы уже, стрельбы только нам не хватало. Вот проедем Аккент, тогда другое дело... Куринных мозгов и тех у тебя нет, болван.

— А вдруг он смотается вместе с мешком? — тихо сказал Муса.

— Куда он на костылях денется? И не сомневайся. И потом, этот хромоногий себе на уме. Если я понимаю людей, так он на многое способен. Он мильтонов еще больше нас боится. Слышал, в Аккенте, говорит, мне носу показать нельзя. Видать, грабанул сберкассу, а теперь следы замечает... Или растратчик...

— Ну, давайте грызитесь, грызитесь, — расхохотался Мейрам. — Кто победит, тот мой.

— Как бы он таким пройдохой не оказался, что и в воде не тонет, и в огне не горит, — прогудел басистый.

— А вот спирту мне принесешь, я тоже с вами играть сяду, — посмеивался Мейрам. — Но учти, — жестко добавил он, — если смухлюешь, со мной разговор будет короткий.

— Что ж, сыграем, — ухмыльнулся басистый, подмигивая Мусе.

— Давай свой мешок сюда, пока жив, — опомнился вдруг писклявый. — Иначе быть тебе непогребенным!

— Тебе-то что надо, несчастный! Снова хочешь битым быть! — накинулись на него вору.

— Давайте-давайте, грызитесь за меня, как собаки за кость, — подстегивал их Мейрам. — Кто победит — тот мой, я вам говорю.

— Ты, хромой пес, особенно-то не духарись. На станции патрулей и мильтонов полно, — просвистел сквозь зубы басистый. — Попадешься им в руки, мигом твои гроши отберут, а самого в те края отправят, где люди на собаках ездят. И нас заодно. А я и без тебя там шесть лет парился, с меня довольно.

— Всего шесть лет?

— Мало, что ли?

— Конечно.

— Чтоб змея снеслась у тебя во рту!

Басистый отвернулся от Мейрама и едва-едва, кажется, сдерживал себя. «Вон как у него лопатки ходят под одеждой! Мог бы — живьем меня проглотил. А сдерживается. Значит, расчет мой точен», — с радостью подумал Мейрам.

— Хочешь, наведу милицию на твой след? — сказал он. — Самое малое — лет пятнадцать дадут, а то и вышку получишь...

— Ты прекратишь или нет?! — взорвался басистый.

— А ты мне рот не затыкай! — огрызнулся Мейрам.

«Чем больше шуму, тем лучше, — подумал он. — А ничего не выйдет — кричать буду!..»

«Ну погоди, — думал в это время басистый. — Сейчас Аккент проедем, сядешь со мной в карты играть, за все мне заплатишь...»

Раздался протяжный гудок паровоза.

— Сейчас поезд остановится! Тише! Ни звука! — предостерег всех басистый.

— Про спирт не забудь, — напомнил Мейрам. — Купи, пусть даже запросят за него цену золота.

— Что за балаболка, этот пес? Не бойся, целый литр для тебя возьму. Но только чур — играть будем по крупной.

— Банковать я буду, — сказал Мейрам.

— Посмотрим, посмотрим, потом договоримся... — Поезд шел медленно, и басистый не отрывал глаз от щели. Свернутый мешок он держал под мышкой и что-то нетерпеливо приборматовал про себя.

— Богу молишься, что ли? — не удержался Мейрам.

— Придержи язык! — прошипел бас и ткнул Мейрама в бок. Толчок оказался чувствительным, и Мейрам тоже ткнул басистого, прибавив при этом:

— Еще раз руки распустишь — на месте застрелю. Мне бояться нечего, я инвалид. . .

— О господи! Навязался нам на голову этот пес! — простонал басистый и отошел в глубь вагона. — Добраться бы до Тасты, эх! — тяжело вздохнул он. — Сам бог меня там не нашел бы. Никому б я на глаза не показывался, пока деньги не кончились.

— Как крыса могильная, завернешься, значит, в подол этой шлюшонки, да? — сказал Мейрам. — Что ж, лучшей доли ты не достоин.

Басистый молча показал ему кулак.

Поезд по-прежнему шел тихим ходом, и у Мейрама стало муторно на душе. «Теперь-то уж не до шуточек, пожалуй. Теперь надо действовать. А для того надо еще, еще басистого подзавести. . . Посмотрим, что он станет делать — буду подначивать его, подначивать. . . Главное — время выиграть. . .»

— Ты уж приоткрыл бы дверь, — сказал Мейрам. — Пригляделся, нет ли там твоих знакомых на станции. Или ты сразу в милицию пойдешь сдаваться?

— Слушай, если тебе не надоела жизнь, то сиди спокойно, — сказал басистый. Равнодушно так сказал, как бы между прочим.

— Заяц трусливый! Вот так в один прекрасный день и словят тебя — сам не заметишь.

Басистый тихонько приоткрыл дверь и приник к просвету.

— Ту-у, переехали мы вокзал. Вижу, у самого базара останавливаемся. — Он спешно отпрянул назад и сказал: — Бродяги бездомные, везет вам! Прямо на базар приехали. Торговаться я не стану — возьму что попадется.

— Не принесешь спирту, ремней из твоей кожи нарежу. Не говори потом, что не предупреждал, — сказал Мейрам.

— Заткните вы ему глотку, — умоляюще попросил басистый. — Он сумасшедший, что ли?

Никто не шелохнулся.

— Вы что, оглохли?

— Не оглохли, но штаны, пожалуй, наполнили, — сказал Мейрам.

Поезд остановился.

Мейрам, поудобнее ухватив мешок, приготовился действовать.

Басистый все еще стоял около зияющей щели.

Опытный вор, привыкший бояться всего, не собирался открывать дверь, и Мейрам был уверен, что, если снаружи раздастся какой-нибудь подозрительный шум, басистый тут же заберется в темный угол и будет сидеть, пережидая опасность. «Может, закричать? — подумал он. — Может, кто-нибудь услышит меня? Но ведь не успеют люди мне на помощь прийти, а эти сволочи тут же разбегутся...»

Нервы у Мейрама не выдержали, он скрипнул зубами и бросил на басистого свирепый взгляд:

— Чего стоишь! Иди! Я спирту хочу!

— Заткнись!

— Ну, жди-жди, — процедил Мейрам сквозь зубы. — Авось милиция придет да провозгласит тебя ханом.

— Еще слово скажешь, — пообещал бас, — на месте прикончу, не дикнешь.

Тут вагон сильно трянуло.

— Уф! — облегченно выдохнул бас, точно с плеч его свалилась неимоверная тяжесть. — Паровоз меняют.

Мейрам тоже выдохнул: «Уф!»

— Пока паровоз меняют, я десять раз базар обойду, — сказал басистый. — Но все-таки надо бы приглядеться лишний раз к прохожим. Не зря, наверное, наши деды говаривали в старину: «В осторожности греха нет».

Мейрам, который все это время напряженно ждал, когда откроется дверь, теперь и вовсе потерял терпение. «Разбегутся ведь в разные стороны, исчезнут, — в отчаянии думал он. — Нельзя допускать этого!»

Он твердил и твердил про себя эту фразу, а басистый тем временем снял куртку, поплевал на ладонь и стал приводить в порядок свои растрепавшиеся волосы.

— Ой, бедняжка, сколько ни прихорашивайся, а вид у тебя все равно как у могильной крысы, — сказал Мейрам, еле сдерживая нетерпение. — Ух, выпить бы спирту стаканчик да выспаться!..

— А в карты кто за тебя играть будет? — спросил бас, продолжая причесываться.

— Сосну́, а потом и в карты будем играть, ты только спиртом меня обеспечь.

— Да будет тебе спирт, не плачь, — снисходительно ответил басистый и начал отодвигать дверь.

Мейрам, собрав все свои оставшиеся силы, рванулся к двери, стряхивая с себя разом насевших на него воров, и, вывалившись из вагона, распластался на земле.

— Люди! Помогите! — крикнул он.

Басистый кошкой метнулся к нему и, всадив ему в бок

пож, тут же прыгнул обратно в вагон и наглухо закрыл дверь.

— Может, пронесет? Может, не слышали? Может, отсидимся?.. — мелко дрожа, шептал он.

Но он просчитался. К вагону уже спешили люди, раздалась трель милицейского свистка.

Над Мейрамом, лежавшим в луже крови, наклонился какой-то человек в военной форме. Мейрам с трудом открыл глаза. Лицо человека дрожало, расплывалось перед его глазами...

— Они... там... внутри... враги... — прошептал Мейрам, теряя сознание.

* * *

... — И на следующий день на улицах нашего Аккента торжественно затрепетали красные флаги. Как всегда! Как всегда в наш самый большой, самый любимый народом праздник! Один из этих флагов и попал тогда в музей, — закончил свой рассказ старичок.

— А что случилось с Мейрамом? Он остался жив? — спросил я, не на шутку разволновавшись от этой истории.

— Да, он выжил, наш Мейрам, — с гордостью сказал старик. — Много дней и ночей боролись врачи за его жизнь. Он то приходил в себя, то снова впадал в забытие... Мы все дежурили у его постели...

— А сейчас он чем занимается? — спросил я.

— Ну, это уже совсем другая история, — улыбнулся старик. — Он закончил университет, женился на Айше, сейчас уже дедом стал...

— Я часто думаю, аксакал, а будем ли мы достойны доблести старшего поколения, вашего поколения, поколения Мейрама?

— У каждого поколения свои заботы и свои подвиги, своя борьба и свои враги, сынок. Лишь красный флаг у нас у всех один, — твердо сказал старик и посмотрел мне прямо в глаза.

В ДВОЕМ С ОТЦОМ

1

Как выглядел мой отец, я не знаю. От него не осталось даже фотографии. Он ушел в армию перед войной, и с тех пор я не видел его. Но когда я думаю о нем, встает такая картина. Холодная осень сорок второго года, в окно ма-занки стучат крупные капли дождя, над умирающим от ран солдатом склонилась заплаканная девушка-фельдшерица. Этот солдат — мой отец. А я в то время совсем маленький, далеко от него и ничем не могу помочь.

Впоследствии люди рассказывали, что когда он уходил в армию, то даже не посмел меня поцеловать, такой я был хрупкий и крохотный. Оно и понятно, только несколько дней назад я появился на свет. И мать и аулчане говорили не раз, как он любил меня, как разрывалось его сердце от боли и нежности ко мне. Ведь ему приходилось расставаться надолго, а может быть, и навсегда.

Не осталось даже фотографии, но было одно письмо, да и то написано не его рукой, сам он уже не мог держать карандаш. Стоит мне вспомнить первые слова, и я уже не могу остановиться, читаю до конца по памяти:

«Дорогие, больше жизни почитасмые, Жаныл и Нуртас! Это пишет вам Амаджол, который днем и ночью только и думает о вас. Как вы живете, мои родные? Как аул?»

Ну а если говорить обо мне, то я лежу в крайнем до-мике какой-то старой зимовки, недалеко от передовой. По-ложение мое не ахти какое, рана дает о себе знать. Обе-щают, правда, скоро перевезти в госпиталь, а там видно будет, что и как. Может быть, ампутируют ногу выше ко-лена, но тут уж ничего не поделаешь, надо терпеть.

За мной ухаживает девушка-фельдшерица. Она, бед-няжка, со мной замучилась совсем. Что ни говори, а рана тяжелая, осколок снаряда задел меня здорово. Не знаю, чем все и кончится. Очень жалею, что рано вышел из строя, не до конца еще свел счеты с проклятыми фашистами. Они

ведь как звери, без жалости расстреливают детей и стариков.

Жаныл, не подумай, что я прощаюсь с тобой, будем живы, еще встретимся. Правду говорят, что нет худа без добра. Появилось время написать тебе письмо, а то все некогда.

Нуртасик мой, наверное, стал джигитом. Жаныл, об одном тебя прошу, вырасти моего сына и чтоб никто его не обижал. Пусть станет уважаемым человеком в своем ауле, пусть не чувствует моего отсутствия!

Жаныл, рано или поздно ты обзаведешься новой семьей. Найди себе такого человека, который бы хорошо относился к моему сыну. Пусть Нуртас не ведает в жизни зла и никогда не услышит слова «сирота». Жаныл, сделай так, ведь мы с тобой никогда не ссорились. Я благодарен буду тебе и на том и на этом свете. Дай бог каждому такую жену.

Передай всем аулчанам привет от меня. Пусть не поминают лихом. Не жалел я себя. Жалко только, что рано вот выбыл из строя, ох как жалко!

Письмо пишет тебе через сестру-фельдшерицу твой любящий муж Аманжол».

В это же письмо девушка-фельдшерица вложила записку: «Дорогая Жаныл! Твое горе — мое горе. Скрывать не могу. Аманжол скончался вечером того же дня, когда диктовал это письмо. Будь стойкой, Жаныл! Вырасти Нуртаса таким же батыром, каким был его отец. Муж твой погиб, но на руках у тебя остался его сын.

До свиданья. Будем живы, так, может, и разыщу вас».

Но встретиться с ней нам так и не удалось, не приехала и письма не написала. Ни фамилии, ни адреса ее мы не знали. А может быть, эта девушка-фельдшерица, что была рядом с отцом в час его смерти, и сама погибла.

Сколько раз я пытался вообразить лицо моего отца, но безуспешно. Хотя от взрослых я часто слышал: «Надо же, вылитый отец, точная копия». Копия, может быть, но не оригинал. Бывают моменты, когда воображение бессильно. Если бы хоть осталась одна фотография отца...

Жили мы в бедной зимовке около большой станции Сырдарья. Было в этой зимовке всего несколько дворов, и хозяйство в основном держалось на женщинах. Немного я запомнил из нашей жизни того времени, но хорошо помню, что люди уходили затемно с кетменями на плечах и приходили затемно. Все в ауле были хлопкоробами. А в страду не знал покоя ни стар ни млад.

Мать и вовсе дома не бывала. Так мне казалось тогда. Уходила на работу, когда я еще спал, и возвращалась,

когда глаза мои слипались ото сна. Она была лучшей сборщицей хлопка. Мне рассказывали аулчане, кто ее помнил, что такой красивой и работающей давно никто не видал. Ей было тогда лет девятнадцать, не больше.

Я не обижаюсь, когда мне говорят: «Ты совсем не похож на свою мать». Зато я ее хорошо помню, она стоит перед моими глазами, как живая. Ведь когда она умерла, мне уже было больше девяти лет. А по тем временам девятилетний мальчик — это уже джигит, на плечах которого лежат многие тяготы взрослых.

Так вот, она была высокая, стройная, черноглазая, белолицая. От суховеев и беспощадного солнца за лето лицо ее, казалось, обугливалось, чернело от загара.

Я запомнил ее улыбку, потому что она часто мне улыбалась, и такой доброй и ласковой улыбки не было ни у кого.

После смерти Аманжола, моего отца, ей пришлось жить одной. Горе не сломило ее, всегда со всеми была почти-тельна и отзывчива, покорна своей судьбе, как и многие женщины в ауле, потерявшие своих мужей. Тяжелая работа и время тоже, наверное, сделали дело. Кроме того, у матери был мягкий, безропотный характер. Как молодой тростник, она гнулась, но не ломалась.

Мне кажется, что и я унаследовал ее характер. Порой мне не хватает твердости духа, я безропотен и покорен. Это не мужские черты характера, но что поделаешь.

Однажды вечером, едва мы с матерью принялись за кукурузную похлебку, кто-то рослый и тяжелый ввалился в дом, поскрипывая костылями.

— Ассалаумагалейкум! — сказал этот человек на костылях.

— Алейкумассалам! — сказал я и встал, потому что был единственным мужчиной в доме.

— Ну-ка давай твою руку, — сказал вошедший и с улыбкой протянул мне свою. Я покосился на мать, она тоже улыбалась, и я протянул руку инвалиду.

— Добро, добро! — сказал тот.

— Проходите, — сказала мать дрогнувшим голосом. Костыль скрипнул, и я заметил, что нога у гостя была отнята выше колена.

— Проходите, — пробормотал я вслед за матерью.

Мать вытащила подстилочное лоскутное одеяло, мы им редко пользовались, и расстелила у стены, где висел ковер, бросила две подушки на одеяло и предложила гостю присаживаться за дастархан.

Никогда не знал, как трудно одному садиться за

низенький столик, наш гость едва смог усесться с помощью своих скрипучих костылей. Я молча наблюдал за ним. Через некоторое время он вытащил из кармана горсть сахара и глянул на меня:

— Возьми-ка гостинец.

Я не двинулся с места, и мать подтолкнула меня, смущенного и оробевшего:

— Не отказывайся. Неудобно.

У меня будто ноги отнялись, едва смог подняться и взять сахар. Много ли я тогда соображал, но мне почему-то казалось, что это необычный гость.

А тот снял ремень, расстегнул две верхних пуговицы на гимнастерке, в общем устроился, как у себя дома. Мать приветливо предложила:

— Может, руки сполоснете?

— Нет, не беспокойтесь, я уже вымыл руки.

Меня захлестнула обида, мне показалось, что мать совсем перестала обращать на меня внимание, так хочется ей угодить гостю. А тот вдруг повернулся ко мне и сказал:

— Нуртасжан, что ж ты молчишь? Или спать уже захотел?

Этого я вынести не смог, вскочил с места и выбежал из дома, отметив про себя, что мать не вернула меня, не позвала, а только озабоченно покачала головой и вздохнула:

— Ах ты, озорник, озорник. . .

Битый час я простоял за скотным двором, пока не заметил, что гость наш ушел, поскрипывая костылями и тяжело ступая. Не помню, о чем я тогда думал, но знаю, что мне было очень грустно и нехорошо.

Когда утром я проснулся, матери в доме уже не было. Как всегда, она рано ушла на работу. Я не стал есть айран¹ с крошенным в него хлебом, а торопливо оделся и выбежал во двор. У порога на козьей шкуре сидела бабушка и прядла. Веретено так и мелькало в ее смуглых ловких руках. Видимо, она заметила меня.

— Эй, Нуртас, иди-ка сюда!

— Не пойду, — заупрямился я, вспомнив вчерашнего гостя и все свои обиды.

— Иди же, помоги мне.

— Не хочу.

Бабушка отложила веретено и вдруг спросила:

— Сынок, а ты видел вчерашнего гостя?

Я так и замер на месте, застигнутый врасплох неужи-

¹ Кислое молоко.

данным вопросом. Откуда бабушка могла знать о нашем госте? Она ведь жила в соседнем доме, к тому же было уже темно.

Можно было и не отвечать на ее вопрос, махнуть рукой да убежать, но мне почему-то самому захотелось поговорить с ней о госте. Интересно, что она скажет?

— Ты про хромого старика говоришь? — спросил я.

Бабушка хлестнула прутиком по шкуре, рассердилась:

— Цыц, постреленок! Ишь язычок какой! Думаешь, он по доброй воле без ноги ходит? Война все, она, проклятая. Да разве он старик?

— А почему же у него волосы белые?

— Э-э, не дай бог никому таких мучений, какие он вытерпел. Легко языком-то молоть, будто мельница. Иди сюда, посмотри, все нитки на веретене запутались.

— Ты скажи сначала, а кто он такой, тогда подойду.

— Как это «кто»? — возмутилась бабушка. — Отец твой.

— Мой отец погиб на войне.

Бабушка вытерла слезы кончиком платка и опустила голову, как будто растерялась от моих слов. Потом вздохнула и подняла голову:

— Ой сынок, заныли мои старые кости. Погиб твой отец, но что же делать? Мать у тебя совсем молодая, трудно ей одной. А жить-то ведь надо как-то, в петлю не полезешь. Ох мои старые кости.

— Пойду сейчас к маме, — заявил я.

— О жизнь моя, — простонала бабушка. — Хоть бы аллах поскорее прибрал меня. Кто сейчас хорошо живет? Кто не страдает и не мучается? Да уж ладно, лишь бы вы жили хорошо. Мы свой век прожили. О горе мне!

— Не надо, — я чуть не заплакал от жалости к бабушке, от своей вчерашней обиды. — А его, этого хромого, я теперь и на порог не пушу!

— Брось-ка ты, Нуртас, не говори так. Лучше вон козлят отгони. Вечно торчат около дома.

— Не буду.

— Да что с тобой, постреленок? И куда это палочки мои подевались, шерсть бы потрепать надо, вся спуталась.

— Все равно отгонять не буду, — упрямо заявил я.

— Посмотрите вы на него! — опять рассердилась бабушка. — Ну ничего, вечером придет отец, поговорит с тобой.

— А я его не боюсь! — крикнул я, слезы стояли у меня в глазах, бабушка расплылась в тумане, все заколебалось. — И тебя не боюсь, и матери!

— Ну погоди! Попадешь еще в мои руки!

— Все равно ведь не догонишь.

— Догоню да задам озорнику. Выдумал дело, старших не слушает.

— Ты лучше на веретене нитки распутай, вон как они у тебя запутались.

Едва я это произнес, лицо у бабушки просветлело. Она улынулась:

— Ойбай! Надо же, а я думаю, что это за чертенок спорит тут со мной? Совсем не похож на нашего Нуртаса. Наш Нуртас не такой. Нет, уж о нем ничего не скажешь плохого, о нашем мальчике. Иди-ка сюда, мой золотой, у меня в кармане что-то есть для тебя.

— Поди обманываешь? — сказал я, все еще дуясь на бабушку. — Заманишь, а потом побьешь.

— Ах ты, жеребенок мой! Ну разве тебя когда-нибудь бабушка обманывала? Я вот сейчас возьму да и заплачу.

Обида и злость, что распирали и душили меня, мигом куда-то улетучились. Я вздохнул и сказал:

— Бабушка, есть хочу.

Она тут же отложила веретено и раскинула руки в стороны:

— Если это мой мальчик, он подойдет ко мне. Ну иди же, дай я тебя обниму.

Я бросился в бабушкины объятия и разревелся от горя и счастья. Не у каждого, наверное, есть такая бабушка.

— Жеребенок ты мой, маленький такой, плачет. Ну не реви, успокойся.

— Не надо нам никого, бабушка, — с жаром заговорил я, захлебываясь от слез. — Никого не надо, никого!

Бабушка похлопала меня по спине.

— Ну-ну, джигит, а плачешь. А мы-то тебя считали совсем взрослым. Брось, увидят девчонки, смеяться будут.

Я разревелся еще пуще, все ее платье слезами замочил. Она не знала, как и успокоить меня.

— Давай я расскажу тебе сказку. Вот слушай: жил да был один скупой бай. . .

— Не надо мне никакой сказки.

— Что же мне делать теперь с тобой? — растерялась бабушка и вложила мне в руку кусочек сахара. — На-ка вот, откуси разок, а остальное верни.

Куда там верни, я съел весь сахар за одну минуту. Видя такое дело, она пробормотала:

— Ну и пусть собака съест то, что я пожалею для тебя, мой внучек.

Я как будто совсем успокоился, слезы высохли на моих щеках.

— А когда будем нитки мотать? — спросил я своим обычным голосом.

— О моя умница! — растрогалась бабушка и крепко обняла меня. Мы просидели, обнявшись, довольно долго. Мне не хотелось высвободиться из ее объятий, век бы так сидел. Вдруг раздался знакомый мне скрип костылей, я вскопчил так стремительно, что едва не опрокинул бабушку.

— Что это с тобой? — изумилась она.

— Идет! — прошептал я.

— Кто идет?

— Да вон, видишь!

Бабушка прищурилась своими близоруками глазами, глянула в ту сторону, куда я указывал, и крикнула:

— Эй, Курман! Ты откуда это?

«Вот оно что, — подумал я, — так его зовут Курманом. То-то в последнее время я часто слышал это имя. Мать и бабушка не раз поминали какого-то Курмана».

Между тем одноногий Курман приковылял к нам и поздоровался:

— Как здоровье, апа?

— Э-э, свет мой! — отвечала бабушка. — Лишь бы ты был здоров, а мы, старики, думаешь, нужны очень богу?

— А ты еще крепкая, апа. Сколько же тебе лет?

— Семьдесят два. Кое-что еще делаю по хозяйству, да и чай для бригады могу вскипятить. Целый день без усталости слоняюсь туда-сюда, и там надо, и тут надо. — Бабушка подмигнула мне. — Если бы не мой внучек Нуртас, совсем бы без рук осталась. Он у меня помощник. Да что и говорить, настоящий джигит.

Вот что значит детство! Я уже хотел было рассердиться на нее, но где там, от похвалы совсем утихомирился и даже присел на край шкуры. Курман примостился рядом, и бабушка спросила у него:

— Что, что у тебя в мешке, Курман?

— Кое-какие инструменты прихватил, топор да мотыгу. Все, думаю, пригодится.

— Что и говорить, — вздохнула бабушка. — В жизни все может пригодиться. Даже камень, если он лежит на нужном месте, делу помогает.

Солнце заметно поднялось, и все вокруг полыхало в знойном мареве. Козы с козлятами, что с утра толклись около дома, ушли к арыку и улеглись в тени тальника. Вокруг было тихо и пусто. Все замерло, притаилось под горячим солнцем.

Нам тоже пришлось искать укрытия в тени, и мы пере-

двинули козью шкуру к самой стене дома. Бабушка снова было взялась за свое веретено, но спохватилась:

— Может быть, выпьешь чаю, Курман?

— Можно, — сказал Курман. — С утра вот к председателю ходил.

— И что же он говорит? — спросила бабушка.

— Бездушный человек, — махнул рукой Курман. — Я к нему, как к отцу родному, а он...

— Ты все рассказал ему?

— Все как на духу.

— Ну и как? Приискал он что-нибудь тебе?

— Мирабом, говорит, будешь.

— В своем ли он уме?! — возмутилась бабушка. — Да как же с одной-то ногой мирабом? Таскаться по жаре целый день. Ну-ну, нарочно не придумашь. Добрый человек врагу такого не пожелает. Ладно бы две ноги, а то на костылях.

— Мирабы, говорит, позарез нужны. Что тут поде-лаешь.

Помню, что бабушка махнула безнадежно рукой, тяжело встала и, налив в котел воды, поставила его на огонь. Поставила с охами да вздохами и ушла в дом, видно за даштарханом. Мы с Курманом остались одни. Сидим и молчим оба. Мне кажется, что, если бы в ту минуту стали резать меня на куски, я бы и то не пикнул. Иногда я украдкой поглядывал на него. Смотрел; смотрел, и вдруг мне его стало жалко. Он уже был не такой, как вчера, глаза ввалились, лицо расстроенное. И я подумал тогда, что нет на свете человека более беспомощного и слабого, чем Курман.

Он, видимо, почувствовал эту мою жалость, беспокойно задвигался, заерзал на своем месте. Потом стал хрустеть пальцами, поправил ремень, скрутил большую сигарку и жадно затянулся.

Я продолжал его рассматривать, взгляд мой упал на костыли. Ну и костыли это были, хуже не придумашь. Все разбитые, скрепленные ремнями. Как только он ходит на них? Неужели не может достать новые?

Бабушка не выходила из дома.

— На костыли все смотришь? — сказал вдруг Курман. — Интересно?

— Что в них интересного? — возразил я. — В ауле у многих костыли, полно безногих.

Высказался я, и мне сразу стало как-то легче. Он опять тяжело вздохнул, как будто совсем пал духом после моих

слов. Расстегнул, как вчера, две пуговицы на гимнастерке, снял ремень и бросил его к стене.

— Да-а, из мужчин ни одного здорового нет. Война проклятая.

— Многие на костылях, — сказал я. Мне что-то стало совсем его жалко. Да и не только его, а всех, кто на костылях: и нашего счетовода, и бригадира, и арбакеша, и представителя из района.

— Я вижу, ты жалеешь меня, — сказал Курман. — Не надо меня жалеть. Работаем не хуже других и день и ночь.

«Как он догадался о моих мыслях? — подумал я, и мне стало стыдно, как будто обидел его. — Хоть бы поскорее бабушка пришла, куда она провалилась?»

— Вы бы видели, как представитель из района на коня садится, — сказал я. — Зажмет костыль под мышкой, раз! — и в седле.

— А то как же, душа моя. Иначе и быть не может.

— Арбакеша знаете? — спросил я. Мы, кажется, разговорились. — Я не про Дайрабая говорю, о другом.

— Нет, не знаю, а кто он?

— Тот, что ногу в сторону отбрасывает, когда ходит. Так вот, видели бы вы, как он грузит мешки на телегу. Ну и ловко.

— Другой раз мы, инвалиды, лучше здоровых бываем, — согласился Курман.

Наконец-то из дома вышла бабушка, и у меня невольно вырвалось:

— Где же ты пропадаешь, бабушка?

— Да в прихожей прибиралась.

Сейчас я думаю, что бабушка тогда схитрила. Просто она хотела, чтобы мы поговорили друг с другом, попривыкли. И, надо сказать, своей цели она добилась.

— Значит, тебя поставили мирабом? — переспросила она у Курмана.

— Да.

— Вода сейчас дороже золота, — проворчала бабушка. — Не по тебе эта работа, но ничего, видно, не поде-лаешь. Время такое.

А мне не сиделось на месте, хотелось сделать что-то приятное для Курмана. Я вскочил вдруг и сказал:

— А может быть, мешок в дом занести?

— Тяжелый ведь, — возразил было Курман. Но я уже взвалил мешок на плечи и пошел к дому пошатываясь. В бок больно упиралась мотыга, молоток бил по ребрам.

— Не упади, — сказала бабушка.

Помню, у меня тогда появилось страстное желание по-

бежать в поле к матери и рассказать ей обо всем. Я вообразил, как она увидит меня и спросит: «Ты зачем здесь?»

А я отвечу спокойно: «Да так, вчерашний гость пришел к нам». — «Какой вчерашний?» — удивится она. «Как будто не знаешь какой». И тут она обнимет меня и скажет: «Что ж ты вчера выкинул? Убежал, как дикий жеребенок». — «А что ж мне было делать? Хоть бы предупредила, я ведь уже не маленький».

Никуда я, конечно, не убежал, постоял у порога да и вернулся обратно к бабушке, которая была, видно, в хорошем настроении, потому что разговорилась вовсю. Увидев меня, она замолчала, а Курман прокашлялся и сказал:

— Вот Нуртасжан будет моим помощником. Вдвоем мы с ним горы своротим. Правда ведь, малыш?

Наверное, от смущения я взял да и выпалил:

— Конечно, своротим, только куда я козлят дену?

Оба они расхохотались.

— Ой, Нуртас, уморил ты меня, — едва смогла вымолвить бабушка.

— И веретено твое доконало меня, — добавил я. — «Помоги да помоги».

— Все успеем, сынок, — сказал Курман серьезно, хотя губы его еще вздрагивали от смеха. «Сынок», — эхом отозвалось в моей душе. Я не нашел, что сказать, так были неожиданны для меня его слова, особенно последнее слово. Бабушка, видимо, что-то поняла, встрепенулась:

— Вы прежде чаю с отцом попейте, а об остальном потом уж договоритесь.

«Она говорит — «с отцом», — подумал я, и все во мне воспротивилось, запротестовало. Ведь мой отец погиб, мой настоящий отец.

Я обреченно посмотрел вокруг и увидел, что козлята снова во дворе. Побежал их прогонять. . .

С этого дня Курман стал членом нашей семьи.

Между тем пришло настоящее лето. Жара стояла невыносимая. Земля так накалялась, что босиком невозможно было ходить, будто идешь не по земле, а по живым угольям. Кругом все бело от ослепительного солнца, степь, тальник, все необъятное пространство.

В такие жаркие дни нас, аульных ребятишек, спасал арык, который длинной бесконечной нитью протянулся вдоль пыльного большака. Часами мы не вылезали из воды, спасаясь от жары. Это было незабываемое время. Солнце, вода и раскаленный большак, по которому изредка проезжала арба, поскрипывая колесами, и полная свобода. Что еще надо нашему брату ребятишкам?

Все лето мы обычно ходили босиком, и подошвы так затвердевали, что мы не чувствовали ни горячего, как скорородка, большака, ни верблюжьих колючек, сквозь заросли которых мы отчаянно продирались, изображая из себя героев. Раскиснув от жары и мокрые от пота, мы снова бежали к спасительному арыку. И так каждый день.

Я уже сказал, что Курман перешел жить к нам со своими нехитрыми пожитками, но первое время мы оба вели себя сдержанно, что, в общем-то, понятно и вполне естественно. Мы ведь были чужие люди. Но потом я и не заметил, как привязался к нему. Может быть, потому, что мать с раннего утра уходила в поле, а возвращалась поздно вечером, а то и среди ночи. Волей-неволей нам приходилось проводить вдвоем почти целый день. А целый день не промолчишь, слово за слово — и пошел о чем-нибудь разговор. И я привыкал к его голосу, к его лицу. Но главная причина нашего сближения, наверное, в том, что я истосковался по отцовским объятиям. Ведь отец в жизни любого мальчика много значит. И вообще безотцовщина — это беда, которую трудно измерить какой-то мерой.

И сейчас, когда я вижу, как отцы бросают своих детей ради женщины или по какой-то другой причине, во мне поднимается яростный протест. Хочется схватить такого несчастного, а ведь он несчастен, хотя сам этого не понимает, за воротник, встряхнуть как следует и сказать: «Как ты можешь спокойно спать, есть, дышать, негодяй!» И многим я говорил это прямо в глаза, но что толку?

А потом в роли такого же несчастного оказался я сам. Мы поссорились с женой, и я уехал. Мы расстались, но твердо уверен, что не навсегда. Просто иногда в жизни бывают обстоятельства, которые, как говорят, выше нас, неподвластны нашей воле. Придет время, и мы снова будем вместе, ведь у нас есть сын Адиль. Впрочем, ведь мы с Алимой и не разводились, дело до этого не дошло.

Но хочется вернуться к нашим отношениям с Курманом, которого я стал называть отцом, или «коке», как говорят у нас в ауле.

Итак, мой отец получил работу, стал мирабом, хозяином воды в арыке.

Надо сказать, что любой зеленый листочек, любая травинка без воды на нашей земле засыхает на корню. Жажда все время терзает растения. Ну а хлопчатник это не верблюжья колючка, очень капризное растение, во время не напоишь, почернеет. Понятно, что каждый хлопкороб доводит капли воды в арыке. Без воды весь труд его может пропасть даром.

Нелегко было мирабам в те годы. Ведь надо было как-то по справедливости распределить воду между полями хлопчатника, садами, бахчами и личными участками колхозников.

Вскоре я понял, что значит быть мирабом и почему бабушка сомневалась, справится ли Курман на своих костылях с этой работой. Чего мы только не испытали в те дни с моим отцом!

Помню, как-то рано утром скрипнули его костыли, и я мигом вскочил с постели, протер глаза и встревоженно спросил:

— Что случилось? Арык прорвало?

Мать рассмеялась, Курман улыбнулся.

— Что-то беспокойным стал наш ребенок, — сказала мать. — По ночам плохо стал спать, все время ворочается.

— Эта вода еще многих с ума сведет, — вздохнул отец. — Я и сам плохо сплю. Ни днем ни ночью покоя нет. А хуже всего, что каждому не угодишь.

Мать торопилась на работу, даже завтракать не стала, завернула кусок хлеба и ушла. Я успел крикнуть ей в окно:

— Бабушка, наверное, тесто замесила. К обеду горячих лепешек принесем!

Она обернулась:

— Айран хороший у меня получился. Поешьте с хлебом.

Мы остались с Курманом одни и сели завтракать.

— Надо бы не забыть ей горячих лепешек отнести, — сказал я.

— Это ты здорово придумал, — похвалил меня Курман. — Обязательно захватим, когда пойдем арыки обходить.

— А ты не забыл, что недавно было с ней?

— Помню, сынок.

Неделю назад мать сильно заболела. Съела что-то плохое или на солнце перегрелась, но ее всю ночь рвало, и за два дня она стала как тростиночка. Отец мой совсем растерялся, весь почернел от расстройства, осунулся. Эта ее болезнь, наше общее горе, еще больше сблизила нас с Курманом. Сейчас он тоже, видимо, вспомнил о ее страданиях, и по лицу его пробежала тень.

— Теперь она болеть не будет, — сказал он. — Мы же с тобой рядом.

— Мне ее так жалко, — сказал я. — Такая она тоненькая. Ну погодите, вот вырасту, не позволю ей работать. Посажу на мягкое одеяло и пусть сидит отдыхает. Насып-

лю перед ней гору сахару, изюма, буду поить ее каждый день свежим бульоном.

Помню, Курман глянул тогда на меня как-то необычно и спросил:

— А меня, сынок? Что ты со мной сделаешь?

— Как что, ты тоже рядом с мамой будешь сидеть. Чего тут делить? Костыли тебе новые куплю, арбу новую. Разве этого мало?

— Достаточно, сынок. Еще как достаточно!

Он отвернулся и отошел в сторону. Я растерялся, уж не обидел ли его ненароком, подбежал к нему, обнял. А он слезы утирает.

— Ты что, не веришь, отец? — горячо заговорил я. — Вот честное слово, будете у меня на почетном месте сидеть. И не надо вам будет ни о чем заботиться. Все для вас сделаю.

— Благодарю тебя, сынок! — улыбнулся Курман. — И на том свете благодарить буду. Пусть твоя жизнь тоже будет без забот. О чем же нам говорить, когда ты с нами?!

Вскоре мы тронулись в путь. Бабушка уже успела испечь лепешки, самую лучшую я завернул в платок и взял с собой.

Мы шли вдоль большого арыка. Отец нес на плече кетмень. Песок еще был влажен от росы, длинные тени тянулись от деревьев. Идти босиком по прохладному песку было приятно. Вокруг стояла утренняя, прозрачная тишина. Отец вдруг остановился и сказал тревожно:

— Послушай, а почему воды в арыке стало меньше?

Я взглянул на арык, но ничего не заметил.

— По-моему, все нормально.

— Нет, уровень воды намного ниже. Беда, видно, стряслась.

— Давай посмотрим арык с самого начала нашего участка.

— Нечего смотреть, арык прорвало где-то. Надо торопиться, иначе все пропало.

Поскрипывая костылями, он прибавил шагу.

— Что же теперь делать? — спросил я, еле поспевая за ним.

— Увидим на месте. Вверху-то все нормально, я вчера осматривал там. Внизу вот берега ненадежны. Я говорил председателю, но у того до всего руки не доходят. Надо было пораньше выйти нам, а еще лучше ночью бы осмотреть. Хорош я, нечего сказать. Беда всегда врасплох настигает человека. Знал бы где упасть, соломки бы подостлал. Председатель заругается, скажет: «И кому я, дурак,

доверился? Разве Курман надежный человек? А еще фронтовик. Тьфу!»

От расстройства я чуть не уронил лепешку в арык.

— Что же делать, отец?

— В любом случае надо задержать воду. Чем быстрее, тем лучше. Если так будет продолжаться, в арыке скоро не останется ни капли воды.

Я заметил, что гимнастерка на отце потемнела от пота, нелегко ему было шагать на костылях. Я вырвался вперед, побежал изо всех сил. Отец крикнул мне вдогонку:

— Стой! В ров упадешь! Остановись!

Я подождал его, и мы опять зашагали рядом, но за ним было трудно угнаться, костыль так и мелькал.

— Всю дорогу затопило, — сказал я задыхаясь.

— Как мы теперь в глаза людям посмотрим! — пробормотал он. По лицу его бежал пот, гимнастерка мокрая, хоть выжми, он тоже задыхался от усталости, но шага не замедлял. Мы так разогнались, что чуть не свалились в ров, который прорыла вода, вырвавшаяся из арыка. Во рву шумело и бурлило. Все вокруг было затоплено. Как остановить этот бурный, норовистый поток? К нему и подойти-то страшно. Я вдруг разревелся. Может быть, даже и не от страха, а от нашей беспомощности.

— Нечего стоять! — крикнул отец. — Тащи вон те ветки!

Он отбросил костыли, встал на четвереньки и принялся рвать траву, которая густо росла на краю арыка. В мгновение ока нарвал целую охапку. Помню, я еще тогда подумал, что руки у него, как серп, железные. Он пристроился на краю рва и спихнул кучу травы и веток в самую горловину потока. Но это оказалось бесполезным делом, режущая вода унесла нашу запруду в одну секунду.

— Вот прорва! — возмущился отец. — Что же делать? Может быть, нарезать дерну? Давай кетмень.

— Все равно унесет, — сказал я. — Надо сообщить в аул.

— погоди, сынок, — возразил он. — Что-нибудь придумаем. Время дорого. Надо нарубить побольше тальника.

Он быстро нарубил тальника и стал плести из него щит. Я, как умел, помогал ему. Когда все было готово, он поставил щит поперек течения. Течение как будто замедлилось, перестало бурлить.

— Теперь надо навалить дерну, — сказал он и на какое-то мгновение выпустил плетенку из рук. Этого мгновения оказалось достаточно. Вода с бешеной силой ударила в заслон, развернула его и унесла.

— Ах, чтоб тебя! — зло выругался отец, а я чуть не расплакался от досады. Все наши труды пропали зря.

Тут отец как был в одежде, так и бросился в арык, за-
слонил своим телом ров. Я испугался, что поток унесет
его, однако мутная вода, наткнувшись на препятствие,
вроде бы откачнулась назад.

— Давай, сынок! — прохрипел отец.

— Что, коке?

— Неси костыли! Костыли давай! Шевелись пожи-
вее.

Я подал ему костыли, он заклинил их между берегами
рва, потом стал снова сплетать прутья тальника. Мне каза-
лось, что он и себя вплетает в эту плотину и никогда уже
не выберется из воды. Иногда мутные волны скрывали его
с головой, и я думал, что это уже конец. Но нет, голова
снова показывалась из воды, мелькали руки, отец хри-
пел:

— Шевелись, сынок, шевелись! Тащи побольше травы,
веток. Где кетмень? Давай его сюда.

— Не утони, отец!

Что-то глухо всхрипнуло в глубине рва, и отец в отчая-
нии закричал:

— Опять прорвало! Чтоб тебе лопнуть, окаянному! Чуть
спину не переломило. Если бы не кетмень, пропал бы я.
Ну, слава богу, опять вроде утихомирилось.

— Отец! — позвал я. — Давай я тебя подержу за руку.

— Не бойся, не унесет меня, — сказал он уставшим го-
лосом. — Не унесет.

— Как же ты теперь выберешься оттуда? — заплакал
я. — Может, маму позвать?

Отец мой расхохотался от души. Я реву, а он смеется,
сидит в воде и смеется.

— Что же мы ей скажем? Что арык совсем обмелел по
нашей с тобой вине, что мы растяпы?

Однако в голосе у него был какой-то задор, уверенность.
Я перестал реветь, умолк, а потом спросил:

— Ты, может, пить хочешь?

— Пить? — ухмыльнулся отец. — Да нет, я тут доста-
точно воды наглотался. Слушай-ка, Нуртас, течение, кажет-
ся, стихло. Сбегай позови людей. Человека четыре надо.
Боюсь, как бы не прорвало снова.

— А как же ты? Мне страшно, — признался я.

— Не бойся, ничего со мной не случится.

— А вдруг что-нибудь...

— Беги, тебе говорят! — Голос отца прозвучал жестко,
никогда он со мной так не говорил. Будто плеткой хлест-
нул.

И я побежал, глотая слезы, вдоль арыка по дороге.

В глазах какой-то туман, в голове стучит, а сам думаю: «Погибнет еще, утонет... Зачем ему эта мирабская работа, бабушка была права».

Вдруг я наткнулся на кого-то, незнакомые руки обняли меня, потом встряхнули. Я поднял глаза и увидел перед собой председателя. И тут уж я дал волю слезам.

— Отец у тебя где? — спросил председатель, почуяв, видно, неладное.

— Под водой.

— Что ты мелешь? Как это под водой?

— Арык прорвало, вода уходит.

Старичок председатель оттолкнул меня и побежал, прихрамывая, по дороге, я за ним.

— Как же это он под водой?

— Лег и лежит на дне заслоном, воду держит.

— Будь он неладен! Из-под пуль ушел, так в ров залез, неужто утонул?

— Пока еще не утонул, но ему одному не выбраться, надо его вытащить оттуда.

Когда мы подбежали ко рву, на председателе не было сухой нитки, даже с бороды капал пот.

— Эй, Курман! — закричал он. — Ты живой?

Во рву что-то будто пошевелилось. Председатель стянул с себя одежду и в одних кальсонах бросился в арык на помощь отцу.

— Стойте, — подал голос отец. — Если я пошевелюсь, опять может прорвать.

— Давай руку! — закричал председатель. — Мне еще не хватало на старости лет отвечать за тебя.

— Прорвет ведь.

— А пускай прорывает к черту!

— Травы надо, травы побольше. Иначе никак.

Чертыхаясь, председатель выбрался из арыка.

— Не траву надо, а дерном заложить.

Он надрал дерну и стал укладывать куски рядом с отцом, весь перемазался в грязи. Про отца как будто совсем забыл. А тот по-прежнему лежал во рву среди дерна и травы, глаза сверкали. Вот он поднял голову и оглянулся по сторонам.

— Что, костыли ищешь? — спросил председатель. — Я их давно вытащил.

Он стоял около рва, как черный великан из сказки, которую мне часто рассказывала бабушка, даже с бороды у него стекала грязь. Отец выглядел ничуть не лучше.

У обоих было веселое настроение — бурливый поток удалось остановить, по рву струился лишь маленький ручеек.

— А у нашего председателя есть еще порох в пороховнице, — сказал отец, улыбнувшись.

— А ты что думал — слабак? Слабаки в председателях не ходят. В прошлом году я еще на фронт просился, да не пустили.

Видно, их настроение передалось и мне.

— Силен дед, — протянул я.

Председатель обернулся ко мне, глаза его лукаво сверкнули.

— Я ведь борец. Ты что, не слышал? Не раз призы брал.

— Слышал. Расскажи лучше, как арбу приволок.

— Откуда ты об этом знаешь?

— Мама рассказывала.

Между тем они выбрались на сухое место. Я глянул на них и расхохотался.

— Чего ты смеешься, постреленок? Уж не над нами ли потешаешься? — спросил председатель.

— Да вы оба на чертей похожи. Если бы бабушка увидела вас, умерла бы со страху.

— Ну погоди, я тебя сейчас тоже искупаю, — сказал председатель и рванулся ко мне. Я с хохотом отскочил. — Эй, герой! — сказал председатель. — Смеешься, а забыл, как недавно ревел во все горло?

— Не забыл. Мне отца жалко было. Замучился он тут с плотинной.

— А меня не жалко, а? — спросил председатель.

— Так ты ведь борец. Разве борцов жалеют?

Отец и председатель расхохотались.

— Надо все же закидать этот ров дерном, — сказал отец, перестав улыбаться. — На честном слове держится. Может прорвать снова. С водой шутки плохи.

— Пожалуй, — согласился председатель. — Хорошего ждать от этой ямы нечего. Давай, за работу.

И мы принялись таскать в ров куски дерна, пока не положили его до краев.

Начинало здорово припекать. Все вокруг было окутано марсвом, которое чуть-чуть колыхалось под слабым знойным ветерком.

— Ну вот, теперь надежно, — сказал председатель. — Не прорвет. А ведь только что храпело и бурлило.казалось, нет такой силы, чтобы остановила поток. А сила-то есть. Есть сила!

— Если бы не отец, в твоём арыке и капли воды не осталось, — неожиданно вырвалось у меня.

— Ах вот как! — задорно воскликнул председатель. — На вас двоих, значит, держится небо? Ну-ну, герои. Как же это я забыл вас похвалить? О, пустая моя голова!

Председатель перемигнулся с отцом, и они оба расхохотались, и я вместе с ними.

Мы развесили мокрую одежду на кустах и стали ждать, когда она просохнет.

— Дай-ка мне насыбаю, — обратился ко мне председатель и опять подмигнул отцу. Это известная у нас шутка, когда у мальчиков просят понюхать табачку, мол, ты еще не джигит, а ребенок. — Табачок у тебя, наверное, задиристый, а?

— Прошло время насыбая, — вступился за меня отец. — Он уже джигит.

В траве рядом застрекотал кузнечик, чуть подальше от нас неожиданно выпорхнула перепелка. С дороги доносился отдаленный скрип арбы.

— Утром, только было за чай сел, — сказал председатель, — радио заговорило. Левитан наш. Драпают, оказываются, проклятые фашисты.

— Выдохлись, — сказал отец. — Скоро уж до Берлина дойдут наши.

— Сколько наших джигитов загубили, — вздохнул председатель, — а теперь сами в собственной крови утонули.

— Видел своими глазами, — сказал отец и посмотрел на свои костыли. — Об этом не расскажешь.

— Вот и у Нуртаса отец совсем молодым погиб, — сказал председатель. — А какой джигит был этот Аманжол! Когда уходил на войну, сказал мне: «Пока ты будь председателем, а вернусь, снова сам стану». Рассмеялся еще, до сих пор не забыть его лица.

Отец молча глянул на меня, я отвернулся, не выдержал и разревелся. Председатель похлопал меня по спине:

— Вот она старость, не ведаешь, что творишь. Я понимаю, больно тебе, сынок. Но что же делать, потерпи. Покойный твой отец был огонь. Все учителя в округе дивились его способностям. И вот такой джигит погиб, сражаясь с этим отродьем. Да разве один Аманжол погиб?

— Да, — вздохнул отец, не поднимая головы. Он весь как-то съежился в комок, поник.

— Что говорить, из Аманжола вышел бы толк, — продолжал председатель. — Никогда не забуду, как он с председателем из района схватился на колхозном собрании. Аманжол тогда был секретарем комсомольской организа-

ции, а председатель наш человек тихий, инертный. Представитель корит его, ругает, мол, уничтожу тебя, такой ты сякой. Не успел еще представитель с трибуны сойти, Аманжол вскочил. Не забуду его слова: «Зачем вас к нам послали? Помочь колхозникам или запугивать их? Вы сначала разберитесь, что к чему. Председатель наш ни в чем не виноват. Нечего попусту угрожать. Если по-настоящему боletsе за дела колхозные, надо по-деловому говорить да посоветоваться с людьми, а не угрожать. Такие представители нам не нужны».

«Молчать!» — закричал тот, совсем вышел из себя.

«Будете так себя вести, — сказал Аманжол, — мы вас удалим с колхозного собрания».

Мы все, конечно, замерли.

«Призовешь ты своего болтуна к порядку или нет?!» — накинулся представитель на председателя. А тот молчит, хорошо знал Аманжолу. Наш парень вышел на трибуну и такую речь закатил! Все наши проблемы как на ладони показал. Все стало ясно и понятно. Ну и хлопали мы тогда ему. Представитель как в рот воды набрал. Даже жалко стало его. Ну а потом началась война...

Снова застрекотал кузнечик. Одежда наша просохла. Председатель собирался пройтись по бригадам, отец хотел посмотреть арык внизу.

— Мы ведь обещали маме лепешку, — напомнил я.

— Помню, — сказал отец.

— Эй, Нуртас! — окликнул меня председатель. — Не забывай, что я тебе рассказывал об Аманжоле. А ты, Курман, еще раз осмотри свой арычок. Не нравится он мне что-то. Арык-то новый, никак не установится. Вода коварная штука, найдет лазейку.

Отец молча очищал костыли от грязи.

— Нелегко мне быть мирабом, — сказал он. — Не уследить за всем.

— Э-э, да ты не расстраивайся. Никому сейчас не сладко. Вот кончится война, я тебя на бухгалтера учиться отправлю.

— А на председателей не учат? — спросил я.

— Это зачем тебе?

— Хочу, чтобы отец был председателем.

— Пусть сначала с мирабской работой управится. Ишь чего захотел! Да что же это такое?

— А ты не ругай отца.

Председатель присел на корточки и заглянул мне в глаза:

— Ладно, не буду больше твоего отца хаять. Скажу правду, без шуток. Вам с матерью повезло. Таких, как Курман, мало на свете. Все в ауле радуются, глядя на вашу семью. — Бородка у председателя задрожала, и он отвернулся.

— От сына вестей нет? — спросил у него отец.

— Нет.

— Не горюйте, на фронте всякое бывает. Не дойдет, видно, никак письмо.

— Что без толку горевать? — жестко сказал председатель. — Не чай пить ушел, а воевать. Старухе моей тяжело, не могу я смотреть, как она плачет.

Председатель надел чекмень, туго подпоясал его и ушел, скоро он превратился в маленькую темную точку на серой дороге.

— Тоже не сладко человеку, — сказал отец. — Старший сын погиб, от младшего нет вестей. А тут еще работа, ни днем ни ночью никакого покоя.

— А я думал, он балагур.

— Без таких стариков нам было бы трудно, — возразил отец. — В трудные минуты лучше его никто не поддержит человека. Ведь ему почти каждого приходится утешать. А кто его утешит? Никто. За каждой его невинной шуткой боль скрывается, боль, известная ему одному. Много ты еще встретишь хороших людей в жизни. Слушайся их, сынок.

За разговором мы и не заметили, как подошли к полю, на котором работала наша мать. Увидев ее, я заторопился и обогнал отца. Его костыли за моей спиной тоже за скрипели сильнее, он прибавил шагу. Мать заметила нас, постояла немного, заслонив ладонью глаза от солнца, будто не сразу признала своих, потом пошла навстречу.

— Уж не купались ли вы в одежде? — удивилась она. — Все вон грязью заляпаны.

— Арык прорвало, — важно сказал я. — Так мы втроем с председателем едва его закрепили. Разве не заметили, что воды стало меньше?

— Поливальщики, может, и заметили. А мы тут и спины не разогнули. Что же мы стоим? Идемте в тень.

Мы прошли к арыку и устроились в тени тальника. Я передал матери лепешку, отец притащил большой арбуз. Мать сняла платок с пояса и расстелила его перед нами. Отец разрезал арбуз и стал угощать маму.

Мне хотелось пить да и есть тоже, с утра во рту маковой росинки не было. Мы быстро уничтожили половину

арбуза. Я все время наблюдал за ними. Они улыбались друг другу, как дети. Отец смущался, краснел, стоило ему встретиться взглядом с моей матерью, то и дело предлагал ей самые спелые, самые сочные куски арбуза. Обо мне они как будто и вовсе забыли.

Мать поглядывала на отца робко, и в то же время было в ее взгляде что-то особенное, а что именно, я не мог тогда понять. Сейчас бы я сказал, что так смотрят на людей, которые симпатичны тебе, приятны, дороги сердцу.

Вслух они почти не разговаривали, но мне казалось, что они и так понимают друг друга, без слов. Еще я подумал, что, дай им волю, они просидят до вечера. Я не вытерпел и сказал:

— Ну что ж, пора, наверное, и вставать.

Мать встрепенулась:

— Да уж, поди, обыскались меня.

Всю дорогу я переживал, мучился: «Какое она имеет право так улыбаться ему?» Отец шагал впереди на своих костылях, и я смотрел на его сутулую спину почти с ненавистью, считая себя обкраденным им. Зачем он пришел к нам? Ведь мы и без него жили неплохо, теперь строит из себя благодетеля.

Расстраивало меня и то, что они ни разу не вспомнили и не заговорили о моем настоящем отце, который погиб на войне. Мне приходила дерзкая мысль выгнать его из дома или выбросить в арык скрипучие костыли. Я наивно говорил сам себе, что, если бы мой отец вернулся с войны, все было бы по-другому, Курман и близко бы не подошел к нашему дому.

Сейчас я понимаю, что мы, дети, часто бывали несправедливы, а порой и жестоки. Но что я мог знать в те поры о жизни?

Мы добрались наконец до места, откуда отец распределял воду по бригадам. Он стал смазывать замки перегородак, а я молча наблюдал за ним, все еще обиженный из-за того, что они улыбались друг другу, забыв обо мне и обо всем на свете.

Часов у нас не было, но я научился определять время по собственной тени. Я прикинул, и оказалось, что прошло не так уж много времени с утра, когда мы вышли из дома. Но произошло так много событий, что полдня показались мне годом.

До самого дома мы не обмолвились с отцом ни словом... Я дулся на него и, хотя чувствовал, что обиды мои несправедливы, ничего не мог с собой поделать...

В то лето произошел случай, который многому меня научил, и я как-то по-новому стал смотреть на своего отца и относиться к нему. Случай этот на первый взгляд может показаться незначительным, сущим пустяком, но он врезался в мою детскую память на всю жизнь, и многие свои поступки в жизни я впоследствии определял по нему.

Время было вечернее, и люди в ауле, уставшие от дневного зноя и нелегкой работы, уже ложились спать. Отец мой вдруг стал торопливо одеваться. Мы спросили у него, куда он собирается идти на ночь глядя.

— Да надо бы еще раз осмотреть этот проклятый арык, — сказал он. — Не дает он мне покоя. Как дырявое ведро, худо держит воду.

Бабушка в тот вечер сидела у нас и, как всегда, стала возмущаться:

— Только ведь приковылял. Зачем опять тащиться? Ничего не делается твоему арыку.

— Эх, апа, раз уж напялили этот мирабский хомут, надо тащить, — возразил отец. — Да и неудобно мне. Люди там всю ночь в грязи лезят, а я дома прохлаждаюсь.

Дело в том, что с наступлением жары, настоящего пекла, хлопкоробы перешли на ночной полив хлопчатника. А что это за хлопкоробы? Старики одни, старухи да подростки. До самого рассвета они не смыкали глаз, направляя строптивую воду к посевам. Изматывались они до предела, и я хорошо понимал мысли отца и сочувствовал им.

Мать промолчала, но бабушка все никак не могла уговориться:

— Хоть бы чаю напился. Какой дьявол тебя гонит?

— В предосторожности греха нет, — отозвался отец. — Лишний раз посмотришь, на душе спокойнее.

— Дело твое, как знаешь, — почему-то обиделась бабушка. — Взрослый ведь человек.

Отец глянул в окно и сказал, как бы принимая окончательное решение:

— Ночь лунная, светло.

Не знаю, что тогда руководило моими чувствами, но я вскочил с места и тоже стал одеваться:

— Пойду с тобой.

Бабушка усмехнулась:

— Вы только посмотрите на них.

В голосе ее я уловил удовлетворенные. Может быть, она радовалась, что я все время провожу с Курманом и привикаю к нему.

Ночь была тихая. Луна хорошо освещала знакомую тропинку вдоль арыка. Кроме наших шагов, ничто не нарушало тишины, да лягушки прыгали из-под ног прямо в арык. Собаки молчали, хотя обычно лаяли на каждый шорох. И они, наверное, измучились от дневного зноя. Арбакеши, которые не знали покоя ни днем ни ночью, тоже не попадались на дороге.

Тишина угнетала меня, отец молчал.

— И арбакешей не видно. Куда они подевались? — спросил я, чтобы хоть как-то нарушить тишину.

— На станции, поди, задержались, — ответил отец, размеренно поскрипывая костылями. И больше ни слова не сказал. Я подумал, что он, наверное, сильно натер себе под мышками, и мне стало его жалко. Мы с ребятами как-то сделали себе самодельные костыли и попробовали ходить на одной ноге, но я и двух шагов не смог ступить.

— Да, износились мои костыли, — сказал вдруг отец, будто прочитав мои мысли. — До чего надоел этот скрип.

— Может, смазать их жиром? — Я был рад, что наше молчание нарушилось, и мне стало не так одиноко в ночи.

— Не поможет.

— Тогда заколоти гвоздь, чтоб не скрипело.

Отец ничего не ответил, а я ждал от него слов, может быть, и ласки, но он был молчуном по своей натуре. Я сказал, что мы с ребятами пробовали ходить на самодельных костылях и это, оказывается, нелегкое дело. Отец вдруг вскипел:

— Что за игры у вас? Костыли — разве это игрушки?! Это беда, горе! Уничтожь, сожги, чтоб глаза мои не видели!

Мне кажется, он меня тогда не понял, а может быть, и я его. Во всяком случае, отец обиделся, я расстроился, и больше мы уже не разговаривали. Я даже пожалел, что пошел с ним. Сидел бы дома. Когда мы уходили, мама сказала, что поставит чайник и они посидят еще с бабушкой, посумерничают. Бабушка непременно выложит все аульные новости, а мать — про свои дела на хлопковом поле. Потом они вместе погорюют о тех аулчанах, чьи дети не вернулись с войны, может быть, вспомнят моего отца Аманжолу, которого я не видел ни разу в жизни, и поплачут...

Курман, который шел, не сводя глаз с арыка, вдруг остановился и выругался:

— Будь он проклят, этот арык! Чувствовал я.

— Что случилось? — спросил я.

— Пропало оно все пропадом, эта чертова мирабская работа. Опять, кажется, где-то прорвало. Нет, права была твоя бабушка, куда уж одному идти в мирабы!

— Неужели прорвало? — со страхом спросил я. Отец молча кивнул головой.

Один раз я уже видел, как прорвало арык, и мне этого было достаточно. Перед глазами до сих пор стоит шум воды, стремительно падающей в ров, и крик отца, который своим телом пытался противостоять бешеному напору, его голова, то и дело скрывающаяся под водой. Я понял, что второй раз такого не переживу, просто умру от страха. А тут еще ночь. Я взглянул случайно на свою тень и вздрогнул, мне показалось, что за мной кто-то крадется.

— Боишься? — спросил отец. — Не бойся, нам ведь с тобой не впервой. Сделаем заслон, как тогда.

— Где мы найдем траву ночью?

— Придумаем что-нибудь.

Я подумал, что ночью ни за что не полезу в воду, там полно лягушек, да и змеи могут быть. Мать мне об этом не раз говорила: «Не вылезаете целыми днями из воды, а вдруг змея ужалит?»

Надо признаться, я перетрусил здорово и стал уговаривать отца вернуться домой, хочу домой, да и все. Отец с досадой обернулся:

— Устал я от твоего хныканья. Замолчи.

Слезы сами по себе закапали у меня из глаз. Я не мог переносить, когда он ругал меня. Слова его обижали меня хуже побоев. Бывало, мать ругается, а мне хоть бы что, в одно ухо влетело, в другое вылетело. А тут стоило отцу лишь нахмуриться, и несчастнее меня нет никого на свете.

Мы по-прежнему шли вдоль арыка, отец пристально всматривался в берега, а я напряженно прислушивался, не бурлит ли где вода, не разлилась ли по большаку. Мне было очень не по себе, от каждого шороха я вздрагивал. И, как нарочно, в голову лезли всякие страшные истории. Например, как бабушка посреди ночи встретила с шакалами...

Поезд пришел на станцию поздно, транспорта добраться до аула никакого не было, и бабушка потащила меня пешком. Путь не близкий. Но вот как она сама это рассказывает:

«Как вспомню, мурашки по телу. Ночь. Ни зги не видно, хоть глаз выколи. А домой надо. Подумала, подумала и пошла, дорога доведет, не даст заблудиться. Кругом дикая степь, не то что теперь. Иду, голову поднять боюсь. Вдруг на тебе, за спиной свистят. До того испугалась, чуть на дороге не села. А в камышах слышу какой-то шорох, и опять что-то вроде свиста. Тут я и вспомнила, что на этой дороге

водится много шакалов. Что делать? Даже палки в руках нет. Пришла моя погибель, задерут, как овцу.

Глянула, а впереди меня уселись на дороге четыре шакала, поджидают. Ох и закричала я. Отбежали они в сторону и давай землю лапами рыть, мол, мы тебе еще покажем. Собрала я все свои силы да и побежала по дороге, шакалы за мной. Бегу да ору. Сколько я так бежала, не знаю. Голос у меня сел от крика, сама в беспамятстве. Когда опамятовалась да оглянулась по сторонам, шакалов уже не увидела. Вдруг слышу скрип арбы сзади. Присела я на дороге, жду, радуюсь, конечно, довезет человек до аула. Когда арба подъехала, я вскочила с места. Только не надо было этого делать, лошади испугались. Так рванули, что арбакеш едва не вылетел из арбы. Не успела я слова сказать, арбы и в помине нет. Ох уж и поругала я тогда себя. Делать нечего, припустила опять бегом. Только к рассвету в аул добралась. А назавтра я узнала, что арбакеш, который удрал от меня, был наш аульный забняка Дайрабай. Ну и досталось ему от меня. Говорит, сам испугался, подумал, что ведьма на дороге сидит. Чуть, говорит, лошадей не загнал со страху. . .»

Некстати я вспомнил бабушкин рассказ, впереди мне померещилось что-то темное, неясное. «Шакал», — мелькнуло у меня в голове. Но в это время отец, споткнувшись обо что-то, грохнулся на землю, как подрубленное дерево. Попробовал встать, но у него не получилось.

— Ойпырай! — простонал он. — Надо же так.

Я тут же забыл о всех своих страхах и наклонился к нему:

— С ногой что-нибудь?

— Двинуться не могу, свело поясницу.

Я не знал, как ему помочь, и стоял перед ним в беспомощности. Только что человек скакал так, что я едва за ним попевал, и вдруг даже пошевелиться не может. Я подал ему костыли, он со стоном поднялся, постоял, превозмогая боль, потом костыли скрипнули. Я пошел следом.

Меня бесило его молчание, как будто он дал зарок не разговаривать со мной.

— Шел бы потише, а то опять грохнешься.

— Все может быть, — пробормотал он.

— Я сейчас домой пойду, — сказал я.

— Иди.

— Один я боюсь.

— Нету у меня нукеров, чтобы сопровождать тебя.

— Пойдем вместе, — захныкал я.

Он вдруг заорал:

— Ты не пойдешь домой! Надо будет, в одежде в воду полезем, в грязь полезем! Пока не сделаем запруду, не уйдешь. И первый ты в воду полезешь, ты!

От обиды и горя я расплакался, но по-прежнему бежал трусцой за ним, едва поспевал.

— Кто ты такой, чтобы кричать на меня? — бормотал я, всхлипывая. — Все расскажу бабушке, вот увидишь. Не буду тебя отцом называть. Ты мне не отец.

Он остановился и молча взглянул на меня. Я испугался и отступил на шаг. В эту минуту мне больше всего хотелось, чтобы он приласкал меня, пусть бы просто обнял, прижал к себе. Но он этого не сделал. Некоторое время мы стояли так, не говоря ни слова. Потом я поднял глаза и увидел впереди у водораспределительного щита что-то темное.

— Что это там? — невольно вырвалось у меня.

— Где?!

— Да вон.

— Человек, — пробормотал он. — Вот, значит, кто разрушает берег. Стой! Кто же это может быть? Стой, говорю!

Навстречу нам вышел какой-то высоченный дядька, босой, штанины закатаны. Мы подошли ближе, и я узнал арбакеша Дайрабая.

— Ассалаумагалайкум! — как ни в чем не бывало сказал он. — Я тут немного воды пустил на свою бахчу.

Отец опешил от такой наглости, потом потряс своим костылем и заорал:

— Собака, как только у тебя рука поднялась!

— Чего ты кипятишься, — спокойно сказал Дайрабай. — Вода ведь не твоя собственная. Подумаешь, убудет три капли. Кто заметит?

— Мотай домой, пока жив, — сказал отец и перекрыл кран. Потом достал табак и стал закуривать. Руки у него тряслись, махорка просыпалась, и он никак не мог свернуть сигарку. Дайрабай даже не пошевелился.

Тогда ему было, наверное, около пятидесяти, крепкий, здоровый мужик. Сколько я его помню, он всегда был арбакешем. Запряжет двух гнедых в арбу и ездит по аулам. Стоило нам, ребятишкам, завидеть Дайрабая, мы бежали ему навстречу. Бывало, он сажал нас на телегу и катал. За это ему, правда, доставалось от председателя, но он возражал упрямо:

— Они ведь мальчишки. Понять надо. Жалко, что ли?

И вот этот Дайрабай воровал ночью воду. Они стояли с отцом друг против друга и орали:

— И чего тебе не спится ночью, Курман?

— Днем выпаслся. Если сейчас не уйдешь подобру-поздорову, нарвешься на неприятности, понял?

— Да ты что, парень? Из-за такой мелочи шум поднимать? — досадливо пожал плечами Дайрабай. — Пойми ты по-человечески, моя бахча с гулькин нос, дыни сейчас поспевать стали. Для ребятшек ведь я.

— Ты тоже пойми. Мы только и думаем, как бы хлопок не оставить без воды. Председатель, узнай, чем ты занимаешься по ночам, в тюрьму бы тебя отправил. Это же воровство.

— Не жадничай, — спокойно проговорил Дайрабай. — Ты ведь не бай, в конце концов, чтобы на меня орать.

Отец выхватил у меня ключ и стал закручивать кран до предела, а сам все время ругал Дайрабая:

— Пропади ты пропадом со своими дынями. Лучше бы сдох, да только не позорил себя таким делом. Проваливай с глаз моих, пока цел!

— Уж не убьешь ли ты меня? — взорвался наконец Дайрабай. — Не дам я тебе закрывать воду. Скорее лопну, а не дам! Я тоже колхозник, и у меня есть дети. Завидуешь моему участку? Хочешь, чтоб засохли мои дыни? Не выйдет!

Дайрабай выхватил у отца ключ и стал откручивать кран, вода хлынула в небольшой арычок, который тянулся к участку Дайрабая.

Отец толкнул его в грудь, Дайрабай пошатнулся и выпустил из рук ключ.

— Да ты что, хромой черт?! — заикаясь, сказал Дайрабай и полез на отца. Я понял, что отцу моему недобровать. Дайрабай был великан по сравнению с ним. Он схватил отца за шиворот и потащил, как котенка, на берег арыка. Я вцепился в него и заорал:

— Пусти отца! Пусти!

Дайрабай совсем взбесился, отшвырнул меня и стал избивать отца. Наверное, кровь ударила мне в голову, в глазах помутилось. Я поднял отцовский костыль и хватил им Дайрабая по затылку. Он и пикнуть не успел, как согнулся в дугу, рухнул мне под ноги. Я бросил костыль и отбежал. Оглянулся — оба лежат без движения. Кругом тишина, ни голоса человеческого, ни звука. Сначала я хотел было бежать в аул, но не смог двинуться с места, дрожат руки, ноги.

Сколько я топтался на месте в нерешительности, не помню. Наконец подбежал к отцу и начал его тормошить:

— Коке! Коке, очнись!

От отца бросился к Дайрабаю, тот застонал, пошеве-

лился, и страх опять напал на меня. Вдруг он только притворяется? Сейчас схватит меня и задушит. Но нет, Дайрабай больше не шевелился, и я стал их тормозить обоих по очереди.

Отец наконец пришел в себя. Я закричал от радости и обнял его за шею. Дайрабай все-таки здорово его отделал. Под глазом синяк, губы распухли, шея почернела. «Он же мог совсем его задушить», — подумал я. Отец пошевелился и сказал:

— Эти костыли проклятые...

Я тотчас вскочил и подал ему костыли, он еле дотащился до арыка и присел на берегу. Вид у него был жалок. Ворот гимнастерки полуоторван, рукав болтался на ниточке, кепка где-то потерялась. За все это время он и головы не повернул к Дайрабаю. Я не выдержал:

— Коке, а что с этим делать будем? Уж не помер ли он?

— Как там кран? Где ключ? — спросил отец, как будто Дайрабая и на свете не существовало.

— С краном все в порядке, — сказал я.

Дайрабай вдруг поднял голову и со стоном уронил опять. «Умер совсем, — со страхом подумал я. — Пропал теперь отец, схватят, в тюрьму запрут». Перед глазами у меня встали смуглая невзрачная жена Дайрабая и все его дети, и я содрогнулся.

Я вообразил себе живо, как они сидят тут, на берегу арыка, и воют. Плачет весь аул, моя бабушка, мать обнимает жену Дайрабая, утешает ее. А отец? На него смотреть жалко. Один только председатель всех утешает.

Эта картина мне вообразилась так живо, что я не смог больше молчать.

— Отец, что ж ты сидишь? Заставь подняться этого Дайрабая. Сделай что-нибудь.

Отец обнял меня:

— Сейчас, мой родной, сделаем что-нибудь. Успокойся.

Но тут Дайрабай сам стал подниматься, грузно, тяжело, огромный, как великан из сказки. Я-то думал, он умер от моего удара костылем. Поднялся он и пошел к нам. «Ну все, — подумал я, — это конец. Он нас убьет».

— Идет к нам, отец! — взвизгнул я. — Что ты сидишь?!

А отец даже не шелохнулся. Дайрабай подошел к нам и вдруг зарыдал. Могучий, здоровый Дайрабай зарыдал, как обиженный ребенок, весь съежился, будто даже ростом меньше стал. Мне стало жалко его, захотелось подойти и утешить. Но отец сидел молча, и я не решился.

Наконец Дайрабай повернулся, перекинул кетмень через плечо и побрел к аулу. Отец все еще молчал, потом за-

винтил потуже кран и сказал расстроенным, дрожащим голосом:

— Вернемся, сынок. На сегодня хватит.

В ту ночь я увидел сон. Будто мы с отцом пришли на дынный участок Дайрабая. Он ходил между рядами дынь и сокрушался:

«Если бы я полил тогда, хорошие бы дыни выросли. А сейчас разве это дыни? И дети без дынь остались. Как я им теперь в глаза-то смотреть буду?»

«Зачем ты мне об этом говоришь, — спокойно сказал отец. — Зато вон погляди на хлопок. До пояса вымахал. А все потому, что поливали вовремя, и воды хватило».

«Ну и дурак же ты, — сказал Дайрабай. — Для кого ты стараешься?»

«Для людей стараюсь, не для себя».

«Ну и много ты имеешь от этого своего старанья? Сам гол как сокол и других хочешь по миру пустить. Ладно уж, горбатого могила исправит. Лишь бы твой сынок не пошел в тебя».

«Попридержи язык!» — рассердился отец.

«А что? — ехидно сощурился Дайрабай. — Может, опять хочешь битым быть?!» И он грозно двинулся на нас.

Я не выдержал и закричал во сне:

«Коке! Пошли скорее отсюда! Давай уйдем! Уйдем!»

И тут я проснулся. Отец сидел на моей постели, у меня в ногах, и курил.

— Спи, сынок, спи, — ласково проговорил он. Но я уже не мог уснуть до утра.

3

Много событий осталось у меня в памяти, событий, которые не могу забыть, потому что все это связано с тем временем, когда мы ждали своих отцов с войны. Столько мы тогда пережили, что мне дорого любое воспоминание. Иногда, правда, хочется что-то позабыть, но не забывается, ни плохое, ни хорошее. Но, впрочем, много ли с нас возьмешь, ведь мы были детьми.

Я уже ходил тогда в школу, которая была не близко, в соседнем ауле, за шесть километров от нас. Чтобы вовремя попасть на уроки, надо было вставать затемно, до солнышка. Особенно трудно было зимой, в морозы да вьюги. В школу идешь — мерзнешь, обратно — еще хуже. Но мы не пропускали занятий.

Как-то мне показалось, что я проспал, выглянул в окош-

ко, а там светло. Мать развела уже огонь в печи и подогрела суп.

— Почему не разбудили? — с досадой сказал я.

— Еще рано, — сказал отец. — Успеешь. Поешь как следует. На улице мороз.

Но мне было не до еды. Я поскорее оделся и выскочил на улицу, пошел будить ребят. Они, оказывается, тоже спали.

Едва мы вышли из аула в степь, сразу поняли, что с морозом шутки плохи. Чтобы хоть как-то согреться, мы кинулись бежать, но много ли пробежишь с тяжелой сумкой, в которой кроме учебников да тетрадей лежали чернильницы, наши завтраки.

Вскоре я понял, что вышли мы рано, не как обычно, только начинало светать, небо чуть-чуть поголубело. Я расстроился, что не позавтракал, огорчил, наверное, родителей, зря поднял ребят в такую рань. В общем, чувствовал себя кругом виноватым. А ребята, как назло, стали донимать меня, мол, поспать не дал, обманул их всех.

— Зато торопиться не надо, — сказал я хмуро. — А то каждый раз бежать приходится.

— Да уж лучше опоздать в школу, чем не выспаться, — сказал толстый мальчик. В ауле он был нашим соседом, но я его никогда особенно не любил. Всегда по дороге в школу он съедал свой завтрак, а потом, на переменах, смотрел всем в рот: отломи, мол, кусочек хлеба.

— Помолчи, обжора, — буркнул я, — а то получишь.

— Сам получишь.

И мы схватились бороться. Но сначала уговорились, что кто окажется внизу, тащит победителя пятьдесят шагов. Я легко повалил его, потому что был проворнее, и он потащил меня на своей спине. Остальные ребята со смехом подбадривали его. Остановились у придорожного арыка, где темнела железная труба. Не знаю, какой черт меня дернул за язык, но я сказал:

— А ну, кто из вас смелый? Кто схватит голой рукой эту трубу? Что, испугались? Трусы.

— А ты не подзуживай, — сказал толстый мальчик. — Сначала сам попробуй.

— А что, и попробую!

Делать было нечего, не отступать же мне, хотя я в прошлую зиму проделывал эту штуку и знал, чем все это кончится. Целый кусок кожи остался на трубе.

— Эх, вы! — с презрением сказал я, но боюсь, что в моем голосе было больше отчаяния, чем презрения. Мне показалось, что я схватил руками горсть живых углей. Не-

вольные слезы брызнули из глаз. «Так и надо, поделом мне, — подумал я. — Сам первый начал».

Обида душила меня, ладони горели как в огне, но я старался улыбаться. Все по очереди после моего примера хватались за трубу и отходили в сторону.

— Ну что, герой? — усмехнулся толстый мальчик. — Что теперь скажешь?

— Подумаешь, фокус, — поддержали его остальные. — Расхвастался.

— Вечно он задирается, — сказал толстый мальчик. — Думает, что мы хуже его. А сам хвастунишка, да и все.

В глазах у меня потемнело то ли от обиды, то ли от горя, я готов был кинуться на толстяка с кулаками. Вдруг меня осенило:

— Если ты такой герой, лизни трубу языком!

Толстый мальчик вздрогнул от страха, я это заметил не без злорадства.

— И лизну! Только ты первый попробуй!

Опять последнее слово осталось за ним, снова я сам себя наказал. Отступать поздно, но и приниматься за дело страшно.

— А что, думаешь, испугался?

— Давай, давай, покажи себя на деле, — злорадствовал толстяк. — А мы постараемся от тебя не отстать.

— Думаешь, испугался, — пробормотал я. — Да я и не такие штуки проделывал. Тебе и во сне не снились.

— Давай не увиливай.

Деваться было некуда, и я прикоснулся языком к заиндевевшему железу, оставив на нем кусочек кожи. Вот уж действительно до чего жестоки порой бывают детские шутки. Язык мой еле ворочался во рту и сочился кровью. Пусть так, но я выдержал испытание, что доставляло мне немалое удовлетворение. Я радовался, что все уже позади, что никто не посмеет теперь обозвать меня трусом. Но если бы только эти чувства я испытывал! К стыду моему, я ждал и жаждал боли моего противника, толстого мальчика, или же его позора, если он отказался бы повторить мой «подвиг».

— Теперь твоя очередь. Посмотрим, каков ты на деле, — сказал я, еле ворочая языком. — Сдаешься? Трусишь?

Но он и не подумал сдаваться, шагнул к трубе и лизнул железо. Язык у него прилип, видно, не догадался сразу же отдернуть назад.

— Отдирай скорее, дурак! — закричал я. — Без языка останешься!

Он зажмурился и дернул головой, кровь брызнула на снег.

Странное дело, только что я готов был избить его, потом торжествовал, предвкушая его поражение, а сейчас хотелось от стыда провалиться сквозь землю. Минуту назад я мучился от обиды и злости, а сейчас — от раскаяния. Мысленно я говорил ему: «Прости меня, не сердись. Да, я поступил подло, но неужели нельзя простить? Мне тоже было больно и обидно. Неужели из-за этого мы останемся врагами на всю жизнь? Ну давай не будем ссориться».

Толстый мальчик что-то пробормотал, но никто ничего не понял. Он взял снега и приложил к нему горящий язык, чтобы остановить кровь, но это не помогло.

— Может быть, тряпка поможет? — сказал я. Тряпки не нашли.

Он стоял перед нами жалкий, лицо все в крови, съезжил-ся, застыл на месте.

— Надо идти, ребята, в школу, а то на уроки опоздаем, — сказал кто-то.

Толстый мальчик косо глянул на меня, с ожесточением плюнул на железную трубу и пошел за нами.

Я все терзал себя: «Как же это подло с моей стороны, ведь он ни в чем не виноват. Нет, он меня никогда не простит. Такое не забывается». Я вдруг подумал, что он непременно обо всем расскажет моей бабушке и бедная старушка весь год будет вздыхать и расстраиваться: «Вот до чего дожили, опозорил меня внучек».

До сего дня я не могу забыть этой истории. Стоит мне в чем-то покривить душой, и я вспоминаю толстого мальчика и всю эту дорогу из аула в школу. У меня возникает желание отыскать его и извиниться, но я даже имени его не запомнил...

Мы уже почти подошли к школе, как вдруг заметили, что из окон сушилки валит дым.

— Хлопок горит! — ахнул я и рванулся к сараю. Хорошо, что хоть ворота оказались открыты. Внутри стоял густой едкий дым, где горело, понять было невозможно. Мы долго ползали на коленях по полу, пока не заметили, что в дальнем углу краснеет огонь. Целая гора хлопка-сырца уже начинала заниматься огнем.

— Давай, ребята! — крикнул я, стащил фуфайку и стал бить ею по огню.

— Сами сгорим, — сказал кто-то.

— Не сгорим! — крикнул я. — Снегу несите! Снегом надо!

И мы стали бегом таскать комья снега и забрасывать

им огонь. Мне кажется, толстый мальчик, мой бывший враг, суетился больше всех, и я подумал: «Какой он славный парень. Зря я с ним так поступил. Нам надо подружиться».

Пожар утих, мы успели вовремя. Снег растаял, и по углам сушилки образовались лужи. Подгоревший хлопок мы выбросили на улицу.

— А где же сторож? — вдруг спросил кто-то. — Оставил сушилку без присмотра.

— Этот старик-то? — сказал толстый мальчик. — Да он болеет через каждые два дня.

— Вся бы сушилка сгорела, если бы не мы, — сказал я и опять подумал, что не о том говорю, опять бахвалюсь. Но, кажется, никто этого не заметил, наоборот, все загалдели:

— Да, мы подоспели вовремя.

— Опоздай на пять минут, и было бы поздно.

Потом мы глянули друг на друга и расхохотались — все были перемазаны в саже, одежда прожжена. Толстый мальчик тоже от души хохотал, но он то и дело хватался за свой рот, а смех превращался в стон. У него все еще болел язык. Когда он стонал, я только виновато улыбался ему. Но толстяк не замечал меня, смотрел мимо, избегая моего взгляда. И я подумал, что мне сейчас больше всего хочется быть на его месте, в положении пострадавшего, терпеть боль, вызывать у ребят сочувствие и сострадание. Все симпатии были на его стороне.

Мы отряхнулись, привели одежду в порядок, умылись снегом и заторопились в школу. Но оказалось, что еще рано, и школа была заперта на замок.

— Вернемся в сушилку, — предложил толстый мальчик. — Не мерзнуть же нам на улице.

Авторитет его был велик, и все молча подчинились ему. Я хотел было возразить, что школа вот-вот откроется, но понял, что меня и слушать никто не станет.

Мы забрались на кучу хлопка. Тут было тепло, мягко и так уютно после мороза, что я закрыл глаза и, наверное, чуть-чуть вздремнул. Когда открыл глаза, рядом со мной стоял кто-то с длинными висячими усами.

— Ну, теперь никуда ты от меня не денешься! — сказал усач и схватил меня за руку.

— Да вы что? — возмутился я.

— Как это что? Сколько хлопка перепортили да еще и разлеглись тут, бесстыдники!

Ребята повскакали со своих мест:

— Так горело же. Едва потушили, сами чуть не задохнулись!

— И не стыдно вам заливать? — сказал с укоризной усатый. — Я тут полчаса назад был.

— Ата, ну зачем вы так? Честное слово, горело.

— Напроказили, а теперь еще и провести меня, старика, хотите? — возмутился сторож, а это был он. — Вот сейчас отведу всех к вашему учителю, он вам задаст.

Ребята могли еще удрать, но меня старик цепко держал за руку и был, наверное, убежден, что я виновнее их всех. И, как ни странно, я испытывал чувство вины перед стариком, перед всеми, кого знал и кто знал меня. Все из-за этой подлой истории с толстым мальчиком. Я поступил нечестно с ним и должен понести наказание, пусть даже оно и будет несправедливым, как вот сейчас. Воля моя была сломлена.

— Аллах с вами, — захныкал я, — раз уж вы нам не верите, аллах с вами...

Старик двинул меня по затылку и проворчал:

— До чего упряма, стервец. Нет чтобы признаться да раскаяться, на своем стоит. Ну постой же.

— Даже если вы и отлупите меня, все равно. Не мы хлопок поджигали.

— Ишь ты, какой упрямец, — сказал старик, но уже не так уверенно. — Вам бы только позабавиться, а я за вас под суд идти не хочу. Не к учителю, а к председателю я вас отведу. Уж там-то не отвертитесь. Поджигатели. Молоко на губах не обсохло, а они уж хулиганят.

Ребята перепугались до смерти. И действительно, взрослому поверят скорее, чем нам, мальчикам. Если старик расскажет в школе, в ауле, опозорит перед всем народом, что тогда делать?

«Ну и влипли в историю, — подумал я. — Не верит, да и все. Удрать если, так он в школу за нами прибежит, скандал поднимет».

Чувство вины, угнетавшее меня все время, вдруг прошло.

— Ата, напрасно вы нас обвиняете в пожаре, — сказал я спокойно. — Сами подумайте, зачем нам устраивать пожар? Кроме того, вы нас за руку не поймали.

— Ах, так! Я тебя за руку не поймал?! — вскипел старик. — А это чья рука? Да я тебя первого привлеку к ответственности.

— Что хотите, то и делайте, — процедил я сквозь зубы. — Хоть режьте, хоть стреляйте!

Старик совсем рассвирепел:

— Ты меня уму-разуму собрался учить, сопляк. Да я вот сейчас сниму ремень, выпорю собачьего сына для начала, а уж потом к председателю отведу. Ишь какой разговорчивый, те молчат, потому что совесть не совсем еще потеряли. А этому слово, он тебе два. Ты и устроил пожар, больше некому.

Несправедливость хуже зуботычины, я совсем растерялся и умолк. В это время раздался голос толстого мальчонка:

— Дяденька, это он поджег хлопок. Заприте его! Самый что ни на есть головорез!

Сначала я подумал, что толстяк шутит, и с улыбкой обернулся к нему. Тот отпрянул в сторону.

— Ты что это? — пробормотал я. — Что за шутки? — Такого предательства я себе вообразить не мог.

— Он поджег! Держите его, а то убежит!

Я во все глаза смотрел на толстяка, пытаюсь понять по его лицу причину такой чудовищной лжи, обнаружить хоть бы намек на шутку. Но нет, тот обвинял меня всерьез. Я бросился к нему, но старик перехватил меня:

— Ишь ты, какой задира.

— Пустите меня, я ему...

— Хочешь со мной силенками померяться? — сказал старик. Его руки, будто клещи, впелись в мои плечи. — Да я ведь могу из тебя душу вытряхнуть. Стой, тебе говорят! Угомонись ты, неугомонный.

— Изобью, как последнюю собаку! — закричал я. — Все равно никуда не денешься. — От злости и обиды я чуть не плакал.

— Не отпускайте его! — крикнул толстяк. — Потом не поймаете. — И выскочил за дверь.

Старик вдруг отпустил меня и кинулся в дальний угол сарая, громко причитая:

— Бес меня, видно, попутал. На ребят грешу, а огонь-то из этой дыры вышел. Много ли надо, уголек выскочил, вот тебе и пожар. Ах ты, горе какое! Эй, иди-ка сюда!

Я подошел к нему.

— Что, ата?

— Наказал меня боженька, — сказал старик, указывая на злополучную дыру. — Ах я растяпа, растяпа. Перед честным народом опозорился. Ты уж прости меня, старика.

— Ну что вы, ата, что вы, — пробормотал я и рассказал ему, как мы заметили дым, как тушили снегом и все остальное. Умолчал я только о толстом мальчишке, как подговорил его лизнуть заиндевевшее железо, мне было стыдно.

— Ну иди, сынок, в школу, — сказал старик. — Иди, а то опоздаешь.

В школу я опоздал, и рассерженный учитель поставил меня в угол, но я не расстроился особенно. Впоследствии я понял, что уметь раскаиваться и прощать — великие бла-га, которыми наделен человек природой.

4

Беда всегда приходит в дом неожиданно, когда ее меньше всего ждешь. Так случилось и у нас.

Ни о чем не подозревая, я убежал в школу, а когда вернулся после обеда, заметил около нашего дома какую-то суету. Еще с порога я увидел, что поперек комнаты на-тянут аркан. Не успел я еще ничего толком сообразить, как вдруг откуда-то появилась бабушка, сунула мне в руку половину лепешки, три куса сахару и выпроводила на улицу со словами:

— И откуда ты только свалился? Больше не заходи, надо будет, сама позову.

— Почему это я не должен заходить?

— Ой, да уж не спрашивай ты ни о чем, ради бога.

— Где мать?

Бабушка вздохнула и зашептала мне на ухо:

— Она тебе хорошенького малыша подарит. Сейчас она за ним пойдет.

Помню, я страшно возмутился. Что она меня, за дурака принимает?

— Пусти меня! К матери пойду!

— Ойбай, что же мне с тобой делать? — растерялась бабушка. — Жеребенок ты мой, внучек ты мой любимый, не до тебя мне сейчас. Ну иди, поиграй немного.

Она чмокнула меня несколько раз в щеку и пошла в дом, а я за ней, уцепился за подол:

— Не обманывай меня, бабушка.

— Послушай, кончишь ты сегодня или нет, озорник этакий? Говорят тебе, нельзя.

По ее тону я понял, что бабушка настоит на своем, не пустит меня в дом. Это уж как пить дать. Я похныкал, успокоился и побежал к ребятам, которые играли на холме около аула.

Едва они увидели у меня в руках лепешку, как вообразили, что дома у нас той, и стали приставать ко мне, чтобы я повел их к себе. Напрасно я их убеждал, что никакого тоя у нас нет, что сахар и хлеб мне дала бабушка просто так. Не успел я и глазом моргнуть, как они выхватили у меня из рук сахар, лепешку и разделили между собой.

Впрочем, я даже не сильно и расстроился из-за этого,

потому что меня беспокоили дела в нашем доме. С нетерпением я поглядывал в сторону аула. Несколько раз собирался бегом бежать домой, но, вспомнив бабушку, ее необычную настойчивость, с какой она выпроваживала меня, я оставался на месте.

Какое-то неясное предчувствие тревожило меня все больше, я наконец не выдержал и вернулся домой.

Дома по-прежнему была суета, казалось, все женщины аула собрались у нас. Я хотел было проскользнуть незаметно в дом, но бабушка опять перехватила меня и потащила со двора. На ходу сунула мне в руки горсть полурастаявших конфет. Но мне было не до конфет. Какая-то непонятная тревога томила меня все больше. Бабушка тяжело вздохнула и пробормотала:

— Лишь бы жива осталась бедняжка. И глаз открыть не может, а тут еще ты досаждаешь.

От ее слов мне стало горько и обидно.

— Хочу к ней! — повторил я упрямо. — Хочу ее видеть, и все. Пусти меня.

— Тебе, наверное, не надо малыша? — сказала бабушка.

— Не надо. Никого не надо.

— Не дай бог, услышит отец, — расстроилась вдруг бабушка. — Нехорошо так. Разве я тебя не люблю, разве когда-нибудь обманывала? Когда можно будет, сама отведу тебя к ней. Ну иди, поиграй с ребятами.

Бабушка чмокнула меня в щеку и легонько подтолкнула, и скрепя сердце я побрел прочь из аула. Перед глазами у меня стояло жалкое, беспомощное лицо матери, бледное, с потрескавшимися губами. И будто она ищет кого-то взглядом, но никак не может найти. «Может быть, она ищет меня», — подумал я и остановился в нерешительности.

Вдруг я увидел отца, который торопливо шагал ко мне. Я кинулся к нему навстречу. Он отбросил костыли в сторону, обнял меня, и мы оба свалились на землю. Таким радостным я никогда его не видел.

— Ты слышал, сынок? По радио сказали, что наши войска уже на подступах к Берлину. Скоро конец войне, фашистам каюк. Дожили мы с тобой, сынок, дождались. Скоро уж победа. Что же ты молчишь? Радоваться надо.

— Я радуюсь, отец.

Вдруг он перестал улыбаться и тяжело вздохнул:

— Нелегкая это победа, сынок. Многие не вернуться в аул.

Я почему-то посмотрел на его единственный сапог, весь в заплатах, потреспанные, стертые галифе, обшарпанные костыли, и мне стало жалко его. «Когда вырасту, все сделаю

для тебя», — подумал я. Мы оба долго молчали, мне хотелось сказать ему что-нибудь приятное, снова вызвать улыбку на его лице.

— Малыш там, поди, уже гугукает.

— Ах ты мой дорогой! — просиял отец. — Теперь ты не будешь один. Это хорошо, когда не один. Правда ведь, сынок?

— Правда.

Он прижал мою голову к своей груди и взъерошил волосы.

— Как мы его назовем? Да тут и думать нечего, Женисбай или Женискуль, в честь победы. Ты согласен, сынок?

— Конечно, отец.

Он отвернулся и украдкой смахнул слезу.

— Где ты слушал радио? — спросил я. Мне не хотелось, чтобы он плакал.

— У председателя, — отец улыбнулся. — Ох уж этот старик, теперь таких людей редко встретишь. Крепкая порода. Горяч, но и отходчив.

— А я его боюсь.

Отец подумал немного, потом сказал:

— Старших бояться не надо, сынок. Старших надо уважать. У председателя чистое сердце, надо знать его сердце. С виду он, конечно, суров.

— Очень уж сердитый.

Отец вдруг рассмеялся, как ребенок:

— Помнишь, как он погнал Дайрабай?

Это случилось недели две назад. Мы с отцом торопились на поле и вдруг услышали у конторы шум, кричал разгневанный чем-то председатель. Навстречу нам выскочил откуда-то Дайрабай, бледный, перепуганный. Бежит, оглядывается, за ним председатель:

— Держите его! Держите, говорю, вы что, ослепли?!

— Что случилось с утра пораньше? — усмехнулся отец.

— Что ты стоишь, как столб?! — заорал на него председатель. — Сказано, держи. Улизнул прохвост. Ну ничего, пусть только попадетя в руки, отлуплю, как паршивую овцу. Провалиться мне, если я этого не сделаю. Вы свидетели.

— Что случилось все-таки? — спросил отец.

— Как что случилось? И так рабочих рук не хватает, а он в гости к родственникам наладился. Нашел время разъезжать из аула в аул.

Пока председатель объяснял нам причину своего гнева, незаметно подошел Дайрабай и сказал:

— Виноват, товарищ председатель. Так мне и надо, не подумал я.

— Ах ты еще здесь?! Ну, стой!

Дайрабай кинулся бежать, тот запустил в него палкой, да так метко, что провинившийся едва успел ее перехватить. Отец попробовал вмешаться:

— Все-таки нельзя так, товарищ председатель.

— Что? Эй, Нуртас, давай живо коня! Если я его не догоню, можешь не уважать меня.

Мне было непонятно, шутит он или говорит всерьез. Отец махнул рукой, и мы пошли своей дорогой.

— Что за чудак, — сказал я тогда отцу.

— Ничего не поделаешь, натура такая. От природы он такой, иначе не умеет.

Воспоминание об этом случае как-то отвлекло нас от событий, происходящих в доме, но тем не менее я все время думал о матери. Бабушкины горестные слова засели у меня в голове: «Бедняжка и глаз не открывает».

— Пошли домой, — попросил я отца. — Посмотрим малыша.

Лицо у отца как-то по-особенному прояснилось, стало мягче и светлее. Но с места он не тронулся, как будто не понял моих слов, что я его зову домой.

— Раз малыш следом за тобой объявился, значит, ты уже взрослый, — сказал он. — Скоро вот и война кончится. Отдохнет тогда моя душа, сынок, успокоится. Да я что. Лишь бы вы были счастливы да здоровы.

Голос у него звучал задумчиво и умиротворенно.

— Ну и встретим же мы тех, кто вернется. Вот праздник будет, — сказал я.

— Кто вернется, — сказал отец помрачнев. — Будь она проклята, эта война. Сколько джигитов полегло...

За разговорами мы просидели до захода солнца. Отец все нетерпеливее поглядывал в сторону дома, но я уже не звал его домой. Раз он сидит, ждет, значит, так надо. Наверное, права была бабушка, позовут, когда придет время.

— Суюнши¹ у тебя готово, сынок? — спросил вдруг отец.

— Черный ягненок годится для суюнши, отец? Не жалко?

— Чего жалеть ради такого дня. Пусть люди свежего мяса попробуют.

Мы еще посидели немного, подождали, но так за нами никто и не пришел. Я чувствовал, что отец сильно волнуется.

¹ Подарок за добрую весть.

ся. Действительно, сколько можно ждать? Кто-то ведь должен в конце концов прийти за нами.

— Что же это такое? — в недоумении сказал отец.

— А что ждать, надо идти, — предложил я. — Может, они и забыли о нас.

— Подождем еще, — неуверенно сказал отец.

Наконец в сумерках мы вернулись домой. В комнате было полно старушек, которые о чем-то толковали, как будто держали совет. Нас они и правда не ждали. Бабушка сразу засуетилась, позвала отца, и они вышли во двор. Я остался на своем месте. Какая-то старуха подошла было ко мне, что-то сказала, я не понял ничего. И вдруг услышал голос матери, не голос, а стон:

— Нуртасжан, поди-ка сюда. Где ты, Нуртасжан, сынок мой?

Я никогда не слышал у нее такого голоса, все во мне похолодело, и я закричал:

— Апа!

— Единственный ты мой, единственный, — простонала мать.

Старухи завздохали, заохали, стали утирать глаза кончиками платков. Одна из них, что была рядом со мной, сказала:

— О аллах!

— Так где же он, где мой Нуртасжан, — опять заговорила мать. — Неужели опять отослали к арыку? Пришел бы уж лучше ко мне.

— Я здесь, мама! — крикнул я. — Отец тоже здесь. Мы все здесь, не бойся!

Мне хотелось броситься к ней, обнять, но было почему-то страшно. Я словно окаменел, ноги приросли к полу. В углу, где лежала мать, было совсем темно, ничего не разобрать, и оттуда все время доносились стоны:

— О боже, зачем такие муки. Лучше бы сразу конец.

Одна из старух строго оборвала ее:

— Брось ты об этом говорить. Зачем накликаешь беду?

— Где отец? Позовите его. Когда кончатся эти вечные заботы. Нуртасжан, что же ты стонешь? Подойди ко мне.

— Сейчас, апа, — откликнулся я, но опять не смог сдвинуться с места. Дрожь волной пробежала по моему телу, все стало расплываться перед глазами. Какая-то женщина подскочила ко мне:

— Тебе-то чего здесь надо?

Взяла меня за руку и потащила куда-то, я не сопротивлялся ей. Помню, как вошли в дом моей бабушки. Я увидел постель и рухнул на нее прямо в одежде.

— Надо раздеться, — услышал я голос. Теперь я узнал ее. Это была сноха председателя.

— Не буду раздеваться! — крикнул я. — Не хочу!

И тут, будто невидимая пробка вылетела из меня, ручьем хлынули слезы. Я долго не мог успокоиться. Сноха председателя утешала меня, мол, скоро мать поправится и все будет хорошо. Я рвался к отцу, но она не пустила:

— Ему, бедняге, и так тяжело. Не надо его беспокоить.

И тогда я крикнул, чтоб она уходила, что я не хочу ее видеть.

— Я тебе принесу сейчас чего-нибудь сладкого, — сказала она. — Хочешь?

— Не хочу, ничего не хочу! — сказал я и повернулся лицом к стене. . .

Проснулся я, как всегда, рано. В доме не было ни души, хотелось есть. И вдруг я вспомнил вчерашний день, голос матери. Я выскочил на улицу и побежал домой, добежал до порога и упал, ноги у меня подкосились. Бабушка подхватила меня, причитала:

— Голубка ты моя. Заставила нас всех плакать неутешными слезами.

Я вырвался из ее рук и вбежал в комнату. У самого порога стоял отец. Он обнял меня и разрыдался:

— Вот как все получилось, Нуртасжан. Кто знал. Нету больше у нас матери. Кто знал.

Помню, что я зашелся в крике, все звал мать, умолял всех вернуть ее или отвести меня к ней. Я проклинал все на свете, просил. Но что могли ответить мне люди? Они молчали.

— Сиротинушка ты моя, — причитала бабушка. — Лучше бы уж меня сперва прибрал бог. Только я ему почему-то не нужна. Ушла во цвете лет, покинула нас.

— Вот она, жизнь, — произнес глухой старческий голос. — Не убивайся, мать, успокойся. Что же делать теперь? Горе у нас большое. Надо терпеть, что же делать? Такая наша доля — терпеть. Вон на войне проклятой сколько джигитов полегло, а что мы можем? Смириться только можем да терпеть. Успокойся, мать, успокойся.

Как замороженный я посмотрел в сторону, откуда доносился голос. Четверо стариков сидели на торе и пили чай. Мне показалось, что дом наш совсем опустел. Обычно у стены лежали сложенные стопкой одеяла, висел ковер, а сейчас ни ковра, ни одеял. На полу охалка свежей травы. Все углы голы. У меня возникло такое ощущение, что стоит к ним приблизиться, и они навсегда поглотят тебя.

Одежда матери тоже исчезла, как будто кто-то собрал

ее и унес. Не было видно ни ее камзола, ни жаулыка с кисточками, ни красных сапожек, которые отец сшил ей. Я не узнавал своего дома, мне было неуютно и жутко оставаться в нем. Хотелось выскочить на улицу и бежать куда глаза глядят. В это время один старик, который, как мне сначала показалось, дремал у дастархана, вдруг поднял голову и сказал моему отцу:

— Курман, подсаживайся к дастархану. Выпей горячего чаю.

— Не могу ни есть, ни пить, — отозвался отец.

— Нуртасжан, иди сюда, попей чаю, — сказала мне бабушка, но я тоже отказался.

— Сынок ты мой, — вырвалось у отца. — Так и не успел проститься с матерью. — И он сокрушенно покачал головой. Слезы опять хлынули у меня.

— Бедняжка, — сказал старик у дастархана. — Надо же такое. О судьба! Нынче дети не успеют родиться, а уже, считай, взрослые.

— Бедные они горемыки, — подхватила бабушка, — что ни день, то слезы.

— Что и говорить, — согласился старик. — Но ничего, немного еще осталось терпеть. Скоро люди расправят плечи, вздохнут свободно. Жаль джигитов, которые уж никогда не вернуться в родной аул. И не пожилы ведь.

Вдруг дверь растворилась, и в комнату вошел наш председатель, строго окинул всех взглядом и сказал:

— Что это за посиделки? С какой стати?

— Народ-то весь здесь, — прошамкал один из стариков.

— Народ, народ, — проворчал председатель. — Народ приходит и уходит, а вы расселись тут, чаевничаете. Вон из дому!

— О господи, что это с ним такое? — пробормотала бабушка. — Какая муха укусила?

— А ты, старуха, видно, из ума выжила. Нет чтобы общее руководство осуществлять, сама расселась, чай пьет.

Бабушка махнула рукой:

— Да уж и правда, совсем из ума выжила. Не в себе я, горе-то какое. Осиротели мы. Давай-ка я налью тебе чаю.

Не успев допить чашки, председатель сорвался с места:

— Ну, Курман, кончай все это. Надо гостей твоих выпроваживать, а то они просидят тут неделю. А мальчика ко мне домой отведите.

— Не пойду, — отрезал я. Но кто-то уже большой и сильный подхватил меня на руки и вынес из дому, как я ни сопротивлялся, как ни кричал, как ни просил оставить

меня в покое, отвести к матери. Человек не отпускал меня, только бормотал как-то растерянно:

— Что же делать, сынок, что же делать.

Наконец я понял, что нес меня Дайрабай. Но это уже был не тот Дайрабай, который чуть не задушил моего отца у арыка. Этот Дайрабай заливался слезами и растерянно бормотал:

— Что же делать, родной, что же делать?

Сколько мы пробыли в председательском доме, я не помню. Потом тело матери повезли на кладбище, и я тоже бросил горсть земли в яму. Так я потерял самого близкого человека.

Много я видел смертей в детстве, и, наверное, поэтому даже сейчас, стоит мне услышать женские причитания, на глаза наворачиваются слезы и я весь дрожу. Бывало, нацнут меня урезонивать, мол, ты же мужчина. Но что хорошего в том, что не можешь разделить людское горе и душа твоя черства? Это же беда, несчастье.

О своей матери я мог бы говорить бесконечно, потому что ее уже нет на свете, она жива только в моих воспоминаниях. Она умерла при родах, ребенок родился, но тоже умер через полчаса.

Если бы он остался жив! Какое это счастье иметь подле себя брата или сестру, родного по крови человека, заботиться о нем, опекать его, потом дружить с ним... Но что говорить об этом, одно только расстройство, нет у меня ни братьев, ни сестер, ни матери. Кого винить за такую судьбу? Людей? Люди не виноваты, у каждого свои заботы, свое горе и свои радости.

После похорон соседи посидели с нами около часа, плакали все вместе, повздыхали и разошлись по домам. Мы остались с отцом вдвоем. Сколько-то времени мы сидели молча, потом он вяло махнул рукой и сказал:

— Э-э, сынок...

И все, больше не произнес ни слова. Раздавленный горем, он как будто и ростом меньше стал, съежился в комок, виски у него поседели за один день, морщины стали глубже. Мне до того стало жалко его, захотелось подбежать к нему, обнять и сказать: «Папочка, подними же голову, улыбнись. Что же от тебя останется, если ты так будешь переживать?» Но я почему-то не подошел к нему и не обнял. До сих пор не могу понять, почему я этого не сделал.

Во дворе слышался ворчливый голос бабушки:

— Бог ты мой, опять потух этот окаянный огонь. Как назло. Пропали он пропадом, этот чайник, поставлю уж лучше самовар. Бедный Курман со вчерашнего дня крошки

в рот не брал. Пусть хоть чаю горячего напьется, горемыка...

Солнце уже давно зашло, а мы все сидели одни в полутемной комнате. Мне казалось, что вот сейчас войдет мать и скажет: «Что это за фокусы? Что это за отдых вы себе устроили, а воду кто сторожить будет? И не стыдно вам?» Скажет и улыбнется. Лицо у нее загорелое, а глаза, взгляд, нет слов передать ее облик, ее задорную улыбку. Когда, бывало, улыбнется, и самому трудно удержаться от улыбки.

Вот она вошла, посмотрела с улыбкой на отца и вышла в сени, скоро запылает огонь в очаге. Прошлогодний кизяк весело займется, потянет дымком, потом жареным мясом.

Я совсем забыл, что только что бросил горсть земли в холодную могилу, и грезил, будто во сне. Отец пошевелился и протянул:

— Э-э, сынок...

Я очнулся от своих грез и содрогнулся всем телом. Мне показалось, что из темных углов надвигается на меня что-то страшное, и я придвинулся поближе к отцу.

Потом мне рассказывали, что родня матери предложила отцу забрать меня к себе, мол, мальчик будет обузой. Да и обеды готовить некому, все-таки лучше, когда о ребенке позаботятся женские руки. Отец не согласился на это. Он сказал: «Хотите меня совсем одного оставить? В чем же я провинился перед вами? Уж как-нибудь проживем вдвоем».

И мы стали жить вдвоем, старый да малый. Отец обычно вставал рано и, приладив на костыль подоюник, шел доить корову. Потом мы разводили огонь в очаге и кипятили молоко в казане. На завтрак у нас был хлеб с молоком, в обед мы ели хлеб с айраном, вечером пили чай. Что и говорить, скудная еда по теперешним временам, но я наедался досыта, и ничего мне больше не хотелось. Лучшие куски отца всегда отдавал мне, сам оставаясь зачастую голодным. Но мне тогда это и в голову не приходило.

Бабушка всегда старалась попотчевать нас чем-нибудь вкусным. Одиноким старым человеком, какие уж у нее там обеды, и тем не менее они у нее были очень хороши.

Пожалуй, лучше нее никто не умел вялить мясо. В доме у нее стоял ветхий, скрипучий сундук, в котором много было для меня заманчивого. Однажды она достала из сундука кусок вяленого мяса и сварила нам бульон. А о мясе мы уж и думать давно забыли, давно все приели. Сидит и смотрит, как мы едим, улыбается, довольная, что удалось нам с отцом угодить.

Отец по-прежнему работал мирабом, но теперь в свободное время стал сапожничать и прослыл в ауле очень умелым сапожником. Постепенно эта работа стала его главным делом. Едва выдавалась свободная минута, как он первым делом принимался чинить детскую обувь. Сколько сапожек, бывало, приводил он в порядок за одну ночь, прибывал отвалившиеся каблуки, отставшие подошвы. Увидит у кого-нибудь худые ботинки или ичиги, так уж не успокоится, пока не починит их.

У порога всегда стоял таз с водой, в котором мокла старая шкура. Бабушка, помню, всегда беспокоилась:

— Не расплзется ли она у тебя, Курман?

А отец отвечал:

— Не залежится, надень не хватит этой шкуры.

С этими словами он выхватывал шкуру из воды, начинал мять ее, растягивать. Бабушка не отступала от него, просто ей, наверное, хотелось поговорить:

— Все в ауле теперь в доброй обуви ходят. А когда ноги обуты, так и настроение хорошее.

— Обувь не первое дело, — возражал отец.

— Да уж и не последнее.

— И не последнее, конечно.

Особенно хорошо шил отец сапожки из мягкой кожи. Они у него были двух сортов. С мягкой подошвой — для старух, которые топчутся у очагов да хлопочут по хозяйству, с грубой, толстой подошвой — для стариков, любителей ходьбы.

Я очень гордился умением отца шить. Часто по ночам, завернувшись в одеяло, я не сводил глаз с его ловких рук. Отец уговаривал меня ложиться спать, но, наверное, ему все-таки было приятно, что кто-то с восхищением наблюдает за его работой.

Никогда не забуду красные сапожки, которые он сшил для матери. Ну и сапожки это были, я таких нигде не видел. На высоких голенищах он вышил красивые узоры разноцветными нитками. И как в пору они пришлись матери! Отец, помню, всегда просил ее:

— А ну-ка, надень сапожки, поглядим.

Мать обычно возражала:

— Разве можно такие красивые сапожки носить? Правда, ведь, Нуртас?

— Надень, мама.

Она смеялась:

— Будто сговорились. Ну ладно, примерю.

Отец уговаривал ее носить сапожки каждый день, но она спрятала их в сундук.

Когда мать умерла, по обычаю, всю ее одежду раздали близким и родственникам, но сапожки отец оставил себе как память. Старики осуждали его за это, но отец твердо стоял на своем: «Лучше я десять пар таких же сошью, но эти отдать не могу».

Выглядел отец в те времена, очевидно, неважно, мне казалось, что он не моложе других стариков в ауле. Особенно старили его костыли. На самом же деле ему было чуть побольше тридцати лет, и он мог вполне обзавестись новой семьей. Ведь вдов в то печальное время хватало, таких же, как он, в расцвете лет. И многие из них заглядывались на отца. Но он не думал обзаводиться новой семьей. Тогда мне это казалось нормальным делом, ведь я был ребенком. А сейчас мне кажется, что это насилие над собой — в тридцать с лишним лет обречь себя на одиночество. Чем он, интересно, утешал себя, оставшись один в пустом доме? Думаю, что единственным его утешением на всю жизнь осталась моя мать. Уж не она ли стояла перед его глазами до конца жизни? Ведь и перед мной стоит она, как живая.

5

После того как я закончил неполную среднюю школу, которая находилась в соседнем ауле, отец устроил меня в интернат. Дело это оказалось нелегким, немало ему пришлось побегать да поволноваться. Сирот тогда было много. Несколько раз отцу приходилось наведываться в райцентр. Нелегко ему было добираться туда на костылях. Каждый раз он вздыхал после очередной такой неудачи, и я сказал ему:

— Никуда эта учеба не денется. Да и не хочу оставлять тебя одного.

После моих слов он как-то весь съежился, посмотрел на меня с грустью и сказал:

— Не пытай ты меня, сынок, не казни. Это моя мечта — дать тебе образование. За меня не беспокойся. Слава богу, сил у меня хватает, не меньше, чем у других. Да ведь я и не один здесь останусь. Люди ведь, соседи рядом, ничего со мной не случится. А время пролетит знаешь как быстро. И оглянуться не успеешь.

— Не хочу я оставлять тебя одного!

Отец беспокойно пошевелился на своем месте, виновато улыбнулся и сказал:

— Пойми, если ты выучишься, станешь человеком, ни-

чего мне больше не надо от жизни. Если ты думаешь обо мне, то учись.

Раз или два в неделю он непременно навещал меня и привозил небольшие гостинцы. Как уж он их собирал, где добывал, я не знаю, да тогда и не задумывался над этим. Его гостинцы мы с ребятами из нашей комнаты делили между собой тут же на месте, не дожидаясь, пока он уйдет. Отец стоял тихонько в сторонке и глядел на нас, радуясь вместе с нами. Потом говорил:

— Мало я вам привез, да? Ну ничего, в следующий раз побольше прихвачу.

Кто-нибудь из ребят весело говорил:

— Вы в следующий раз целую арбу гостинцев привезите, а то и на зубок никому не попало!

— И побольше конфет!

А у отца улыбка до ушей, так уж доволен, слов нет. Радуетя, как ребенок. А ребята еще больше наседают, видя такое дело:

— Лучше мяса вяленого побольше. Вот уж наедимся до отвала. На всю неделю.

— И мяса, и курта, и масла. А еще горячих лепешек!

— Да сахару побольше!

Вот уж действительно неистощимо детское воображение. Отец соглашается на все, видя, что конца нет этим разговорам:

— Ладно уж, пусть будет по-вашему. Пусть все пропадет, если я для вас чего-нибудь пожалею.

Когда приезжал отец со своими гостинцами, авторитет мой среди ребят заметно поднимался. Предлагалась дружба навеки, ребятами нехитрые подарки. Я ходил героем в такие дни, куда только пропадала моя скромность! Мне ничего не стоило треснуть кого-нибудь по затылку. В ответ ни звука, будто так и должно быть. Правда, потом мне было стыдно. «И чего занушусь? — думал я. — Подумаешь, герой. Если бы не отец со своими гостинцами». И я чувствовал, как начинали гореть мои щеки.

Каждый раз отец подолгу засиживался с нами, с удовольствием наблюдал, как мы расправляемся с его гостинцами. Потом он вдруг спохватывался и вскакивал:

— Засиделся я, детки, надо идти. Председатель, поди, уж обыскался.

Ребята обступали его со всех сторон, и шум поднимался невообразимый. Отец посмеивался, кивал головой, обещая исполнить в точности все их наказания, и уходил. Я шел немного его проводить. За зелеными воротами мы расставались.

— Ну, сынок, прощай теперь. Пора.

Он никогда не оборачивался. Костыли его скрипели все тише и тише, а на меня нападали раздумья: «Почему он не ругает меня, как другие родители? Мол, не пропускай уроков, не хулигань, мне не легко учить тебя. Другие только об этом и говорят. Или он жалост меня? Но зачем мне такая жалость? Уж лучше бы он отругал хоть раз меня. Чем я лучше других?» Иногда мне хотелось сесть и написать отцу письмо обо всем этом. Но пока письмо дойдет, он успеет побывать у меня раза два, не меньше. Так я и не написал ему письма.

Жаль, конечно. Каждый день надо было писать письма. Как бы он радовался, получая мои каракули.

Летом мы обычно присматривали за интернатским садом и бахчами. Вставать приходилось очень рано, потому что лучше всего работать по утренней прохладе. Потом наступала такая жара, что и пошевелиться лень, не то что пропалывать бахчу. И мы торопились, чтобы до восхода солнца на поле не осталось ни одной сорной травинки. Едва всходило солнце, девушка-повариха кричала нам:

— Где вы там? Чай готов!

— Сейчас закончим, апа, — отвечал кто-нибудь из нас.

Она не выдерживала и прибегала к нам на поле:

— Ой, милые, проголодались, поди. Совсем заработались. Давайте закругляйтесь, чай стынет.

Где-то ближе к полудню мы собирались в тени карагачей, и начинались бесконечные разговоры. Особенно любили поговорить о девчонках, наших одноклассницах, вплоть до того, как они улыбаются, у кого какие ресницы, глаза.

До самого вечера мы были свободны и изнывали от безделья до одури. А когда человек ничем не занят, часто на ум ему приходят разные глупости. Так получилось и с нами. Кто-то сказал, что неплохо бы устроить небольшой праздник, без взрослых конечно, купить ведро сладкой водички у старика на базаре и отметить окончание восьмого класса. Неплохо бы достать парочку кур и зажарить их. Тут мы немного поспорили. Не так-то просто достать кур, но разве мало кур у соседей? Конечно, это плохо, зато уж мы повеселимся вволю.

С трудом дождались вечера и двинулись «на дело». Кур у соседей действительно было много. Громадный петух хозяйски опекал их. В тени дома сидела старушка и пряла шерсть, рядом с ней возилась с куклой совсем маленькая девочка. Она укачивала куклу, ходила по кругу, то и дело останавливалась и строго приговаривала:

— Ты замолчишь сегодня, негодница, или нет? Спать пора.

Все они ничего не подозревали о нашей затее. Мы лежали напротив дома в густой траве и ждали захода солнца.

— Эх, наестся бы до отвала жареной курятины, — вздохнул кто-то из нас. Никому и в голову не приходило, что это воровство, нам казалось, что мы совершаем подвиг. Что тут особенного, если съедем у соседей пару кур, вон сколько их много. Никто и не заметит.

Едва стемнело, мы подошли к дому. Меня оставили у ворот, чтобы предупредить ребят, если кто заметит нас или появится на дороге. Двое поползли к курятнику. Вокруг не было ни души. Я до того размечтался, воображая себе жареную курицу, что совершенно опешил, когда кто-то сзади молча сгрел меня в охапку и оторвал от земли. Потом заорал над моим ухом:

— Попались все-таки?! Теперь уж не уйдете от меня!

Ребята успели сбежать, добраться до курятника им так и не удалось, а я остался в руках хозяина дома. Он был трактористом и не раз проходил мимо нашего интерната в своей промасленной кацавейке. Люди про него говорили, что трактор в его руках — игрушка.

— Пустите меня, — промямлил я.

Он встряхнул меня и заорал:

— Ах ты собачий сын! Да я тебя в землю вгоню. Кто это научил вас такому? Сколько на свете живу, такого не видал. Оболтусы этакие, шельмецы! И не стыдно вам? Кто вас подослал, говори!

У меня не было сил что-либо отвечать ему, оправдываться. Я чувствовал, что виноват. Мое молчание, видно, совсем разъярило его. Он влепил мне такую пощечину, что искры посыпались из глаз.

— Дяденька, мы больше не будем, — пролепетал я, сгорая от стыда.

— Вот отведу тебя сейчас к директору, не видать тебе интерната. Ответи или нет? Что ты молчишь, шалопай?

Хотя голос у него и смягчился, но я весь содрогнулся. Глазам моим представилась ужасная картина. Лицо мое измазано сажей, двое учителей водят меня из класса в класс и всем говорят: «Смотрите на этого воришку. Он опозорил свой аул. Скоро его посадят в тюрьму».

Потом приволокли в мой класс, и сероглазая ученица, которая мне всегда нравилась, вдруг подскочила ко мне и плюнула в лицо: «Лучше бы уж ты и на свет не появлялся, не позорил бы своего отца!»

Тракторист крепче схватил меня за руку, дотащил до

ворот интерната и дал такого пинка своим пыльным кирзовым сапогом, что я растянулся пластом на дорожке.
— И чтоб больше не показывался мне на глаза!

Кое-как я поднялся. Вокруг никого не было, никто не видел моего позора, но это меня мало утешало. Было очень обидно и тоскливо. Я чувствовал себя одиноким и заброшенным. «Все теперь конечно, — думал я. — Уж лучше бы он отвел меня к директору, лучше бы избил. И то легче».

До самого рассвета я просидел в углу двора не смыкая глаз, а когда рассвело, отправился пешком в аул. Я понял, что мне сейчас никого на свете не хотелось видеть, кроме своего отца.

В аул я пришел где-то около полудня, отец возился на бахче. Весной мы посадили немного. Обычно в воскресные дни я приезжал домой и сам поливал дыни. Когда меня не было, поливал отец.

Он был весь в грязи, кетмень был привязан веревочкой к костью. Увидев меня, отец застыл как вкопанный. Во всей его нескладной одноногой фигуре, в его взгляде стоял вопрос: «Что случилось, сынок?»

Я подбежал к нему, опустился на землю и закрыл лицо руками. Он почувствовал, что со мной случилось нечто ужасное, но ничего не спросил, а только коротко бросил:

— Пошли!

Мы молча дошли до конюшни, я поднял голову и увидел Дайрабая.

— Ассалаумагаaleyкум! — пробормотал я ему, но он даже не взглянул на меня, а кинулся к отцу:

— Что с тобой, Куреке? Да на тебе лица нет. Надеюсь, все в порядке?

— Если бы так. Подбрось нас до интерната. Сможешь?

— Что за разговор, Куреке?

— Тогда побыстрей.

— Но что случилось?

— Не спрашивай. Узнаешь все в свое время.

Дайрабай запряг лошадей, и мы выехали из аула. Я сидел как на иголках, но признаться в своем проступке не было сил. Отец, конечно, понимал, что я в чем-то провинился, но молчал.

Директор оказался в интернате, и, едва мы открыли дверь его кабинета, с улыбкой поднялся со своего места:

— Ах, это ты, Куреке?! Проходи, проходи. Вид у тебя неважный, пешком шел? Устал?

На меня никакого внимания.

— Нам уставать нельзя, — сказал отец и тяжело вздохнул.

— Ну, как ваше здоровье? Какие новости в ауле? — продолжал директор.

— Да все по-старому, живем потихоньку, не хуже других. — отец опустил голову. Весь как-то съежился между своих костылей, сразу стал маленьким и жалким. Директор озадаченно развел руками:

— Куреке, да ты и в самом деле утомлен. Уж не заболел ли?

Отец помолчал немного, потом поднял голову и заговорил:

— Дорогой, со стыда сгораю, прощения пришел просить. Нет-нет, из интерната вы его исключайте — это ваше право. Раз уж провинился, какой тут может быть разговор. Только вот стыдно, дорогой, что тебя я поставил в неловкое положение. Извини.

Директор в недоумении пожал плечами:

— Если я что-то понял, пусть провалюсь на месте! Со вчерашнего дня мне никто ни о чем не говорил. Рассказывай все по порядку.

— Раз уж парень сбежал из интерната, значит, что-то натворил.

Отец так тяжело вздохнул, что казалось, грудь его разорвется пополам. Директор взглянул на меня и спросил:

— А ты откуда?

— Из аула.

— Разве ты в интернате не ночевал?

— Не ночевал, — признался я и опустил голову.

— Вот так мы и осрамылись перед всем белым светом, — продребезжал голос отца.

Директор недовольно сверкнул на меня глазами и строго сказал:

— Выйди за дверь.

Они разговаривали очень долго, но о чем, я так никогда и не узнал. К концу дня отец вышел из кабинета, и директор проводил нас с отцом до больших ворот интерната. Обо мне они и словом не обмолвились, как будто меня и на свете не было. «Хоть бы отругали меня, — думал я. — Пусть бы все лето заставили работать». Но они упорно молчали. Я чувствовал себя очень неуютно рядом с ними, мне хотелось провалиться сквозь землю. Я плелся за ними как призрак, как тень. Наконец директор простился с отцом и ушел. Мы вышли на берег большого арыка, и отец сказал, усаживаясь на траву:

— Передохнем немного.

По его голосу я почувствовал, что он как будто немного отошел, успокоился, хотя и был задумчив. И тут я вы-

ложил ему все о своей вине. Щеки мои горели от стыда, но я говорил и говорил. И с каждым словом у меня становилось легче на душе. Когда я наконец умолк, отец вдруг обнял меня и сказал:

— Нуртас, у меня к тебе просьба. Обещай мне никогда не зариться на чужое, пусть даже это будет паршивая нитка!

— Никогда, — начал было я, но он перебил меня:

— Не торопись. Подумай крепко, сынок.

— Тут и думать нечего. Пока жив, не сделаю ничего такого, за что бы вам пришлось стыдиться.

Отец положил руку на мое плечо:

— Лучше пообещать меньше, а сделать больше. Будучи великим, умеи быть малым.

Мы долго сидели молча, у наших ног журчал арык. Я подумал, что бы такое сделать приятное отцу, и мне пришла в голову одна мысль:

— Отец, а что, если я возьму твою фамилию? Стану Курмановым?

Он круто повернулся ко мне, побледнел:

— Ты это серьезно, сынок?

— Серьезно.

— Кто тебя научил?

— Да никто, я сам подумал так.

Он некоторое время задумчиво смотрел на мутный арык, потом сказал:

— Спасибо тебе, родной. Век буду благодарен, но этого делать не стоит. Даже если ты и не будешь Курмановым, нас уже с тобой ничто не разлучит. Пусть не гаснет фамилия твоего отца, который погиб на фронте. Старики говорят: «Прощает тот, у кого есть потомство». Ты не имеешь права забывать отца. И никто не имеет права забывать. Не только мы, но и твои дети, и внуки. Запомни это, сынок. Уже поздно, пойдем, я провожу тебя до интерната. Мне тоже пора в аул.

Мы встали, он оперся на свои костыли, и тут я у него спросил:

— А ты хорошо знал моего отца? Я вот все время хочу представить его себе и не могу. Ну никак не могу. И фотографии нет.

Он ответил мне не сразу. Вытер пот со лба, натянул на голову шляпу и сказал:

— Я знал, что рано или поздно ты заговоришь об этом.

— Однажды у нас в школе была встреча с героем, — сказал я отцу. — Все задавали вопросы, дошла очередь и до меня. Только я встал, он и говорит: уж не сын ли ты

такого-то? Я сказал, что сын. «Твой отец был настоящим батыром», — сказал он. И с тех пор мне хочется узнать о нем как можно больше.

— И это понятно, ведь ты его сын. Он погиб совсем молодой. Был он очень веселый, добродушный человек. Любил Жаныл. Был вспыльчивый, но и отходчивый, знал на кого не таил. Мечтал превратить Коктюбе в городок, поселить стариков в просторных домах. Хороший был человек. Никто не должен об этом забывать.

— А что еще можно о нем сказать? — спросил я. — Какой он еще был?

— Что еще? А еще вот что. На жизнь надо смотреть, как твой отец, влюбленными глазами. Иначе нельзя. Хладнокровие не всегда украшает мужчину. Если человек не умеет радоваться хорошему в жизни и не умеет огорчаться плохому, что проку от такой жизни?

Может быть, я не все тогда понимал, но хорошо запомнил его слова. Мы подошли к воротам интерната. Мне не хотелось с ним расставаться. Хоть бы еще минутку поговорил со мной, но он сказал:

— До свиданья, сынок.

Долго еще я слышал скрип его костылей. «А тот мой отец, погибший, что, интересно, он говорил моей матери перед отправкой на фронт? — подумал я. — Что он завещал мне? Ведь что-то он завещал».

6

Два года в интернате пролетели быстро и незаметно. Мы готовились к последнему экзамену, когда неожиданно появился на пороге наш классный руководитель и сказал:

— Нуртас, тебя вызывает директор.

— Зачем? — невольно вырвалось у меня.

— Не знаю. Срочно просил зайти.

О чем я только не передумал, пока шел к директору. В конце концов все мысли свелись к одной, что, наверное, заболел отец, вот меня и вызвали срочно. В последнее время он часто недомогал. «Надо отвезти его в город, показать профессору», — решил я. Но когда вошел в кабинет, то увидел там отца, живого и невредимого. Я немного успокоился насчет его здоровья, но тревога все-таки не оставляла меня: «Зачем он здесь? О чем они хотят говорить со мной?»

— Здравствуй! — негромко поздоровался я.

— Здравствуй! — бодро ответил директор. — Проходи. Садись.

Я присел на край старого кожаного дивана, все еще недоумеваю, что им от меня понадобилось, теряясь в догадках.

— Приехал вот, — как-то принужденно сказал отец.

Я промолчал. Его слова нисколько не прояснили ситуации. «Пусть сами начинают, — подумал я. — Не буду ни о чем спрашивать». Долго ждать себя они не заставили.

— Ну, Нуртас, — сказал директор все тем же бодрым голосом, — завтра ты кончаешь школу. Джигит уже. Какне у тебя планы? Выкладывай, не стесняйся.

Я рассмеялся. Как оказалось все просто и обыденно, а я-то уж думал бог знает о чем, расстроился, переволновался.

— Ты что это, уж не над нами ли смеешься? — озадаченно спросил директор. — По-моему, тут ничего смешного нет.

— Не над вами, конечно, — торопливо сказал я. — Какие могут быть планы? Были бы руки, а работа в ауле всегда найдется. Отец у меня сдавать стал, лечить надо, помогать. Разве это не естественно?

— А как же с дальнейшим образованием?

— Как-нибудь потом.

— Ты это брось. Надо ехать учиться. Об отце нечего беспокоиться. Он среди своих, в ауле.

Сколько раз я уже слышал подобные разговоры. Сам отец мне об этом много раз толковал. И дед-председатель внушал, и даже бабушка. А теперь вот и директор.

Учиться, конечно, хорошо. Но как же я могу оставить калеку отца одного? Как я после этого буду смотреть в глаза людям? Если бы отец был помоложе да покрепче, как прежде, если бы он не болел. Что ж, выходит, я буду в горде учиться, а он один в ауле без помощи, без моей поддержки? На это я никак не мог согласиться. Другого выхода у меня не было. И надо ли все это объяснять директору, неужели он сам не понимает?

Бедняга отец столько наработался на своем веку, но отдыхал ли он хоть один день за свою жизнь? Вечно в заботах да в хлопотах. Разве я могу сказать ему, мол, ты отец, уже привык к тяжелой работе, продолжай и дальше так, а я поучусь? Нет, я не мог на это пойти.

— Что толку воду в ступе толочь? — спокойно сказал я. — Пусть отец поправится, а там видно будет, что и как. И с учебой что-нибудь придумаем.

— Нуртас, я-то думал, что ты уже джигит, способен рассуждать трезво, а ты совсем еще ребенок. Люди тебе дельное советуют, а ты постромки рвешь.

— Уж если вы говорите, что я джигит, то как-нибудь и сам разберусь, что мне делать, без вашей помощи, — отрезал я. — Так что не будем понапрасну огорчать друг друга!

Не надо было, конечно, отвечать так резко. У деда-председателя была такая же привычка — наломает дров, а потом кается. Кается и тут же успокаивает сам себя, что сделанного не воротишь. Так и я, раскаялся, но, как говорят, слово не воробей, вылетит — не поймаешь.

— Сынок, ты что-то уж больно резко, — начал было отец, но директор перебил его:

— Ничего. Возраст, сам понимаешь.

— Извините. — пробормотал я.

— Ты запомни вот что, Нуртас, — продолжал директор. — Хороший отец никогда не рассчитывает на сына как на кормильца. Он хочет, чтобы сын стал человеком. Только тогда у отца хорошая старость, когда его дети станут настоящими людьми. Куреке хочет, чтобы ты учился. Он и слышать не хочет ни о чем другом. И это не прихоть, не боязнь отстать от «других», это его искреннее чувство и желание. А не считаться с отцовским желанием нельзя, если ты хороший сын. Если ты поступишь в институт, твой отец будет на седьмом небе от счастья. И про болезни свои забудет, и помолодеет снова! Запомни это.

Мы просидели до полудня, и в конце концов они уговорили меня поступать в институт.

7

Как только я получил аттестат, отец в последний раз решительно отмел все мои возражения и проводил на поезд в Алма-Ату.

Нас ехало пятеро ребят из аула, и в сопровождение нам выделили одного джигита, с которым в дороге мы намучились. О нем я знал мало, но немного слышал от людей. Работал он счетоводом, а на днях его бросила жена, уехала к матери. На первый взгляд это был компанейский человек, разговорчивый, что называется «свой парень», худой как тростинка. Но сколько он выпил пива, пока мы доехали до Алма-Аты, просто поразительно. На каждой станции он посылал одного из нас за пивом, другого на базар. Пива не было, переходил на водку. Мы уж молили судьбу, хоть бы он отстал где-нибудь от поезда, но «сопровождающий джигит» упорно сидел в вагоне, даже в окно не выглядывал.

— Пока я с вами, ребята, не бойтесь ничего, — убеждал он нас. — Многие именитые в Алма-Ате ломают передо мной шапку. Так что все вы станете студентами.

Нам ничего не оставалось, как только молча кивать головами и соглашаться с ним:

— Да, конечно, если вы нам поможете.

Пропустив стаканчик, он принялся рассуждать о своей теще и о том, какой он умный:

— Слышали, наверное, что я отправил свою ведьму к теще? Чего мне это только стоило! И правильно сделал. В Алма-Ате красоток тьма, какая-нибудь и попадетя на крючок. Ох и той закатым!

Мне было грустно. Я вспоминал отца, который как будто повис между своих костылей, как мы обнялись с ним в последний раз, и он остался один. Меня мучило, правильно ли я поступил, оставив его одного. Я невольно сравнивал нашего «сопровождающего джигита» со своим отцом и думал, какие разные бывают на свете люди.

Наконец мы приехали в Алма-Ату, сопровождающий нас джигит тут же договорился с какой-то женщиной о квартире, которая оказалась маленькой комнатухой. Мы едва смогли поместиться в ней. Но поспать нам так и не удалось, всю ночь джигит рассуждал о смысле жизни за бутылкой водки. Наутро он сказал:

— Все пятеро сдавайте документы в сельскохозяйственный институт. Самое хорошее дело.

Я возразил ему, сказав, что хочу в университет, но он и слушать не захотел. В институт поехали на такси. Я решил при первой же возможности сбежать от сопровождающего, и она мне представилась. Он поставил нас в очередь, где сдавали документы, и сказал:

— Стойте пока здесь, а я промочу горло.

Через час я был в университете, подал документы на факультет математики, а к вечеру уже устроился в общежитии. С тех пор я ни разу не видел нашего сопровождающего, о чем несколько не сожалею.

Начались беспокойные для меня дни. С раннего утра я занимал место в читальном зале и просиживал там до позднего вечера. В общежитии заниматься было трудно, весь день разговоры. Обедал в столовой, утром чай, вечером на ужин айран.

Перед самыми экзаменами начались подготовительные занятия. Однажды нас пригласили на собеседование к профессору Казанганову. Мы вошли в аудиторию робко и несмело. Коренастый плотный мужчина с коротко остриженными седыми волосами сидел у окна.

— Проходите, — сказал он сердито. — Ближе, ближе ко мне, не бойтесь, не съем. Так, уселсь, значит. Дело вот в чем. У всех присутствующих здесь лучшие отметки по ма-

тематике. Скрывать не стану, хочу вас немного испытать. Для начала напишите имя и фамилию вашего школьного учителя.

Конечно, мы все оробели. Вряд ли хоть кто-нибудь из нас видел живого профессора математики. «Пропали мы все, — невольно подумал я. — Куда нам с профессором тягаться».

Среди нас был один долговязый красивый парень, который говорил, что решит любую задачу по математике, что они ему как семечки. И вот профессор вызвал его первым. Парень заметно побледнел, но подал свою тетрадь. Профессор чем больше всматривался в исписанные страницы, тем больше мрачнел. На лице у него появилась кислая мина. Наконец он отшвырнул тетрадь и сказал в сердцах:

— Надо же быть таким остолопом! Забирай свои документы! А учителю, который вел у вас математику, передай, пусть лучше преподает ботанику или зоологию.

Долговязый начал было подниматься с места, но тут же плюхнулся обратно.

— Но... — пробормотал он.

— Иди, иди, — сказал профессор.

— Агай, вы же знаете... Я его младший брат. Он же сказал вам, наверное...

— Проваливай! — гаркнул профессор.

— Но он обещал помочь.

— Вон из аудитории! — профессор весь затрясся от гнева.

Долговязый так и согнулся над партой, будто перочинный ножик. Мне стало его жалко. «Жестокий человек, — подумал я о профессоре. — Можно бы и помягче».

Потом очередь дошла до меня.

— Зачем приехал? — спросил профессор.

— Учиться.

— Уверен, что осилишь?

— Не уверен, но задачи решать люблю.

— Ну ладно, посмотрим, какой ты на прочность.

Задача была трудная, я забыл, где нахожусь, с кем спору, исписал всю тетрадь. Профессор был доволен, но все-таки сказал:

— Ну и упрямец же ты. Я тебе в отцы гожусь, прошу сделать так, а ты по-своему.

— Какие могут быть просьбы в математике, — сказал я непринужденно. — Есть логика.

Он рассмеялся, как-то по-доброму взглянул на меня и спросил серьезно:

— Ну-ка расскажи теперь, как у тебя дома?

- Отец в ауле.
 - Он у тебя, видать, богатырь?
 - Богатырь, но только ногу на войне оставил.
 - А мать жива-здорова?
 - Нету матери, умерла. Мы вдвоем с отцом.
- Профессор задумался на минуту, потом сказал:
- Иди готовься к экзаменам. Желаю тебе удачи.

Звезолнованный, я покинул аудиторию. Всю дорогу думал только о профессоре. Почему он поддержал меня? Чем я ему так понравился? Может быть, потому, что я сирота? Дома я сел за стол и тут же написал отцу письмо. Сначала я, как и положено, справился о его здоровье. В конце письма как будто между прочим добавил: «За меня не переживай. Думаю, что поступлю. Будь уверен, твой сын тебя не подведет».

Стоит мне и теперь вспомнить про это письмо, о моих самоуверенных словах, хочется провалиться сквозь землю. Да, много я тогда о себе мнил, скромности не всегда хватало.

Потом уж я узнал, что отец очень обрадовался моему письму, почувствовал в тот день себя самым счастливым человеком на свете. Мало того, зарезал овцу и устроил вечером в мою честь той.

Экзамены пролетели быстро, и я узнал, что меня приняли в университет. Радости моей не было границ.

Начались занятия, и вот однажды профессор математики вызвал меня на кафедру.

— Ну как, привыкаешь к городскому образу жизни? — спросил он, когда я вошел.

— Пока что трудновато.

— А как учеба?

— И с учебой пока что нелегко. Но разве это плохо, если учење поначалу дается с трудом?

— Вот как, — будто бы удивился профессор. — Может быть, ты и прав. Обедаешь вовремя? Об этом заботься в первую очередь, иначе и учење на ум не пойдет.

— Мне вот и отец то же говорит, — признался я. — В каждом письме пишет.

Наверное, мои слова прозвучали не очень весело, потому что он испытующе посмотрел на меня и спросил:

— Ты ему пишешь?

— Послал два письма и телеграмму.

— И ты думаешь, это много? Каждый день надо писать письма.

— Какая же тогда цена будет этому письму? — возразил я.

— Вон как ты рассуждаешь, — удивился профессор. — И все-таки пиши почаще, отцу будет приятно. Соскучился по нему?

Я опустил голову:

— Очень.

Он задумался на минуту и сказал, глядя куда-то в сторону:

— Как-нибудь приходи ко мне домой. Так ты говоришь, чем у тебя отец занимается?

— Бригадиром он работает. Четыре года был мирабом. В свободное время шьет сапоги, сбрую.

— Батыр он у тебя.

— Какой уж там батыр, жить-то надо.

— Много ты понимаешь! — рассердился вдруг профессор. — Будешь писать, передай ему мои слова, пусть никогда не признает себя ни старым, ни хромым, пусть работает. Перестанет работать, старость мигом оседлает. Так и напиши. Так, мол, наказал ему профессор математики Казанганов. И передай ему от меня большой привет. И главное, пусть своего сапожного ремесла не оставляет. Хорошее это дело, легче коротать время. А теперь иди. . .

Я много думал о профессоре и решил, что он человек со странностями, но добрый, отзывчивый. А то, что он вспыльчивый, то, может быть, это у него от застенчивости. Меня подкупало, что он интересовался судьбой моего отца и моей собственной. Его доброе отношение ко мне, безусловно, влияло благотворно на мои занятия по математике. Я не пропускал ни одной студенческой научной конференции.

Я уже был на третьем курсе, когда профессор опять вызвал меня к себе.

— Гляжу, ты научился держать себя перед публикой, — начал он. — Последний твой доклад неплохой.

— Готовился, — пробормотал я.

— Запомни, математика не терпит многословия, — сказал он жестко, почти враждебно. — Пустословие — враг любого дела, тем более математики.

Я обиделся тогда на его слова, потому что и сам так считал и старался не быть в докладе многословным. Он, видимо, понял мои чувства и сказал помягче:

— Подумай. Не спеши с выводами.

После этого разговора я три ночи не мог спать спокойно, но вскоре другие события заслонили от меня и профессора с его математикой, и мою учебу. Я влюбился в Алиму. Рано или поздно каждый когда-нибудь влюбляется, теряет покой. Думаю, что Алима тоже полюбила меня. Мы стали с ней

неразлучны. Ребята по компате, когда приходила Алима, конечно, подшучивали над нами:

— Пришла, наш ангелочек! За какие-то два-три месяца так скрутила бедного парня, что мы его и узнать не можем.

Алима только улыбалась в ответ. Потом начинала спокойно разливать всем чай.

Алима часто приглашала меня домой, но я все время отказывался. Наконец она сказала, что больше никогда не придет ко мне в общежитие. Алима проявила такую настойчивость, что я сдался. Ссориться мне с ней не хотелось.

Нас встретила мать Алимы, не молодая уже, но еще и не старая женщина.

— Давно бы тебе следовало навестить нас, — проворковала она. — Ну проходи, дорогой, проходи.

Пока я сидел у них, она все время что-то делала, сутлилась, речь ее лилась плавно и непринужденно.

— Алима у нас стеснительная, — говорила она. — Нынешние девчонки не такие. С руками и ногами оторвут себе что надо. Ну да уж бог с ней, такая уродилась. В отца, видно, пошла. Тот тоже был рохлей.

Мы просидели до полуночи. Сам того не желая, я рассказал о себе, о своей жизни в ауле, о занятиях в университете. Мать Алимы горестно вздыхала и ахала, всплескивала руками, когда я говорил о своей матери и как я лишился ее. Когда я умолк, она сказала:

— Нынче люди что, сами решают судьбу своих детей. И все как бы порасчетливее да повыгоднее. Я вот не такая. Лишь бы в мире да дружбе жили, вот и весь мой расчет. И вам обоим здоровья желаю.

Все было правильно сказано, но мне почему-то стало неловко. Алима тоже, я почувствовал, насторожилась, сказала сухо:

— Зачем ты об этом говоришь?

— Доченька, а почему же мне не говорить об этом? — простодушно отозвалась мать. — У меня ведь уже и возраст такой, что можно говорить, о чем думаешь. Что же тут такого, если я беспокоюсь о вашей судьбе?

Я торопливо допил чай из маленькой чашки и поднялся:

— Надо идти, а то вот-вот общежитие закроют.

— Ничего страшного, — возразила мать Алимы. — Можно и у нас переночевать.

— Мама, да что это сегодня с тобой? — возмутилась Алима.

— Молчу, молчу, доченька. Уж и слова сказать нельзя. Мы распрощались, и я вышел на улицу.

Была середина февраля, но ветер, дувший с гор, был

теплый и все вокруг напоминало весну. «Год назад у меня и мысли не было, что познакомлюсь с Алимой, — думал я. — А теперь вон как получилось. Интересная жизнь, так все неожиданно».

В этот вечер я понял, что мать Алимы не против нашей женитьбы. Сам я об этом как-то не думал. Что же теперь оставалось делать, как не жениться? Только вот как посмотрит на это отец? И что скажет профессор? Не рано ли? Может, лучше сначала закончить университет?

Никогда я не думал, что женитьба такое сложное дело для меня. Некстати я вспомнил одну историю, которую мне рассказал кто-то из ребят.

Девушка и парень вместе учились в институте и полюбили друг друга, как мы с Алимой. Поехали знакомиться с ее родителями. Встретили их тепло, зарезали барана, будущего зятя угостили традиционной грудинкой, все наперебой поздравляли жениха и невесту. Когда все разошлись, жених и говорит будущему тестю:

— Учиться нам осталось всего пять месяцев. Может быть, сразу уже и к свадьбе готовиться? Что время терять?

— Со свадьбой ты погоди, — сказал тесть. — Ты сначала про свою работу будущую расскажи.

— Учителем буду.

— А какая зарплата? Приблизительно.

— Наверное, не меньше ста пятидесяти. Да жена столько же будет зарабатывать.

— Ты зарплату нашей дочки можешь не прибавлять. Не уважаю, когда мужчина зарплатки своей жены подсчитывает.

Будущий зять, видно, не выдержал:

— Там видно будет, проживем как-нибудь!

— Вот это «как-нибудь» мне и не нравится, — застонал будущий тесть. — И родственники твои, поди, ничем не помогут?

— Да что это такое?! — возмутился жених. — Что мы, сами себя не в состоянии содержать? Двое молодых, здоровых людей? Да ведь мы любим друг друга, неужели вы этого не понимаете?

— Так, сынок, не получится у нас ничего. Не могу я свою дочь выдавать за нищего.

— Тогда нечего было разыгрывать из себя радушного хозяина. Надо было сразу сказать!

— Таких босяков мы много видали на своем веку, — вскипел будущий тесть, который и так уже еле сдерживался. — Еще и хорохорится.

— Чтоб вы сгорели со своим добром! — крикнул жених в отчаянии.

— Да так ты и драться на меня полезешь. Эй, жена, зови соседей! Эй, люди!

Так и пришлось ему убираться со двора восвояси. Но молодые люди любили друг друга и, как только вернулись в город, тут же поженились. И живут неплохо.

«Нет, мать у Алимы не такая», — подумал я, вспомнив ее высказывания насчет расчетливости: «Пропади оно пропадом, всякое добро! Ничего нет лучше мира в семье. Я бы только молилась за ваше счастье каждый день. Ничего мне больше не надо».

Но почему-то на душе у меня было пусто и тоскливо, какие-то нехорошие предчувствия томили меня. Что-то я делал не так, как надо.

На следующий день меня в коридоре встретил профессор и отвел в полутемный угол.

— Когда свадьба? — спросил он без всяких предисловий.

— Откуда вы знаете? — изумился я.

— Догадаться не трудно тому, у кого глаза на месте. Я часто вижу вас с этой красивой девушкой.

— Мои сверстники в ауле уже по трое детей имеют, — сказал я и отвернулся. — Чем я хуже их?

— Но зачем же спешить? — как-то грустно сказал профессор. — Кто она?

— Биолог. Учитя хорошо.

Я понимал, что несу чушь, как будто успеваемость и специальность имеют в таком деле какое-то значение. Мне кажется, что профессор тоже чувствовал себя как-то неловко. Возможно, потому, что не привык разговаривать со студентами на такие темы. Тем не менее он расспросил меня о матери Алимы и где они живут, а под конец пригласил пас к себе домой. Я попытался отказаться, но не тут-то было. Профессор вскипел и сразу же стал похож на самого себя:

— Попробуйте только не прийти! Тогда уж добра от меня не ждите!

— Но, профессор. . .

— Никаких «но»! — отрезал профессор. — Перешагнете через мой дастархан, пеняйте на себя.

Вид у него был обиженный, как у малого ребенка, и я смирился.

Едва профессор ушел, появилась Алина и сообщила, что завтра ей хочется сходить в театр.

— Подожди, Алина, — перебил я ее. — Завтра мы идем в гости к профессору Казанганову.

Алина изумилась, покачала головой:

— Ну, допустим, тебя он пригласил, а я-то здесь при чем?

— Очень просто. Хочет познакомиться с моей будущей женой.

— Ну, теперь ты пропал, Нуртас! — рассмеялась Алима. — Вдруг я ему не понравлюсь?

— Ничего, понравишься, — возразил я. — Он тебя считает красавицей.

— А ты? — лукаво улыбнулась Алима.

— Послушай, мне не до шуток. Я этого профессора побанваюсь.

Но все прошло хорошо. Алима понравилась и профессору, и его жене. Атмосфера была веселая и непринужденная. Профессор даже почитал нам рубайаты Омара Хайяма.

Ушли мы около полуночи, и всю дорогу Алима восхищалась профессором, как он выразительно читал стихи, какой он хороший, славный человек. Настроение у меня в тот вечер было приподнятое. Прощаясь с Алимой, я спросил у нее:

— Ты счастлива?

— Да, милый, — шепнула Алима.

8

Все чаще и чаще я стал бывать в доме Алимы. Ее мать относилась ко мне хорошо. Едва я переступал порог, она начинала суетиться вокруг меня и всячески ублажать. Поспешно накрывала дастархан, попутно рассказывая мне те или иные новости. Даже на Алиму в мое присутствие она почти не обращала внимания. «Место мужчины в доме особенное», — любила повторять она.

Да я и сам был с ней приветлив. Впрочем, со стариками и пожилыми людьми у меня всегда были хорошие отношения. Аульные старцы никогда не имели от меня тайн. Бывало, я собирал их по вечерам дома и ночь напролет читал книги. Приятно было видеть на сморщенных лицах удовлетворение. Потом какой-нибудь старик обращался ко мне:

— Голубчик, желаем тебе наших лет!

Не знаю почему, но это пожелание было для меня лучшей наградой. Все они считали, что я читаю кису лучше чем кто-либо в ауле. Наверное, с тех пор я и научился почитать старость. Недаром ведь говорится, что кто не уважает старость, никогда не дотянется ногой до стремени, то есть не станет джигитом. Кроме того, я всегда помнил слова моего коке Курмана: «Аманжол, твой погибший отец,

каждому из старцев мечтал возвести в ауле хоромы. Аманжол уважал старость».

Так что отношения с матерью Алимы были у меня хорошие, но иногда она приводила меня в недоумение, и мне становилось как-то не по себе от ее внимания.

Однажды я пришел к Алиме и застал у них в доме гостей, несколько женщин пили чай. Увидев меня, мать Алимы вскочила со своего места и воскликнула:

— А вот он и сам пришел! Проходи, милый. Алима в магазин ушла, сейчас придет. Проходи прямо на тор!

— Где это видано, чтобы жених в доме невесты проходил на тор? — заметила одна из женщин, усмехнувшись.

— А мне что жених, что не жених, — возразила мать Алимы добродушно. — Я его, во всяком случае, не меньше Алимы люблю. А может быть, даже и больше.

— Ну ты дожилась, милая. Мой зять не то что на тор, в глаза мне взглянуть не смеет.

— Что же в этом хорошего? — возразила мать Алимы. — Не каждому суждено командовать зятьями. Наш Нуртас в университете учится. Математик. Считает лучше всех. А в наше время надо уметь считать.

Они говорили обо мне, как будто меня не было здесь, обсуждали мой достоинства или недостатки, как будто я глухой и слепой. Почтение почтением, но мне это не очень понравилось. Хотелось уйти, но как их обидишь? Никто из них не желал мне зла. И что это значит — умение считать? Неужели моя будущая теща думает, что математик это счетовод? Целыми днями считает деньги или баранов? Я невольно улыбнулся, вообразив себе, как профессор Казанганов считает в отаре баранов. Однако следующие слова матери Алимы заставили меня насторожиться:

— Говорят, что тех, кто хорошо учится, оставляют в городе. А наш Нуртас на хорошем счету.

— Еще бы, такая квартира, места хватит, — загалдели женщины. — И дочь при матери, и мать при дочери.

Я обреченно вздохнул. Эти женщины без лишних слов определили и устроили мою судьбу, лишили меня воли. Хоть бы телефон зазвонил или бы пришла наконец Алима, вызволила меня из этого плена.

— Наш Нуртас и сейчас неплохо получает, — неожиданно сказала мать Алимы. — У него повышенная стипендия. Ему хватает. А уж о щедрсти его и говорить нечего. Такой бескорыстный. . .

К счастью, в этот момент я услышал шаги Алимы и сорвался с места. Когда я вошел в ее комнату, она переде-

валась. На мгновение сверкнули ее обнаженные плечи, грудь.

— Как тебе не стыдно! — возмутилась Алима. — Входишь без стука.

— Извини, — пробормотал я в замешательстве. Потом подбежал к ней и обнял. На Алиме было тонкое легкое платье с открытым воротом, и вся она была горячая, как огонь.

Сколько мы так простояли, не знаю, минуту или больше. Мне казалось, что стоит пошевелиться — и я весь рассыплюсь.

— Алимаш, — прошептал наконец я. — Моя ты Алимаш. . .

— Молчи. Не надо ничего говорить.

В коридоре послышались шаги ее матери и голос:

— Уж не ушли ли они случайно?

— Мы здесь, — отозвалась Алима, высвобождаясь из моих объятий.

— То-то же. Идите чай пить.

— Пошли, — сказала Алима.

Больших трудов стоило мне прийти в себя, но старые женщины так пронизательно смотрели на меня, так лукаво улыбались, что это послужило мне ушатом холодной воды. А их трезвые, рассудительные разговоры окончательно заморозили меня. Да и Алима была спокойна.

Потом мы ушли с ней на кухню, и я сказал Алиме, что получил от отца письмо, что он шлет ей привет, что копит деньги на нашу свадьбу. Я говорил спокойно, но весь был во власти недавнего объятия. Мне хотелось снова обнять Алиму, но я почему-то не мог решиться.

— Что же еще пишет твой отец? — спросила Алима.

— Пишет, что приглядывает на базаре все необходимое для будущей невестки, да не знает, сможет ли угодить. И про сватью тоже не забывает. Вот, сама почитай, оно у меня в кармане.

Алима развернула листок бумаги и стала читать вслух: «Дорогие мои Алима и Нуртас! Надеюсь, что оба вы в добром здравии. Пишет вам ваш коке Курман, который и днем и ночью желает вам хорошей учебы и хорошего настроения. Как дела у сватьи? Лишь бы она не болела.

Я тут живу одной надеждой, что скоро мы все встретимся по случаю радостного события. Я думаю, уж недалек тот день, когда мы со сватьей будем восседать на почетном месте. Весь аул, все родственники полностью осведомлены о предстоящем торжестве. . .»

Алима перечитала письмо еще раз и сказала:

— Хороший он у тебя человек.

— Его надо увидеть.

— Оставь мне письмо, — попросила Алима. — Маме прочитаю, ей будет приятно. Ты знаешь, она тоже хорошая, только, может быть, слишком разговорчивая.

«Мягко сказано», — подумал я и улыбнулся.

— Это не такой уж и порок.

Алима собралась проводить меня. Мы шли по улице Мукана Тулебаева.

— Ты что молчишь? — спросила Алима.

— Да об отце задумался. Судя по тому, как он спешит со свадьбой... Болеет, наверное. Надо бы мне съездить в аул.

— Не выдумывай, Нуртас. Он бы тебе написал, — возразила Алима.

— Нет, ты его не знаешь, Алима. Он будет бродить и перебарывать недомогание, пока не свалится совсем. Он ведь там один, бабушка тоже старая, а позаботиться некому. Послушай, Алима, а что, если ты ему письмо напишешь?

Алима замялась:

— Ну как я напишу человеку, которого никогда не видела? И потом, ты знаешь, я не люблю писать письма.

— Дело твое, — вздохнул я.

Боюсь, что слова мои прозвучали холодно. Алима съежилась и опустила голову. До самого общепития не проронила ни слова. Я пытался растормошить ее, но бесполезно.

— Что говорить впустую. Ты уже и так все сказал.

Расстались мы не очень весело...

Я уже заканчивал пятый курс, и заканчивал неплохо, но на душе у меня было нехорошо. Профессор убеждал меня оставаться в аспирантуре. Мать Алимы тоже настаивала на этом: «Да неужто ты хочешь потерять кусок, который сам к тебе идет в руки? Ну не глупо ли это?»

Как-то она совсем приперла меня к стенке своими житейскими доводами насчет аспирантуры.

— Все это правильно, — согласился я, — ну а как быть с отцом?

Я думал, что она ответит, мол, да, об отце-то мы и не подумали, но она спокойно возразила:

— А что отец? Человек он самостоятельный. Ничего с ним не случится. К своей жизни он давно привык, живет среди друзей, родственников. Да и ты будешь навещать при случае.

Сколько раз я слышал подобные рассуждения, и сколько раз я сдавался, а потом мучился. В чем он провинился, что-

бы наказывать его одиночеством на старости лет? Пора и ему отдохнуть да полюбоваться на внуков. Нет, я должен вернуться в аул.

— Не знаю, что и делать, — пробормотал я. — Не могу я его оставить одного на старости лет.

— Ты, милый, думай о будущем, — внушительно сказала мать Алимы. — Думай о том, чтобы поскорее стать человеком. И отцу радость доставишь.

— Да разве я не человек? — с горечью вырвалось у меня.

— Человек-то человек, никто об этом не спорит, — вздохнула женщина. — Только в аспирантуру тебе обязательно надо.

— Вот съездим в аул, и там посмотрим, как быть дальше, — сказал я.

Мать Алимы погрозила мне пальцем:

— Э-э, не говори потом, что я тебя не предостерегала. А что касается Алимы, то она поступит, как я хочу.

В первый раз, наверное, она говорила со мной в таком властном тоне, и это меня больно задело. У меня не хватило сил что-либо ответить ей. Кроме того, я и сам был не вполне уверен в своей правоте. Когда все против одного, трудно устоять. А тут и профессор, и мой отец, будущая теща, да и сама Алима. Стоило мне заговорить с ней о предстоящей жизни в ауле, она просто в лице менялась. Алима, видимо, тоже мечтала об аспирантуре, конечно, если повезет.

Профессор, когда я попытался доказать ему свои взгляды, оборвал меня:

— Не морочь попусту голову людям! Тебе надо продолжать учиться. Никто своего отца на спине не носят. Так уж устроена жизнь.

Все эти дни я ходил как в воду опущенный. И вдруг однажды в общежитии появился отец. Я едва его признал, такой он был нарядный, вся грудь в орденах и медалях. Даже костыли добыл новые, без скрипа. Остановился в дверях, улыбнулся и сказал:

— Не узнаешь, сынок?

— Коке? — вырвалось у меня, — Откуда ты взялся? — Голос у меня дрогнул от радости и тоски. Я понял, как соскучился по нему.

— Вот взял да и объявился, — сказал он, но как будто был чем-то смущен. — Алма-Ата, оказывается, под боком у нас. Утром из аула выехал, и вот здесь.

— А ведь пять лет не приезжал, как я тебя ни уговаривал.

— Случай такой вышел, вот и приехал.

Я присмотрелся к нему повнимательнее и увидел, как он переменялся. Глаза запали, потускнели, сильно похудел. Но новехонький костюм сидел на нем ладно, двигался отец на своих костылях по-прежнему легко. «Коке, — обратился я к нему мысленно, — пока ты ходишь по земле, мне ничего не надо. Только не старей и не худей, пожалуйста. Вывел ты меня в люди, пришло время и о тебе позаботиться».

Поговорили мы с отцом, и выяснилось, что ему написал профессор, жалуясь на меня: «Твой Нуртас упрямый парень. Надо его во что бы то ни стало оставить в аспирантуре. В будущем из него может получиться неплохой ученый. Хорошо бы нам встретиться и поговорить с глазу на глаз».

Узнав о содержании письма, я, помню, страшно разозлился:

— Никто меня насильно в аспирантуре оставить не может!

Отец не проронил ни слова, но настоял, чтобы мы вместе сходили к профессору и спокойно обсудили дело. Я согласился.

Старый профессор как будто нарочно поджидал нас на пороге.

— Костыли вот, услышал, стучат, я навстречу, — сказал он, подхватывая отца под руку.

— Аксакал, давайте сначала поздороваемся, представимся, — заговорил было отец, но профессор строго перебил его:

— Это что еще за условности? Я хорошо знаю вас.

— Как же это без приветствия, аксакал?

— После на приветствуемся. Надо сначала твоего сынка призвать к порядку.

Я понял, что профессор уже взвинтил себя. Теперь его не остановишь.

— Не могу вам перечить, аксакал.

Профессор благосклонно улыбнулся, но улыбка показалась мне зловещей.

— Твой сынок все время говорит, что отец у него составил. А тебе еще шагать да шагать.

— Стараюсь.

— Давно бы так, — буркнул профессор.

В это время появилась его жена, и старик велел ей приготовить чай. Когда мы все устроились в креслах, профессор заговорил тихо и серьезно:

— Я устал от Нуртаса. Вспоминаю первую нашу встречу с ним. Это было еще до экзаменов, когда он только собирался поступать. С тех пор я наблюдаю за ним непрерывно. Я думаю, из него может получиться хороший математик.

Сейчас еще, конечно, в нем нет ничего необыкновенного, но у него есть интуиция. Он умеет находить самые изящные решения. Умеет выходить из любой самой сложной ситуации. К тому же сейчас без математики и шагу не ступишь. Пусть твой сын поучится еще три года в аспирантуре. Я твержу ему об этом каждый день, а он, упрямец, не соглашается. Хочет ехать в аул.

Тут вошла жена профессора и сказала, что чай стынет. Старик отмахнулся:

— Да подожди ты, ради бога, со своим чаем. Дай поговорить.

Бедная женщина молча покинула кабинет.

— Сейчас всякие попадаются аспиранты, — с горечью продолжал профессор. — Случайные в науке люди. Но я их не виню. Мне их жалко. Легко ли всю жизнь обманывать самого себя? Ведь это суший ад. Нуртас не такой, он необходим науке, и без науки он будет как без воздуха. Такая уж у него судьба.

— Вы уж на него не обижайтесь, на старика, — сказала жена профессора, молча вошедшая в кабинет. — Такой уродился. Идемте чай пить.

— Что вы, что вы! — встrepенулся отец. — У аксакала одно только желание — он хочет добра Нуртасу.

— Чай так чай, — сказал профессор поднимаясь. — Прошу.

Жена профессора радушно потчевала нас, профессор молчал сначала, но потом не стерпел:

— Хочешь, конечно, чтоб твой сыночек рядом был. Утешение на старости лет. А я тут соловьем разливаюсь, голова распухла от забот. Ну что ж, забирай его в аул, пускай уезжает. Лишь бы только потом не пожалел.

Отец мой совсем растерялся:

— Аксакал, что до меня, так пусть учится. Я совсем не против этого.

— Кому нужна твоя учтивость, когда речь о деле идет. «Аксакал», — передразнил Казанганов. Потом вскочил и стал прохаживаться взад и вперед около стола.

— Угомонился бы ты, — вмешалась жена профессора. — Никто тебе не перечит. Да и Нуртаса можно понять. Отец один-единешенек в доме, сын в городе. А легко ли одному?

— Джигит должен думать не только о спасении своей головы! — громко сказал профессор, сверкнув глазами на жену. — Не должен парень останавливаться на полпути! Все равно не отпущу вашего сына. Никто меня не разубедит!

— У каждого свои заботы, — вздохнула жена профессора, тяжело поднимаясь с места. — Живем вместе уж боль-

ше тридцати лет, а все не могу привыкнуть к его диким выходкам. Извел ты тут всех. Поспокойнее не можешь говорить?

— Не могу! Ты знаешь, сколько мелодцов покушаются на место Нуртаса? На его законное место? Нет, не могу я быть спокойным, не допущу. Меня совесть потом замучит.

Больше всего меня удивляло молчание отца, хотя я и видел, что речи профессора приятны ему. Когда тот умолк, чтобы передохнуть, отец пошевелился и сказал:

— В жизни я не ощущал в себе такой гордости, как сейчас. Никак не могу собраться с мыслями.

Профессор тут же перебил отца, хотя на лице у него и мелькнула довольная улыбка:

— Не подумай, что я хочу усыновить Нуртаса. Мы со старухой уже прожили свой век. У меня другая роль. Понимаешь, настоящему скакуну нужен хороший погонщик. Без этого нельзя. Я все сказал, а там как хотите.

Отец мой, видно, наконец собрался с мыслями, он расправил плечи и начал торжественно:

— Аксакал, нет границ моей благодарности за сына, ни на том, ни на этом свете! Тысяча и одно спасибо вам! Где бы я ни был, что бы ни делал, всегда буду вспоминать о вас с благодарностью. Господи, да если такой наставник, как вы, благословляет судьбу моего сына, чего же мне желать еще? Разве я похож на безумца? А ты, Нуртас, кончай с мальчишеством. Не сбивайся с пути. Будешь в числе лучших, считай, что моя мечта исполнилась, сынок. А обо мне не беспокойся. Я еще достаточно крепок.

— Не переступай через отцовское благословение, милый, — тихо вставила апай.

— В свое время я не смог учиться, так пусть мой сын выучится, — продолжил отец. — По крайней мере, лет десять я смогу еще поддерживать его.

Так или иначе, но все были в приподнятом настроении, взволнованы и некоторое время сидели молча. Потом отец попытался перевести беседу в традиционное русло:

— Какие новости в Алма-Ате, аксакал?

— Ты со своими сплетнями подожди, — сказал профессор. — Пойдем-ка сначала в кабинет, поговорим.

Я остался в гостиной один и призадумался. Что делать? Как быть с аспирантурой? Я не сомневался, что профессор убедил отца. Не то что профессор Казанганов, даже мать Алимы смогла бы убедить его. А Алима, разве она поедет со мной в аул? Я с грустью признался себе, что уступаю их совместным усилиям, хотя и не был совершенно уверен в их правоте. . .

В первый год моей учебы я очень тосковал по отцу. Были ночи, когда я просто не мог заснуть, лежал с открытыми глазами и воображал его, свою будущую жизнь с ним. Как я закончу университет, вернусь в аул, женюсь, построю отцу просторный дом, и станет он жить да поживать в достатке. Не будет у нас нужды ни в жирной конине, ни в наваристом бульоне. А летом он может путешествовать, съездит в Москву, в Ленинград.

Между тем я разыщу могилу моего погибшего отца Аманжолы и поставлю ему гранитный обелиск. Сам я, может быть, стану директором школы, конечно со временем, буду уважаемым человеком в ауле. Что может быть приятней для отца?

И вот теперь все это рушилось. Я, оказывается, предназначен для другого, и у меня нет права выбора. Я просто обязан стать ученым-математиком, как считает уважаемый профессор Казанганов. И не видать мне никогда родного аула. Только вот правы ли они все? Верно ли я поступаю, что поддаюсь их уговорам?

На другой день мы с Алимой проводили отца. На прощание он сказал:

— Сынок, я всем доволен. Учись, не беспокойся обо мне. — Голос его прозвучал хрипло, и он не смог скрыть на-вернувшихся слез.

— Ладно, отец, ладно, — только и смог сказать я, тяжело переживая предстоящую разлуку.

Он повернулся к Алиме:

— Вот и дождался я своего часа, милая. Сынок вырос. Завтра вы уже своей семьей заживете. За меня не беспокойтесь, я привычный ко всему, я крепкий орешек. Буду молить судьбу, чтобы вы жили не хуже других. Пусть хоть и не под одной крышей со мной, но счастливо. От этого и мне радость. И мне хорошо.

Может быть, он по-своему и прав, но мое сердце дрогнуло, и я чуть не заревел, как, бывало, в детстве от неза-служенной обиды. Но конкретного обидчика у меня теперь не было, жаловаться не на кого, разве что на свою судьбу.

Отец стоял в тамбуре и махал рукой, оттеснив в сторону проводника.

— Пусть повезет вам в жизни! — крикнул он, перекрыва-вая шум поезда. — К сватье приеду специально. . .

Алима была счастлива.

— Ты действительно остаешься в аспирантуре? — уже в который раз спрашивала она.

— Кто это тебе сказал?

— Мама.

— И не подумай оставаться, — сумрачно отвечал я.

Она заглядывала в мои глаза, брала за руку и умоляющим голосом просила:

— Ну не мучай ты меня!

— Поедем в аул, отдохнем на просторе, — бесстрастно говорил я.

— Какой же ты тиран. Никогда бы не подумала.

Однажды я чуть не довел Алиму до слез. Глаза у нее покраснели, и она молча отвернулась. Мне так стало жалко ее, что я кинулся к ней, обнял за плечи и сказал дрогнувшим голосом:

— Алимаш, да куда же я без тебя?! Ты ведь знаешь, я без тебя и шагу ступить не могу!

Алима вмиг просияла и обняла меня:

— Милый... — А на ресницах у нее все еще дрожали слезы. Она любила меня.

— Нас ничто теперь не разлучит, Алима. На всю жизнь я с тобой.

— Скажи еще что-нибудь.

— У нас будут дети.

— Еще.

— Нет никого краснее тебя.

— Милый ты мой!

Это были счастливые минуты. Я забывал обо всем на свете, даже об отце...

Но когда я оставался один, все мои мысли опять сводились к нему. Как устроить так, чтобы жить нам всем вместе. Я понимал, что в город он не поедет ни за что. Без аула, без своего привычного ремесла он лишится покоя, пропадет. Но как же быть в таком случае? Мы здесь в мире и довольстве, а он там один. Легко сказать, что у него в ауле друзья, знакомые. Можно и в гости сходить, но вот он возвращается в пустой свой дом, очаг угас, и такая тишина, что слышно свое собственное дыхание, а свой голос кажется чужим и незнакомым.

Найдутся и такие, которые скажут: «Отец его с малых лет растил, кормил, человеком сделал. И вот награда на старости лет — оставил его сынок на произвол судьбы. Не та нынче молодежь пошла, не уважает старость». Я признавал, что в подобных рассуждениях много правды, и сердце мое щемило...

Свадьба паша приближалась. И хотя мы еще не говорили с Алимой об этом, но оба понимали — скоро свадебный той, довольно ходить порознь, пришла наша пора. Я на-

столько привык к Алиме, что и двух часов не мог пробыть без нее. Что-то такое вроде жажды в зной, когда думаешь: «Хоть бы глоток воды». В день мы встречались с ней по нескольку раз. Ребята по комнате приставали ко мне: «Когда же наконец свадьба?» Я уже не отшучивался, как прежде, что нам с Алимой и без свадьбы хорошо живется.

Как-то мы пили у Алимы чай. Вдруг ее мать сказала:

— Почему вы молчите? Чего мы ждем? Сколько можно в жениха и невесту играть? Пора серьезно это дело обдумать.

— Какое дело, мама? — спросила невинно Алина.

Мать сверкнула на нее изумленными глазами:

— Посмотрите-ка вы на них! Как будто ничего и не знают, ни о чем не ведают. Свадьбу когда играть будем? И надо срочно провернуть это дело.

— Почему это срочно? — возразила Алина. — За нами ведь никто не гонится. Куда торопиться? Вот закончим учебу, тогда и. . .

Мать Алимы решительно отодвинула свою чашку с недопитым чаем:

— Хватит! Нечего тянуть! Давайте назначим день и будем оповещать людей.

— Вечно тебе невтерпеж, мама.

— Будет невтерпеж, когда люди мне все уши прожужжали, мол, втихомолку, что ли, зятем обзавелась? Просто неудобно больше тянуть.

В тот вечер мы просидели до полуночи, обсуждая дела со свадьбой, и я впервые заночевал у них в доме.

На следующий день я написал отцу срочное письмо, в котором сообщал, что собираюсь жениться и уже назначили день свадьбы. Когда мать Алимы увидела, как я пишу письмо, то подошла ко мне и сказала:

— Пока они там в ауле соберутся. Напиши, чтобы поторопились.

— Да они сюда на крыльях прилетят, едва только письмо получат.

Между тем начинались государственные экзамены. Профессор каждый день спрашивал у меня: «Ну как ты? Готов? Смотри не ударь лицом в грязь, не опозорь меня, старика».

Экзаменов я не боялся, больше всего меня удручали свадебные приготовления. Алина была озабочена нарядами, а ее мать с утра до вечера корпела над списком приглашенных, среди которых были родственники, друзья, товарищи и просто ее знакомые. По списку набиралось около трехсот человек, и апай чуть не плакала:

— Ну где я их всех размещу? Нет, список надо сокра-

тить. Это безумие — столько людей, никакая квартира не вместит.

— А ты бы еще добавила. В тесноте, да не в обиде, — шутила Алима.

— Помолчи, егоза.

Мы садились и начинали сокращать список, но ничего не получалось. Появлялись какие-то новые знакомые, дальние родственники, которых непременно надо было пригласить. Мать Алимы даже похудела от расстройства.

— Что же делать, дорогой Нуртас, — жаловалась она мне. — Свадьба единственной дочери — не шутки.

И снова садилась переделывать список приглашенных. Алима относилась к ее переживаниям с легкой иронией:

— А ты, мама, положи список на ночь под подушку. Может быть, он к утру уменьшится.

Отец приехал, когда меньше всего его ждали. Он явился с огромным чемоданом и двумя мешками. Как он все это дотащил с вокзала, я не знаю.

— Что же ты телеграмму не дал? — накинулся я на него. — Мы бы тебя встретили на вокзале. Разве так можно, отец?

— Некогда было, сынок. Как только получил твое письмо, тут же на поезд. У меня давно все было подготовлено. Уф-ф! Едва добрался.

— Коке, ты неисправимый человек, — сказал я. — Ну куда столько подарков? Разве в них дело?

Однако, честно говоря, я был очень доволен своим отцом и его поступком.

— Не говори так, сынок, — ласково возразил отец. — Коке твой на свадьбу приехал. На свадьбу своего единственного сына. Да я сейчас от радости на голове готов ходить.

Мы поговорили немного, и я повел старика к профессору, который предупредил меня, что как только отец появится, вести его немедленно к нему.

— Что ж, хороший человек, — сказал отец, когда я рассказал ему о желании Казанганова. — Не хуже родни.

По дороге я рассмотрел как следует отца. Он, пожалуй, еще больше похудел, но одет был с иголочки. Он, видимо, понимал, что я его рассматриваю, и спросил:

— Ну как твой отец, нравится? Все сшито по заказу.

— Очень нравится.

«Только бы ты у меня не болел», — подумал я.

— То-то, твой отец еще крепкий орешек, — сказал он с удовлетворением.

— В этом костюме, отец, ты очень хорошо выглядишь. Даже как будто помолодел.

— Кому же молодеть в такой день, как не мне?

Профессор встретил его как старинного друга. Мы договорились с отцом вечером навестить сватью, и я стал упрашивать профессора пойти с нами. Тот наотрез отказался и наконец рассердился:

— Не буди во мне беса, а то вмиг сгоню со двора. Ладно бы на свадьбу пригласил, а ходить по сватьям, нет уж, уволь. Идите сами.

— Как же так, аксакал? — вступился было отец. — Такое дело. . .

— А-а, все это пустое времяпрепровождение, — отмахнулся профессор.

Я оставил отца у профессора и побежал по своим делам. Шутки шутками, а хлопот перед свадьбой всегда много, даже у жениха. Однако в назначенное время мы подошли к дому Алимы. Ее мать встретила моего отца как будто старого знакомого. Уже через несколько минут они весело разговаривали и шутили.

— Я думала, отец у Нуртаса старик, а он совсем молодой, — улыбнулась мать Алимы.

— Ну не совсем молодой, — сказал отец. — Но, слава богу, пока на здоровье не жалуюсь. Свою лямку тяну исправно, борозды не порчу.

— В тот раз и поздороваться не зашел, — упрекнула его сватья. — Теперь-то уж ты попался в наши руки, не выскользнешь.

— Сватья, теперь все в твоих руках. Но тогда я просто не успел зайти. Что поделаешь?

После чая они завели разговор о предстоящей свадьбе. Сватья пожаловалась, что совсем замучилась, составляя список гостей. Отец Алимы был когда-то на большой работе, друзей после его смерти осталось много, и хотелось бы всех позвать.

— Зовите всех, не стесняйтесь, — задорно сказал отец. — Свадьбу есть на что справить. Для сына мне ничего не жалко. Делайте так, чтобы людям не стыдно было в глаза смотреть. Той отгрохаем на славу!

— Ой, да уж надо постараться, — весело отозвалась сватья. — Они ведь у нас одни.

В тот вечер мы просидели за разговорами до часа ночи. И вот через три дня состоялась наша свадьба. Мне кажется, что не было веселее никого, чем мой отец. Тост свой за наше счастье он начал несколько витиевато, но зато говорил от всей души:

— Всем гостям, пришедшим и приехавшим поздравить молодую семью, желаю вечного процветания. Дорогие моло-

дожены, жених и невеста, никогда я не видал такой веселой свадьбы. Что я скажу! Желаю сначала, чтобы вас всегда окружали добрые люди. Уважайте друг друга, берегите свой семейный очаг. От него многое зависит. Живите в согласии, будьте счастливы!

Гости захлопали, стали нас поздравлять:

— Будьте счастливы!

Отец поднял руку и, когда стало тихо, сказал:

— А теперь я спою. Никогда в жизни не пел, дорогие мои, а теперь спою. Слушайте мою песню:

Конь подо мной черный как смоль.
Если пыль летит на тебя, отверни свое белое лицо.
Спою я тебе прямо у твоего аула.
Если не признала моего голоса, выйди да посмотри.
Белый ковыль до пояса,
Ты дала мне слово,
Настал час разлуки,
Прощай, будь здорова, моя луноликая,
О моя Аккербез, Аккербез!

Тут поднялся шум, все стали поздравлять моего отца. Я никогда не видал его таким счастливым, как в день моей свадьбы. Но всему бывает конец, и счастьем, и свадьбе. Гости разошлись под утро, и мы остались одни. Отец и сватья сидели рядом на диване и разговаривали.

— Нам с тобой уже ничего не надо, — говорила сватья. — Лишь бы у них все было хорошо.

— Хорошо ты сказала, сватья, — отвечал отец.

— Все у них есть, всего в достатке. Осталось немного присмотреть за ними, пока на ноги не встанут. Найдут обший язык, заживут хорошо.

— А уж присмотреть за ними — твое дело, — сказал отец. — В этом деле ты преуспеешь.

Я был рад, что отец с тещей как будто поладили и от души довольны друг другом.

Через неделю я его провожал. Отец напутствовал меня:

— Нуртасжан, не отмежевывайся пока что от них, поживи вместе со сватьей. Пусть люди говорят, что хотят. Где это видано, чтобы на старости лет мать оставляли одну?

— А отца одного оставлять хорошо? — спросил я.

— Обо мне ты не беспокойся. Я уже привык, проживу. Не перечь сватье. Она, правда, немного шумновата, а так вроде человек неплохой. Уважай ее.

— Стараюсь.

— Не обижайся, сынок. Мой долг сказать тебе об уважении.

Мне показалось, что отец чего-то недоговаривает, что-то его беспокоит, но он не имеет права высказать. Может, не так уж и нравится ему сватья? Я в ней чего-то не разглядел, а он понял ее натуру, но деликатность не позволяет ему сказать о матери Алимы худое. На душе у меня стало пусто и тоскливо.

— Поживем — увидим, — сказал я.

— Не наделяй глупостей, сынок, — сказал отец после долгого молчания. — Вас теперь двое, все дела решайте вдвоем. Не обижай Алиму. Старайся угодить теще. Она знает жизнь.

Все в душе у меня так и поникло. Я не узнавал отца. Как будто он прощался со мной навсегда.

Все это время мы сидели в сквере у дома Алимы. Неожиданно отец встал и предложил:

— Пойдем подальше отсюда.

И мы направились в парк. Потом зашли в ресторан, покатались на лодке, я сводил его в зоопарк. Перед каждой клеткой отец останавливался, цокал языком и с жалостью говорил:

— О божьи твари! За что вас посадили в клетки? Они ведь все понимают, все. Я, наверное, ревную тебя к сватье и Алиме. Как это нехорошо.

— Коке, нас ничто на свете не разлучит, — сказал я.

— Кто спорит, сынок, — печально улыбнулся он. — Кто спорит.

— Неужели ты мне не веришь, отец?

— Верю, сынок. Не обижай Алиму. Не наделяй ошибок.

Вечером мы проводили его на вокзал, на прощанье он сказал:

— Встретимся во здравии и благополучии.

На душе у меня было горько и печально, не хотелось мне с ним расставаться.

Вскоре после нашей свадьбы я переехал из общежития в дом Алимы и ее матери. Через непродолжительное время я защитил диплом с отличием, Алима тоже успешно закончила университет. Моя дальнейшая судьба была predetermined. Осенью я должен был сдавать экзамены в аспирантуру. Алима устроилась учительницей в школу, которая была совсем рядом с домом. Все как будто встало на свои места. Оставалось полтора свободных месяца до моих экзаменов, и я надумал свозить сватью в аул к отцу.

Мать Алимы приняла мое предложение легко:

— И правда, до каких пор мы будем ждать его приглашения? Съездим на недельку, что нам стоит? По дороге и в Ташкент можно заехать. А согласна ли Алима?

— Она хоть сейчас готова.

На том и порешили. Я уже собирался написать об этом отцу, когда меня вдруг вызвал профессор Казанганов. На кафедре я застал его одного.

— Что не заходишь? — спросил он. — Понятно. Ты теперь семейный человек.

— В самом деле некогда было.

— Ладно, — согласился он и отодвинул кучу бумаг на столе в сторону. — Я тебя вот для чего вызвал. Будешь принимать экзамены. Я ввел тебя в состав приемной комиссии. С завтрашнего дня начнешь отбирать способных к математике ребят. Дело это нелегкое. Будь внимательнее.

Предложение профессора мало обрадовало меня и даже расстроило. «Разве нет опытных преподавателей? — подумал я. — Зачем включать в комиссию вчерашнего студента?» Кроме того, мы собирались ехать в аул к отцу.

— Зря вы это сделали, — твердо возразил я. — Ну какой вам помощник вчерашний студент? Ни опыта, ни знаний, ни авторитета.

— О чем он говорит?! — вскипел профессор.

— В любом случае дело это не по мне, я не могу...

— Если ты не согласишься, предупреждаю, не жди от меня ничего хорошего. Я не из тех, над кем можно издеваться. Сколько трудов стоило ввести его в состав комиссии, а он... Что же прикажешь теперь мне делать?

Разгневанный профессор стремительно вышел, сильно хлопнув дверью.

До вечера я бродил по улицам, пытаюсь найти решение. Было два выхода: или просить прощения у тещи, или согласиться на предложение профессора, который для меня так много сделал в жизни. Как хорошо, что я еще не написал отцу.

Вечером, уставший, я пришел домой и объяснил ситуацию. Алима, как всегда, промолчала, а теща, довольная, всплеснула руками:

— Вот что значит хорошо учиться! В комиссию привлекли, лучшего и быть не может. Наконец-то ты станешь человеком.

Я возразил, что лучше бы нам поехать в аул, отдохнули бы, душу отвели.

— И вообще не нравится мне это дело, — добавил я.

— Ребенок ты еще, — заметила теща все в том же приподнятом настроении. — Аул от тебя не убежит. Лучше пригласим твоего отца к нам. Пусть отдохнет, полечится.

— Сейчас он не поедет, — сказал я. — Днем и ночью в саду. А на здоровье он никогда не жаловался.

— Лишний раз показаться врачу в его возрасте — не худо, — возразила теща. — Иногда человек и сам не знает, что болен. Если летом занят, пусть приезжает осенью.

— И все-таки лучше бы нам самим к нему съездить.

— Ничего ты не понимаешь, Нуртас, — несколько сурово сказала теща. — Ты член приемной комиссии. Ты представляешь, что это такое? Да кто же от такого отказывается? Да перед тобой шапки будут ломать.

Алима не принимала никакого участия в разговоре и даже казалась равнодушной. Меня это немного задело.

С тещей я не стал больше спорить, хотя ее взгляды мне и не нравились. Чего-нибудь скажешь сгоряча, потом не расхлебаешь, да и отец просил уважать сватью.

И началась у меня беспокойная жизнь. С утра до вечера в университете. Профессор был доволен мной, правда, иногда мы с ним спорили. Он начал приглашать абитуриентов и с других факультетов.

— Ну зачем вам эти лишние хлопоты! Только время тратим впустую, — высказал я ему как-то. Он моментально вскипел:

— Когда ты наконец бросишь пререкаться со мной?! Мне лучше знать. Может, ребята по ошибке пошли на другие факультеты, особенно из аулов, все тянутся на филологический, а среди них немало сильных математиков. Я из опыта знаю.

Спорить с ним было бесполезно, тем более что я признавал его правоту.

За суетой да за хлопотами я совсем перестал думать об отце. И вот случилось то, чего я больше всего боялся. В полдень в деканат позвонила Алима, и я услышал ее встревоженный голос:

— Твой отец сильно заболел. Просит приехать.

— Откуда ты знаешь?

— Телеграмма пришла.

Трубка выпала у меня из рук. «Если уж такой человек, как мой отец, дал телеграмму, значит, дело плохо, — подумал я. — Хуже и быть не может. Он не из тех, кто жалуются».

Голова моя вдруг налилась свинцовой тяжестью, вялой рукой я поднял трубку, машинально послушал утешения

Алимы, обычные в таких случаях, что, может быть, ничего еще и нет страшного. Не было сил ответить ей, и я положил трубку на рычаг.

После обеда я пошел на вокзал. На пороге меня остановила мать Алимы и сказала:

— Сообщи, как там у него дела.

Я молча кивнул головой.

Всю дорогу перед глазами у меня стоял отец. Худой, изможденный, с запавшими глазами, он смотрел на меня с упреком: «Вот какой я стал. А ты где? Забыл отца». И без конца я отвечал ему: «Нет, коке, не забыл. Нет, я тебя не забыл, но мы оба сделали ошибку — не надо было мне оставлять тебя одного».

Всю дорогу я молил судьбу, что хоть бы застать его в живых, услышать от него хоть одно слово. Я вдруг осознал, что никого на свете у меня не было дорожке отца, даже Алима...

Совсем обессиленный я добрался до аула. Замер на его окраине, прислушался, как вор, ибо я боялся встретить кого-нибудь из аулчан. Но вокруг было тихо, никаких признаков жизни. Только мигали на столбах фонари. Я обошел стороной главную улицу, вошел в дом и наконец увидел отца.

Он лежал в комнате один, исхудавший, с запавшими глазами, беспомощный, будто ребенок.

— Коке! — вскричал я и обнял его.

— Сынок! Добрался!

Он гладил меня по волосам, руки его дрожали.

— Телеграмму я получил в полдень и тут же на поезд, — объяснил я ему.

— Как я рад. Что сватья, жива-здорова? Как Алима?

— С ними все хорошо. Привет передавали.

Ужас, навеянный телеграммой, смутные предчувствия и наконец вид отца, лежавшего на постели, — все это придавило меня будто горой. Каждый раз, когда я поднимал глаза на отца, горький комок застревал у меня в горле, и я не мог сказать ему ни одного слова. Ему было трудно дышать, он то и дело задыхался.

Я устался на костыли в углу. Всегда они были замызганные, а эти будто никогда и не касались земли. И я понял, что отец давно уже никуда не выходил из дома.

— Ну что ты так устался на мои костыли? — сказал он, улыбнувшись через силу.

— Соскучился по ним.

— Бабушка твоя скоро должна прийти, — сказал он. —

Ушла повидаться с председателем. Она все такая же, бе-
гает, суетится, неугомонная.

«Что же это такое с тобой, отец? — подумал я. — Вель
только три месяца назад ты был здоров. А теперь одни мощи
остались». Я вспомнил, как он писал мне в письмах: «Здо-
ров, как конь. Война закалила нас. Бывает, конечно, при-
хварываю, но я на это внимания не обращаю. Не беспя-
койся, жить буду долго. Мне надо прожить подольше, чтобы
поняничить своих внуков».

Бедный мой отец! После двух-трех слов он совсем вы-
дохся.

Наконец пришла бабушка, и я вскочил с места.

— Приехал, сынок, — сказала она. Лицо ее сморщилось,
глаза покраснели. — Поздравляю тебя с женитьбой.

— Спасибо, — пробормотал я. Она присела в ногах
у отца и сказала:

— Курман наш, вот какая история. . .

— А ты как себя чувствуешь, бабушка? — спросил я.

— Я уж зажилась на свете, сынок. Чем я бога про-
гневила, не знаю. Ты вон на Курмана погляди. Совсем
сдал.

Между тем в доме начали собираться аулчане, не знаю
уж, кто им рассказал о моем приезде. Это была моя первая
встреча с земляками после свадьбы.

— Разве можно так лежать, когда сын из Алма-Аты
приехал? — сказал кто-то.

Отец с трудом поднял голову с подушки:

— Теперь уж наверняка встану. Видите, сразу приле-
тел, как только весть получил.

Пока люди разговаривали с отцом, бабушка отозвала
меня в сторону и сказала, что отец уже более двух месяцев,
можно сказать, не ест, не пьет. Но все бродил, в постель не
ложился, и никто, в общем-то, не придавал значения его
недомоганиям. Бывало и прежде такое. Но потом он стал
жаловаться, что, как поест, его начинает рвать. Появились
боли в желудке.

Наконец она, видя, что Курман чахнет день ото дня, на-
сильно потащила его к доктору. Докторша у них молодая
девушка, ничего определенного не сказала, но предложила
показать врачам в райцентре. Положили в больницу на ис-
следование, взяли анализы. Через месяц, когда бабушка
приехала за ним, врачи сказали, что анализы неудовлетво-
рительные, что все может случиться.

Бабушка вернулась в аул и подняла на ноги все колхоз-
ное руководство, доняла председателя, лечите, мол, как хо-

тите, хоть в Москву везите. Посоветовались и решили прежде всего направить мне телеграмму.

Я слушал эту историю как во сне. Не знал, верить всему этому или не верить. Болезнь отца и ощущение полной моей беспомощности так подействовали на меня, что я с трудом мог двигаться, будто связали меня веревками.

Трудно описать то состояние, в котором я находился. Ночью отец часто просил пить, но не мог проглотить ни капли кумыса. С трудом выпил немного воды.

Едва забрезжил рассвет, я вышел во двор. Бабушка уже хлопотала у очага. Я спросил у нее, почему она так рано встала.

— Я уже привыкла не спать.

— Отец всю ночь промучился.

— Сынок, ты уж придумай что-нибудь. Не сидеть же нам сложа руки, когда с ним такое.

Я и сам понимал, что надо что-то делать. Я отправился в райцентр, поговорил там с врачами, и они посоветовали мне свозить его в Ташкент. Везти в Алма-Ату далеко.

Это были дни и ночи бесконечного ожидания и надежд. Я отвез отца в Ташкент, положил в больницу и стал ждать, что скажут врачи.

Два раза я говорил по телефону с Алимой, которая была в положении. Каждый раз она утешала меня:

— Поправится твой отец.

— От него ничего не осталось. Совсем исхудал, — жаловался я.

— Ты преувеличиваешь, — отвечала мне Алима. Я понимал, что ни в чем ее не убедишь. У нее теперь свои заботы, скоро она должна стать матерью.

Говорила со мной однажды и теща, тоже успокаивала, но какой-то холодок слышался в ее голосе, и я видел, что при всем ее желании она не может от него избавиться.

И все-таки после разговора с ними, особенно с Алимой, у меня появлялась надежда. Мало ли на свете бывает чудес. Может быть, отец все-таки поправится?

Наконец меня вызвали врачи и сообщили, что дело безнадежное, болезнь запущена, и мы вернулись с отцом в родной аул. В тот же вечер в доме появились старики. Они прошли на тор и сели поджав ноги, как муллы. Начали вздыхать и бормотать:

— Кто на этом свете не смертен?

— Сын, слава богу, рядом. Успокоение для души.

— Бедняга, что он видел в жизни? Одни муки да страдания.

Отец ничего не слышал, он был без сознания. Около

полуночи он открыл глаза и взглядом подозвал меня. Потом проговорил с трудом:

— Не избавиться мне от этой напасти. Сын вот приехал и на несколько дней продлил мою жизнь. Поднимите мне повыше подушку. Всем я доволен в жизни, благодарю за все судьбу. Сынок, уважай людей. . .

Это были его последние слова. Старик в чалме затынул что-то унылое, протяжное. С плачем я обнял отца, голова у меня закружилась, мне показалось, что дом рушится на меня, что я лишился опоры и лечу в темную пропасть, откуда мне никогда не выбраться.

На другой день председатель колхоза принес мне телеграммы. Друзья выражали мне соболезнование. Пока я хлопотал с похоронами, устанавливал обелиск на могиле, от Алимы пришло известие: «Ты стал отцом. У тебя сын».

Никогда в жизни я не испытывал такого противоречивого состояния — бесконечного горя и бесконечной радости. . .

В Алма-Ату я вернулся в конце сентября.

— Как ты ужасно похудел, — первое, что сказала мне Алина и огорченно покачала головой. Около трех дней ко мне заходили друзья разделить со мной мое горе. Теща тоже, видимо, переживала, во всяком случае, глаза у нее были мокрые.

Когда мы наконец остались одни, Алина разрыдалась, и я долго не мог ее успокоить. «Почему я не поехала с тобой? Хоть бы немного за ним поухаживала», — причитала она. Я крепко обнял ее, и она понемногу успокоилась.

Через день я навестил профессора, и он сказал, что единственное лекарство от горя — это работа, что он советует мне начать подготовку к экзаменам. Надо идти вперед, только вперед.

Но возможно ли вот так все время тянуть вперед, не останавливаясь и не отвлекаясь? Как можно не обращать внимания на то, что делается вокруг? Разве можно пройти мимо чьей-то радости или горя, не порадовавшись от души и не опечалившись? Какой смысл в такой холодной пресной жизни?

Понемногу я начал приходить в себя. Очень помог мне в этом Адиль, мой сын. Стоило мне взять его на руки, я забывал обо всем на свете. Когда он начинал плакать, я его баюкал.

— Не надо приучать его к рукам, — сердилась Алина. — Избалуеться.

— Ну и пусть, — отвечал я. — Ты его просто не любишь. — И мы ссорились из-за нашего Адила.

Между тем я стал готовиться к экзаменам по совету профессора Казанганова. Это действительно помогало мне забыть, боль моя немного притупилась, хотя я каждый день вспоминал отца, его последние дни.

Однажды я засиделся в библиотеке, домой пошел пешком, чтобы немного проветриться и отдохнуть. Лил холодный осенний дождь. Пока я добрался до дому, промок до нитки. Я не знал, что осенние дожди такие коварные, на другой день я не встал с постели. Врач, которого срочно вызвали, определил у меня крупозное воспаление легких, и я очутился в больнице для легочников. Время как будто затормозило свой бег. Дни превратились в года. Иногда во сне или в бреду ко мне являлись профессор Казанганов и отец. Отец молча улыбался, а профессор Казанганов говорил: «Да, ты должен был поехать в аул к своему отцу. Это была наша ошибка. Нельзя было оставлять его одного. И не человек для науки, а наука должна служить человеку».

Поначалу Алима частенько навещала меня, и каждый раз мы говорили только о нашем сыне Адиле.

— Плачет он там, наверное? — спрашивал я.

— Нет, совсем не плачет. Все время улыбается.

— А на кого похож?

— На тебя, на кого же еще. Такой же упрямый, как и ты. Мне даже обидно, хоть бы немножко на меня был похож.

Слова Алимы были мне приятны. Мальчик должен быть похож на отца.

Теща не бывала у меня, но однажды она явилась вместе с Алимой, холодно поздоровалась и присела в сторонке. Алима выглядела озабоченной и уставшей. Теща долго рассматривала меня, потом бросила:

— Вид у тебя ужасный! Вроде как опух, что ли?

— Поправился, наверное, — сказал я, чувствуя себя не в своей тарелке от ее разглядывания. Алима молчала, смотрела куда-то в сторону.

— Да уж хорошо бы, если бы ты вылез, — сказала теща. — А то ведь, говорят, заразная эта болезнь.

Я весь содрогнулся от отвращения после ее слов. Не знаю, что мне помешало тут же выгнать ее, может быть, молчание Алимы?

— Эта болезнь не заразная, — отчетливо произнес я. — Можете не беспокоиться.

— А ты тоже какая-то невезучая, — обратилась теща

к Алиме, не обращая внимания на мои слова. — И не заметишь, как тоже свалишься.

— Алима, что же ты молчишь? — сказал я с надеждой.

— Ну ладно, — вздохнула теща. — Мы пошли. Поправляйся.

И они ушли. Алима так и не сказала ни одного слова. Все это показалось мне нелепым, чудовищным сном. «Разве бывает такое в цивилизованном мире? — подумал я с горечью. — Или они просто решили отделаться от меня? Но в чем я виноват?»

Да, я был, пожалуй, виноват в одном деле, но только не перед своей совестью, а перед близким человеком, перед матерью Алимы.

Это было, когда я еще работал в приемной комиссии. Теще вздумалось протезировать кое-кому, и как-то между нами состоялся разговор. Она намекнула, что хочет помочь своим друзьям и неплохо бы пригласить к нам в гости профессора Казанганова. Я тут же возразил, что с этим делом ничего у нас не получится, профессор очень занят.

Теща медленно сползла с кровати, она недомогала в тот день, подошла к окну, в которое било яркое солнце, и задернула шторы.

— Не пойму я тебя, — сухо сказала она. — Чего ты артичишься? В чем я перед тобой провинилась?

— Ни в чем не провинилась, — сказал я. — Но в такие дела вам лучше не вмешиваться. Мне жаль, что вы кому-то что-то пообещали.

— Нуртас, дорогой, я ведь тебе не чужая, — с улыбкой сказала она. — Не обижай меня. Не думай, что я к тебе каждый раз буду приставать.

— Все это ни к чему.

— Послушай, Нуртас, все они хорошие ребята. Кроме того, наши дальние родственники. Если уж сам ничего не можешь сделать, попроси профессора. Уж мы в долгу не останемся.

— Не трогайте вы профессора! — с досадой сказал я.

— Он тебя послушает, — настаивала теща. — Человек добрый, сердечный. Да и мы ему на что-нибудь пригодимся.

— О чем нам торговаться? — сказал я, еле сдерживаясь.

— Послушай, сынок, может, ты и с неба свалился, но так себя не веди, — в ее голосе послышалась угроза. — Никто с тобой торговаться не собирается. О, дура я, дура, нашла кому довериться.

Все-таки мне ее было жалко, да и отец всегда говорил: «Уважай сватью».

— Не огорчайтесь, — сказал я. — Ничем не могу помочь, к сожалению. Не в моих силах.

— Знала я, что в последний момент ты осрамишь меня, — сказала она плачущим голосом. — Не верилось, что ты способен на такое, свой вроде... Старая женщина тебя так умоляет, а ты... неблагодарный. Помирать буду, воды не подашь.

Мне не хотелось устраивать скандала, но я удивлялся перемене в ее настроении. Ведь только недавно это была добродушная, милая женщина, с распростертыми объятиями встречала моего отца. Я вспомнил ее слова: «Лишь бы вы были счастливы». А теперь она сознательно толкала меня на подлость. Я вспомнил и отца, его драку из-за воды с Дайрабаем. Как бы он поступил на моем месте? Да просто тут двух мнений и быть не могло. Отец поступил честно и принципиально, пусть по-своему, но доказал Дайрабаю свою правоту.

— Они нас внакладе не оставят, — продолжала теща. — В народе говорят, сухая ложка рот дерет. Они не из таких. Кое-что и нам перепадет.

Я будто наступил на горячие уголья, лицо у меня запылало, а сердце похолодело.

— Вы за кого меня принимаете? — медленно произнес я.

— День и ночь я думаю только об одном, — сказала теща. — О вашем благополучии.

— А может быть, о том, чтобы от меня избавиться? — усмехнулся я и круто повернулся, чтобы уйти.

— Куда?! — взвизгнула она. — Что там у тебя, потоп?! А уйдешь — не возвращайся.

— Уйти всегда успею.

Лицо у нее исказилось, она закричала:

— Голодранец, думаешь, добился уже всего? Пока не женился, так на цыпочках ходил, а теперь и нос воротить. Давно ли из аула приехал? Погляди, в каких хоромы живешь. Ты наживал эти хоромы? На готовенькое пришел.

И много чего она еще высказала мне и так орала, будто ее грабили. Я слушал ее как в бреду, в голове туман, во всем теле слабость. Наконец, слава богу, пришла Алима, тронула меня за руку и невозмутимо, как всегда, спросила:

— Чего от тебя хочет мама?

Я ошалело уставился на нее:

— Алимаш, ничего не понимаю, что с ней стряслось. Иди поговори, успокой ее.

— Чего же она хочет? — все так же невозмутимо спросила Алима. Казалось, ничто не могло вывести ее из равновесия.

— Хочет, чтобы я устроил кого-то в университет. Разве это не подлость?

— Оба вы невозможные люди, — пожала плечами Алима. — Сказал бы, что не можешь, да и вышел из комнаты.

— Да разве она так просто отпустит? Чего только не наговорила мне, — жаловался я, как ребенок.

— А ты тоже, из-за мелочей на дыбы встаешь. Сказал бы, ладно, мол, сделаю, как вы хотите.

— Да ведь это же преступление, Алима!

— Какой ты впечатлительный, — рассмеялась Алима. — Ей важно пообещать, вовсе не обязательно исполнять все прихоти мамы. Надо было согласиться для вида, а поступить по-своему. Папа-бедняга всегда так делал.

Алима вздохнула. А я словно окаменел, потом осторожно спросил:

— Чему ты меня учишь, Алима?

— Иначе ты от нее не спасешься.

— Алима, я не могу жить в таком искаженном мире.

— А что поделаешь? — она опять пожала плечами.

11

Ни Алима, ни теща больше меня не навещали. Я не знал, что и подумать. Жестокость этих людей, умышленная или неумышленная, поразила меня. Я поклялся никогда их больше не видеть, но мне хотелось встретиться и поговорить с Алимой. Я сильно тосковал по Адилю и мечтал хотя бы еще раз увидеть его. В конце концов я решил позвонить Алиме. Она сама подошла к телефону.

— Как вы там? — спросил я.

— Все хорошо, — спокойно ответила она. — А ты как?

— По-старому. Зайди хоть на часок, — попросил я. — А то завтра меня в санаторий отправляют.

— Прямо сейчас?

— Да, сейчас.

Не прошло и получаса, как она пришла. Я заметил в ней перемены. Вид у нее был неважный, словно она трое суток не спала. Мне стало жалко ее.

— Что с тобой, Алимаш? Ты как будто похудела?

— Заели вы меня с матерью, — резко сказала она. — Трудно мне с вами.

Мне вдруг захотелось как-то оправдаться, во всяком случае я почувствовал себя виноватым перед ней.

— В санаторий меня отправляют, — сказал я.

— Мне все равно, — холодно сказала она.

— Значит, я тебе не нужен?! — закричал я, сам не понимая, как это получилось.

— Никто мне не нужен, — пробормотала она.

— А я знаю, кто вам нужен! — продолжал я. — Вам нужен делец, который бы зарабатывал деньги, много денег. И чтобы он не смел болеть! Вот кто вам нужен!

— Никто мне не нужен, — повторила Алима.

— Так в чем же дело?

— Мать с утра до вечера долбит одно и то же, мол, бедная ты, несчастная, не повезло тебе с мужем.

— И ты покорно выслушиваешь ее?!

— А что же делать, — растерянно сказала Алима. — Она же моя мать.

И жалко мне было ее, и обидно, и в то же время я готов был ударить Алиму.

— Уходи! — тихо сказал я. — И больше не показывайся мне на глаза!

Алима расплакалась.

— Нуртас...

— Уйдешь ты или нет?!

Она тяжело встала и вышла, закрыв лицо руками, ни разу не обернувшись.

Кого винить в этой истории? Во всяком случае, не моего отца, да и Алима, наверное, не виновата. Такой уж ее воспитали. Хотя у меня и было ужасное настроение, я не собирался так просто сдаваться. Я не мог оставить Алиму и своего сына.

Вернувшись из санатория, я тотчас поехал к профессору. Казанганов обрадовался нашей встрече, его жена всплеснула руками:

— Нуртас, ты просто похорошел, тебя не узнать!

Профессор был все такой же, горячился, перебивал, покрикивал добродушно на свою жену.

— А вы ничуть не изменились, профессор, — сказал я.

— Меняться — не в моих привычках, — сказал профессор.

— Жалко мне, что вы с Алимой не можете найти общего языка, — сказала вдруг апай озабоченно. — Это меня больше всего тревожит.

— Помирятся, — отмахнулся профессор. — Ты про аспирантуру лучше ему напомни. И так год потерял.

— Ты не видишь ничего, кроме своей работы! — вскипела вдруг апай. — Какой прок от аспирантуры, когда в семье мира нет?

Я уже давно решил отложить на время аспирантуру и хотел сказать об этом профессору, но так и не решился.

На другой день я пошел в Министерство просвещения и взял направление в школу в родной аул. Оставалось только позвонить Алиме. Она как будто ждала моего звонка и тотчас вышла из дома. Я прогуливался в скверике неподалеку, где мы разговаривали с отцом после моей свадьбы.

Алима сразу увидела меня, ускорила шаги, потом побежала мне навстречу, и мы обнялись. Щеки ее были мокрые от слез.

Мы договорились, что как только я устроюсь на работу, то тут же приеду за ней и за нашим Адилем...

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

УРИЯ

1

Когда Урия проснулась, в большое окно, около которого стояла кровать, уже заглядывало солнце. Сначала она не сразу поняла, как тут очутилась, в этой незнакомой комнате. А когда сообразила, тихонько рассмеялась. Как это она не узнала своей собственной квартиры? Своего мужа Нуржана, разметавшегося на широкой кровати? Правда, замужем она со вчерашнего дня, поэтому как-то все непривычно и странно. Но надо привыкать к новой жизни.

Она вскочила с кровати, накинула на себя широкий халат, подошла к окну, распахнула его настежь, и в комнату хлынул прохладный воздух. «Как хорошо», — подумала она. Ее охватило какое-то ликование, восторг, во всем теле она почувствовала необыкновенную легкость. Казалось, будь у нее крылья, она бы тут же выпорхнула в раскрытое окно. Могучее, радостное чувство наполнило ее. Она покосилась на спящего Нуржана, и ей захотелось подойти и обнять его, сонного, теплого, но пожалела — тот так сладко спал, даже причмокивал во сне.

Урия достала тапочки мужа, валявшиеся под диваном, и поставила их у порога спальни. И, не зная, чем еще заняться, снова подошла к окну. Ей показалось, что все в мире как-то переменялось. Тополя у дороги, словно выросли за ночь, стали выше. Мутная бурливая вода в арыках как будто стала прозрачной и тихой, а голубое небо приподнялось выше над домами. «Неужели бывает так хорошо на свете? — подумала Урия. — Неужели бывают такие счастливые люди, как я?»

Взгляд Урии упал на яркую рекламу на крыше шестиэтажного дома напротив. Реклама призывала: «Если хотите приобрести необходимые вам вещи или отдохнуть на курорте, храните деньги в сберегательных кассах! Это выгодно и удобно!»

«А мне ничего не нужно, — подумала Урия. — Никаких вещей, никаких курортов. Я вышла замуж, и теперь у меня

другая жизнь». Она вызывающе усмехнулась наивной рекламе, всему миру за окном и посмотрела на своего Нуржана. Тот все еще спал. У нее появилось сильное желание разбудить его, чтобы и он порадовался вместе с ней, разделит ее счастье, но в это время с улицы донесся протяжный женский голос:

— Мо-ло-ко-о! Берите молоко!

Она торопливо оделась, впопыхах схватила не очень-то удобную для молока посудину и выбежала на улицу. Около молочницы уже собралась очередь. Со своей миской она почувствовала себя очень неловко перед соседями. Особенно насторожил ее пристальный холодный взгляд одной старухи, высохшей, почерневшей, как мумия, и вдобавок ко всему крючконосой. Но молочница оказалась приветливой женщиной.

— Заждалась, поди, в очереди, — сказала она, улыбнувшись Урии. — Любят старухи поговорить.

— Да я ничего, — смутилась Урия. — Не тороплюсь.

— Если в следующий раз не сможешь выйти, не беспокойся, сама занесу, — сказала молочница.

— Спасибо, апа, я уж постараюсь выйти.

— Я живу в восемнадцатой квартире, — неожиданно сказала черная старуха с крючковатым носом. — Если что понадобится, заходи, не стесняйся, милая.

Урия поблагодарила старуху и пошла домой, стараясь не расплескать молоко. Она думала, что соседи у нее хорошие, что надо купить для молока бидон, встать придется пораньше, и надо как-нибудь пригласить соседок на чашку чая.

Дома она поставила чайник и стала накрывать на стол, любуясь новыми чашками, пиалами, ложками и вилками — все это были свадебные подарки.

Когда чайник стал закипать, она заглянула в дверь спальни. Нуржан еще не проснулся. Она сначала обиделась на него, но потом вспомнила, что заснули они перед самым рассветом, и будить не стала.

Нуржан проснулся в полдень и немного удивился, не обнаружив рядом жены, даже испугался: вдруг она убежала от него или их свадьба — просто сон? Нуржан прошлепал босиком в соседнюю комнату. Урия протирала чайные ложки, дастархан блистал, уставленный чашками, тарелками. Нуржан хотел было подкрасться сзади и обнять жену, но в голову вдруг пришла глупая мысль, что она испугается и уронит что-нибудь на пол.

— Урия, — позвал он смущенно. — Кажется, я проспал. Урия вскочила со стула:

— Да, ты поспал хорошо. Хотела разбудить, да рука не поднялась. Чай готов, молоко я вскипятила.

— Когда же ты все это успела, милая?

— Когда ты спал. Иди оденься, да пора уж за стол.

— Сейчас, Урия, я в момент.

Нуржан торопливо умылся, оделся и поспешил за стол. Аппетиту его можно было только позавидовать. Урия смотрела на него и радовалась. Даже забыла о себе, чай у нее остыл, но как приятно заботиться о ком-то. Она потчевала мужа, как мать своего ребенка.

— А ты что же? — спохватился Нуржан. — Не ешь, не пьешь?

— Мне приятно ухаживать за тобой, — сказала Урия. — Может быть, молока горячего налить?

— Если ты всегда будешь такая, я избалуюсь, — пошутил Нуржан.

— Ну и пусть.

После завтрака Урия вымыла посуду, убрала со стола и стала думать, чем бы еще заняться, но Нуржан усадил ее на диван и сказал:

— Ну, с кем ты успела познакомиться, пока я спал?

— Со многими, — улыбнулась Урия.

— Ну а конкретно?

— С молочницей да со старухой из восемнадцатой квартиры. А что?

— Да тут есть один противный тип, — нахмурился Нуржан. — Я его не перевариваю. Будь осторожна.

— Нуржан, впредь мне об этом не говори. Мало ли противных людей на свете? Меня они не интересуют. И пожалуйста, без ревности.

— А что, плохо, когда ревнуют? — спросил Нуржан и обнял Урию. — Без ревности и жить неинтересно.

— Какие глупости, — сказала Урия, пытаюсь освободиться.

— А я серьезно, учти, — сказал Нуржан и как-то неестественно рассмеялся.

— Нет, это невозможно, — всерьез расстроилась Урия. — Так нельзя. Я не хочу об этом ничего слышать.

Нуржан неожиданно почувствовал себя неловко. «И что это я в самом деле? — упрекнул он себя. — Просто идиот».

— Я пошутил, Урия.

— Так шутить нельзя! — отрезала она и решительно встала с дивана.

Солнышко передвинулось на небе и уже не заглядывало в окошко. В комнате от этого казалось сумрачно и неуютно. А может быть, и не от этого. «Какое он имеет право меня

ревновать? — подумала Урия. — Да еще считает это своим достоинством?»

— Что приготовить на обед? — тусклым голосом спросила она. Утреннее настроение, душевный подъем прошли у нее бесследно. На Нуржана, видимо, подействовало ее состояние.

— Тоскливо что-то стало, — понуро сказал он. — Пойдем прогуляемся, что ли? О чем ты задумалась, Урия? Почему молчишь?

— Судя по тому, как тебе не терпится сбежать из дома... — начала она с обидой в голосе, но Нуржан перебил ее:

— Слушай, что это сегодня с нами? Почему мы с тобой спорим?

— Мы не спорим, — сказала Урия, наблюдая, как Нуржан беспокойно ходит по комнате. — Но я вижу, что тебе не сидится на месте. Как будто ты зашел сюда случайно и тебе не терпится поскорее уйти.

Нуржан включил транзисторный приемник, ворвалась шумная, дерзкая музыка. Она была явно сейчас некстати, и он выключил приемник. Ему не хотелось ссориться с женой в первый же день их совместной жизни. Он искренне раскаивался в своей бестактности и искал примирения. Оправдываясь, он сказал:

— Ты понимаешь, пять лет после института я жил один. Вот и тянет меня на улицу. Не привык сидеть дома.

Его объяснение еще больше обидело Урию. «Неужели он сожалеет, что кончилась его так называемая «свобода»? — подумала она. — Три года ходил за мной по пятам, клялся в любви... А может быть, я сама во всем виновата? Зря придираюсь к нему?»

— Ну хорошо, пошли погуляем, — согласилась она.

— Давно бы так, — обрадовался Нуржан.

2

Стояла жара. Солнце палило нещадно. Деревья на улице будто притомились от зноя, тихо поникли, едва вздрагивая привядшими листьями. Поэтому, наверное, и притягивали взгляд снежные вершины Алатау. Как там прохладно и свежо. Но чем больше смотришь на них, тем дальше они отодвигаются.

Нуржан никак не мог сосредоточиться на своей работе. Он с нетерпением ждал звонка из родильного дома. И вот наконец после обеда ему позвонили. Женщина на другом конце города сказала:

— Поздравляю! Урия родила сына.

Нуржан безошибочно узнал голос дежурного врача. Ему и раньше приходилось разговаривать с этой женщиной. Он хотел спросить о самочувствии жены, но дежурный врач уже положила трубку.

Бросив взгляд из окна на улицу, он пробормотал: «Ну и жара проклятая, сгореть можно. Интересно, в кого этот маленький человечек? Как в кого? Конечно, в отца, раз сын». И он рассмеялся.

Между тем умаявшаяся от родов Урия наконец крепко заснула, едва коснувшись головой подушки.

Проснувшись она неожиданно, вся в поту. Потянувшись было за полотенцем в изголовье кровати, но у нее потемнело в глазах. Она бессильно откинулась на подушку и пролежала так довольно долго, почти не шевелясь. Ей вспомнилась прошедшая ночь. . .

Схватки начали беспокоить ее уже с вечера, как только зашло солнце. Короткое время между схватками она отдыхала, а потом начиналось все сначала. Как ни тяжело ей было, Нуржану о своем состоянии она почему-то сказать постеснялась. Едва передвигая ноги, приготовила, как обычно, ужин. А тот и впрямь не замечал состояния жены. «Ох уж эти мужики, — беззлобно подумала Урия. — Слепые, как кроты».

Легли спать, и Нуржан мгновенно уснул. Урия, в общем-то, была обижена на него. За весь вечер ни разу не поинтересовался, как она себя чувствует, хотя бы для приличия. Но в то же время ей было жалко его. «Устает, работы по горло, — думала она. — Легко ли ему? Все-таки главный инженер».

Еще через некоторое время схватки участились. С трудом встав, Урия перенесла телефон поближе к кровати. Долго лежала она, ворочаясь с боку на бок, не находя удобного положения. Наконец терпеть стало невозможно, и она протянула руку к телефону, но тут же отдернула ее с досадой: «Неудобно будет, придет врач, а муж спит. Нет, надо его разбудить».

— Нуржан, вставай, — громко зашептала она и тронула за плечо. — Вставай, тебе говорят.

Нуржан открыл глаза. Урия, съежившись, сидела в ногах постели.

— Что случилось? — сонным голосом спросил он.

— Придется, видно, врача вызывать.

— Ты в этом уверена?

— Как будто да. — В это время схватки отпустили ее, и она сказала виновато: — Постой, кажется, прекратилось.

— Что же ты, — пробормотал Нуржан и повалился на подушку.

Урия обиделась и расстроилась. Она думала, что он по-сидит с ней, поговорит, спросит о ее самочувствии, а он опять завалился спать.

— Эх, Нуржан, Нуржан, ты совсем не волнуешься, — сказала она.

— Ложись-ка и ты, Урия, — пробормотал Нуржан. — Просто сил никаких нет.

— Устал, что ли?

— Жалобами нас закидали. Отремонтированные нами машины из строя выходят. Вот мне и пришлось в аул съездить, чтобы посмотреть на месте. А это двести километров в один конец, измотался весь.

— И кто же оказался виноват? — спросила Урия, чтобы только не молчать.

— Сами, конечно. Им дают новехонькие машины, а что они в технике понимают? Не умеют обращаться.

— С транспортом в аулах туго, — сказала Урия, желая продолжить разговор, чтобы муж не уснул.

— Нашла кому сочувствовать, — хмыкнул Нуржан. — Знаешь, как в аулах рассуждают? Мол, чего-чего, а уж техники сейчас хватает, и тракторов и машин. И нечего жалеть ее.

— Ты как с трибуны выступаешь, — попыталась улыбнуться Урия.

— На днях у нас будет заседание. Все выложу как на духу.

— Да уж вы тоже любители в командировки ездить, — сказала Урия.

— Теперь этого не будет. Во всяком случае, при мне.

— Дай-то бог.

— Дело доверили, стало быть, и работать надо, — пробасил Нуржан из-под одеяла.

А у нее в это время опять начались схватки. Она повалилась со стоном на бок. На лице застыло страдальческое выражение. Ей казалось, что тело вот-вот расплзется по швам. Какая-то могучая сила распирала ее изнутри, и прежняя боль уже не казалась болью. Настоящие муки только начинались. И надо же было Нуржану в этот самый момент сказать более чем равнодушно:

— Разбудишь, если усну.

Она даже расплакалась от неожиданности. На часах было уже далеко за полночь. Решила посоветоваться с подругой, которая работала в родильном доме, позвонила ей. Та, узнав в чем дело, затараторила:

— Да ты что, в самом деле? Немедленно вызывай «скорую». Давай я сама вызову. О господи, почему вы все такие бестолковые?

— Да ты не беспокойся. Нуржан здесь, он вызовет, — сказала Урия.

— Знаю я, спит, поди, без задних ног.

— С чего ты взяла?

— Все они такне.

В трубке послышался сдержанный смех подруги, она, видимо, была не одна. Урия не могла больше сказать ни слова, снова усилилась боль, да так, что из глаз брызнули слезы. Сдерживаясь, чтобы не застонать, она повалилась на кровать. Но даже и в этом состоянии успела подумать: «Все уже наизусть знают Нуржана. А то разве сказали бы, что он сейчас спит?»

Схватки участились. Лоб у нее покрылся холодным потом, в страхе она разбудила Нуржана:

— Мне очень плохо. Вызови врача. Срочно.

Нуржан вызвал тут же «скорую» и присел на кровать.

— Причешись хотя бы да рубашку надень, — сказала Урия. — А то подумают, что спал.

— Вечно тебя волнует, кто что подумает да кто что скажет, — рассмеялся Нуржан.

— Ничего ты не понимаешь, — вздохнула Урия. — Пойди встречай «скорую».

Через два с лишним часа Урия родила мальчика...

3

Когда люди ушли из кабинета, Нуржан спешно позвонил в родильный дом. Трубку взяла подруга Урии, которая как раз дежурила в тот день. Она с усердием принялась распекать Нуржана:

— Сидим, значит? Ну, герой! У него сын родился, а он сидит на работе. Давно бы уж мог приехать. Машина есть.

— Да все дела, никак не вырвусь.

— Это ты брось, кому другому расскажи, не мне, о своих делах. Давай живо кати сюда!

— Как они там? Все нормально?

— Приедешь, узнаешь.

— Ну и характерец у тебя, — усмехнулся Нуржан. — Не завидую тому джигиту, который попадетя тебе в руки.

— А ты за меня не переживай. Ты лучше о своих позаботься.

К родильному дому Нуржан попал только к вечеру, вместе с товарищами. Мигом наполнили корзину шампанским;

коробками конфет. Нуржан написал короткую записку, и все ушли...

Увидев корзину, Урия первым делом потянулась к записке. Прочитала и рассмеялась от радости. Нуржан благодарил ее за сына. Ей показалось это удивительным и необычным. Вошедшая в этот момент подруга спросила:

— Ты чему это радуешься?

— Да вот, Нуржан записку прислал. Спасибо, говорит, за сына.

— Только и всего? Даже не подождал меня, не спросил, что и как. Ох, я бы этих мужиков... Распустила ты своего Нуржана. Привык, что ты ему все прощаешь.

Урия промолчала. Не хотелось ей в такой день вместе с подругой судить Нуржана. «Какие у нее понятия о семье, — невольно подумала она. — Сама не замужем, детей нет. Легко ей рассуждать».

Вслух она сказала:

— Давай-ка лучше угостимся из этой корзины и не будем спорить. Радость у меня сегодня большая, сын родился. Разве может быть счастье выше этого?

— Вот что значит, когда быт засасывает, — проворчала подруга. — Втихомолку плачут, а на людях счастье изображают. Нет, я бы так не смогла.

— Да ведь все с быта и начинается, в общем-то, — сказала Урия и вздохнула. — Нельзя все время о себе думать.

— Что это ты сегодня поучать взялась, точно старуха какая? — рассердилась подруга. — Брось ты умничать. «Нуржан, Нуржан». Избаловала ты его.

Перед сном Урия попросила подругу позвонить домой, потому что вдруг соскучилась по мужу. Ей стало одиноко и тоскливо. Подруга сказала, что уже звонила, но на звонки никто не отвечает.

— Значит, у друзей, — улыбнулась Урия. — Празднуют рождение сына. Ничего, пусть порадуются.

— А тебе не кажется, что это равнодушие? — усмехнулась подруга.

— Может быть, есть немного и равнодушия, — сказала Урия. — Но это потому, что он счастлив. И это счастье ему дала я.

— Терпеть не могу заумных разговоров, — сказала подруга. — Не хочу выходить замуж.

— Каждому свое, — сказала Урия...

После декретного отпуска Урия сразу же вышла на работу. Маленького Айдына, несмотря на все протесты Урии, бабушка увезла к себе в аул.

— Вижу, что жалко вам отдавать сына, — сказала ста-

рушка. — Да уж не жалейте, сколько лет я этого дня ждала. Пусть у меня поживет немного. И не переживайте за него, вырастет крепеньким, здоровеньким. А вас не забудет, я уж постараюсь.

Сына отдали, но как тяжело было Урии в первые дни. Все время она отвлекалась от работы и думала о своем Айдыне. Несколько раз она говорила Нуржану, что нет у нее никаких сил, не может она без сына. А Нуржан ее почти не замечал. Это вовсе не значило, что он перестал любить Урию. Просто их отношения были уже не такими, как в первые дни совместной жизни, когда Нуржан носил ее на руках.

Как-то она сказала ему, расплакавшись:

— Нуржан, я уже тебе не нравлюсь.

— Почему это?

— Да потому, что я надоела тебе.

— Урия, от тебя так хорошо пахнет молоком, — сказал он, улыбнувшись. Она уже давно не слыхала от него ласковых слов и поэтому удивилась, потом обняла его за плечи и заглянула в глаза:

— Нуржан, почему ты не приласкаешь меня, как прежде?

— Ну, не говори глупости, я люблю тебя.

— А почему тогда не танцуешь со мной, когда мы в компании?

— Но мы ведь не молодожены, — возразил Нуржан.

— Ну и что? Разве грех танцевать?

— Урия, ты все прекрасно понимаешь.

— Ничего я не понимаю. Я понимаю одно, что тоскую по тебе, по твоим ласкам. Особенно сейчас, когда нет с нами Айдына. Ужасно тоскую. . .

— Милая ты моя Урия! Я отношусь к тебе, как и прежде, я люблю тебя, но сам не знаю, что со мной. Наверное, состарился.

На душе у нее полегчало, ей даже стало жалко Нуржана, она подумала, что жизнь — не простая штука и чаще всего не совпадает с мечтами.

Когда Айдыну исполнилось три года, бабушка привезла его к родителям. И сама немного пожила у них, чтобы мальчик к ним привык. Уезжая, она сказала:

— Жалко мне отдавать Айдына, да и вас жалко. Сидите в пустых комнатах, как сиротинушки. Нехорошо это, когда есть сын. С ним и жизнь другая будет. Только, ради бога, не избалуйте мне его.

— Не избалуем, бабушка, — улыбулась Урия.

— Что может быть краше дитяти, — вздохнула бабушка

и многозначительно посмотрела на Нуржана. Тот смешался и проямлил:

— Да, вот так оно и бывает.

Бабушка перебила его:

— Молоды вы еще. Айдыну бы сестричку надо. И мне будет веселее. У меня еще хватит сил и здоровья понянчиться с малышами.

Урия почему-то смутилась и покраснела. Нуржан подумал невольно: «Как она мила, когда смущается»...

К отцу Айдын привязался быстро, а мать почти не замечал. Когда Нуржан задерживался на работе, Айдын не ложился без него спать. Шаги отца в подъезде он узнавал безошибочно и даже угадывал, в каком тот настроении.

— Откуда ты все это знаешь? — не раз удивлялась Урия.

— Это наш с папой секрет, — отвечал мальчик. — Мы же мужчины.

Урия не могла удержаться от улыбки:

— Вот уж я вас, мужчин! Досекретничаетесь у меня!

Нуржан тоже был доволен.

Все выходные дни они проводили вместе с Айдыном, потому что Урия была по горло занята домашней работой. Конечно, если бы она могла пойти с ними, им было бы веселее. Нуржан часто говорил:

— Урия, брось ты все эти дела, пойдем гулять, такая погода хорошая.

— А кто будет обед варить? Ладно уж, идите без меня.

На это возразить было нечего. Но все-таки Нуржану было неловко перед ней, и он начинал оправдываться:

— Можно бы, конечно, и дома посидеть, но разве нашего озоруна переубедишь? Пойдем гулять, да и только.

— А сам? Разве ты не хочешь погулять? — говорил Айдын и бросался отцу на шею.

Однажды они вернулись с прогулки лишь к вечеру.

— Наконец-то мы дома! — тяжело вздохнул Нуржан. — Ну и устали! Сил никаких нет.

— А кто вас заставлял столько ходить? — сказала Урия.

— Мама! Мы сегодня на гору лазили! — закричал Айдын. — Как там хорошо!

— А обо мне вспомнили?

— Ну, конечно. Папа сказал, что хорошо бы ты нам ужин хороший приготовила.

— Спасибо, сынок, что вспомнили обо мне, — усмехнулась Урия.

— Ну что ты пристала к ребенку? — рассмеялся Нуржан, но Урия продолжала:

— А цветов почему маме не принесли? Как же это вы, настоящие мужчины, не догадались нарвать цветов?

Айдын виновато посмотрел на отца. Тот развел руками. Действительно, сказать было нечего.

4

Когда Айдыну исполнилось пять лет, они переехали в новую трехкомнатную квартиру. Соседями у них оказались тоже молодые семьи, и Урия обрадовалась: «С молодыми легче общаться».

Одну из соседок звали Асем. Ее муж Жомарт был уже человеком в летах и не очень понравился Урии. Он показался ей манерным, с претензией на оригинальность и, в общем, каким-то скользким. Никогда не высказывался конкретно, все ходил вокруг да около.

У второй соседки, Балайым, муж был любитель пошутить да позубоскалить. Он выглядел несколько легкомысленным человеком, но это не такая уж и большая беда. В первый же вечер, когда они собрались по случаю новоселья, Абдибек всех развеселил, рассказывая бесконечные смешные истории и анекдоты, над которыми первый начинал смеяться.

Урия заметила, что в то время, как в доме у Асем детей вообще не было, у Балайым подрастали двое сыновей.

— Хорошие нам попались соседи, — сказала как-то Урия мужу.

— Значит, мы плохие, — неожиданно резко ответил Нуржан.

— Как это понять? — спросила Урия.

— Очень просто. Не нравятся мне они. Что-то в них есть такое, тень какая-то. . .

— Объясни, пожалуйста, — почему-то встревожилась Урия.

— Внешне у них вроде бы все благопристойно и благополучно, — задумчиво сказал Нуржан. — Но у меня какой-то осадок на душе.

— Не надумывай, — сказала Урия. — Люди как люди. Не успел переехать, а соседи уже не нравятся. Так тоже нельзя, Нуржан.

— Просто впечатление такое, дорогая. Первое впечатление. Оно часто бывает верным.

— Нельзя так судить о незнакомых людях.

— Ну хорошо, молчу.

Оба задумались, обоим было неловко и тягостно. «Нельзя судить о человеке, ничего о нем не зная, — упрямо думала

ла Урия. — Разве можно полагаться на первое впечатление? ..»

Как-то Урия просматривала вечернюю газету и на первой полосе увидела портрет Нуржана, тут же был о нем очерк, в котором ее мужа называли талантливым руководителем, новатором, душой коллектива. А заключительные слова удивили, растревожили и обрадовали ее: «Какая, должно быть, счастливая жена у этого красивого душой, щедрого сердцем человека!»

Урия даже всплакнула. «Если бы все это было так, — подумала она. — Ничего мне даже не рассказал. И все-таки это здорово, что о нем написали».

Урия вытерла слезы, умылась и побежала к соседям поделиться с ними новостью, пригласить к себе. Потом пошла в магазин за покупками.

Вечером заглянула Асем.

— Ну-ка покажи газету, — попросила соседка.

— Да что там, — застенчиво улыбнулась Урия. — Совсем захвалили.

— А вы на папин портрет посмотрите! — закричал Айдын. — Правда ведь похож?

— Очень похож, — сказала Балайым.

Урия ушла на кухню готовить угощение, а соседи стали читать очерк о Нуржане. Тот явно запаздывал, давно уже должен быть дома. Урия то и дело выглядывала в окно, Айдын без конца приставал: «Почему же не идет папа?»

Асем заглянула на кухню:

— Где же ваш инженер знаменитый?

— Придет. Директор у них в отпуске. Может, что задержало на работе.

Ей было неловко перед соседями, но, пожалуй, больше всего она старалась успокоить себя.

— Повод задержаться у мужчин всегда найдется, — сказала Асем.

— Да пока что такого за ним не наблюдала, — пробормотала Урия, готовая расплакаться от обиды. Так она старалась, и все напрасно.

Пожинали без Нуржана. Посидели еще немного, подождали. Всем было неловко, малыши Балайым расхныкались, пора их было укладывать спать. Гости стали прощаться.

— Вы уж извините, — оправдывалась Урия. — Никогда он так поздно не приходил. Видно, какое-то срочное дело задержало.

— Ничего, завтра мы опять придем, — пошутила Асем.

— Какой может быть разговор, конечно, приходите, — улыбулась Урия, но чего стоила ей эта улыбка!

Абдибек подмигнул Урии:

— И где это люди находят таких красавиц?

— Это вы уж у Нуржана спросите.

— Не ругай Нуржана из-за нас, — сказала Балайым. — Мало ли что могло случиться.

— Если что, мы его призовем к порядку и без Урии, — сказал Жомарт и наклонился к своей жене: — Правда, дорогая?

Та ничего не ответила.

— Спасибо, что пришли. Доброй вам ночи! — сказала Урия, закрывая за гостями дверь.

Перевалило за полночь. Нуржана все не было. Урия уже собрала со стола, перемыла всю посуду, когда наконец раздался звонок. Айдын проснулся и крикнул радостно:

— Папа пришел!

Нуржан едва переступал ногами. Он был пьян. Айдын подбежал к нему и обнял:

— Ждал тебя, ждал. А ты все не приходи.

— Милый ты мой, прости. Засиделся я с одним товарищем.

— Папа, от тебя пахнет пивом! — сказал Айдын.

Урия едва сдержалась, чтобы не заплакать от обиды. Но успокоила себя и сказала тихо:

— Покажи папе газету, Айдын.

— Ой, папа, какой ты красивый получился! — закричал Айдын. — Очень похож.

— Вот видишь, какой у тебя папа, — пробормотал Нуржан. — А мама все равно его ругает.

Больше Нуржан не в состоянии был говорить. С трудом разделся и лег.

В эту ночь Урия не сомкнула глаз. О чем она только не передумала, всякие подозрения просыпались в ней, но в конце концов она смирилась. Не все ведь в жизни бывает гладко, на то она и жизнь. В каждой семье что-нибудь не так, но ведь живут и детей растят. Смотришь, и дожили до старости. Потом оглянешься на свою жизнь со всеми ее тревожностями, обидами и радостями и подумает: «А ведь все-таки мы были счастливы».

На другой день Урия ни словом не упрекнула Нуржана, старалась казаться даже веселой, хотя давалось ей это нелегко. Нуржан тоже вел себя, как будто ничего не случилось. . .

Однажды после обеда, когда Урия собиралась уже идти в больницу, прибежала Асем и стала звать ее пить чай. Сна-

чала Урия отказалась, сославшись на работу, но потом решила на минутку заглянуть к соседке.

— У тебя что, есть кто-нибудь? — спросила она, пытливо взглянув на оживленное лицо Асем.

— Придешь, увидишь.

В прихожей, едва открыли дверь, она увидела двух мужчин, которые курили и о чем-то тихо разговаривали.

— Проходите, пожалуйста, проходите, — сказал Ури плотный, коренастый человек. — Мы уже жаждали вас.

От неожиданности Урия застыла на месте, потом пробормотала:

— Здравствуйте.

Асем подтолкнула легонько Урию и сказала:

— Ну вот, мы теперь все в сборе. Можно приниматься и за угощение.

Урия круто повернула обратно, но Асем схватила ее за руку.

— Ты что? — Асем провела ее на кухню. — И не вздумай уходить.

— Кто эти двое? — спросила Урия.

— Да знакомые одни, — замялась Асем. — В гости пришли.

— Какие гости с утра? — изумилась Урия.

— Глупенькая, главное — выбрать время, — прошептала Асем. — Да ты не торопись. Как тебе не стыдно? Все уже на столе. Повеселимся, пока одни.

— Ну уж нет, — отрезала Урия. — Мне на работу надо. Извини.

Урия ушла, не попрощавшись с гостями. «Что за гулянка в отсутствие мужа? — думала она. — И кто эти люди?»

На душе у нее остался неприятный осадок. Прав, очевидно, был Нуржан, доверившись своему первому впечатлению. . .

Вскоре после этого случая Нуржан стал собираться в командировку.

— Надолго? — спросила Урия.

— Да недели на две.

— Жаль, — вздохнула Урия. — Мы ведь собирались на концерт. Может быть, сегодня сходим?

— Что ж, можно, — согласился Нуржан.

— Ну и хорошо. Только ты не задерживайся на работе. Каждый день тебя не дождешься.

— Работа есть работа, — сказал Нуржан.

— Но ведь и о семье подумать надо.

— Разве я не думаю? — возразил Нуржан.

— Любому терпению есть предел.

— Урия, что с тобой?

— Ничего.

Она отвернулась, Нуржан пожал плечами.

После обеда, возвращаясь из больницы, Урия зашла в магазин и купила все необходимое для Нуржана, для его поездки в командировку.

Затем она причесалась, надела новое платье и стала ждать мужа, радуясь, что пойдут вместе на концерт. Давно они уже нигде не бывали. Урию это угнетало. Она не хотела мириться с таким положением. Неужели до конца жизни ей только и заниматься стиркой да мытьем посуды? А ведь раньше, до своего замужества, почти каждый день они ходили с Нуржаном в театр или кино. Что ж изменилось у них?

Нуржан опять запаздывал. Она посмотрела на часы и ахнула, концерт уже давно начался, а Нуржана все не было. Она сходила к Балайым за Айдыном, привела его домой, не удержалась и расплакалась.

Потом уложила Айдына спать и легла сама. «Что же это такое творится? — с тоской подумала она. — За что я его люблю? Почему он такой? Может быть, разлюбил?»

Она знала, что никто ей не ответит на эти вопросы, но придет время, и все выяснится само собой. А время идет, идет, уходит, наконец. И вот уже поздно выяснять отношения, ни к чему. И скажут люди: так уж сложилась у нее судьба.

— Мама, ты не спишь? — спросил вдруг Айдын.

— Не сплю, сынок.

— Ты на папу обиделась?

— Да, мой мальчик, на папу.

— А можно мне лечь с тобой?

— Иди, мой золотой.

Айдын, тихонько ступая по полу, подошел к ее кровати и нырнул под одеяло.

Нуржан действительно задержался на работе, разбирая скопившиеся за долгие дни бумаги, и совсем забыл о концерте. Домой он вернулся за полночь. Впервые Айдын не ждал его, Урия тоже спала или притворялась спящей. Сначала он растерялся, дом показался ему холодным и пустым, будто он вошел в чужую, незнакомую квартиру. «Что это с ними?» — в недоумении подумал он и вдруг вспомнил, что они собирались сегодня на концерт. Ничего не оставалось, как вздохнуть да лечь спать. Вставать надо было рано утром.

Он проснулся, когда все спали, торопливо оделся, поцеловал Айдына, Урию и тихонько вышел из спальни. Урия

не спала, она слышала, как муж бродит по комнате, что-то разыскивая, но не встала помочь ему. Она все еще ощущала его поцелуй на своей щеке, осторожное дыхание и почти забыла о вчерашней обиде. «Видать, такой уж он уродился, — подумала она. — И надо его принимать таким, какой есть».

5

Прошло два дня, как Нуржан уехал в командировку. Жизнь ее шла своим чередом — работа в больнице, сын, всякие домашние хлопоты. Как-то зашла Асем и опять позвала ее на чашку чаю.

— Опять гости? — усмехнулась Урия.

— С ножом к горлу пристали, позови да позови соседку.

— Делать им нечего, что ли? — отмахнулась Урия.

— Один там совсем извелся по тебе, — сказала Асем.

— Чего же ему надо от меня? — иронически сказала Урия. Все это ее начинало забавлять.

— Да просто посидим в компании. Что тут особенно-го? — сказала Асем. — Я как-то Балайым приглашала, так она в своем ситцевом халате приплелась и двух слов связать не может. Я чуть со стыда не сгорела.

— Не могу я, Асем. Нехорошо это все. Без мужа ходить по гостям.

— Ах уж этот твой Нуржан! Часто ли вовремя с работы появляется? Да ты что у него, рабыня, что ли?

Урия на минуту задумалась. Действительно, Нуржан часто огорчал ее. Старые обиды вдруг всплыли, отчетливо припомнились все до одной. Какое-то равнодушие к мужу вдруг проснулось в ней. «А не все ли равно? — подумала она. — Что в этом плохого — посидеть в хорошей компании?»

— Не знаю, — нерешительно сказала она.

— Пойдем же, — заторопила ее Асем. — А то, чего доброго, Жомарт вернется.

— Кстати, было бы лучше.

— Ладно тебе, — вздохнула Асем. — Все понимаешь, а прикидываешься.

— Хорошо, но я ненадолго, — согласилась Урия. — Мне это все не очень по душе.

Когда Урия подошла к столу, мужчины переглянулись и заулыбались друг другу.

— Долго ждать заставили, — сказал коренастый.

— Как знать, — неопределенно бросила Урия и пахмурилась.

— Мы ни в чем не провинились перед вами, чтобы так испытывать наше терпение, — шутливо добавил второй.

— Как знать, — повторила Урия, чувствуя непримиримую враждебность ко всей этой компании. Хотелось тут же встать и уйти, но ей вдруг стало жалко Асем.

— Ну разболтались, — недовольно сказала та.

— Это от радости, что Урия пришла, — сказал коренастый и подмигнул товарищу.

— Почему это вы, мужчины, стоит вам улыбнуться случайно, начинаете чувствовать себя хозяевами положения? — спросила насмешливо Урия.

— Дело керосином запахло, — пробормотал коренастый.

— Хватит спорить, — сказала Асем. — Разве мы для этого собрались? Давайте повеселимся как следует.

— Смелая ты, — сказала Урия. — А сама боялась, что Жомарт вот-вот вернется.

— Я этого старика так сумела спровадить, что раньше полуночи не вернется.

— Асем! Что ты затеяла? — изумилась Урия. — Как ты можешь?

— А что нам теряться? — рассмеялась Асем. — Нуржан у тебя в командировке.

— За ваше здоровье, Урия! — сказал коренастый. Урия отхлебнула немного вина, готовая провалиться сквозь землю. — До дна, дорогая Урия, до дна!

— Хватит, — отрезала она холодно. В это время кто-то постучал в дверь. Асем побежала открывать. Оказалось, пришел Айдын.

— Мама у вас?

Услышав его голос, Урия вскочила, но Асем уговорила ее посидеть еще немного, Айдыну дала конфет, велела погулять.

Времени прошло достаточно. Урия несколько раз порывалась уйти, но ее почти насильно усаживали. Она презирала себя и Асем, но ничего не могла поделать и не могла понять, что ее удерживало на месте. Может быть, обида на Нуржана, на его равнодушие и черствость?

Она вспомнила, как впервые появилась в его холостяцкой квартире после долгих уговоров и приглашений. Как Нуржан поднял ее на руки, словно пушинку, и стал носить по комнате, шепча ей ласковые слова.

Потом они пили чай, смотрели друг на друга, и в душе у нее что-то оттаивало. И ей хотелось сказать ему: «Удивляюсь, как мы с тобой нашли друг друга? Если бы не встретила тебя, всю жизнь ни на кого бы не посмотрела. Вот сидим рядом. Это, наверное, и есть счастье, о котором так много толкуют».

Но она ничего не высказала ему тогда, и может быть, напрасно. Или они понимали друг друга и без слов?

Что-то утеряно после той встречи безвозвратно и никогда не повторится. Но и много приобретено — их сын Айдын...

Когда Асем стала подавать горячее, в дверь снова постучали. И без того сидевшая как на иголках, Урия выскочила из-за стола, отбросила дверную цепочку в сторону и вырвалась в подъезд. Перед ней стоял Айдын.

— Мама, пошли домой, — сказал он с упреком. — Ты меня оставила совсем одного.

— Солнышко ты мое! — воскликнула Урия, обнимая сына. — Как же я могу оставить тебя?! Пошли скорее.

Ее растревоженная душа успокоилась, и Урия занялась привычными домашними делами, иногда с улыбкой отвечая на какие-то по-детски наивные вопросы сына.

БАЛАЙЫМ

1

Они познакомились на праздничном вечере в педагогическом институте. Сначала Балайым не собиралась идти на вечер, но девчонки ее уговорили:

— Что ты все сидишь да сидишь одна? Пошли, будет оркестр из Политехнического, концерт интересный. С кем-нибудь познакомишься.

«И правда, третий курс заканчиваю, а никого у меня нет, — подумала Балайым. — Никто меня не приглашал ни в кино, ни в театр. А девчонки, гляди, не теряются».

Она погладила платье, причесалась, посмотрела на себя в зеркало и решила, что выглядит ничем не хуже других.

После концерта начались танцы. Вдруг к Балайым подошел высокий симпатичный парень и пригласил на танец.

— Давайте знакомиться! — предложил он, кружась с девушкой в вальсе. — Меня зовут Абдибек.

«А ты парень не промах», — подумала она и представилась:

— Балайым.

— Я в этом году кончаю институт. Экономист, — улыбнулся парень. — А вы?

— А я на третьем курсе.

— Значит, еще два года.

— Всего два года, — усмехнулась Балайым. — Студенческая жизнь пролетает быстро. Оглянуться не успеешь.

«Ну и Балайым, ну и молчунья, — подумала она. — Вот ведь как разговорилась. Что это такое со мной?»

Танец кончился, но Абдибек не уходил от нее. Когда оркестр заиграл, он снова взял ее за руку:

— Идемте еще потанцуем, а то кто-нибудь уведет вас от меня.

— А вы этого не хотите? — усмехнулась Балайым, неожиданно испытывая необыкновенный подъем.

— Не хочу.

Балайым пристально посмотрела на него, но ничего не сказала. Странное она испытывала чувство в этот вечер. Привычный зал казался сегодня шире обычного, будто стены раздвинулись до бесконечности, а потом и вовсе исчезли. Паркет сверкал, словно только что натертый, люстры празднично сияли, а оркестр не гремел, а выводил дивную мелодию, хватающую за сердце. Ей хотелось, чтобы вечер продолжался до рассвета, а этот разговорчивый симпатичный парень не уходил бы от нее никогда.

Через некоторое время Абдибек, который приглашал ее на каждый танец, сказал:

— Жарко что-то. Не прогуляться ли нам?

Балайым с улыбкой пожала плечами:

— Что ж, можно.

И они вышли на улицу. Ночь была звездная, тихая и ласковая, и они прогуляли до утра. . .

Девушки в общежитии были немало изумлены тихоней Балайым, но ее знакомый всем понравился.

— Поздравляем тебя, Балайым! Ну и парня ты захмутила, — шутили они. — Поделись секретом, как тебе это удалось?

— Да что вы, девчонки, — смущалась Балайым. — Никого я не хмутила. Сам подошел.

Абдибек приходил каждый день и уводил Балайым. Они бродили по улицам, взявшись за руки, или часами сидели в сквере на скамейке. В полночь она возвращалась в общежитие. Подруги посмеивались, шутили:

— О чем вы говорите все вечера?

— Да я и сама не знаю, — отвечала она. — Все больше он говорит, а я слушаю.

— А в любви уже признавался?

— Много раз.

— А ты ему?

— Бросьте вы, девчонки, — смущалась Балайым. . .

Однажды они долго гуляли в парке, посмотрели кино, зашли в кафе и к общежитию подошли уже поздно. Абдибек устало обронил:

— Ноги ломит, спасу нет.

— Бедняжка, — усмехнулась Балайым.

— Доживу ли я до того дня, когда у нас будет общий дом? — в отчаянии сказал Абдибек. — Ты тут, я там. На-
доело.

— Ну зачем ты все об одном и том же? — спокойно ска-
зала Балайым. — Осталось ждать всего два года.

— Но ведь мы не дети, — сказал Абдибек. — Что толку
время терять? После института меня оставляют на фабрике.
Заработок стабильный. Давай наконец поженимся?

— Спешить ты больно. Нетерпеливый стал в последнее
время.

— А что в этом плохого? — возразил Абдибек. — При-
шла моя пора обзаводиться семьей, домом, вот и нетерпели-
вый.

— А обо мне ты подумал? — сказала Балайым. — Мне
еще два года учиться.

— Ну и что? Будешь продолжать учиться.

— А дети пойдут?

— Ну хорошо, — задумчиво сказал Абдибек. — Погово-
рим об этом завтра, уже поздно. Не заставляй ждать. А то
каждый раз стою как столб перед вашим общежитием.

Балайым улыбнулась, вообразив эту картину.

Вернувшись к себе, она думала лишь об одном: насколько
серьезен Абдибек в своих намерениях и что ему отвечать,
если он опять заговорит о женитьбе. Нет, у нее ответ один.
И речи не может быть об этом, пока она не закончит инсти-
тут. Но, насколько она знала характер Абдибека, тот не
отступится, будет говорить об одном и том же каждый день,
а намерения у него, очевидно, серьезные. На днях он ска-
зал ей:

— Должность у меня будет хорошая, авторитетная. Не-
плохо бы и жениться для солидности. Понимаешь, совсем
другое отношение к тебе, когда ты семейный. Общественное
мнение много значит.

Балайым хоть и промолчала, но в душе признала его до-
воды справедливыми.

Подруги все время спрашивали у нее, когда же наконец
свадьба? Можно подумать, что только одно и осталось для
нее в жизни — выйти замуж.

Она чувствовала, что ей не устоять перед уговорами и
просьбами Абдибека. Это раздражало ее. Ну почему он,
если уж так любит ее, не может подождать два года? Поче-
му не хочет считаться с ее мнениями и планами?

В конце концов она твердо решила не встречаться с ним

завтра: «Пусть немного остынет, призадумается. Мне тоже институт закончить надо».

Но тут же она с беспокойством подумала: «А если уйдет и не вернется больше? Если ему надоели мои бесконечные отказы?» Подумала и испугалась. Как будто кто-то, умудренный житейским опытом, шепнул ей на ухо: «Не будь дурой, такие женихи на дороге не валяются. Ты не выйдешь за него замуж — найдутся другие, и немало».

Балайым уткнулась в подушку и всплакнула. Не было рядом ни отца, ни матери, ни друга, с которыми можно было посоветоваться.

Через несколько дней Балайым и Абдибек отпраздновали шумную студенческую свадьбу.

2

Первые три недели они жили у товарища Абдибека, который уехал в отпуск на это время. Но три недели пролетели быстро, товарищ вернулся, и им пришлось подыскивать себе новое жилье. В центре города снять комнату было трудно да и дороговато, поэтому они сразу же поехали на окраину. На поиски подходящей комнаты ушло три дня. Наконец устроились, хоть и не роскошно, но терпимо.

Комнатка была не ахти какая, но ночевать было где. Из мебели — стол, диван да пара стульев. Балайым сразу же окрестила их жилище «курытником».

— В тесноте, да не в обиде, — балагурил Абдибек. — С милым и в шалаше рай. Не расстраивайся, Балайым. Вполне приличная комната.

— И повернуться негде, — проворчала Балайым. — Небось друзей захочешь пригласить, да еще ночевать останутся. Куда их? Под диван или на потолок?

— Что же делать? — вздохнул Абдибек, упав духом, но тут же взбодрился: — Ничего, милая. Не сразу Москва строилась. Обживемся, наладим семейную жизнь, устроим быт.

Но наладить семейную жизнь и устроить быт было не так-то просто. Фабрика, на которой работал Абдибек старшим экономистом, находилась далеко от их жилья. Вставать на работу надо было рано, домой возвращаться поздно.

Балайым видела, что муж уставал, едва входил, сразу же валился на диван, и старалась как-то услужить ему. Торопливо накрывала на стол, подавала домашние тапочки, полотенце, всем своим видом показывала, как она ему рада и счастлива.

Но с некоторых пор она сделалась задумчивой и молча-

ливой. Абдибек не сразу заметил перемены в ее настроении, а когда заметил, спросил:

— Что с тобой, Балайым? Что ты все молчишь?

— А ты бы поговорил со мной, — обидчиво сказала Балайым. — Поинтересовался бы.

— Чем это я должен интересоваться?

— Ты разве не замечаешь, что я поправилась?

— Не может быть? — озадаченно сказал Абдибек. — Ну-ка, ну-ка, повернись.

— Эх ты, неужели не видно? — иронически усмехнулась Балайым.

— О моя милая! — воскликнул Абдибек. — Роди мне могучего сына! Всю жизнь тебя буду на руках носить! Радость-то какая!

Действительно, Абдибек радовался от души, но Балайым вздохнула и обвела взглядом комнатку. «Трудно будет с ребенком в таких условиях», — подумала она и сказала:

— Вот видишь, все выходит по-твоему.

— Глупенькая, все образуется. Квартиру обещали.

— Получим квартиру, а что потом? — усмехнулась она.

— Как что? Потом еще родишь сына.

— Сына. А учиться когда? Я днем и ночью об учебе думаю, а тебе на это наплевать.

— Закончишь как-нибудь, — отмахнулся Абдибек. — Главное для тебя сейчас — здоровье. Побольше думай о сыне.

Хоть Балайым и расстроилась, что Абдибек совершенно равнодушен к ее институтским делам, но ее в то же время утешило, что муж обрадовался сыну. «Но ведь может родиться и дочь, — подумала она с улыбкой, удивляясь наивности мужа. — Сына ему подавай. Ох уж эти мужчины, все для них ясно».

Ей не хотелось портить ему радость, и она покорно сказала:

— Ты ведь лучше все знаешь и понимаешь, мой милый. Я тоже думаю, что все у нас образуется, и с учебой, и с квартирой. Это я просто сказала, к слову.

— Давно бы так, — улынулся Абдибек.

— Ляг поближе, — шепотом попросила Балайым. — А то словно чужой. Знаешь, как до вечера успеваю по тебе соскучиться? Тоскливо мне одной в пустых стенах, пойми. Тут терпение иметь надо. Тебе хорошо, ты с товарищами, на работе, а я...

Абдибек обнял ее и прошептал:

— Как это может скучать молодая жена, когда с таким нетерпением ждет мужа с работы? Не верю.

Балайым с покорной улыбкой, счастливая, замерла в его объятиях. . .

В институте начинался новый учебный год, и Балайым места себе не находила. Все-таки надо было еще раз поговорить с мужем, посоветоваться с ним. Нельзя же бросать учебу. Она с нетерпением ждала, когда Абдибек придет с работы, чтобы высказать ему свои переживания.

Тот, как всегда, вернулся поздно и сразу же повалился на диван. Она заметила, что муж чем-то раздражен и озабочен. Говорить о ее институтских делах было не время, но его дурное настроение тут же передалось и ей. Она уже заранее сопротивлялась, хотя пока что на нее никто и не нападал.

— Мой руки, — сухо сказала она. — Ужин готов.

— Неохота что-то, — пробубнил тот обиженным голосом.

— Это почему же?

— Весь измотался на работе.

— Понятно. А мои нервы ты не щадишь. Я для тебя не человек, а так, нечто вроде мебели. Тебя не интересуют мои переживания, а я твоими должна интересоваться?

— О господи, о чем ты? Целыми днями от безделья томишься, а вечерами покоя мне не даешь.

— Хоть за это тебе спасибо. Очень искренне сказано.

— Помолчи, Балайым. И так голова болит.

Балайым еле сдерживалась, чтобы не сказать мужу что-нибудь очень обидное или закричать на него. Но криком разве поможешь делу? Балайым это вовремя поняла и сказала тихо, почти жалобно:

— У нас в институте занятия начинаются. А я. . . Что ты на это скажешь?

— А что я могу сказать?

Абдибек уставился на нее так, будто впервые видел. Балайым из-за своей беременности очень подурнела. Лицо покрылось веснушками, припухло, стало каким-то невыразительным, бабьим. Абдибек отвернулся и сказал равнодушно:

— Мы же договорились. Отпуск возьмешь на год. А что еще?

— Хорошо, если в институте пойдут навстречу.

— Куда они денутся, если ты им скажешь о своем положении?

Балайым промолчала, задумалась. Ждала от мужа теплых слов утешения, какого-то понимания, а тут одно только раздражение.

«Что же это такое? — думала она. — День ото дня он становится все раздражительнее. Приходит сюда только ноче-

вать, потому что больше негде. И то как будто делает этим мне одолжение. Женился, и делу конец. Жена для него просто служанка. Вари обеды да мой посуду. О, пропадай она пропадом, такая жизнь! Ни учебы, ни семьи. Что же такое с нами происходит?»

Абдибек вздохнул и отвернулся к стене. На глазах у Балайым выступили слезы, но она их даже не заметила, поглощенная своими невеселыми мыслями: «Эгоист. Занят только самим собой, пылинки с костюма сдувает, а со мной поговорить времени нет. Спросишь о чем, только буркнет себе под нос, и все. И обеды мои перестали нравиться. Может, по ресторанам ходит?»

Очень хотелось ей высказать все, что она думает, но не решилась. Знала, что спокойно сказать не сможет. А раз так, лучше промолчать.

Тяжелая тишина установилась в комнатухе. Потолок будто опустился еще ниже над диваном и скоро придавит их совсем. Балайым стало душно.

Вдруг Абдибек пошевелился и сказал обычным голосом:

— Чуть не забыл. Начальник цеха в гости приглашает.

— Когда? — спросила она, невольно оживившись.

— Завтра.

— Нас обоих приглашает или тебя одного?

— Конечно, обоих.

— Пожалуй, мне неудобно с моим животом, — задумчиво сказала Балайым. — Люди будут незнакомые.

Она ждала, что Абдибек станет уговаривать ее пойти, но тот неожиданно согласился с ней:

— И правда, пожалуй, неловко будет.

— Извинишься, скажешь, что жена в положении, одну, мол, оставить нельзя.

— Ну нет, — протянул Абдибек. — Кому-то все-таки надо пойти. Не пойти нельзя, обидятся. Да и деловые знакомства пора заводить.

Другого ответа она почему-то и не ожидала, но все-таки не смогла скрыть разочарования:

— Значит, один, без меня пойдешь?

— Что же делать?

— Действительно, делать нечего, — вздохнула Балайым.

Помолчав, Абдибек спросил:

— Ты рубашку мою белую выгладила?

Балайым ничего не ответила. «Знает ведь, что выгладила, — подумала она. — Зачем спрашивать? Пусть идет, а я в институт схожу, посоветуюсь с девчонками. А что толку советоваться? Сама во всем виновата, раньше надо было думать».

Абдибек не шевелился. Он спал, укрывшись с головой одеялом. Никогда Балайым не чувствовала себя такой одинокой и незащищенной. Потихоньку заплакала в подушку. Плакала и думала с надеждой: «Может, он проснется, услышит, что я плачу». Но тот не проснулся. Наконец сон одолел и ее.

Наутро Абдибек надел свой новый костюм, покрутился перед зеркалом и сказал:

— Смотри не усни до моего прихода. А то буду ломиться среди ночи, всех перебуду.

— Не усну. Думаешь, приятно одной спать?

Балайым хотела было поделиться насчет сегодняшнего дня, что собирается сходить в институт, но промолчала. Поняла, что это бесполезно, в мыслях у него другое.

— О милая моя Балайым, — жизнерадостно произнес Абдибек. — Если бы все были такие, как я. . .

— Да уж, конечно, за твоей широкой спиной я чувствую себя как рыба в воде.

— То-то и оно.

Абдибек не заметил иронии в ее словах или не захотел, поцеловал в щеку и торопливо вышел.

Оставшись одна, Балайым предалась бесконечным думам. Вспомнила, как покойная мать говорила ей, что не надо нанизывать на ниточку все плохое. Мужчина, он на то и мужчина, иногда нагрубит, иногда приласкает. А надо уметь прощать, если хочешь, чтобы неугасимо горел семейный очаг. Спокойствие и мир в доме зависят от женщины, а не от мужчины. Широта души может принести много пользы. Все это, возможно, и правильно. Но вот она многое прощает Абдибеку, на многое закрывает глаза, а согласия между ними нет. Почему?

Балайым бросила грязную рубашку мужа в таз и залила горячей водой. Попыталась подойти к своему горю с другой стороны: «Ему-то ведь тоже нелегко. Работа очень ответственная, новая. Сколько терпения требуется, сил, чтобы освоиться. Все время в напряжении. Приходит усталый, а я тут со своими мелкими обидами. Да, его тоже можно понять. Все со временем образуется, лишь бы здоровье да сына родить».

Утешив себя таким образом, она выжала рубашку и вышла во двор, чтобы повесить ее сушить.

Солнце поднялось уже высоко. Под ногами шуршали желтые листья. «Увяли, засохли, но все равно красивые», — подумала Балайым.

Вспомнилось, как в прошлом году ездили на уборку хлеба. Как было тогда интересно и весело. На току с утра до

вечера суматоха. До того уставали, что рукой пошевелить было трудно. Зато какое блаженство броситься на копну пахучего сена!

Как-то она склонилась над ведром напиться, а кто-то из девчонок взял да и сыпанул за пазуху ей горсть пшеницы. Со смехом схватили ее подружки за руки, за ноги, втащили на гору пшеницы и стали вытряхивать из нее все до последнего зернышка. Заведующий током улыбнулся в прокуренные усы:

— Все озоруете? И почему это вы все время Балайым обижаете? Тихая она, застенчивая, а вы и рады поиздеваться.

— Так для вас же стараемся. Теперь она до полуночи с лопатой не расстанется.

— Что с вами спорить, — отмахнулся заведующий током.

— Агай, а вы когда своего сына-агронома женить собираетесь? — принялись и за него. — А то он на работе весь запылится, жалко смотреть. Если надумаете, невеста есть. Лучше Балайым не найти.

— Я это и без вас знаю.

— Значит, скоро свадьба?

— Ну-ну, сороки, угомонитесь.

Красная от смущения Балайым одернула подруг:

— Нашли с кем шутить. Он же вам в отцы годится.

— Видите, как она за вас переживает? Значит, все в порядке. . .

Балайым вздохнула, вспомнив все это. Год прошел с тех пор, а будто вечность.

«За какие-то полгода столько перемен, — подумала она. — Впрочем, рано или поздно это должно было случиться. Все выходят замуж. Если рожу благополучно, продолжу учиться, наверстаю».

После того как она подумала об этом, на душе стало полегче. Хотела было тут же поехать в институт, но опять засомневалась, глянув на свой живот: «Ну куда я в таком виде? Всегда меня что-то удерживает, надо было раньше съездить. Из дома не выхожу целыми днями, разве что в продовольственный магазин. Сама заперла себя в этих четырех стенах. Нечего и жаловаться».

Вода в тазу остыла, но она решила продолжать стирку, хотя бы еще постирать носовые платки мужа.

Есть ли конец домашним делам, тем более если женщине больше нечем и заняться? Так за бесконечными домашними делами она и не заметила, как наступил вечер. День прошел.

Было уже за полночь, и она уснула, когда ее разбудил

стук в дверь. Она пошла открывать, и Абдибек чуть не упал, переступая порог.

— Что с тобой? — испугалась Балайым.

— Ничего, — пробормотал тот и повалился на постель как был, в одежде. Она заметила, что у него красные глаза, губы распухли, запеклись.

— Что ж так поздно?

— Хотел раньше вернуться, да хозяин не отпустил, — еле ворочая языком, сказал Абдибек. — Хорошие люди.

— До которого же часу вы сидели? — допытывалась Балайым.

— До двенадцати ночи. Никакого транспорта, понимаешь? Пешком пришлось идти.

— Поздравляю.

— Что же оставалось делать? Очень хорошие люди, золотые. Ох, как мне тяжело.

— Бедняга, хорошо, если еще на работу не проспешь.

— Разбуди, пожалуйста.

И Абдибек захрапел.

3

Утром он выпил чаю, торопливо оделся и побежал на остановку. Балайым проводила его тоскующим взглядом.

На работу Абдибек успел вовремя и, когда очутился за своим столом, с облегчением вздохнул. Вспомнил вчерашнее застолье.

Хозяин встретил его радушно. Повел показывать все комнаты — гостиную, столовую, рабочий кабинет, детскую, спальню. Обстановка была самая современная, и главное, что понравилось Абдибеку, — ничего лишнего. Восхищаясь вслух квартирой, он с тоской подумал: «Мне, чтобы добиться всего этого, долго придется вкалывать. Жизни не хватит».

Жена хозяина тоже поразила его, это была молодая еще женщина, правда полноватая, но с милым, очаровательным лицом. Она выплыла откуда-то и проворковала:

— Папочка, это тот самый молодой человек, о котором ты мне все уши прожужжал? Ждали мы вас, ждали, молодой человек.

— Здравствуйте, апай, — растерянно пробормотал Абдибек.

— «Женеше», а не «апай», — поправил его хозяин.

Женщина улыбнулась им обоим, сверкнув ровным рядом золотых коронок.

— О да, конечно, — совсем смутился Абдибек.

— Вот показал ему квартиру, — сказал хозяин, — чтобы молодой человек оценил тебя как хозяйку.

— Оценит, когда сядем за стол, — улыбнулась хозяйка.

— О, ты у меня за словом в карман не полезешь!

— А разве это плохо?

— Разве я сказал, что плохо, дорогая?

Абдибек между тем подумал: «И где только люди находят таких жен? Ласковых, обходительных? В возрасте дама, а хороша, все еще хороша».

Гостей оказалось много, и все с ним вежливо раскланивались с улыбками, но он почему-то чувствовал себя в этом большом гостеприимном доме одиноко и сиротливо. Он упрекнул себя, что редко общается с порядочными людьми, оттого и чувствует себя неловко. . .

Голова у него болела, будто раскалывалась на части, сказывалось вчерашнее застолье, к тому же не выпался. В автобусе ему досталось заднее сиденье, и всю дорогу трясло, да еще пахло бензином. Он пожалел, что не выпил крепкого чая, но, вспомнив жену, ее постоянное нытье, колкости, упреки, подумал, что уж лучше отказаться от чая, чем выслушивать очередную головомойку.

В последнее время Абдибек действительно чувствовал себя гостем дома, и часто ему просто не хотелось после работы идти домой, ноги не несли. Тесная, как курятник, комнатуха, сумрачная, неопрятная Балайым не вдохновляли его.

А ведь когда-то Балайым ему нравилась. Когда это было? Робкая, стеснительная Балайым, молчаливая, покорная. Этим, наверное, она и привлекла его. Многим мужчинам нравится в девушке покорность и робость. Тогда он чувствует себя властелином. Но ее робость постепенно стала раздражать его, особенно после женитьбы. Ведь теперь она хозяйка, будущая мать.

Казалось бы, чего проще сходить в институт, взять академический отпуск? Для нее это сложная проблема. Не самому же идти в институт да просить отпуск для Балайым.

Часто ему хотелось накричать на Балайым, вывести ее из сонного состояния, из этого дурацкого оцепенения, но повода для скандала не было, да и не с его мягким характером.

Ужин всегда готов вовремя, все вычищено, выглажено, не к чему придаться, но каждый вечер его охватывало глухое раздражение. Покорная, робкая Балайым. О такой ли он мечтал?

Он выпил почти весь графин ледяной воды, который стоял перед ним на столе. Сначала как будто полегчало,

потом снова застучало в висках. Он чувствовал себя очень плохо и морально и физически. А еще надо было высидеть целый день.

В комнату впорхнула счетовод Жамал. Она была в ярком красном платье, лицо румяное, свежее, в то же время — деловитое.

— Вы не забыли о нашем вчерашнем решении?

— Присаживайтесь.

— Опасно засиживаться в кабинетах у начальства, — шутила Жамал, однако присела на краешек стула. Абдибек вдруг почувствовал облегчение, даже голова перестала болеть.

Жамал частенько заглядывала к Абдибеку. Однажды она сказала:

— Я вижу, вы ходите обедать в столовую. Мы в бухгалтерии устраиваем чай, приглашаю вас.

Абдибек сначала растерялся, но потом согласился:

— Что ж, пожалуй. Лучшего и желать нечего. Столовая мне, признаться, надоела.

— Приходите в обед.

С тех пор он часто распивал чай в бухгалтерии, причем всегда за ним ухаживала сама Жамал. Он привык к ее изящным рукам, к ее звонкому смеху. Он радовался ее появлению каждый раз и в то же время огорчался, потому что невольно сравнивал со своей женой. Слепительная, всегда улыбающаяся, всем довольная Жамал с холеными руками, и Балайым в мятом ситцевом халате, утомленная, какая-то помятая, жеваная, с синяками под глазами. Сравнение это было не в пользу жены.

Он бросил взгляд на Жамал и вдруг почувствовал острую неудовлетворенность своей жизнью.

— Почему вы сегодня так рано? — спросил он.

— А я почувствовала, что вы сегодня придете рано, — сказала Жамал. — Между прочим, на вас лица нет, вы чем-то расстроены?

— Да, вы правы, Жамал, я расстроен. И мне хочется участия, внимания, вашего, например.

— Вам не к лицу расстраиваться, — сочувственно сказала Жамал. — И я обижена на вашу жену. Разве можно такого джигита отправлять на работу кислым? Это не хорошо с ее стороны, совсем не хорошо.

— Оставь ее, Жамал, — сказал он, вяло махнув рукой. — Оставь.

— Я, пожалуй, пойду, — тихо сказала Жамал. — Вам лучше побыть одному.

Абдибек не стал ее задерживать, хотя ему хотелось по-

говорить с ней. Но о чем говорить? Жаловаться на свою жизнь? Он понимал, что жалобы бесполезны, этим делу не поможешь.

4

К концу зимы Балайым благополучно родила сына. На работу в тот день Абдибек пришел спозаранку, никого еще не было. Он позвонил Жамал и сообщил ей новость.

— Поздравляю! Пусть растет крепким и здоровым.

Ее голос ему показался каким-то необычным, возбужденным, но он не придал этому значения и продолжал:

— Всю ночь не спал. Непривычно как-то одному.

— Эх вы, мужчины, — рассмеялась Жамал. — А как же быть таким бедняжкам, как я?

Тут Абдибек вспомнил, что Жамал живет одна, развелась с мужем года два назад. Он слышал это от сослуживцев, сама Жамал никогда не касалась своей личной жизни при разговорах с ним.

— Что же вы замолчали? — спросила Жамал.

— Не знаю, что и сказать. Приходи поскорее.

— Почему?

— Жду тебя.

И он положил трубку.

Жамал надела красное платье, в котором она больше всего нравилась Абдибеку, и вышла из дома. Ранний звонок растревожил ее, но даже себе она не хотела признаться, что Абдибек нравится ей, что она к нему очень равнодушна и каждая встреча приносит радость. «Но как-то странно, — думала она. — У человека родился сын, он рад этому, и в то же время ищет меня, зовет. Почему я должна радоваться вместе с ним? Какое я имею отношение к их радости?»

Когда она вошла в кабинет, Абдибек стоял у окна. Он подошел к ней и, взяв за руку, заглянул в глаза:

— Почему ты такая грустная? Я думал, ты порадуешься вместе со мной.

— Я очень рада, — сказала Жамал и, круто повернувшись, выбежала из кабинета. Глаза ее были полны слез...

Первые радости по случаю рождения сына прошли, и жизнь вошла в свое привычное русло. К повседневным заботам Балайым прибавились новые.

Забота о ребенке целиком лежала на ее руках. Времени не хватало даже постирать халат, она еще больше запустила себя, но ее это мало трогало. Зато выводило из терпения Абдибека. Они мало разговаривали, но однажды вечером он не удержался и сказал:

— Балайым, что с тобой? Погляди, на кого ты похожа? Хоть немного следи за собой.

Балайым как будто и не услышала его слов, продолжала заниматься стиркой. Потом неторопливо развесила пеленки и сказала:

— Хватит и того, что ты следишь за собой. Что я? Я — домохозяйка. Кроме того, я не старая дева, чтобы вертеться перед зеркалом, замуж не собираюсь. Сыта одним по горло.

Абдибек не нашел что сказать. На мгновение перед глазами встала Жамал, легкая, изящная, соблазнительная. Последнее время она смотрела на него не то с укоризной, не то с обидой. Вздохнув, он отставил чашку с чаем. Разговаривать с Балайым, что-то внушать ей было бесполезно.

В конце лета, когда мальчику исполнилось полгода, Балайым опять стала раздражаться по всякой мелочи. Порой она впадала в унылую задумчивость, забывалась так, что даже не слышала окликов. Абдибек старался не замечать ее состояния и ни в чем не упрекать. Он думал, что бессилен что-либо изменить. Однажды Балайым первая заговорила с ним:

— Ты ничего не замечаешь?

— Опять? — догадался он.

— Да, — кивнула она. — Что будем делать?

— Это даже хорошо, — сказал он, — когда двое. Старший не будет скучать.

— А как же с моим институтом? — упавшим голосом спросила Балайым.

— Уладится, — отмахнулся Абдибек, будто от назойливой мухи, хотя в душе он и посочувствовал ей. Но не травлять же рану.

— Тебе бы только отвязаться от меня, — печально сказала Балайым. — Лишь бы не надоедала. Но в конце концов ты мой муж, глава семьи, ты должен... Знаешь, как меня мучает, что я бросила институт? Стоило поступать, волноваться, мечтать. О господи, когда это все кончится? Неужели никогда?

— Ну что ты, Балайым, заладила одно и то же? — раздраженно сказал Абдибек. — Дети — это естественно для нормальной семьи.

— Не спорю. Но меня могут исключить из института, — вздохнула Балайым.

— Не исключат. Не имеют права. Ну хорошо, ты опять станешь учиться, а кто будет присматривать за детьми? Ты об этом подумала? Мне, что ли, бросать работу?

Балайым не знала, что и ответить, хотя вся кипела от

негодования и обиды. «Ничего он не понимает, — с горечью подумала она. — И никогда не поймет. . .»

Со временем Балайым перестала говорить с ним об учебе. Родился второй сын. В институт она не заглядывала, решила, что с этим покончено навсегда. Забот хватало и так — и по хозяйству, и за детьми надо было присмотреть. На мужа тоже перестала шуметь. Ей теперь было безразлично, дома он или нет, рано вернется с работы или поздно. На все махнула рукой, устала. Обиды и раны, нанесенные непониманием мужа, затянулись. Ничто не привлекало ее в жизни, и ни о чем она не сожалела. Одно утешение осталось — дети. Иногда она даже мечтала о третьем ребенке.

Порой что-то светлое из прошлой ее студенческой жизни вспыхивало в ней, манило, заставляло тосковать, но она научилась гасить эти светлые воспоминания. Все это блажь. Надо жить реальным. Но все-таки какая-то надежда мерцала в ее сознании, что вдруг все переменится, как говорят, без надежды и жить невозможно.

Абдибеку дали трехкомнатную квартиру, и они переехали в новый дом, но и там она не встряхнулась, не вышла из своего оцепенения, как будто такой образ жизни вполне устраивал ее.

По-прежнему ничто не занимало Балайым. Правда, у нее появились две молодые симпатичные соседки, но она только здоровалась с ними, не больше. Они заходили к ней, пытались растормошить, но у нее не было желания откровенничать с ними. Что попусту языком молотить? Чем они помогут?

Ей, правда, нравилась Урия, иногда Балайым испытывала острое желание пожаловаться ей на свою долю, но та все время была на работе, а вечерами — с мужем. Балайым завидовала, когда по выходным все трое, Урия с мужем и маленьким Айдыном, шли гулять.

Вторая соседка, Асем, не внушала особого доверия. Было в ней что-то надрывное, тоже, видно, жизнь не сложилась.

Вот эта самая Асем и пригласила как-то ее на обед. К своему удивлению, Балайым застала у нее незнакомых мужчин и совсем смутилась. Мужа Асем не было дома. За весь обед Балайым не промолвила ни одного слова. Проводя ее, Асем прошептала на ухо:

— Ну почему ты такая? Будто в воду опущенная? Хоть бы улыбнулась разок. Послушай, не тошно тебе одной в трех комнатах?

— А мне и в одной не было тошно, — сказала Балайым. — Почему мне должно быть тошно? У меня ведь дети. А с ними хлопот не оберешься.

Асем прикусила губу и отвернулась.

В конце месяца, как всегда, работы прибавилось, и Абдибеку пришлось поехать на службу в субботу. Он заглянул по привычке в бухгалтерию. Все женщины приветливо поздоровались с ним, одна только Жамал еле кивнула головой. Но именно ее он и хотел видеть больше всего, услышать от нее сочувственные слова. Надежд на это не было никаких. Жамал в последнее время вела себя с ним очень сухо.

Ночью ему опять не дали спать малыши. Балайым все время ворчала и, вместо того чтобы как-то успокоить детей, надавала им шлепков. Те разревелись еще сильнее. Абдибек попытался успокоить младшего, взял его на руки, но все его старания оказались напрасными. В конце концов он чуть не швырнул ребенка на постель, за что Балайым наградила его свирепым взглядом. . .

Во что бы то ни стало он должен был поговорить сегодня с Жамал. Хотелось какой-то отдушины, забытья и чего-то необыкновенного. Хоть на минуту избавиться от семейных забот и дряг.

К обеду работу закончили и потихоньку все разошлись. Абдибек поджидал Жамал на перекрестке, где она непременно должна была пройти. Вскоре он заметил ее красное платье.

— Постой, Жамал. Мне надо с тобой поговорить.

— Но стоять неудобно посреди улицы, лучше пройдемте, — сказала она. — Ну так что вы хотели мне сказать?

— Разве ты ничего не видишь? Не замечаешь?

— Может быть, и замечаю, — улыбнулась она. — Но. . . пригласить вас к себе я не могу.

— Почему?

— Просто мне нечем угостить вас сегодня.

— И только-то? — Абдибек с облегчением вздохнул и рассмеялся. — Хватит хлеба и воды.

— Нет, вы для меня дорогой гость, — запротестовала Жамал. — Я так не могу.

— Какая ерунда! — расстроился Абдибек.

— Знаете что? Приходите завтра, я буду ждать, — вдруг сказала Жамал.

Абдибек настолько обрадовался, что не поверил своим ушам:

— Ты будешь меня ждать?

— Буду. А теперь до свиданья.

Абдибек даже забыл попрощаться с ней. Ошеломленный и обрадованный смотрел на нее, пока она не скрылась за поворотом. Он присел на длинную скамью перед чьим-то до-

мом и с блаженством потянулся. Потом он вдруг подумал, догадалась ли Балайым отгладить его костюм и рубашку. Конечно, отгладила. Появившийся неожиданно образ жены не смутил его. Он вообразил, как в новом костюме, с букетом алых цветов входит к Жамал, и сердце его сладко замерло.

К удивлению Балайым, с работы Абдибек вернулся в прекрасном расположении духа, даже напевал что-то себе под нос. Балайым тоже повеселела. Вымыла посуду, уложила детей. Те, как ни странно, тоже не капризничали сегодня. Балайым старательно выгладила костюм мужа, как он ей наказывал, рубашку и подошла к нему.

— Абдибек.

— Ну?

— Меня, поди, ждешь? — прошептала она и склонилась над мужем, сама удивляясь неожиданной нежности, вдруг проснувшейся в ней.

— Послушай! — взорвался Абдибек. — Это невозможно! Вечно от тебя несет чем-то прогорклым!

Балайым испуганно отступила, попятилась, потом ушла на кухню и долго сидела там безмолвная и окаменевшая.

АСЕМ

1

Она отложила в сторону учебники и бросилась в густую траву под высоким тополем. Тонкие упругие травинки соприкоснулись с ее голой шеей, стало щекотно, и Асем рассмеялась. Она глянула сквозь густую крону дерева на небо, сквозь дрожащие листочки проглядывало солнце и тоже будто смеялось.

Асем вдруг почувствовала в себе что-то невесомое, прозрачное, ей стало хорошо и легко. Она размечталась: «Поступлю в институт, закончу и устроюсь на работу в туристское бюро. Буду знакомить туристов с достопримечательностями Алма-Аты». Но, бросив взгляд на учебники, помрачнела. Не так-то просто поступить в Институт иностранных языков, тут одного желания мало. Первый экзамен был завтра. Асем упрямо вскинула голову и пробормотала:

— А чем я хуже других! Сдам экзамены.

Однако на следующий день ровно в полдень она «завалилась». Преподавательница в очках оказалась строгой и сухой.

— Приезжай на следующий год, да только готовься по-лучше, — сказала она.

— Спросите что-нибудь еще! — взмолилась Асем.

— Достаточно.

— Ну что вам стоит? — упрашивала Асем, чувствуя, как предательски задрожали губы, к горлу подкатил комок, а глаза вдруг затуманились слезами.

— Иди, иди, — сухо сказала преподавательница.

— Не пойду! — вдруг взбунтовалась Асем, забыв, что секунду назад чуть не заплакала.

— Кто готов следующий? — будто откуда-то издалека раздался голос преподавательницы.

Асем не помнила, как вышла на улицу, ноги у нее подкашивались от слабости, в глазах стоял туман.

А на улице, как и вчера, сияло солнце, но теперь Асем не казалось, что оно улыбается ей, а, наоборот, палит зло и немилосердно. Смахнув слезу и не смея оглянуться по сторонам, она побрела по длинному узкому тротуару.

«И зачем я только унижалась перед этой преподавательницей, — со стыдом подумала она. — Зачем только сидела над учебниками?»

Растерянная и опустошенная, она дошла до детского парка, который находился неподалеку от института, и тяжело опустилась на первую попавшуюся скамейку. «Сколько было надежд, — думала она с горечью. — Сколько планов. А теперь? Теперь я самая пропадающая среди людей. Куры засмеют, провалилась на первом же экзамене». Ей казалось, что все прохожие оглядываются на нее и презрительно говорят: «С твоими жалкими знаниями в институт захотела? Куда тебе? Постыдилась бы и документы подавать. Какая самоуверенность у нынешней молодежи».

— Уеду на край света, — пробормотала она. — Уеду. Прямо сейчас же возьму да и уеду.

Однако она просидела в тенистом укромном уголке парка до самого вечера. Зашло солнце, сгустились сумерки, но Асем продолжала сидеть вся во власти своих горьких дум: «Уж лучше бы жила спокойно дома. Каждый сверчок знай свой шесток». Только когда совсем стемнело, она встала и пошла домой, незаметно проскользнула в свою комнату и заперлась на крючок. Но разве утаишь что-нибудь от матери? Асем слышала, что та несколько раз подходила к ее двери, вздыхала, но, видимо, не решилась беспокоить или подумала, что дочь спит.

На другой день Асем не вставала с постели до самого обеда. Мать несколько раз подходила к ней, пытаясь заговорить, как-то успокоить дочь:

— Ну хоть чаю попей, Асемжан. Что же теперь делать, раз так вышло?

— Не хочу я никакого чаю.

— Ну кому ты хочешь досадить? И что это за манера разлеживаться? — проворчала мать.

— Ну что ты ко мне пристала? — со слезами крикнула Асем. — Вот послушалась тебя и опозорилась. Говорил же отец, чтобы я поработала года два-три. А ты настояла на своем.

— В чем я-то виновата? — сказала мать. — Я хотела как лучше, чтобы ты не отстала от своих сверстниц и продолжала учиться.

— Ты хотела, да я хотела, а вышло не по-нашему.

— Господи, я-то здесь при чем? — сокрушенно сказала мать. — Хоть ложись да умирай тут. Никому не угодишь. Вот уж деточки теперь пошли. Ты им слово, они тебе десять.

— Оставь меня в покое, мамочка! — с досадой сказала Асем. — Слушать ничего не хочу!

— Господи, что она говорит? — изумилась мать, но решила уступить дочери. Сама успокоится, время лечит. Ее горе — это еще не горе. . .

Всю неделю Асем не выходила из дома. Ей казалось, что стоит показаться на улице, все вдруг обернутся к ней и начнут шептаться, мол, смотрите, эта девушка не поступила в институт. Асем понимала, что глупо так думать, но первое время она даже к окну боялась подойти, вдруг кто-нибудь заметит из знакомых. Или, чего доброго, нагрянут домой, станут сочувствовать, может быть, даже притворно, со злодством.

Но и сидеть дома в одиночестве, выслушивать вздохи матери тоже было невыносимо. Да и отец, которого трудно было вывести из себя, начинал уже хмуриться. Пока он молчал, но она боялась его утешений или упреков больше вздохов матери.

Понемногу Асем стала приходить в себя и понимать, что на случившееся надо смотреть реально и трезво. Сколько можно изводить себя? Слезами да вздохами делу не поможешь, так можно и год провздыхать, и всю жизнь. Но какой от этого толк?

Однажды она встретилась с подругой, которой тоже не повезло с поступлением в институт, и они разговорились.

— Я дело понятное, но ты ведь хорошо закончила школу, — сказала Асем. — И что теперь собираешься делать?

— Буду поступать снова. А сейчас пока работаю секретарем-машинисткой.

«Она уже работает, а я все не могу пережить свою неудачу», — с завистью подумала Асем.

Через несколько дней она устроилась лаборанткой в сельскохозяйственный институт. Отец, когда узнал об этом, только вздохнул:

— Шла бы ты лучше на стройку, в маляры.

— Поработаю пока лаборанткой, а там видно будет, — сказала Асем. — Куда мне торопиться?

— С таких-то лет ищешь в жизни легкой дорожки, — проворчал отец.

Асем ничего ему не ответила на это, но подумала: легкая работа ей необходима, чтобы подготовиться как следует к экзаменам, не опускать же руки после первой же неудачи.

На работе она сначала чувствовала себя стесненно. Может, потому, что впервые очутилась в коллективе взрослых людей. Никто на нее не обращал внимания, только что поздороваются, кивнут и проходят мимо. Асем даже подумала, что плохо работает, что ею недовольны, и она пожалела, что не послушалась отца. Может быть, действительно надо было пойти на стройку, поработать маляром или штукатуром?

Однажды, когда Асем перебирала кипы газет и журналов, в комнату вошел плотный кудрявый человек среднего роста и поздоровался с ней.

— Я здесь преподаю, — с улыбкой сказал человек. — Доцент. Меня зовут Жомарт Жорабекович. Только что вчера вернулся из отпуска.

Асем вскочила с места и пролепетала:

— Очень приятно.

— Сиди, сиди, милая. Вот что значит дитя, ребенок. Сразу видно, что со школьной скамьи. Ну вот, золотко мое, теперь мы знакомы.

Асем обрадовалась, что наконец-то кто-то заговорил с ней по-человечески, участливо, и неожиданно сама спросила:

— Как прошел у вас отпуск?

— Замечательно. Был в Крыму. Бархатный сезон, очень удачно. О лучшем и мечтать не надо.

— Да, в Крыму, наверное, хорошо, — протянула Асем. Уходя, Жомарт Жорабекович повторил:

— Ну вот теперь мы и знакомы, золотко мое.

2

С того дня Асем стала чувствовать себя увереннее в лаборатории. В лице Жомарта Жорабековича она обрела если не друга, то участливого товарища. Тот интересовался

всем — и как она себя чувствует, и чем занимается, и кто ее родители, и какое у нее настроение.

Асем казалось, что речи его несколько витиеваты, а порой напыщенны, но все равно слушать его было приятно, потому что он умел говорить приятное и угадывать желания.

Костюмы Жомарт Жорабекович носил только шитые по последней моде, и сидели они на нем безукоризненно. Наблюдательная Асем обнаружила ряд его привычек. Когда он входил в лабораторию, то непременно откладывал свой желтый портфель в сторону, доставал из кармана маленький платочек, пропитанный духами, обмахивал им свое лицо, щеки, подбородок. Для носа у него был другой платок, побольше размерами, и лежал в другом кармане. Аккуратный был человек Жомарт Жорабекович, приятный, ласковый, и главное, он хорошо относился к Асем, и она невольно прониклась к нему симпатией.

Однажды она сидела в лаборатории одна, и доцент вырос перед ней как из-под земли. Он отложил в сторону свой желтый портфель, вытер лицо платочком и сказал:

— Какие новости, золотце?

Это «золотце» вначале ее коробило, но потом она привыкла и перестала замечать, тем более что так обращался он не только к ней и, кажется, сам не замечал.

— Все как всегда, — ответила она. — Какие могут быть у меня новости? Прихожу, ухожу. Никто меня не замечает, не видит. Скучно. Потерплю еще несколько месяцев, а там видно будет. Уйду на другую работу.

— Та-ак, — протянул Жомарт Жорабекович и погладил волосы. — В таком случае я хочу порадовать тебя хорошей вестью.

— Что за весть?

— Послушай меня, золотце. Поступай учиться заочно, — сказал он и настороженно затих.

— Это вы мне уже советовали, — разочарованно сказала Асем.

— Экзамены начнутся на следующей неделе, — поспешно сказал Жомарт Жорабекович, заметив ее разочарование. — Ручаюсь, что потом ты не будешь об этом жалеть.

— Но как же я пойду в институт, о котором никогда и не думала? — недоверчиво улыбнулась Асем.

— О Асемжан, Асемжан! — воскликнул Жомарт Жорабекович. — Какой ты еще ребенок. Много не знаешь, много не понимаешь.

— Но по силам ли это мне? Я имею в виду поступление, экзамены.

Жомарт Жорабекович воодушевился:

— По силам, не по силам — это пустой разговор. Много я повидал таких, как ты. Надо только рискнуть, а там все пойдет как по маслу.

— Ну какой из меня агроном, Жомарт Жорабекович? — жалобным голосом сказала Асем. Тот на минуту стухнул. Дело в том, что в отношении Асем он строил планы и особые надежды, в которых даже самому себе боялся признаться. Но что за жизнь без мечты и надежд? И Жомарт Жорабекович не собирался отступать.

— Нельзя же так, золотце! Надо верить в себя, — сказал он. — А в отношении института посоветуйся дома, что они скажут.

— Что они могут сказать, — пожала плечами Асем. — Скажут, поступай сама как знаешь.

— Шесть лет пролетят незаметно, — задумчиво сказал Жомарт Жорабекович.

— Ну хорошо, — согласилась Асем. — Допустим, получу я диплом, а дальше что? Идти работать агрономом? Нет, все это нереально.

— А дальше все пойдет как по маслу, — сказал Жомарт Жорабекович убежденно. — Поступишь в аспирантуру, через три года — кандидат наук.

— Это я-то поступлю в аспирантуру, — усмехнулась Асем. — Не смейтесь, пожалуйста, надо мной.

— О золотце! — вздохнул Жомарт Жорабекович. — Что же мне с тобой делать? Многого ты еще не понимаешь в жизни, очень многого.

Между тем в лаборатории стали собираться люди, Асем с облегчением вздохнула. Жомарт Жорабекович оставил ее, заговорил с одним, с другим, у кого-то спросил о делах, у другого о здоровье, у третьего — как чувствует себя сын после операции. Асем поняла, что он тут свой человек, можно сказать, душа общества. Это ей почему-то понравилось. «Какой обходительный», — подумала она.

Кто-то из вошедших спросил:

— Жомарт Жорабекович, а как ваша докторская? Неплохо бы на нашей кафедре иметь своего доктора, а?

— А, бросьте! — возразила сухощавая женщина, дымившая сигаретой, как паровоз. — Сначала надо его женить. Нечего пялить глаза то на одну, то на другую. Диссертация у него на мази.

Жомарт Жорабекович вымученно улыбнулся:

— Как знать. Работы еще много.

— Вам все по плечу, Жомарт Жорабекович, — пробасила снисходительно курящая женщина. — Не прибедняйтесь.

Жомарт Жорабекович вдруг взглянул на Асем и сказал:

— Вот предлагал только что девочке поступить на агрофак, а она ни в какую. Понимает, что наше существование не очень завидное.

«Зачем он так? — смутилась Асем и покраснела. — И почему такой интерес ко мне?»

— Надо было объяснить как следует, — сказала женщина, гася окурок в пепельнице. — Кто же бежит нынче от образования? Кроме того, работать в такой лаборатории и не мечтать стать агрономом, простите, это как-то не вяжется со здравым смыслом. Многие мечтают стать агрономами, да не получается.

— Может, и правда не смог растолковать, — улыбнулась Жомарт Жорабекович Асем. — Подумай, золотце, подумай.

Асем опустила голову: «Возможно, тут и есть смысл?» Она представила, как расскажет об этом дома. Мать, конечно, отмолчится, а отец нахмурится да и тоже махнет рукой.

В тот же вечер Жомарт Жорабекович очень поразил ее. Он влетел в лабораторию, будто за ним гнались, и положил на стол перед Асем два билета.

— Что это? — удивилась Асем.

— Да вот, два билета в Оперный. Вчера взял, а сегодня что-то очень плохо себя чувствую. Простудился, видно, голова разламывается. Так что сходи с подружкой.

— Нет, не надо.

— Прости, золотце, я же по-свойски. Билеты пропадут. Асем глянула на него и не поверила своим глазам. Ничего не осталось в Жомарте Жорабековиче от его лоска и самоуверенности. Он стоял перед ней как в воду опущенный, с поникшими плечами, с потухшим взглядом.

«Чем я его обидела? — подумала Асем. — Что с ним?»

— Что с вами? — испуганно спросила она. — Да вас просто не узнать.

— Ничего, извините; — пробормотал Жомарт Жорабекович.

— Сходите сами в театр, — сказала Асем. — Развеетесь, отдохнете. А я как-нибудь в другой раз. Еще успею.

— А что мне там делать одному? — сказал Жомарт Жорабекович.

— Сложная ситуация, — сказала Асем.

— Что тут сложного? Беги домой переодевайся, а то опоздаешь.

— Честное слово, как-то неудобно, — улыбнулась Асем,

чувствуя в себе какую-то власть над этим человеком.— Если бы вы взяли билет специально для меня, тогда другое дело.

— О, это дело поправимое,— оживился Жомарт Жорабекович.— Сейчас я правда плохо себя чувствую, так что не обижай меня.

— А я и впрямь ведь могу опоздать,— сказала вдруг Асем и стала собираться. Ей и в голову не пришло предложить Жомарту Жорабековичу пойти в театр вместе и что больше всего на свете ему бы этого хотелось. Мало того, она даже не взглянула на него, выскальзывая из комнаты.

Асем торопливо шагала по улице, а он в это время наблюдал за ней в окно и думал: «Зачем только она встретила меня, не хватало хлопот на старости лет. Но до чего мила, до чего мила!»

3

Асем все же решила поступить на заочное отделение. Экзамены она сдала удовлетворительно и тем не менее была принята. Ее немного шокировало, что добрая половина поступавших были одного возраста с Жомартом Жорабековичем и она оказалась в одиночестве. Не с кем было словом перемолвиться.

После экзаменов она опять стала ходить в лабораторию. Студенты ушли на зимние каникулы, и в лаборатории было почти пусто. Если кто и заглядывал, то тут же уходил. Асем стала скучать без общества. И поэтому, когда однажды позвонил Жомарт Жорабекович, она обрадовалась и насторожилась.

— Как вы узнали, что я одна? — спросила Асем.

— Ты про это не спрашивай, а я не буду говорить,— пошутил Жомарт Жорабекович.— Поздравляю тебя с поступлением в институт. Через два года можно перевестись на очное отделение, и все пойдет как по маслу.

— Давно что-то вас не видно,— сказала вдруг Асем.

— Дела, все дела,— смешался Жомарт Жорабекович.— Три дня с диссертацией возился. Но о тебе все время думал, душа болела.

— Да, без вас тут скучновато,— призналась Асем.— Всегда что-нибудь интересное расскажете. Все лучше, чем бумажки сшивать.

— Бог мой, что ж ты молчала до сих пор? — всполошился Жомарт Жорабекович.— Я бы из лаборатории не выходил в таком случае! Вечно я попадаю впросак.

Асем показался забавным его доверительный тон, иногда он даже переходил на шепот.

— Нелегко весь день высидеть в одиночестве, ведь вы меня избаловали своим обществом.

Жомарт Жорабекович не нашелся что и сказать. Он почувствовал, как сердце у него заколотилось. «Пусть это шутка,— подумал он.— Но в каждой шутке есть немного правды».

— Уж если говорить об одиночестве,— сказал он,— я-то хорошо знаю, что это такое. Но я привык к нему, а в твоём возрасте— это грех. Тебе самое время развлекаться.

Асем почувствовала в его словах что-то необычное и насторожилась.

— Если я буду думать о развлечениях, то когда же учиться? Нахватаю троек.

— Брось-ка ты это. Пока жив на свете Жомарт Жорабекович, тебе не о чем беспокоиться.

— Откуда вы звоните? — поинтересовалась Асем.

— Да снизу, из автомата. Может, подняться на минутку к тебе?

— Как хотите.

— Ну, я лечу.

Асем подошла к окну и увидела, как Жомарт Жорабекович выскочил из телефонной будки, словно ошпаренный, и чуть не бегом кинулся по улице. Вскоре он был уже у нее. Снял пальто, причесал волосы, открыл свой желтый портфель и стал вытаскивать оттуда громадные апельсины.

— Вот купил, целый час стоял в очереди, специально для тебя.

— Спасибо,— вскочила Асем польщенная.— Как вы догадались, что я люблю подарки? И откуда вы узнали, что я больше всего на свете люблю апельсины?

Жомарт Жорабекович будто онемел. Во все глаза он смотрел на девушку и чем больше смотрел, тем сильнее билось у него сердце, силился что-то сказать, но только развел руками.

— Что с вами? — улыбнулась Асем. И тут его прорвало:

— Можешь мне не поверить, но мне кажется, что я тебя давно знаю. Не смейся, это правда. И во сне я тебя видел не раз, когда еще не был с тобой знаком. И я верил тогда, что встречу наяву такую девушку. Можешь считать это теленатней, ясновидением, как угодно, но все это правда. И когда я впервые тебя увидел, то ничуть не удивился. Наверное, поэтому я и заговорил с тобой, как со старой

знакомой. Порой я смущался, робел, чувствовал себя неуютно, короче, я уже давно из-за тебя потерял покой. Ты и сама, наверное, чувствуешь это. Вот так бедный Жомарт Жорабекович попал в историю. Кто знал, что в жизни такое бывает?

Асем, которая раньше ни от кого не слышала подобных признаний, вначале была не на шутку озадачена. Потом ею овладело какое-то странное состояние, откуда-то из глубины души поднималось загадочное чувство. Сердце забилося тревожно. То, что сейчас случилось с ней, она не испытывала никогда. Может быть, вдруг она почувствовала себя взрослой. Детство как будто махало ей рукой: мол, прощай, прощай навсегда. Ты уходишь от меня, и я тоже исчезаю.

Странное оцепенение не отпускало ее. То ли она ждала от Жомарта Жорабековича чего-то еще, то ли затосковала вдруг без причины, в общем, она не могла понять этого чувства, которое нахлынуло на нее так неожиданно.

— Почему ты молчишь? — спросил Жомарт Жорабекович. — Ты обиделась? Ну вот, судьба повернулась ко мне спиной.

— Кто поверит, что судьба может повернуться к вам спиной? — улыбнулась Асем.

— Не знаю, — задумчиво сказал Жомарт Жорабекович. — Но лишь бы ты не испугалась, не отвернулась бы от меня.

Он осторожно чистил апельсин. Асем рассмеялась, как ребенок, которому отец выложил кучу игрушек. Жомарт Жорабекович в недоумении посмотрел на нее, потом вдруг сказал:

— Завтра или послезавтра думаю поехать во Фрунзе.

— В командировку? — оживилась Асем.

— Да нет, просто группа студентов решила съездить на каникулы во Фрунзе, а я у них вроде руководителя. Институт дает автобус. Пришлось вот согласиться, — вздохнул Жомарт Жорабекович.

— А чего вы так переживаете? — сказала Асем. — Развеетесь, отдохнете. Я бы, например, поехала с удовольствием.

Он как будто только этого и ждал:

— Может, и правда ты тоже поедешь?

— Кто меня отпустит?

— Положись на меня. Я попрошу профессора, чтобы он отпустил тебя на пару дней, а там — суббота и воскресенье.

— Тогда я согласна, — обрадовалась Асем. — Хоть сейчас.

— Золотце, я очень доверчив, — вдруг расстроился Жомарт Жорабекович.

— Ну вот, всегда вы так, — обиделась Асем. — Я же серьезно. Только вот студенты, не будут ли они смеяться над нами?

— Зачем им смеяться? Ребята хорошие, — успокоил Жомарт Жорабекович. — А я все не решался предложить, думал, откажешься.

— Что же вы такой нерешительный? — усмехнулась Асем, сама того не сознавая, она наслаждалась властью над этим чудным человеком.

— Боже сохрани! — испугался Жомарт Жорабекович. — Я ведь серьезно, я не ветреник какой-нибудь.

Асем была упряма. Если уж что придет ей в голову, затея какая-нибудь, она обязательно постарается ее осуществить. Вот и сейчас, забыв совершенно о Жомарте Жорабековиче, она воображала себе предстоящую поездку. «До восемнадцати лет никуда не выезжала из Алма-Аты, — думала она. — Раз уж случай такой выпал, надо съездить. Дома скажу, что начальство посылает. Отдохну, развеюсь, а то эти экзамены меня совсем доконали».

— О чем ты задумалась? — осторожно спросил Жомарт Жорабекович. — Уж лучше сразу скажи, не мучь меня. Умру на месте.

— Надо же, какой вы чувствительный, — снисходительно заметила Асем.

— Какой уж есть, — помрачнел Жомарт Жорабекович.

Асем неожиданно рассмеялась, потом сказала мечтательно:

— Дорога долгая, в автобусе. Петь будем, останавливаться в разных местах.

Жомарт Жорабекович, которого до сих пор бросало то в жар, то в холод, воспрянул духом. Он подумал, что сейчас самое подходящее время признаться ей в своих планах, рассказать о своих мечтах. Ну а вдруг он все испортит? От напряжения у него выступил пот на лбу. Он вытер лоб маленьким платочком и вздохнул: «Нет, торопиться не надо. Мне не восемнадцать лет, тише едешь, дальше будешь».

Так он и не сказал ничего о своих мыслях, только пробормотал:

— Будем живы-здоровы, так Жомарт Жорабекович многое откроет тебе. . .

Из института они вышли вместе. Мороз пробирал до

костей, ноги утопали в глубоком снегу. Асем сразу же задрожала от холода, зато спутник ее в толстом зимнем пальто готов был топтать пешком до самого центра города.

— Что может быть лучше таких вот морозных вечеров! — воскликнула Асем.

— Особенно после пребывания в душной лаборатории, — поддакнул Жомарт Жорабекович. — Тихо, ветра нет. Как здорово бродить по пустынной улице!

— Ну я пошла, — неожиданно сказала Асем и побежала на автобусную остановку. Автобус как раз подходил.

— Куда же ты? — разочарованно сказал Жомарт Жорабекович. — Можно ведь и такси взять. Не поскользлись!

Однако автобус уже тронулся. Он подумал, что Асем совсем еще ребенок, и это ее очередная шалость, что она убежала от него.

Придя домой, он вымыл тщательно руки и сел пить чай. Хотел, как обычно, поработать над диссертацией, но ноги просто не шли к столу. Даже читать и то не было настроения. Посмотрел немного телевизор, но и это надоело ему. Наконец он признался себе, что в состоянии думать только об Асем. Он вообразил, как она пришла домой, сидит с родителями у телевизора, а о нем и думать забыла. А может быть, ушла на свидание с каким-нибудь длинноволосым студентом и теперь они бродят по морозным улицам. Судя по тому, как она спешила, все может быть.

Он весь похолодел, вскочил с дивана и заметался по комнате. В конце концов попытался успокоить себя, прислушаться к трезвому голосу рассудка: «Так мне и надо. Кто я такой, чтобы она переживала обо мне? У нее выбор, у меня нет. Тут главное терпение». Но успокоить себя не удалось, сомнения продолжали одолевать его: «Девчонка смазливая, многие на нее заглядываются. Убежала, бросила меня одного посреди улицы. Если я лишусь Асем, буду доживать свой век один».

Вообразив свое одиночество, он чуть не заплакал от жалости к самому себе, в то же время это и подбодрило его: «Чем я хуже других? Раз уж попалась мне в руки, надо держать ее крепко. Тридцать девять лет, разве это старость? Нечего робеть. Разодену ее в шелка, подарками завалю. Она к такому не привыкла. Как видно, в семье у нее каждая копейка на счету. Не все еще потеряно, мой друг, не все».

Жомарт Жорабекович схватил домбру и бодро запел. Домбра в неумелых руках часто спотыкалась, издавала не те звуки, да и голос не очень слушался его. Перед гла-

зами стояла Асем. Жомарт Жорабекович отложил инструмент и попытался трезво оценить свое положение.

Что ж, он видел многих, которые женились по любви. Но всегда ли они бывали счастливы? Не всегда любовь выдерживает испытание бытом. И какой толк от пустых речей? Семья счастлива, когда есть материальная основа для этого счастья.

Мало ли таких, которые до свадьбы умирают друг без друга, а потом разбегаются, как бильярдные шары после хорошего удара.

Он все это хорошо обдумал и еще подумает. Если предоставить Асем все, чего ее душа желает, неужели она устоит? А сам он будет вечным ее рабом, станет исполнять все капризы, и никто его не осудит за это. А если она еще и сына родит ему, он ее до конца жизни на руках будет носить. Лишь бы только не напугать ее. Лишь бы какой-нибудь длинноволосый не перехватил ее у него. Если все обойдется и она выйдет за него замуж, у него хватит ума и гибкости удержать ее около себя. В конце концов, Жомарты Жорабековичи на земле не валяются. Таких умные люди ценят. Прошла пора, когда можно было сгорать от страсти и кидаться в первый попавшийся капкан. Святое чувство надо ценить, не транжирить попусту, только тогда его можно сохранить. В конце концов, он все это выскажет Асем. Если она умная девушка, то поймет, сумеет оценить...

Придя в хорошее расположение духа, он снял халат и юркнул в лебяную постель.

4

Они выехали рано утром, и, как только выбрались за город, повалил густой снег.

— Знал я, что погода испортится,— проворчал шофер, включая «дворники». — И чего людям не сидится дома?

— А зачем спешить, вы потихоньку. До вечера как-нибудь и доберемся,— сказал Жомарт Жорабекович.

Шофер будто ждал этого, взорвался:

— Если что случится в дороге, не тебе отвечать, а мне!

— Ничего не случится, все будет хорошо,— возразил уверенно Жомарт Жорабекович.— Дорога хорошая.

— Вот доедем до Курдайского перевала, увидите,— проворчал шофер.— Не сидится дома.

— Аксакал, не будем спорить,— возразил Жомарт Жорабекович.— Тяните потихоньку.

— Да что мне с тобой спорить? Ты не за баранкой.

Асем недовольно вмешалась:

— Не успели выехать, а уже ссоримся. Что в этом хорошего?

Снег валил хлопьями. Все белым-бело. Студентам по года, видимо, нисколько не мешала. Хохот стоял на весь автобус, шутки сыпались градом. На то они были и студенты.

Жомарт Жорабекович раскрыл свой желтый портфель и вынул небольшую шкатулку из слоновой кости, протянул ее Асем:

— Везет тебе. Зашел вчера в магазин, вот купил.

— Зачем? — удивилась Асем.

— Ты сначала возьми.

Асем, привыкшая уже к сюрпризам Жомарта Жорабековича, раскрыла шкатулку и рассмеялась, не смогла скрыть своей радости — шкатулка была доверху наполнена дорогими конфетами разных сортов.

— Всегда вы так.

— Что же делать, — вздохнул он. — И днем и ночью ты у меня перед глазами. Даже во сне вижу.

— Так я и поверила, — усмехнулась Асем.

Он взял одну конфету и положил в рот.

— Откуда тебе знать, о чем думает твой Жомарт Жорабекович, — сказал он несчастным голосом, — раз ты о нем совсем не думаешь. Вкусная конфета.

— До чего вы любите сладкое, — сказала Асем, пристально взглянув на него и пытаясь понять его мысли.

— А кто не любит сладкое? — сказал Жомарт Жорабекович и закрыл глаза.

Во Фрунзе они приехали в обед. Шофер уехал ночевать к своим родственникам, студенты устроились в общежитии, Асем со своим спутником пошли в гостиницу.

Асем, которая впервые в жизни переступила порог гостиницы, очутившись в пустом номере, насторожилась, забеспокоилась. Все вдруг показалось ей сном.

«И что я поехала вдруг? — подумала она. — И зачем меня понесло? Дома всех обманула, а теперь сижу здесь одна неизвестно зачем?»

Пока она рассуждала так, полная смятения и противоречивых чувств, то упрекая себя, то оправдывая, вдруг зазвонил телефон. Асем испуганно вскочила и взяла трубку:

— Кого вам?

— Это ты, золотце? — услышала она знакомый голос и сразу же успокоилась, вздохнула с облегчением.

— Не думала, что это вы.

— У меня предложение,— сказал Жомарт Жорабекович.— Не пообедать ли нам в ресторане?

— Но мне не хочется есть,— возразила Асем.

— Нет уж, надо обязательно подкрепиться после дороги,— категорически заявил Жомарт Жорабекович.— А дальше все пойдет как по маслу.

— У вас всегда все идет «как по маслу»,— упрекнула его Асем.

— А как же иначе?

После обеда они вместе со студентами, которые тоже обедали в ресторане, пошли осматривать город. Потом все пошли в музей. Студенты покорно последовали за хорошенькой девушкой-экскурсоводом, Жомарт Жорабекович и Асем отстали от них. Асем понравился музей, и она немного повеселела. Жомарт Жорабекович, болтавший без умолку, остановился перед картиной, на которой была изображена счастливая семья, и воскликнул:

— Вот это я понимаю! Что еще надо живому человеку?!

Асем рассмеялась:

— Что же вам мешает обзавестись таким счастьем?

— Ах,— вздохнул тот.— Лучше не спрашивай.

Вечером студенты ушли в кино, оставив их одних. Жомарт Жорабекович мялся, вздыхал, наконец спросил:

— Ты не устала, золотко?

— Куда мы пойдем? — неожиданно спросила Асем.

— Может, погуляем?

Они долго шли по главной улице города. Стало темно. В своем тонком пальто Асем вся продрогла. А разговорам Жомарта Жорабековича, казалось, не будет конца. «Будто паук паутину плетет,— подумала Асем.— Все вокруг да около, ни одного живого слова». Ей стало тоскливо.

Жомарт Жорабекович перечислял своих родственников, которые, по его мнению, много добились в жизни, у всех высшее образование, все прочно стоят на ногах. Потом он, как будто невзначай, сказал, что собирается покупать машину, но не знает, какую выбрать.

— Ты какую бы хотела?

Асем пропустила его вопрос мимо ушей. Она промерзла до костей, губы не подчинялись ей, ноги были как деревянные. Она думала только о том, как бы поскорее добраться до гостиницы да забраться в теплую постель.

— Говорят, «Жигули» неплохая машина,— продолжал между тем Жомарт Жорабекович.

— Может быть,— равнодушно сказала Асем.

Он почувствовал ее тон и сразу же засуетился.

— Заболтался я, наскучил тебе.

— Замерзла я, идемте скорее,— в голосе ее прозвучала обида.

— О моя пустая голова! — воскликнул Жомарт Жорабекович. — Как это я сразу не догадался?

Наконец показалась гостиница, сияющая огнями. Руки и ноги едва повиновались Асем. Она почувствовала себя одинокой и несчастной, невольно подумала: «Заблудилась я, наверное. Иначе почему я здесь?»

5

Ужинать они пошли в ресторан. Жомарт Жорабекович рядом с Асем казался и ее старшим братом, и счастливым женихом. Настроение у нее переменилось. Она забыла, что недавно совсем заоченела на морозе, и чувствовала себя тоскливо и бесприютно. Оглядывая сверкающий, праздничный зал, она подумала, что здесь хорошо и уютно.

— Ресторан — дело хорошее, — заметил Жомарт Жорабекович. — Хоть отдохнешь по-человечески. Днем сюда приходят обедать, а вечером отдыхать.

Асем невольно почувствовала признательность к этому человеку, простив ему все его недостатки.

— Устали вы, наверное? — участливо спросила она. — Уж очень долго мы бродили на морозе, правда?

У Жомарта Жорабековича что-то дрогнуло внутри от ее ласкового голоса, а надежды снова ожили.

— Да разве может устать Жомарт Жорабекович, когда рядом с ним такая девушка?! — воскликнул он. — Усталость у меня, золотце, другого рода. Боюсь и признаться тебе.

— А в чем дело? — поощрительно улыбнулась Асем.

— Видишь ли, сегодня у меня день рождения. Раньше я не придавал никакого значения таким событиям, а сегодня другое дело. Хочется отметить этот день, чтобы надолго запомнилось.

Это было неожиданно для Асем, и она не нашлась сразу что ответить. Неожиданность не всегда приятна человеку, даже если это и день рождения. Подумав, она сказала:

— Что же вы молчали?

Жомарт Жорабекович открыл бутылку шампанского и ответил:

— Обо многом мне бы хотелось сказать тебе, но...

— Так говорите прямо, а то кругом одни ребусы да загадки.

Жомарт Жорабекович мучительно думал: «Надо рискнуть. Другого такого момента мне не дожидаться. Надо сказать ей все».

— Что же вы молчите?

— Радость обезоруживает, деточка. Просто не знаю, что и сказать.

Вид у него был растерянный. Асем пожалела его и пришла на помощь:

— Тогда я скажу. Поздравляю вас с днем рождения. Желаю здоровья, счастья! — И она выпила шампанское до дна. — Никогда столько не пила. За вас выпила.

Жомарт Жорабекович чуть не прослезился от нахлынувших чувств.

— Спасибо, золотце, спасибо. Чего мне еще желать? Да я на седьмом небе от счастья и не боюсь тебе в этом признаться. Трудно жить на свете одинокому человеку. А сейчас я будто лечу под облаками, а ты стоишь на высокой скале и машешь мне рукой. — Голос у него дрогнул. — Господи, да разве можно передать словами то, что я сейчас чувствую?

Он вынул из кармана платочек и приложил к глазам. Его слова произвели на Асем двойственное впечатление.

— А сколько вам лет? — неожиданно для себя самой спросила она.

Жомарт Жорабекович вздрогнул, а потом поник: «Зачем она об этом спрашивает? Что она хочет этим сказать?» Однако в своей жизни он привык ко всяким каверзным вопросам и умел на них достойно отвечать.

— Столько, что вполне могу быть твоим покровителем.

— Простите, — тихо сказала Асем. — Я это просто так.

— Все остывает, золотце, — засуетился Жомарт Жорабекович. — Надо есть.

Асем почему-то тяжело вздохнула и сказала:

— Зачем вы так много всего заказали? Нас ведь только двое.

— Разве это много, золотце? Ведь все-таки праздник, день рождения, дорогая. Я вижу, что-то тебе не нравится.

Асем опустила голову:

— Простите. Все хорошо. Только вот никогда не думала, что попаду во Фрунзе и буду сидеть за одним столом рядом с вами. Бывают же случайности. А вы верите в случай?

«Ну что мне с ней делать? — в растерянности подумал он. — Совсем заморочила голову. Настроение меняется каждую минуту».

Но у Жомарта Жорабековича была своя жизненная фи-

лософия. Он считал, что криком ничего не добьешься, предпочтительнее разговаривать с человеком в мягких тонах, действовать лаской. Тогда из впечатлительного человека при умении можно веревки вить.

К чему травмировать нервную систему, ругаясь с кем попало? Главное, чтоб и овцы были целы, и волки сыты.

Вспыльчивых людей Жомарт Жорабекович жалел. Вечно они хмурые, настороженные, недовольные, от каждого ожидают подвоха. Он не такой. Но самое главное — не упустить своего времени, не опоздать, тогда многого добьешься.

Как бы подытоживая свои мысли, Жомарт Жорабекович сказал машинально:

— В нашей жизни все как сон проходит.

Асем с удивлением уставилась на него, и он совсем растерялся. «Все-таки проще иметь дело с человеком, который понимает тебя с полуслова, — подумал он. — Но крепись, Жомарт Жорабекович! Не упускай Асем. Не вздумай унывать. Красивая, молодая девушка все равно что ртуть!»

Одна из прелестей нашей жизни — красивая жена. И вот она перед тобой. Хватай, не медли! Как все кругом будут удивляться и завидовать. О, дожить бы поскорее до этого дня. И я доживу!»

Воодушевленный своими мыслями, он наполнил два фужера шампанским и сказал:

— Что ты пригорюнилась, золотце? Ты рождена для улыбки. Тебе ли горевать!

Асем рассмеялась:

— Продолжайте.

— За Асем, которая краше Баян! За Асем, которая краше Тогжан Абая!

— Довольно, довольно, я пью.

— Не знаю, как и угодить тебе, — сказал Жомарт Жорабекович. — Нынешние молодые люди не знают цены такому, как ты.

— Почему? — удивилась Асем.

— Не умеют баловать. Ведь вы как цветы. К ним надо прикасаться нежно.

— Но цветы отцветают, — сказала Асем.

— Не знаю, как другие, но ты не из таких! — решительно возразил Жомарт Жорабекович. — И дай бог, чтоб ты всегда была такой.

То ли его слова подействовали на нее, то ли шампанское, но снова накатила волна хорошего настроения. «Видели бы мои родители, как я сижу тут с ним, — поду-

мала она, но и это не расстроило ее.— Рано или поздно человек становится взрослым».

Ей было приятно ухаживание Жомарта Жорабековича, его внимание и даже лесть. Она видела, как он восхищался ею, не могла не чувствовать свою власть над ним, и все это ей нравилось. Его разглагольствования казались вполне уместными за праздничным столом ресторана, и ей не хотелось обидеть его каким-нибудь резким словом. К чему унижать человека, который относится к ней, как старший брат?

Вольно или невольно она вспомнила свое детство, как горевала и плакала, что у нее нет старшего брата. Она завидовала своим подружкам, у которых были старшие братья. А однажды она пристала к матери, мол, почему у нее нет брата, расплакалась и убежала во двор. Иногда ей хотелось подойти к кому-нибудь из ребят и сказать: «Будь моим старшим братом».

Асем украдкой поглядывала на Жомарта Жорабековича и думала, что лучше бы он стал ее братом, что все происходящее какая-то непоправимая ошибка, что они во власти чьей-то злой воли.

— В детстве я часто огорчалась, что у меня нет старшего брата,— сказала Асем задумчиво.— Может быть, поэтому я потянулась к вам? Отец тоже переживал сильно, очень любит малышей, но детей у них больше не было.

— Но пойдут внуки,— сказал Жомарт Жорабекович.— Тоже радость для стариков. Мне порой жалко девушек, которые упускают свое время. Они как увядшие цветы.

— Не надо так жестоко,— сказала Асем. Ей снова сделалось грустно. Жомарт Жорабекович, видно, заметил это и переменял тему:

— А я вот занялся наукой. И слава богу, чист перед ней, как стеклышко. Сколько ночей я просидел, испортил зрение, здоровье. Но докторская у меня готова.

«Зачем он хвалит себя?» — подумала Асем и поморщилась. Ей захотелось сказать ему что-нибудь обидное и злое, но она только обронила:

— Продолжайте. Это интересно.

— Нельзя превращать науку в забаву! — разошелся Жомарт Жорабекович.— А есть люди, которые превращают науку в дойную корову, ни бельмеса не понимают, а ножку подставить могут.

— Какой вы злой! — сказала вдруг Асем.— Прямо съесть готовы!

— Я не злой,— возразил Жомарт Жорабекович.— Просто посмотрелся много.

Жомарт Жорабекович говорил искренне, но Асем показало все это сущей чепухой. «И чего он разошелся? — подумала она. — В лаборатории ведет себя по-другому. Со всеми вежлив, предупредителен, вечно извиняется. Что за человек?»

Он почувствовал, что Асем почему-то расстроилась, и спросил:

— Прости, я не испортил тебе настроения?

— Уйдем отсюда, — сказала она, не зная, как избавиться от неприятного осадка на душе. Ей хотелось побыть одной.

Но едва она вошла в свою комнату и с облегчением развалилась в кресле, как на пороге появился Жомарт Жорабекович с бутылками и закусками.

— Что мы со всем этим будем делать? — равнодушно спросила Асем, почему-то несколько не удивившись появлению Жомарта Жорабековича.

— Не выбрасывать же, золотце, — возразил тот. — Все это наше. А выспаться всегда успеем. Посидим, поговорим. Не каждый ведь день во Фрунзе ездим.

Он быстро накрыл на стол, включил торшер, и комната погрузилась в полумрак.

Асем не шелохнулась в своем кресле, только сказала безразличным голосом:

— Хозяйственный вы человек. У вас ничего не пропадет.

— А как же иначе, золотце? — с гордостью произнес Жомарт Жорабекович. — Жизнь, моя девочка, прекрасна. Надо веселиться, пока можешь. Милая Асемжан, сегодня твой Жомарт в прекрасном настроении. Давай проведем этот вечер так, чтобы он запомнился навсегда. И я хочу тебе сказать...

— Что же вы мне хотите сказать? — Асем встала и подошла к окну. Он будто только этого и ждал, словно сума сошел от радости, слова полились, как водопад:

— Что мне скрывать, дорогая? С первой же встречи я потерял покой. Где бы я ни был, только и думал о тебе. И вот сейчас мы вместе. Тысячу раз спасибо судьбе! всю жизнь я искал подругу, чтобы навсегда стать ее рабом, и вот — нашел. Птица счастья села мне на ладонь. Теперь, хоть убей меня, я не отстану от тебя, ничто нас не разлучит.

Милая Асемжан, я далеко не простак в жизни, как некоторым может показаться. Есть у меня и звание, и заслуженный авторитет, и добра всякого хватает. Сам я здоров, как конь. Могу обеспечить тебе беззаботную жизнь. Будешь моей повелительницей, заживешь по-царски. Я готов

снести от тебя все, хоть огнем сожги, согласен. Ты радость и боль моя!

У Асем кружилась голова, хотелось оборвать его, закричать, но не было никаких сил. Мало того, что она устала за день, ее еще и тошнило от выпитого шампанского. От бесконечных признаний Жомарта Жорабековича она впала наконец в какое-то странное состояние безволия и равнодушия ко всему происходящему.

— Милая ты моя Асемжан! — со слезами в голосе прошептал Жомарт Жорабекович и подхватил ее на руки...

6

Наутро она проснулась рано. Очень хотелось пить, губы пересохли, потрескались. Она поднялась было, чтобы пойти напиться, но тут же без сил рухнула на измятую постель. Вчерашний вечер стал всплывать в памяти, и когда она припомнила все, то содрогнулась: «Нет, это был не сон». Со слезами на глазах она прошептала:

— Какой позор, какой стыд. Как я теперь стану людям в глаза смотреть?

Она оглянулась по сторонам, будто отыскивая место, где можно спрятаться от своего позора. Ей казалось, что теперь все будут показывать на нее пальцем и смеяться. Что делать, она не знала. До полудня просидела, съевшись, на постели. Иногда ей хотелось сесть на автобус и уехать немедленно домой, в Алма-Ату, или вбежать в номер Жомарта Жорабековича и расцарапать до крови его холеное лицо. Но постепенно она перестала всхлипывать и задремала...

Жомарт Жорабекович тоже проснулся рано, оделся, привел себя в порядок и ходил по комнате из угла в угол. Вспоминая вчерашнюю историю, он мрачнел все больше и больше. Что теперь скажет Асем? Если поднимет крик — все для него кончено. Голова у него шла кругом.

Позвонили студенты из общежития, и он сказал им, что ему нездоровится, поэтому останется в гостинице.

Асем не подавала никаких вестей, позвонить он боялся. Вообразил, как она закричит в трубку: «Подлец! Вот приедем в Алма-Ату, я тебе устрою!».

А вдруг она напишет заявление? Опозорит? Что скажут люди? Что скажет начальство? И Жомарт Жорабекович содрогнулся от ужаса.

Потом ему в голову пришла мысль еще ужаснее: «Почему она молчит? А вдруг по молодости, в гнев... Вот уж где смерть моя, вот где погибель!»

Он тут же бросился к телефону и набрал номер. Когда он узнал ее голос, то бессильно опустился на кровать, и слезы выступили у него на глазах: «Слава богу, хоть жива».

— Асемжан, милая,— прошептал он задыхаясь.— Прости. Что хочешь со мной делай. Я — твой раб.

Асем поморщилась от отвращения, но голос у него был такой жалкий и расстроенный, что она не положила трубку. «Что теперь толку ругать его? — подумала она.— Ничего уже не исправишь. Сама во всем виновата».

Молчание угнетало Жомарта Жорабековича, и он забормотал в трубку умирающим голосом:

— Ради бога, не молчи. Скажи что-нибудь, а потом убей. Прости меня, Асемжан. Ты, наверно, пить хочешь? Сейчас я сбегая вниз, принесу попить.

«Откуда он знает, что я хочу пить?» — подумала Асем и тяжело вздохнула, покорившись своей судьбе.

В тот день они совсем не выходили из гостиницы. Жомарт Жорабекович то просил прощения, то начинал строить планы насчет их будущей совместной жизни, вздыхал, рассказывая о своей одинокой жизни.

Асем сидела бледная, напряженная, не произнося ни слова, будто окаменела. Она поняла, что попала в западню, из которой нет никакого выхода. И западню эту ей устроил Жомарт Жорабекович...

В начале лета они поженились.

7

За пять месяцев после возвращения из Фрунзе Асем не могла припомнить ни одного дня, когда бы она оставалась одна. Поэтому у нее не было времени разобраться в своем отношении к Жомарту Жорабековичу. Он лишил ее всякой возможности анализировать тот или иной свой поступок, хотя иногда в ее сознании мелькало: «Что со мной? Что я делаю? Как вырваться из этой западни?»

Каждый день Жомарт Жорабекович уводил ее куда-нибудь, то в театр, то в кино, и у нее не было сил воспротивиться ему. Часто возвращалась она среди полуночи, уставшая валилась на постель, но заснуть не могла. В ушах стоял вкрадчивый обволакивающий голос Жомарта Жорабековича. И утром она просыпалась от его голоса.

В то же время встреча с ним, его отношение к ней поражало ее своей новизной. Мир, который он открывал ей, казался привлекательным, и как будто она давно мечтала о такой жизни. Действительно, ее сверстники не разгуливали, как она, по театрам и ресторанам. Асем по своей мо-

лодости не могла понять, что это мнимое преимущество перед своими подругами и слишком ничтожная плата за любовь, которая рано или поздно могла к ней прийти...

Жомарт Жорабекович каждый день торопил ее со свадьбой, и как-то она сказала об этом матери. Та давно уже почувствовала, что с дочерью творится что-то неладное, но не ожидала такого поворота дел. Так вот сразу вдруг приходится решать ее судьбу.

Молчание матери расстроило Асем и обидело.

— Кто этот человек? — наконец спросила мать.

— Можно подумать, что не знаешь.

— Ты загадки оставь, — строго оборвала ее мать.

— В институте у нас работает.

— В институте у вас много всяких. Думаешь, я их всех знаю?

— Ну что ты сегодня все крутишь да вертишь?! — вскипела Асем.

Сердце у матери дрогнуло. Можно было понять ее тревогу. Единственная дочь, которую поили, кормили, холили, вдруг вон как заговорила с родителями. И зачем она торопится? Может быть, обстоятельства принуждают или очередной каприз? Разве легко обзаводиться семьей в таком возрасте? Что вообще творится с этой девчонкой?

— Молчишь? Ну и молчи! — возбужденно сказала Асем, вся красная от досады. — Одна, что ли, замуж выхожу в таком возрасте? И я тебя уверяю, все будет хорошо, всего у меня будет в достатке. Чем выходить за какого-нибудь вертопраха да всю жизнь трястись над копеечкой, не лучше ли кататься в собственной машине? И не вздыхай, пожалуйста. Нет у меня другого выхода, да и не хочу ничего другого.

Мать заплакала, но вскоре успокоилась и сама же стала оправдывать дочь: «Что ей остается делать? Отец всегда занят своими делами. Я вся в заботах да хлопотах. Молода еще, а уже вон как рассуждает о жизни. И твердо стоит на своем. Может быть, она и права?»

— Я тебя в известность поставила, — сказала Асем. — Отцу расскажешь сама.

Мать поняла, что молчанием ничего от дочери не добьешься, ничего толком не узнаешь, и она решила порасспросить ее.

— Ты говоришь, свадьбу справлять. А с нами-то не надо разве познакомиться?

— Все это условности, мама.

— Как зовут-то жениха? Жомарт...

— Жомарт Жорабекович Жорабеков, я ведь тебе уже говорила.

— Видала я его. Все улыбается да улыбается, будто легкомысленный какой-то.

— Да нет, мама, он не легкомысленный. Доцент на кафедре, наукой занимается.

— Родственники у него есть? Не выпивает? — допытывалась мать.

— Пока что никто его на улице пьяным не видал, — резко сказала Асем.

— Ну что ты обижаешься, доченька? Где эта напасть, там мира в семье нет. А матери все хочется знать.

Асем вдруг вскочила и, как бывало в детстве, бросилась на шею к матери:

— Мамочка, Жомарт золотой человек! Как бы тебе сказать? Он всегда готов помочь, он все чувствует и очень добрый человек. Вежливый, предупредительный.

Асем и сама не понимала, почему расхваливает матери человека, который так жестоко обошелся с ней. Может быть, она пыталась внушить себе и матери, во всяком случае, что он не подлец, а просто ангел.

— В общем, святой он у тебя, — не удержалась от иронии мать.

— Да! — упрямо сказала Асем. — Я так привыкла к нему, что без него начинаю скучать. Кто бы мог подумать, что так получится? Иногда он ведет себя как ребенок, иногда как мудрец. Ну как можно обидеть старика или ребенка? В общем, я подумала, мама, и решила, что мне с Жомартом будет хорошо. И дом у него есть, и работа хорошая.

Чем больше Асем говорила, тем больше верила в свои слова, даже оправдывала поведение Жомарта Жорабековича. В конце концов, он тоже человек с присущими слабостями.

— А любишь ли ты его, доченька? — как-то робко спросила мать.

— Конечно, раз хочу выйти замуж, — не задумываясь ответила Асем.

Мать тяжело вздохнула. Ей показалось нелепым, что вчерашняя девчонка с косичками, ее дочь, расхваливает постороннего, чужого мужчину. «Хорошо, если она полюбила его сердцем, а не глазами, — подумала мать. — А вдруг разочаруется через два дня, что тогда? Позор!»

Она понимала, что Асем не переубедишь. Уж коли она что задумала, ее не остановишь. Возьмет да и уйдет из дома со своим женихом и родителей не спросит.

— Почему ты молчишь, мама?

— Уж не знаю, что и сказать. Одна ты у нас, доченька, как же нам не думать о твоём будущем да не переживать за тебя?

— Оттого, что ты вздыхаешь, мама, ничего уже не изменится.

— Люди уже давно говорили мне, что ты с этим Жомартом встречаешься. Пробовала даже узнать у них, что это за человек...

— И что же говорят твои люди? — усмехнулась Асем.

— Да разное говорят.

— Ну и пусть говорят, что хотят, — решительно сказала Асем. — Вот с отцом как быть? Приятного от него не жди.

— Лишь бы тебе хорошо было, доченька. Только вот удивляюсь, как рано ты повзрослела. Вчера еще была девочка, крохотное дитя...

— Что отцу скажем? — оборвала ее Асем.

— А что отец? Конечно, встанет на дыбы. Тебе ли его не знать?

На этом разговор у них закончился. «Может быть, она и права во всем, — подумала Асем, — но мне-то что делать? Нет уж, дороги назад нет».

Она достала новое платье, которое Жомарт Жорабекович привез ей из Москвы, помогла матери накрыть стол. Та, видя, как Асем порхает по комнате, подумала: «Судя по тому, как она радуется, может быть, и все ладно будет. О господи! Пусть ей повезет в жизни. Пусть она будет счастлива!»

Когда у них все уже было на столе, появился уставший отец. «Ну задаст он мне сейчас», — подумала Асем, но страха у нее не было, так как приняла твердое решение.

Асем не раз думала, что если бы у нее хватило смелости рассказать родителям о случившемся с ней в гостинице, кто знает, как бы дело повернулось. Но ее откровенность сокрушила бы и отца и мать, они бы просто слегли. «Пусть уж я одна буду страдать, — думала она. — А может быть, все будет хорошо. Все-таки Жомарт Жорабекович не такой уж и плохой».

— Старуха, чай готов? — бодро спросил отец.

— А мы уж все приготовили, — весело откликнулась Асем. — Тебя только ждем.

— Конец месяца, работы много, — вздохнул отец. — А ты чего это, байбише, сегодня такая хмурая? Что приключилось?

— Ты бы еще и заночевал на этой работе. А пылищи-то

сколько в дом принес. И зачем только вам комбинезоны выдают?

— Правду говорят, кто промолчит, большой беды избежит. Дай-ка мне, старуха, полотенце, я умоюсь.

Асем подала ему полотенце.

— Не скажи тебе, ты бы так и сел за стол,— проворчала мать, не зная, с какой стороны и подступиться с новостью.

За столом отец удивился:

— Это в честь чего такой дастархан?

— Да разве я не выставляю всегда все лучшее? — с досадой сказала мать.

— И в кого ты такая суровая? — улыбнулся отец.

Асем глядела на них и думала: «Интересно, какие они были в молодости?»

Когда напились чаю, отужинали, мать начала разговор:

— Ну что, напился, наелся? Теперь разговор есть. Посоветоваться надо.

— О чем советоваться? Ты же все решаешь сама,— усмехнулся отец.— Ну-ну, давай.

— Так вот, дочка твоя благословения просит.

— Что?!

— Будто не слышишь.

Хозяин дома, только что бывший в хорошем расположении духа, вскипел:

— Что ты мелешь?! Пусть сначала учебу закончит! А свадьба не убежит!

— Но ведь... — пыталась что-то возразить мать, но он оборвал ее:

— Молчи! А я-то думаю, что она будто на угольях сидит. Чтобы об этом и речи не было! Все, я кончил!

Асем ничего другого и не ожидала от отца. Она вдруг подумала о Жомарте Жорабековиче: «Сидит, поди, дома, нервничает. Вот бы нагрязнул сейчас сюда».

Вообразив такую картину, она улыбнулась. К счастью, отец не заметил ее улыбки.

Через некоторое время мать веско сказала:

— Сколько ни бушуй, а дочь уж сговорилась. Нашла себе человека, так пусть живет. Что ее удерживать? Рано или поздно все равно выйдет замуж. Я, например, не против.

— Это что же такое, товарищи? — сказал отец.— Я уж думал, что мы кончили об этом, а вы снова начинаете.— Он стал закуривать.

— Не выходил бы ты из себя зря-то,— сказала мать.— А послушал.

— Что тут слушать? Что я нового услышу? — перебил

отец.— Интересно, что с ней случилось такое, что так невтерпеж стало? Сама тридцать лет провозилась с кастрюлями и дочери того желаешь. Кто поручится, что она на другой день после свадьбы не бросит институт?

— Да мало ли таких, которые и замужем и учатся? — возразила мать.— Жених-то у нее в том же институте преподает. Радовался бы лучше, что дочь так скоро определилась в жизни.

Отец потушил сигарету и сказал, повернувшись к дочери:

— Если ты действительно просишь у меня совета, то оставь свою затею. До сих пор я не отказывал тебе ни в чем, а на этот раз твоя просьба мне не по душе. Надо о своем будущем всерьез думать. Ты еще ребенок, Асем. Куда тебе торопиться и чего тебе не хватает у нас? Кто тебя толкает на это, какой подлец?

— Да послушай...— начала было мать, но он резко оборвал ее:

— Пусть он хоть золотой будет, не надо мне его. Всему свое время. Ишь сватьей заделалась.

Асем молча вышла из комнаты. Слова отца были неприятны ей, хотя и ни в чем не убедили. Кто знает, если бы ему было известно все, какой бы он дал совет. Может быть, сам бы и одобрил ее поступок. Мать осталась сидеть на месте, утирая концом платка заплаканные глаза.

8

На следующий день, когда Жомарт Жорабекович забежал в лабораторию, Асем была грустной. Не зная, что сказать, он застыл перед ней ошеломленный. Ему казалось, раз счастлив он, то все вокруг должны ликовать. Настроение Асем моментально передалось ему, и он с убитым видом сказал:

— Что с тобой нынче, милая? Не пугай меня.

— Да так, ничего особенного,— односложно ответила Асем.

Жомарт Жорабекович перепугался. Может быть, все пропало, надежды его потерпели крушение? А ведь уже и свадьба должна скоро быть, и друзья оповещены.

— Что случилось, скажи. Ты меня убиваешь, золотце.

— Может быть, просто не выпалась,— равнодушно сказала Асем.— Вчера легла поздно.

«Что-то за этим кроется,— подозрительно подумал Жомарт Жорабекович.— Что-то тут неспроста. Надо принять меры».

— А я всю ночь просидел у телефона,— сказал он.— Думал, ты позвонишь.

— Простите, не смогла.

Это равнодушное «простите» больно задело его. Может быть, ей запретили выходить замуж родители?

— Асемжан, не могу понять, за что ты у меня просишь прощения? — спросил он дрожащим голосом, открывая и закрывая свой желтый портфель. Асем стало жалко Жомарта Жорабековича, вид у него был совсем убитый, вот-вот упадет в обморок.

— Если вы с утра до вечера будете следить за моим настроением, то рано состаритесь,— усмехнулась она.— Мужчине не пристало суетиться по мелочам.

— Пусть я состарюсь, но только у тебя на руках,— просил Жомарт Жорабекович.— Только о таком счастье я и мечтаю.

— Перестаньте,— поморщилась Асем.— Ну почему вы никогда не говорите просто? Где и слова-то такие находите?

— В своем сердце, дорогая Асем! — воскликнул Жомарт Жорабекович.— И то, что ты сегодня грустна, для меня удар ножом в сердце.

— Вот опять. Вам надо научиться говорить просто,— сказала Асем.— И потом, почему я должна вечно улыбаться, как кукла? А может быть, вы и считаете меня куклой?

— С каждым днем я все больше боюсь потерять тебя,— тихо сказал Жомарт Жорабекович.

— Значит, не верите мне?

— Верю.

— Тогда в чем же дело?

Жомарт Жорабекович смешался, потому что сказал неправду. Он боялся верить своей удаче, что Асем наконец-то станет его женой.

— Может быть, сходим сегодня в театр? — с надеждой спросил он.

— Можно и в театр, — согласилась Асем.

У Жомарта Жорабековича перехватило дыхание от радости, которая тут же проявилась у него на лице.

— Милая ты моя, разумница! — вскричал он.

Асем была приятна его искренняя радость. Она не сомневалась в его любви, хотя никак не могла увязать такую любовь с его поведением в гостинице. Кроме того, несмотря ни на что, ей хотелось верить в свое счастье...

Из театра Асем вернулась сияющая и сразу же бросилась на шею матери:

— Мапочка, ты просто не представляешь, какой Жомарт прекрасный человек!

— Тише, тише, а то услышит отец, опять распалится. Только что опять ругал меня, едва успокоился.

— Пусть говорит, что хочет.

— Тебе легко, доченька, — вздохнула мать. — А мне хоть помирай между двух огней.

— Что же мне делать, мама? Жомарт опять просил, умолял меня поскорее устроить свадьбу. Мне просто стало жалко его. Что же делать!

— Ну хорошо, приводи его вечером к нам. Познакомимся, обсудим все. Что нам еще остается?

9

На свадьбе отец сидел невеселый. Днем, когда они вышли из загса, он холодно поцеловал Асем в лоб, а Жомарту Жорабековичу еле поклонился, даже не взглянув на него.

Свадьба была шумная, какой и положено быть свадьбе. Было много родственников и друзей, но отец молчал понуро, будто случайно попал в малознакомую компанию и не знает, что делать. К тому же он никогда не носил галстуков и теперь чувствовал из-за этого большое неудобство, несколько раз порывался сорвать его и сунуть в карман.

Асем все это видела и огорчалась, что так они с отцом и не нашли общего языка. А тот сокрушался: «Правильно ли я веду себя? Свадьба единственной дочери, а я не радуюсь. Ну а вдруг это ошибка? Какая из нее хозяйка? Возьмет да и прибежит через два дня домой, вся жизнь будет искорежена».

Пока он сидел так и размышлял невесело, к нему подскочил бойкий тамада и предоставил слово. Отец медленно поднялся, — Асем видела, как трудно ему говорить, — обвел всех гостей взглядом и сказал негромко:

— Ну что я могу пожелать? За счастье обоих!

Гости подхватили тост, послышались крики:

— Слово отца дороже золота!

— Пара что надо!

А кто-то выкрикнул:

— Да здравствует Жомарт Жорабекович!

Отца Асем все это покорило. «Любят покричать, — с неприязнью подумал он. — Единственная дочь и та не послушалась отца. Не надо было давать согласия. Теперь вот сижу надувшись, как ребенок, у которого отобрали любимую игрушку. Избаловали мы ее, ни в чем никогда не отказывали. Вот и мнит о себе, что уже взрослая. Да, ребенку нужна крепкая узда. Кроме того, Асем и понятия не

имеет, как вести хозяйство, ничему мы ее не научили, да и школа тоже».

Мать Асем потеряла покой, она суетилась между столом и кухней и ни разу не осмелилась поднять глаза на мужа, сидевшего мрачнее тучи. «Что ж теперь делать? — думала она. — Пускай свадьба пройдет, а там уж что бог даст...»

В первый же день после свадьбы, когда суматоха улеглась и гости разошлись, Асем переехала жить к своему мужу. Она устала, и ей хотелось спать. Но только она улеглась на кровать, откуда-то появился Жомарт Жорабекович и, тяжело дыша, склонился над ней. Асем испуганно отпрянула.

— Что вам здесь надо? — резко спросила она.

— И в раю нет девушки лучше тебя, — в своей обычной манере начал Жомарт Жорабекович.

— Уйдите, пожалуйста.

Удивленный Жомарт Жорабекович пробормотал что-то невразумительное, потом сказал обидчиво:

— Но что же мне делать, по-твоему?

— Ради бога, уйди.

— Но ведь ты теперь моя жена? — опешил он.

— Вот поэтому сегодня вы и ляжете отдельно.

— Но что это значит? — взъерошился Жомарт Жорабекович. — Я только и делаю, что хожу перед тобой на задних лапках, а ты... Что я тебе сделал такое, что отталкиваешь меня?

— Прощу вас, замолчите, — чуть не со слезами сказала Асем.

— К чему такое унижение, Асем?

— Дайте хоть передохнуть немного, — взмолилась Асем. — Устала я. Дайте мне привыкнуть.

Но Жомарт Жорабекович ухватился за край атласного одеяла и жалобно забормотал:

— Мне больно, что именно эту ночь ты отнимаешь у меня.

— Я отниму у вас все ночи, если вы так будете настаивать, — холодно заявила Асем. — Мы можем все испортить, навсегда.

Жомарт Жорабекович мучительно раздумывал, отступить или не отступить. И так плохо, и так не хорошо. «Что же получается, — возмущался он мысленно. — Отворачивается от меня, не успев выйти замуж. А ведь уйдет она от меня, уйдет». И он решил все стерпеть.

Много ласковых слов высказал Жомарт Жорабекович в ту ночь Асем, но она оставалась равнодушной к нему.

Несколько раз она порывалась встать с постели и бежать куда глаза глядят от этого кошмара. Но что она скажет дома. Разве ее не предупреждал отец? «Бедная моя головушка, запуталась совсем. Что же мне теперь делать?» — подумала Асем. До самого рассвета она не сомкнула глаз. Жомарт Жорабекович тоже не спал, диван проскрипел всю ночь, ее мучили, кроме того, вздохи, доносившиеся с дивана, угнетали и пугали.

На какое-то время диван перестал скрипеть, раздался звон посуды на кухне, засвистел закипающий чайник.

Вдруг она услышала, как Жомарт Жорабекович что-то напевает. «Господи, что за человек? — подумала она с отвращением. — Всю ночь объяснялся в любви, а теперь как ни в чем не бывало моет тарелки».

Асем откинула одеяло, встала с постели и тяжело побрела в ванную. Жомарт Жорабекович выглянул из кухни и сказал добродушно:

— На тебе лица нет, Асемжан. Уж не заболела ли? Столько хлопот с этой свадьбой. Легко ли? Но ничего, скоро мы отдохнем. Уедем к Черному морю. Какой там воздух!

— Не говорите пока ничего, — сердито сказала Асем. — Всю ночь я из-за вас не спала.

— Не надо сердиться, дорогая. Что толку сердиться? — убедительным тоном заметил Жомарт Жорабекович.

Асем, у которой иссякло всякое терпение, захлопнула дверь ванной. Она дрожала от гнева: «Как клещ прицепился! Всем угождает, юлит, улыбается. Ничем такого не проймешь, хоть кол на голове теши».

Жомарт Жорабекович опять расстроился. Поведение Асем озадачило его. Он никак не мог понять, в чем его вина. Подбежал к двери ванной:

— Асемжан, ну что ты среди бела дня заперлась? Если я виноват, скажи. Не терзай меня, все сделаю, как прикажешь, только не молчи. Ну выйди, милая, поговорим, прошу тебя.

Асем показалось, что тот сейчас заплачет. «Уж лучше бы накричал по-мужски, — подумала она. — Неужели так всю жизнь и будет угодничать передо мной?»

— Асем, ну что же ты? — донесся замогильный голос ее мужа.

«Дура я, дура, — подумала с горечью Асем. — Радуйся теперь, что с Жомартом Жорабековичем под ручку всю жизнь проходишь. Что еще надо такой вертлявой кукле, как ты?»

Молчание Асем будто горло сжавило Жомарту Жорабе-

ковичу. «Уйдет она, уйдет от меня,— в страхе думал он.— Какой позор».

— Дорогая, зачем было тогда хлопотать? Свадьбу устраивать? Открой же наконец, поговорим. Если виноват, скажи. Я ведь не злопамятен, я с тобой по-хорошему, а ты? Несчастливая моя голова, в чем же я виноват перед тобой! Хоть намекни.

Асем до того надоело унижение мужа, что она неожиданно рассмеялась. Но это был невеселый смех, на глазах появились слезы.

— Не мешайте мне умыться,— сказала она.

Услышав голос ее, смех, Жомарт Жорабекович с облегчением вздохнул, воспрял духом.

«Но как понять ее смех? — через минуту подумал он.— Просто молодая она, с капризами. Все женщины таковы, настроение у них меняется каждый час. Стоит ли обращать внимание на эти капризы? Если она так будет продолжать, я с ума сойду, меня ненадолго хватит».

Но тут в голову ему закрались подозрительные мысли. А все-таки почему она заперлась? Не дай бог, что-нибудь сделает над собой.

Тяжело вздохнув, он побрел на кухню.

Асем, вспоминая ночь, плакала в ванной. Думала ли она, что испугается Жомарта Жорабековича, когда они останутся одни в доме? Всегда заботливый, внимательный, участливый, с мягким, вкрадчивым голосом вдруг становится животным. Ей показалось, что он готов проглотить ее живьем. Значит, он просто скрывал от нее свои низменные чувства, прикидывался таким добродушным человеком, без памяти влюбленным. Чего стоят его лакированные, пустые фразы, которыми он обволакивал ее в течение десяти месяцев, как паук муху своей паутиной?

Асем глянула на себя в зеркало — лицо бледное, опухшее от слез. «Бедные мои отец и мать, если бы они видели меня сейчас,— подумала она.— Неужели они чувствовали, в какой переплет я попаду? Как они меня отговаривали, а я не послушалась, сама выбрала свою судьбу».

Асем не решалась выйти из ванной. Ей казалось, едва она это сделает, как появится Жомарт Жорабекович и начнет что-нибудь говорить. А ей меньше всего хотелось сейчас слышать его вкрадчивый, липучий голос. Любое его слово больно ранило бы ее сейчас.

Наконец она пулей вылетела из ванной. Жомарт Жорабекович нерешительно замер в дверях кухни. Он не знал, как себя вести в такой ситуации, что делать. Ночная история протрезвила его. Он подумал, что хоть и была у них

свадьба, Асем отнюдь не стала его женой, что лучше всего ему не торопиться, не ускорять ход событий. Впереди еще много времени, надо подождать, набраться терпения. А ждать он умел, и терпения у него было достаточно. Он надеялся, что рано или поздно она привыкнет и покорится ему.

Через две недели они выехали на берег Черного моря.

10

В небольшой городок у моря они прибыли в обеденное время. Было жарко. Жомарт Жорабекович сиял, то и дело говорил Асем:

— Ну, теперь мы отдохнем. Погуляем на славу.

Проявив немалую энергию и изворотливость, он получил комнату с балконом.

— Хорошо, что мы так скоро устроились, — сказала Асем, распахивая дверь на балкон. — А то в вестибюле так душно.

Жомарт Жорабекович, увидев, как приободрилась Асем, очень обрадовался, но сказал буднично:

— Дорога была тяжелая, и, конечно, ты устала.

— Всю ночь не спала, — отозвалась Асем.

— Ничего, теперь уж отдохнем. Песок здесь как одеяло. Можно прожить и два месяца, я все устрою.

Асем стояла на балконе и не отрывала глаза от моря.

— Вот уж действительно синее, — задумчиво сказала она. — Конца и краю нет.

— Что говорить! — воскликнул Жомарт Жорабекович. — Море есть море.

Он чувствовал себя хозяином всего этого синего, необъятного пространства, которое положил к ногам Асем, и гордился этим.

— Сколько народу! — сказала Асем. Все для нее здесь было в диковинку.

— Может, спустимся вниз, пообедаем? — спросил Жомарт Жорабекович. — Ты ведь со вчерашнего дня ничего толком не ела.

— Какая может быть еда в такую жару?

— Отдохнуть хочешь? — заботливо спросил Жомарт Жорабекович. — Отдохни.

Асем согласилась, что в этом она сейчас нуждается больше всего, и стала раздеваться. Жомарт Жорабекович, не отрывавший от нее глаз, вздохнул:

— Асем!

— Что?

— Может, и мне прилечь?

— Вам, пожалуй, не стоит,— усмехнулась Асем. Жомарт Жорабекович помрачнел, но не стал настаивать.

Асем, едва коснулась головой подушки, тут же уснула. Он распаковал чемоданы и стал развешивать в шкафу одежду. Сначала повесил платья Асем. Каждое с любовью и восхищением подолгу разглядывал, и в голову ему приходила мысль, что, если он разоденет Асем в шелка, в наряды, она позабудет обо всем на свете.

Развесив одежду, он пошел в ванную, помылся, переоделся, надушился духами. Вернувшись в комнату и глянув на спящую жену, он застыл в восхищении. Асем, видимо спасаясь от жары, скинула одеяло и лежала в одной полупрозрачной рубашке, будто окутанная белым облаком, лежала раскинув руки, будто звала в свои объятия.

«О Жомарт Жорабекович! — с гордостью сказал сам себе он. — О чем ты еще можешь мечтать? В свои сорок лет иметь такую юную богиню! Перед кем же еще ползать мне на коленях, как не перед ней? И она твоя, Жомарт Жорабекович! Да уж не сон ли все это?»

Тут Асем открыла глаза и, увидев склонившегося над ней мужа, испуганно вскрикнула:

— Ой!

Он отпрянул в сторону.

— Что с тобой, дорогая? Дурной сон приснился?

— Да,— тихо сказала Асем, натягивая одеяло.— Нечего паяться на спящего человека...

Они вышли погулять. Жара уже спадала, на пляже стояла тишина, все вокруг дремало.

— Послеобеденный сон,— сказал Жомарт Жорабекович.— Нам повезло, народу мало.

— Какой красивый берег! — изумилась Асем.

— А вода! — воскликнул Жомарт Жорабекович.— Как слеза.

— Не надо сравнивать со слезой,— сухо сказала Асем.— А какой пляж, какой простор!

Они выбрались на тропинку и долго шли по ней вдоль моря. Волны, набегавшие на берег, уже не казались Асем грозными, как вначале, с тихим шорохом они накатывались на песчаный пляж, который сверкал на солнце. Все это было для нее ново и чудесно.

Ей вдруг захотелось подбежать к воде и броситься в море, перевернуться на спину и плыть и плыть, пока берег не скроется из глаз вместе с Жомартом Жорабековичем.

— Устали мы со свадьбой,— сказал тот. Он видел, как

восхищена Асем окружающим, и частично приписывал себе заслугу в этом.— Теперь уж мы отведем душу.

Его слова почему-то напомнили Асем о первой ночи после их свадьбы, и на душе у нее появился тяжелый осадок. Она вспомнила склонившегося над ней Жомарта Жорабековича, его тяжелое дыхание, а потом униженные мольбы, просьбы, когда она заперлась в ванной.

— Что может быть лучше отдыха на берегу моря,— между тем с упоением продолжал Жомарт Жорабекович.— Не каждому, между прочим, доступна такая поездка.

Чтобы избавиться от его речей, Асем совсем близко подошла к морю и долго стояла, не отрывая глаз от набегавших волн. «Эти волны похожи на меня,— подумала она.— Такие же бездумные и безвольные, накатываются и покорно откатываются». Ей стало тоскливо от такого сравнения.

— А ветерок какой! — сказал Жомарт Жорабекович.— Все в груди так и поет.

«А у меня не поет,— подумала Асем.— Неужели всегда вот так и будет? Удаться впору с тоски».

Жомарт Жорабекович не замечал ее подавленного состояния.

— Благодать-то какая! — воскликнул он, расстегивая ворот рубашки.— Просто петь хочется.

— Мы уже далеко зашли,— сказала Асем.— Надо возвращаться.

Они вернулись и сели на скамейку перед гостиницей. Берег, который только что был безмолвен, теперь гудел как пчелиный рой. Золотистый пляж исчез под людскими телами. А люди все шли. Некоторые с ходу бросались в море, другие разгуливали по пляжу, пробовали воду.

Глядя на все это оживление, Асем опять пришла в хорошее настроение. Чего-то ей хотелось, но чего, она и сама не знала. Она вспомнила вдруг своих соседей, молодых супругов, всю зиму мечтали о море, но поездка у них почему-то так и не состоялась.

— Может, искупаемся? — спросила она.

— Что может быть лучше! — воскликнул Жомарт Жорабекович и вскочил с места. «Рано или поздно все обрывается», — подумал он...

Как-то утром они решили взобраться на ближайшую гору. Асем поднималась легко и быстро. Жомарт Жорабекович попробовал не отставать от нее, но вскоре почувствовал, что задыхается. Асем ушла далеко вперед, и он хотел сначала окликнуть ее, но потом раздумал: «А вдруг обидится? Куда мне спешить?» Тем не менее он рвался вперед из последних сил. К ногам будто гири привязаны.

Стыдясь своего живота, он перед выходом из гостиницы накинул пиджак, теперь стало жарко, весь взмок, рубашка прилипла к спине.

«Как это понять? — думал он. — Или она устроила мне испытание, или это ее очередной каприз? Очередное мое унижение. Какое у нее каменное сердце».

Он снова двинулся вперед, решив идти до конца, пусть даже упадет в обморок или умрет.

Асем добралась до какого-то выступа и уселась на нем. С моря веял прохладный ветерок. Приземистые, корявые деревья, облепившие склон, будто дремали. Здесь было тихо, шума моря не было слышно. «Зачем я сюда залезла? — подумала Асем. — Разве скроешься от него, на любой горе он найдет меня».

Подошел Жомарт Жорабекович и тяжело плюхнулся на камень рядом с ней. Лицо у него было красное, потное, он тяжело дышал, но Асем не испытала к нему жалости.

— Допрыгались, — сказала она и рассмеялась. — Вам не стоит лезть по крутым горам.

— Не стоит, — мрачно согласился Жомарт Жорабекович. — Уж лучше любоваться тобой, как ты скачешь по камням, словно коза.

— А что в этом интересного?

— Мне все интересно, что связано с тобой, Асем.

— Мед так и сочится из вас, из каждого слова, — сказала едко Асем. — А вы уверены, что мед мне по вкусу?

— Мне приятно угождать тебе, золотце.

— Но ведь нельзя же постоянно сгорать от любви? Как-то трудно в это поверить.

— Зачем нам ссориться, милая? Уж лучше пошутить да посмеяться. В этом смысл жизни. Когда состаришься, ничего этого не будет.

«Я-то состарюсь еще не скоро», — почему-то подумала она, но сказать ему об этом не решилась.

Жомарту Жорабековичу хотелось обнять Асем, сказать ей что-нибудь ласковое, но он не посмел. И снова его стали одолевать сомнения: «Неужели я ошибся? Ведь казалась такой тихоней, такой послушной, а теперь вон какая стала. Все время недовольна чем-то, хмурится. Что крестится за этим постоянным недовольством? О чем она думает? О господи, как бы не осрамиться перед людьми!» Сколько у него завистников на работе. Только и ждут случая, чтобы посмеяться над ним. Чем такое, уж лучше уйти куда глаза глядят.

Асем сидела, обняв колени, и неотрывно смотрела на море. Он боялся прервать ее задумчивость и тоже молчал,

часто поглядывал на нее, пытаясь проникнуть в ее мысли. Если оборвется и без того слабая ниточка, связывающая их, все пропало, пропала его жизнь.

И он молчал, хотя и молчать было страшно. Вдруг Асем истолкует его молчание неправильно, обидится.

— Асем, ты легко одета, не замерзла? — наконец подал он голос.

— В такую-то жару? — холодно возразила Асем, не глядя на него.

— Как раз в жару и простужаются. Простудишься и не заметишь как. Надо быть осторожной.

— То-то вы и захватили свой пиджак, — усмехнулась она.

— Так, может, накинешь его?

Асем ничего не ответила. Она презирала его осторожность, предусмотрительность, угодливость, его так называемый жизненный опыт.

— Вернемся, — сказала Асем и встала. Жомарт Жорабекович со страхом подумал, что вдруг она и вниз, с горы, побежит, как бежала на гору, и он опять останется один. И Асем действительно побежала по узкой петляющей тропинке. Проклиная все на свете, Жомарт Жорабекович пытался не отставать, но подошвы его новых туфель очень скользили, и он несколько раз упал.

— Этого ада я не забуду никогда, — пробормотал он, тяжело поднимаясь. А Асем все бежала и бежала. Она видела, что Жомарт Жорабекович упал, но ей не было жалко его.

Сбежав с горы, Асем не решилась одна идти в гостиницу, присела на скамейку подождать мужа. Она устала, в горле пересохло, хотелось пить, но настроение у нее было хорошее. Сегодня она решила уже никуда не ходить, искупаться, а потом поспать.

Тяжело дыша, подошел наконец Жомарт Жорабекович. Он был весь в пыли и поту, слегка прихрамывал. Асем рассмелась.

— Еще две-три таких прогулки, и от меня ничего не останется, — сказал он, задыхаясь.

— Вы же спортсмен, — беспечно сказала Асем. — Кроме того, похудеть вам тоже было бы неплохо.

— Может быть, — со вздохом согласился Жомарт Жорабекович.

Они направились в кафе, чтобы выпить воды или сока. Навстречу им вдруг попался высокий молодой человек с густыми каштановыми волосами. Лицо его показалось знакомым Асем. Она стала вспоминать и вспомнила, что встре-

тила его однажды на автобусной остановке, они чуть было не разговорились, но подоспевший Жомарт Жорабекович помешал им.

— Здравствуйте! — улыбнулся парень. — Я вас видел в Алма-Ате. Очень рад встретить земляков.

Молчавший всю дорогу Жомарт Жорабекович искренне обрадовался неожиданной встрече. Он надеялся, что теперь Асем хоть немного развеселится.

— А-а, здравствуй, браток, — сказал он. — Да, мы тоже из Алма-Аты. Бывают же встречи.

— Ну вот, значит, я не ошибся, — сказал парень. — Тогда давайте познакомимся. Меня зовут Кайрат.

— Что стоять на дороге, — сказал Жомарт Жорабекович. — Идемте зайдем в кафе.

— И правда, очень пить хочется, — поддержал Кайрат.

В небольшом кафе посетителей оказалось немного. Едва они уселись за столик, к ним подскочил усатый официант. Жомарт Жорабекович в честь знакомства заказал бутылку шампанского. К молодому человеку Жомарт Жорабекович отнесся по-приятельски, как к старому знакомому. Тот охотно во всем соглашался, внимательно слушал, а Жомарту Жорабековичу ничего больше и не надо было. Наконец-то он мог говорить, сколько хочется, никто его не перебивал и не критиковал.

— Вот так, браток, и очутились мы на Черном море. Устроились хорошо, с тобой познакомились.

— А я вас еще вчера видел, — сказал Кайрат лукаво. — Вы не представляете, как приятно смотреть на вас со стороны. Солидный, зрелый мужчина и рядом такое создание.

— Вот так мы и отдыхаем, — сказал Жомарт Жорабекович не без гордости.

— Асем, а вы почему невеселы? — спросил Кайрат. — Хотите, я вас развеселю?

— О, к ней подход трудно найти, — сказал Жомарт Жорабекович. — Надо быть осторожнее.

Кайрат улыбнулся.

— А я как раз таких женщин и люблю. Кому по душе легкая добыча? И вообще, если я хоть немного разбираюсь в людях, Асем идет такая неприступность. Если она к тому же капризна и самолюбива, это прекрасно. Так ведь, Жомарт Жорабекович? Вы согласны со мной?

— Э-э, браток, не буду с тобой спорить.

— Если мы вдвоем не сможем угодить нашей женгеи, какие мы после этого мужчины! — воскликнул Кайрат. — Повелевайте нами. Кстати, вон в том ущелье есть неболь-

шой ресторанчик, очень уютное гнездышко. Может, нам там пообедать?

— А почему ты один? — вдруг спросил Кайрата Жомарт Жорабекович. — Где твоя жена?

— По этой части мне не повезло, — сказал Кайрат, но скорее весело, чем грустно. — Это мое больное место. Все как-то не получается.

— Холостяк, значит?

— Пока что так.

— Ну не переживай, лучше поздно, чем никогда, — покровительственно сказал Жомарт Жорабекович. — Такой джигит, как ты, без девушки не останется. Наверное, разборчив сильно, сам виноват.

— Может быть, — согласился Кайрат, притворно вздохнув. — А у вас это, значит, свадебное путешествие? Знаете, где отдыхать, сразу видно, что вы человек опытный, все знаете, все понимаете. Ну почему вы, Асем, все время хмуритесь? Надо веселиться, у моря нельзя хмуриться. Время пролетит быстро, и не заметишь, как кончится этот праздник.

— Я ей со вчерашнего дня то же самое говорю, — сказал Жомарт Жорабекович.

Асем устала от них обоих. Хотелось встать и уйти. Все происходящее с ней казалось ей сном, вся ее жизнь после встречи с Жомартом Жорабековичем, свадьба, свадебное путешествие к морю. Да и море ей вдруг показалось каким-то ненастоящим, придуманным для нее Жомартом Жорабековичем. Она взглянула на Кайрата и подумала с неприязнью: «Еще и этот навязался. Можно подумать, что я ему чем-то обязана».

На обратном пути в гостиницу Кайрат стал упрашивать:

— Давайте вечером прогуляемся в город. А то одному такая скука.

Жомарту Жорабековичу и самому хотелось съездить в город, но он не знал, что думает об этом Асем. Кайрат заметил его нерешительность и обернулся к девушке:

— Ну, теперь все в ваших руках.

— В самом деле, почему бы не съездить? — вставил слово Жомарт Жорабекович.

— Как раз сегодня выступает цыганский ансамбль. Давайте кутнем как следует, где наша не пропадала!

«Не отстанут, — подумала Асем. — В любом случае вечером Жомарт потащит гулять. Ему лишь бы под ручку пройтись в парке. Уж лучше цыганский ансамбль».

— Пойдемте, раз уж вам невтерпеж, — сказала Асем.

— Вот и хорошо, — обрадовался Кайрат. Жомарт Жо-

рабекович с подозрением глянул на него: «Чего это он так радуется?»

Они направились в сторону моря. Кайрат спросил у Жомарта, чем тот занимается, и он с жаром стал рассказывать о своей работе, намекнул, что скоро закончит докторскую диссертацию, и неожиданно спросил:

— А ты где работаешь?

— Я, можно сказать, прозябаю, — сказал Кайрат. — Сейчас наука на переднем плане. Жалею, что остался в стороне от этого дела. Теперь уже поздно.

— Но все-таки где же? — спросил Жомарт Жорабекович.

— Стоматолог я. Для таких уважаемых людей, как вы, можем достать золотые коронки, если пожелаете.

— Ну вот, а то приbedняется, — вздохнул Жомарт Жорабекович.

— А вы, я слышал, участвуете в приемных экзаменах? — спросил Кайрат.

Жомарт Жорабекович усмехнулся.

— Ну и хитрецы. Все известно вашему брату. Ничего не скроешь, — сказал Жомарт Жорабекович и подумал: «С таким держи ухо востро». — Конечно, когда приходят способные ребята, мы помогаем, а есть и такие, которым лучше подальше держаться от института. А вообще-то, экзамены — дело сложное.

— Я очень рад, что познакомился с вами! — сказал Кайрат. Жомарт Жорабекович хмыкнул.

11

На другой день они встретились на пляже. Жомарт Жорабекович, как выяснилось неожиданно, плавать не умел и большую часть времени проводил на солнышке.

Кайрат оказался веселым и приятным спутником. Он дурачился в волнах, как ребенок. Асем смеялась от души.

Они отплыли от берега довольно далеко. Люди на пляже были едва заметны. Вдруг сильная рука подхватила Асем и понесла ее, она даже не сразу поняла, в чем дело. Кайрат поддерживал ее на воде.

— Что вы делаете? — изумилась она. Он обнял ее. — Перестаньте, неудобно мне.

Она оглянулась на берег.

— Не бойся, — рассмеялся Кайрат. — Твой муж дрыхнет, как сурок. Накрывил лицо полотенцем и храпит. Десятый сон видит.

— Как вы смеете? — возмутилась Асем.

— Вспотел, поди, бедняга, — продолжал Кайрат.

Асем попыталась вырваться, но вскоре поняла, что это невозможно. Да и хочет ли она сама вырываться?

— Пусти, — слабо сказала она, перестав сопротивляться.

Вместо ответа Кайрат стал целовать ее.

— Довольно уже, — беспомощно сказала Асем. — Средь бела дня. Сейчас оба утонем, пусти.

Кайрат оставил ее и заговорил:

— Хочешь с этим пустомелей жизнь свою загубить? И откуда ты выкопала такого болтуна? Я этого не допущу.

— А ты откуда такой бессовестный? — невольно улыбнулась Асем.

— Пусть я бессовестный, но я люблю тебя.

— Когда влюбиться-то успел?

— Не смейся, Асем. Помнишь, весной я встретил тебя на автобусной остановке? Адреса твоего не было. Сколько раз я потом ходил на эту остановку, часами поджидал тебя. И вдруг я встретил тебя с этим пнем, старой развалиной.

— Тебе не кажется, что ты оскорбляешь меня? — резко сказала Асем.

— Может быть, я говорю правду. Здорово околпачил тебя этот старый пустомеля. Я уверен, что он тебя обманул, что ты его не любишь, что он тебе не пара. Вот и все.

— Замолчи! — с досадой сказала Асем.

— Может быть, ты польстилась на его положение, доцент все-таки, скоро доктором станет? — усмехнулся Кайрат.

— Как ты смеешь так говорить?! — задыхнулась от возмущения Асем. Она хотела дать ему пощечину, но ничего из этого не вышло, Кайрат снова обнял ее и стал целовать. Асем отвечала на его ласки, удивляясь, что тоже целует его, вся во власти какого-то нового, неизведанного чувства.

В конце концов они выбрались на берег, молчаливые и уставшие. Жомарт Жорабекович стоял у самой воды, глядел на ребятишек, плескавшихся в волнах, и поглаживал свой живот.

— Полюбуйся на своего джигита, — с усмешкой прошептал Кайрат.

— Перестань дразнить меня.

— Хорошо. Извини меня, Асем. Просто я злой, как бес, когда подумаю, кому ты досталась. Так и хочется придумать или утопить его.

Она улыбнулась, вспомнив, как Кайрат обнимал ее, как сказал, что любит ее.

К ним подошел Жомарт Жорабекович и, зевнув во весь рот, сказал:

— Здесь просто рай. Не заметил, как и задремал. Ну как, моя дорогая, не устала?

— Голова что-то разболелась, — пожаловалась Асем и с упреком посмотрела на Кайрата.

— Ну я пойду, у меня дела, — улыбнулся тот. — До встречи.

Жомарт Жорабекович повалился на песок:

— Что же за блаженство лежать на горячем песке рядом с морем. Вода как слеза.

— Все еще не выспались? — усмехнулась Асем.

— Так ведь что может быть лучше такого удовольствия, — сказал Жомарт Жорабекович. — Лежишь как в раю. Одно блаженство.

— Так всю жизнь можно проспять, — пробормотала Асем и оглянулась по сторонам. На пляже было полно людей, а они все шли и шли. Она посмотрела в синюю даль и пожалела, что ушел Кайрат, даже обиделась, как он мог после всего этого оставить ее одну с мужем. В то же время ей вдруг стало жалко Жомарта Жорабековича, который опять задремал, она ему обязана, что он привез ее к морю, что послушно исполняет все ее прихоти. И все-таки та слабая ниточка, которая связывала их, вот-вот разорвется со всем. Хорошо это или плохо, Асем не знала, стоит ли на зло отвечать злом?

Жомарт Жорабекович поднял вдруг голову и сказал:

— Прости, я, кажется, опять задремал. Я слышал, что море убаюкивает. Теперь и сам в этом убедился.

— Это вы меня простите, — сказала Асем, имея в виду свои мысли и Кайрата. — Из-за меня у вас столько забот.

— Для меня заботы о тебе только радость.

— Знала бы я, что так будет, — на глазах у нее показались слезы.

— Душенька, да ты не огорчайся, — взмолился Жомарт Жорабекович. — Не надо спешить. Куда нам торопиться?

— Да кто спешит?! — вдруг зло выкрикнула Асем, удивляясь тупости этого человека. — И перестаньте говорить со мной намеками. Перестаньте наконец лебезить передо мной!

— Успокойся, душа моя, — умоляюще сказал Жомарт Жорабекович, пытаясь понять перемену в ее настроении. — Может быть, Кайрат тебя обидел?

Асем едва сдержала себя. Еще немного, и она бы рас-

сказала все о Кайрате и о том, как презирает его, своего мужа.

Но она до крови прикусила губу и промолчала. Потом вдруг вскочила и бросилась в прозрачные волны. Они схватили ее и понесли в море.

«Какой комар ее опять укусил, — в задумчивости про-
бормотал Жомарт Жорабекович. — Уж я ли ей не стараюсь
угодить?»

Асем отплыла далеко от берега и перевернулась на спину, тихонько шевеля руками. Она несколько не удивилась, когда рядом увидела улыбающегося Кайрата.

— Я знала, что мы опять встретимся, — серьезно сказала она, и они поплыли рядом. . .

12

Через месяц они вернулись домой, и Асем больше не видела Кайрата. Совершенно случайно она узнала, что Кайрат женат. Сначала Асем тяжело переживала эту новость, но потом все в ней успокоилось. Она даже была благодарна ему за ту мимолетную радость, которую он ей доставил, заставив прозреть хотя бы на миг.

Асем не знала, как будет жить дальше, но твердо была уверена в том, что жить по-старому не сможет. И однажды, к немалому удивлению своего мужа Жомарта Жорабековича, который удачно защитил докторскую диссертацию, она ушла от него к своим родителям. Через полгода они развелись. . .

ЖАЖДА

В ДОРОГЕ

I

Молодому агроному Турарбеку Куатбекову просто не верилось, что всего лишь несколько дней назад они с женой ходили по улицам Алма-Аты, а теперь бредут по пыльной раскаленной дороге в сторону центральной усадьбы совхоза «Каракай».

Они вылетели из Алма-Аты утром на самолете и через каких-то два часа были уже в Чимкенте, в тот же день выехали автобусом в Джетысай и приехали туда около полудня.

Все кругом будто кипело и плавилось от зноя, на текущий, горячий воздух больно было глазам смотреть. Кульжамиля не привыкла к такой жаре и очень страдала.

— Попить бы чего-нибудь холодного...

Турарбек молча кивнул головой, и они зашли в кафе рядом с автостанцией. Кульжамиля поискала тенистое место, уселась на стул, расслабилась и с облегчением вздохнула, найдя наконец утешительную прохладу.

— Нам надо поскорее добраться до аула, — через некоторое время проворчал Турарбек. — Нет смысла тут рассиживаться.

— И куда все торопишься! — с досадой сказала Кульжамиля. — Дай хоть немного передохнуть.

Настроение у нее было не из лучших. Сначала ей казалось здесь все новым и необычным, и в автобусе всю дорогу она смотрела в окно. Но потом унылый пейзаж надоел. Лишь в Джетысае она немного ожила и повеселела:

— А знаешь, вполне приличный городок. Я уж думала, что и здесь пустыня.

— Пустыня, — усмехнулся Турарбек и подумал: «Нет, милая, на пустыню ты еще наглядишься. Уж это я тебе могу обещать». Ему показалось, что жена с упреком посмотрела на него, как будто угадав его мысли, и ему стало неловко перед ней.

Они вышли на остановку и стали ждать попутной ма-

шины в совхоз «Каракай», но кругом как будто все вымерло, погрузилось в жуткий красный сон — на дороге безмолвно буйствовал зной. Эту необычную давящую тишину наконец ощутила и Кульжамия.

— Почему так тихо? Куда все подевались? — удивилась она.

— Все попрятались в домах, — объяснил Турарбек. — У нас, на юге, это обычное дело. И хорошо, что мы стоим под навесом, а то бы просто обуглились.

В это время на площадь въехал весь покрытый пылью газик, развернулся и остановился перед ними. Дверца открылась, и из машины высунулся высокий, очень смуглый человек.

— Куда едете? — спросил он.

— В «Каракай», — сказал Турарбек.

— На центральную?

— Да хотя бы до центральной, а дальше уж как-нибудь доберемся.

— А куда это интересно «дальше»?

— В аул Коктюбе.

— В Коктюбе, — оживился смуглолицый. — Что ж вы сразу не сказали?!

— А вы и не спросили, — усмехнулся Турарбек.

Смуглолицый повернулся к шоферу и приказал:

— Помоги им погрузить вещи в багажник.

Расторопный шофер в одну минуту управился с делом, люди сели в машину, и она стремительно рванулась, понеслась в степь.

Некоторое время ехали молча, потом смуглолицый неожиданно спросил:

— А ты не Куатбеков?

— Откуда вы знаете? — удивился Турарбек. — Да, я Куатбеков.

— Телепатия, — усмехнулся тот. — Мысли умею читать. Ну хорошо, давайте знакомиться. Я директор совхоза «Каракай» Саткен Каирбаев.

— Очень приятно, — пробормотал Турарбек. — Это моя жена Кульжамия.

— Ну вот, теперь все стало на свои места, — улыбнулся директор совхоза. — Прекрасно. Как вы понимаете, я не телепат, просто на днях был в управлении сельского хозяйства, и там мне сказали, что ко мне направляют молодого агронома, только что окончившего сельскохозяйственный институт. Сначала я расстроился. Молодой агроном, без опыта, без навыков, а ведь ему работать с людьми. Как говорят, без меня меня сосватали. Тогда начинают утешать,

что специалист из местных, даже из нашего аула. А я им в ответ: «Мало ли таких, что выставят свой диплом, как щит, а сами делать ничего не умеют и знать ничего не хотят?»

— Один такой рядом с вами в машине, — натянуто рассмеялся Турарбек, обидевшись на слова директора совхоза, и добавил сухо: — Если я вам не подхожу, можете отвезти обратно. Без работы не останусь.

— А ты не спеши обижаться. Я же не говорю, что именно ты плохой агроном. В деле я тебя не видел. Просто хочу сказать, что нам нужен такой агроном, который бы не только знал, но и любил землю.

— Для этого вы сразу и обрушились на меня?! — взорвался Турарбек. — Да вы на меня просто ушат ледяной воды вылили. Хотя в такую жару это, наверное, верх гостеприимства. . .

Кульжамиля с неодобрением наблюдала за их перепалкой и думала с обидой: «Обо мне просто забыли. Я как будто для них не существую».

— Ну ты даешь, парень! — весело сказал директор совхоза. — Язык у тебя как ботало коровье. Дай бог, чтобы и голова оказалась светлой.

— А вы, наверное, уже не одного молодого специалиста выгнали, — улыбнулся Турарбек. — Чувствуется, что опыт в таких делах у вас есть.

— Ты, джигит, меня самого штурмовать решил, — рассмеялся директор совхоза. — Вот это мне нравится. Ну, давай, давай, сразу видно, что из местных будешь. А жена твоя откуда родом?

— Родом она из Баянаула. Если вы еще не забыли географию, — живо ответил Турарбек.

— До чего вредный парень, — хмыкнул директор совхоза и серьезно уже спросил: — А здесь она впервые?

— Впервые, товарищ директор.

— Мне раньше Джетысай и во сне не снился, — сказала Кульжамиля, и в голосе ее прозвучала скрытая горечь. — Очень интересное место.

После ее слов все надолго замолчали, и только на центральной директор обратился к Турарбеку:

— Завтра перед обедом зайти ко мне. А сейчас вас отвезут в Коктобе. . .

При таких обстоятельствах и познакомился Турарбек Куатбеков с директором совхоза «Каракай» Саткеном Каирбаевым. На другой день, помня просьбу директора прийти до обеда, он поднялся рано. Кульжамиля, к его удивлению, стала собираться с ним, хотя вчера вечером жаловалась, что жара ее измучила до предела.

— Это ведь не близко, — сказал Турарбек. — А жара вряд ли спадет.

— Ничего. А то я вчера так и не успела осмотреть вашу центральную усадьбу. Раз уж нам здесь жить...

По дороге их догнала Зибаш, соседка, совсем еще почти девчонка. Она тоже, оказывается, шла по делам на центральную усадьбу. Кроме того, ей было интересно поближе познакомиться с Кульжамилей. Как-никак из Алма-Аты.

Уже около часу они брели по раскаленной дороге. Время близилось к полудню, и беспощадное солнце стояло высоко.

— Я сейчас совсем растаю, как воск, — пожаловалась Кульжамиля и шагнула на обочину дороги, утонув по щиколотку в мягкой серой пыли.

Зибаш заметила с сочувствием:

— В этих местах лето всегда безжалостное. Так и кажется, что небо опрокинулось на землю вместе с солнцем.

— И как вы только терпите? — вздохнула Кульжамиля.

— Это еще ерунда, — вмешался Турарбек. — Бывает похуже. Иногда чувствуешь себя как рыба на раскаленной сковородке. Снизу жарит, сверху палит, с боков подпекает.

— Могу только сказать, что это ужасно, — опять вздохнула Кульжамиля, и ей показалось, что вместе со словами она выдохнула язычок пламени. Зибаш с жалостью посмотрела на нее и согласилась:

— Да, это иногда бывает ужасно. Такие случаются дни, что яйцо можно испечь в раскаленном песке.

— Надо привыкать, Кульжамиля, — сказал Турарбек. — Впереди тебя еще и не такое ждет.

— А я и не подумаю до вечера из дома выходить, — сказала Кульжамиля.

— Кто же вам позволит дома лежать? — удивилась простодушная Зибаш. Турарбек невольно улыбнулся.

— Завтра с утра на работу пойдешь, — сказал он. — Пойдешь со всеми окучивать хлопчатник.

— Если только меня насильно поведут, — сказала Кульжамиля и покосилась на мужа. — Что это еще за окучивание ты придумал?

— Тяпкой землю около кустов хлопчатника рыхлят, — пояснила Зибаш. — Заодно пропалывают. Тогда корни начинают дышать. Но тяпками окучивали в старину. Сейчас у нас техника, никаких забот. Трактор и окучивает, и сорняки выпалывает.

Турарбек недовольно посмотрел на Зибаш, мол, не вмешивайся, когда тебя не просят. Ему было неприятно видеть снисходительность, изнеженность своей жены, а больше всего неприятно из-за того, что это видят люди.

Некоторое время шли молча, потом Кульжамиля снова стала жаловаться:

— Ох, как пить хочется. Во рту как в вашей пустыне. И дернул же меня черт по такой жаре пешком тащиться!

— Уже совсем близко, — засуетилась Зибаш. — Рукой подать. А на центральной усадьбе у нас водичка ледяная, зубы ломит.

— Вот уж с алма-атинской водичкой ничто не сравнится. Райская водичка.

— В такую жару лучше вообще не пить, — тоном бывшего человека заметил Турарбек. — Ну что ты, Кульжамиля, капризничаешь? В самом деле, как ребенок.

— В такую жару лучше всего зеленый чай, — вставила Зибаш. — С утра напьешься, на весь день хватает.

— Это вчерашнее пойло, что ли? — поморщилась Кульжамиля. — Настоящая отравка. Да и запах у него какой-то неприятный.

Она покосилась на мужа, который равнодушно шагал по пыльной дороге. Ей хотелось досадить ему. Завез в какую-то дыру да еще издевается.

— Вы просто не привыкли, — дипломатично возразила Зибаш.

А центральной усадьбы все не было видно. Казалось, она откочевала куда-то, не оставив никаких следов, или превратилась в мираж, и на всем белом свете одно только разъяренное солнце над головой.

— Не могу больше, — простонала Кульжамиля. — Мне бы хоть маленькую тень, величиной с косыночку.

— Перестань ты наконец ныть! — нахмурился Турарбек.

— А что же мне прикажешь делать, когда сил больше нет?!

— Шагай быстрее.

— Да я, видно, сто раз умру, пока мы доберемся до места. С меня пот льет в три ручья.

— Перестань, — сурово сказал Турарбек.

— Хорошо, я молчу, — покорно согласилась Кульжамиля. Не очень-то она испугалась его сурового тона, но в такую жару спорить было лень.

Так бы они и доплелись до центральной усадьбы, изнемогая от жары, если бы навстречу вдруг не вылетел новехонький трактор «Беларусь», за рулем которого лихо сидел Алим.

— Остановись! — с притворным испугом замахала руками Зибаш. — Ты что, с неба свалился? Стой, куда тебя несет?

Не успела она еще договорить, как трактор остановился, из кабины выскочил на дорогу улыбающийся во весь рот Алим и поздоровался.

— Привет, привет! — затараторила Зибаш, кокетливо поглядывая на парня. — Ну, теперь ты от нас не улизнешь, заворачивай свой драндулет, отвезешь на центральную усадьбу. Очень кстати подвернулся.

— Ты как прицеп, — с досадой сказал Алим. — Прицепишься, не отвяжешься. Но от того хоть польза, нагрузить можно, а ты вроде порожняка. Ни одного парня не пропусти, обязательно заденет.

— Ну я тебе сейчас покажу, Алим!

— Сдаюсь. Дай хоть поздороваться с людьми.

— Бессовестный! — сердито отвернулась Зибаш. — Скажет же такое — порожняк. Я тебе это припомню.

Турарбек, с улыбкой наблюдавший сцену, подумал: «Ну как дети малые».

— Познакомься, Алим. Кульжамия, — сказал он, обернувшись к жене.

— Успеем еще познакомиться, — недовольно сказала она. — Впереди у нас много времени. Что же, мы так и будем до ночи стоять посреди дороги?

— Зачем же стоять? Прошу в кабину.

Кульжамия и Зибаш втиснулись в маленькую кабину, Турарбеку пришлось устроиться на подножке. Трактор мигом развернулся на пустынной дороге и полетел в сторону центральной усадьбы, подымая клубы горячей пыли, успевшей с утра основательно прокалиться на солнце.

Алим, видимо, наслаждался скоростью своей машины, которой дождался целых три года. И вот мечта его исполнилась. Пусть все видят, что такое новенький трактор в хороших руках.

— По хорошей дороге любую машину обгону, — похвастал он.

— Молчал бы уж, — усмехнулась Зибаш.

Алим понял, что перегнул палку, и действительно умолк. Но зато поехал быстрее, не обращая внимания на рытвины. Кульжамия не на шутку перепугалась и попросила ехать потише.

— Да вы же сами просили...

— А что будет, если перевернемся?

— Не бойтесь, — Зибаш обняла за плечи Кульжамия.

— Лучше бы я пешком дошла, — вздохнула Кульжамия.

Между тем трактор остановился около конторы. Алим, посмиваясь, сказал Турарбеку:

— Туреке, ваша Кульжамия, оказывается, изрядная трусиха.

— Перевоспитаем.

Он поблагодарил Алима и пригласил его заходить в гости.

— Долго мы еще будем торчать на этой жаре?! — обернулась Кульжамия к мужу. Голос дрожал от подступающих слез. Турарбек заметил ее состояние, но не смягчил свою суровость:

— Ну-ну, выскажись уж до конца. Сегодня твой день.

Обеспокоенная Зибаш быстро вмешалась, чтобы предупредить ссору:

— Пока вы с директором будете решать свои вопросы, мы с Кульжамией сходим в магазин, сделаем кое-какие покупки и напьемся заодно.

— Никуда мне не хочется идти, — поморщилась Кульжамия. — Я все ноги стерла.

Турарбек вышел наконец из себя и тихо процедил сквозь зубы:

— Пожалуйста, замолчи. Хватит уже.

И тут же стало жалко ее. Может быть, действительно она стерла ноги? И конечно, нелегко ей здесь после Алматы, но неужели нельзя потерпеть?

Зибаш поняла по их хмурым и злым лицам, что может вспыхнуть ссора, и вмешалась:

— Здесь недалеко живет моя старшая сестра. Мы зайдем к ней, отдохнем, чаю напьемся.

— Хорошо, — пробормотал Турарбек. — Идите.

Он долго смотрел им вслед, пока они не удалились, вздохнул и решительно зашагал в контору.

2

В конторе не было ни души. Стояла тишина. Все двери по обе стороны коридора распахнуты настежь, словно люди бежали отсюда без оглядки, бросив кабинеты, бумаги, дела. «Что за чертовщина? — подумал Турарбек. — А может, у них собрание?» Однако директор оказался на месте. Он сидел за столом в своем кабинете и прихлебывал чай из крошечной фарфоровой пиалы. Небольшой чайник стоял тут же, под рукой.

— Здравствуйте, товарищ директор! — поздоровался Турарбек.

— А-а-а, это ты! Проходи, пожалуйста.

— А что это, кроме вас, в конторе ни души? — высказал свое недоумение Турарбек.

— И меня бы ты не застал, опоздай минут на десять. Я уже уходить собирался. Все люди по домам сидят, а я тут в конторе парюсь. Все давно чаю напились да отдыхают, а я тебя жду, — улыбнулся директор.

— Разве уже обед? — удивился Турарбек.

— В летнее время мы работаем по летнему расписанию, — пояснил директор. — Начинаем в семь утра.

Турарбеку было известно, что хлопкоробы выходят на работу с восходом солнышка. Работают утром, пока прохладно, а самую жару пережидают дома. А вечером, по холодку, снова идут работать. Но он не знал, что контора придерживается такого же порядка. Что ж, может быть, это и правильно.

Директор отхлебнул глоток чая, отставил в сторону пиалу и неторопливо начал:

— В свое время я закончил педагогический институт, но вот учителем не пришлось стать. Такие сложились обстоятельства. Может быть, ты слышал, что я работал вторым секретарем райкома партии в соседнем Арнасайском районе?

— Слышал, — кивнул головой Турарбек, не понимая, куда клонит директор.

— Ну и вот, кто думал, гадал, теперь я здесь, в «Каракае», — сказал директор и на секунду задумался. — Но если обо всем рассказывать, то караван не унесет столько слов. Сам все узнаешь от людей, любое твоё любопытство удовлетворят.

— А я не любопытен, — возразил Турарбек. А сам подумал: «Зачем он мне все это говорит? Ущемленное самолюбие или привычка такая?»

— Да, ты услышишь кое-что, — продолжал директор. — Но были бы кости, а мясо нарастет. Впрочем, сейчас мне грех жаловаться. Снова затеплился огонь в очаге. Я не о себе говорю, а о твоём доме. Спасибо тебе, что приехал, да будет твой дом благополучен и счастлив!

— Спасибо и вам, товарищ директор, — пробормотал Турарбек, все еще не в состоянии привыкнуть к манере разговора собеседника.

— А я что ж, — тихо сказал директор. — Что обо мне говорить. Часто болею. Есть у меня крепкий давний недуг. Вот и укладывает он меня в постель, ни с чем не считаясь. Признаюсь, нелегко мне бывает иногда. Да и у жены положение незавидное...

— Сочувствую вам, — Турарбек склонил голову. Но директор неожиданно улыбнулся.

— Я не о своей жене говорю, о твоей, Куатбеков.

— Довольно неожиданный переход, — насторожился Турарбек. — Почему у моей жены незавидное положение?

— Да потому, что штаты учителей во всех наших школах давно укомплектованы. Но ничего, мы еще поищем. Что-нибудь придумаем. Не годится отвергать молодых специалистов. Верно я говорю?

Турарбек совсем растерялся. Что за странная манера вести разговор у этого человека? Не сразу и поймешь, что он хочет сказать. В голове пронеслись невольные мысли: «Что это? С первых шагов хочет поставить меня на место? Или цену себе набивает? Ну и попал же я в переплет».

А директор заговорил уже совершенно о другом, сокрушенно покачивая головой:

— Все, понимаешь, учителями хотят быть. Все наши ребята в ауле мечтают учиться на учителей. Как будто аул только и думает о том, чтобы жили у нас одни только дипломированные педагоги. Не надо нам ни зоотехников, ни хлопкоробов, ни агрономов, лишь бы были учителя. Ну выучатся они, получают свои дипломы. А толку что? Не каждый рожден быть педагогом...

— Да, положение печальное, — недовольно согласился Турарбек, которому надоели бесконечные жалобы директора.

Тот, видимо, понял настроение собеседника, навалился грудью на стол и сказал совсем другим тоном:

— Хорошо, а теперь о деле. Вчера я толковал с секретарем партийной организации и с главным инженером. Мы пришли к решению, что работать агрономом ты пойдешь в четвертое отделение. Оно здесь, на центральной усадьбе. А прежний агроном с радостью пойдет руководить бригадой овощеводов. Вопросы будут?

Турарбек молчал. Ему было неприятно, что директор решил уже все заранее, без него. «Хоть бы моими планами поинтересовался, — с досадой думал он. — И даже согласия не спросил. А что делать? Не будешь же свои права качать с первого дня. Ну и положение, ну и дела».

По своему характеру Турарбек был не из тех, кто легко смиряется с подобным положением. Он резко поднял голову и сказал:

— Саке! Спасибо за заботу, за беспокойство. Смогу ли я оправдать ваше доверие, будущее покажет. А сейчас у меня к вам одна просьба.

— Да ты не волнуйся и не переживай, — перебил его директор, как будто чего-то испугавшись. — Это отделение у нас передовое, самое лучшее в хозяйстве. Управляющий

очень способный и серьезный человек. Не сомневаюсь, что вы с ним сработаетесь.

— Возможно, — улыбнулся Турарбек, — но у меня есть просьба к вам...

Директор опять не дал ему высказать эту просьбу.

— Подожди, я совсем забыл про одно обстоятельство. Слухами, как говорят, земля полнится. И вот слышал я, что женился ты в Алма-Ате, а свадьбы пока не было. А свадьба, она ведь, брат, не просто веселая вечеринка, а фундамент семьи, это первый колышек на пустом месте, где будет выстроен дом. Вы пока обосновывайтесь, знакомьтесь, а в один прекрасный день мы вам такую свадьбу закатим, что шум будет стоять до небес. Чем ты удручен, товарищ агроном? Я ведь не о своей свадьбе говорю, а о твоей.

Турарбек как-то сразу обмяк. Слова директора не могли не обрадовать его. Но с другой стороны, почему он все время перебивает его? Столько наобещал, что как теперь высказать свое несогласие? Как высказать свое мнение?

— Еще раз спасибо вам, Саке, — поблагодарил Турарбек. — Но лучше бы вы меня направили в отделение Коктобе.

— В этом и заключалась твоя просьба?

— Да.

Директор нахмурился и покачал головой:

— Вряд ли это будет возможно. Там уже есть агроном. И как будто уходить он не собирается. Тоже молодой специалист. В прошлом году техникум закончил. Кроме того, управляющий отделением ни за что не отпустит его.

Турарбек как будто только и ждал этих слов.

— Да мне и не нужно место агронома. Поставьте меня бригадиром. Если я не ошибаюсь, Каунбай слезно молит освободить его от этой должности.

Директор с любопытством посмотрел на него и сказал:

— А ты, я вижу, тоже зря времени не терял... Значит, настаиваешь?

— Очень прошу, товарищ директор.

— Что-то я не совсем тебя понимаю. Молодой специалист после института — и бригадиром?

— Все просто, Саке. Все дела надо начинать с начала. Поработаю бригадиром, а там видно будет. Узнаю людей поближе, и себя заодно.

Директор задумался, потом пожал плечами:

— Очевидно, ты по-своему прав. И я не могу отмахнуться от твоей просьбы. Хотя верю, что и с работой агронома отделения ты бы тоже справился.

Пожалуй, впервые Турарбек по-настоящему был благодарен директору.

— А может, зайдём ко мне? — вдруг предложил тот, взглянув на часы. — Хозяйка у меня гостеприимная женщина.

Турарбек вынужден был отказаться:

— Извините, Саке, но меня ждёт жена.

— Ну хорошо, — согласился директор. — Но вы должны обязательно прийти к нам в гости.

Турарбек вспомнил поведение своей жены, её постоянное нытьё, жалобы на жару, и у него невольно вырвалось:

— Жен баловать только портить. Мне кажется, что это не по-мужски.

Директор, который уж было начал подниматься с места, снова сел и, посмотрев на молодого агронома, вздохнул:

— Ты ещё совсем ребенок. Чтобы стать мужчиной, тебе придется кучу испытаний выдержать, и достойно выдерживать.

Турарбек нахмурился. Слова директора задели его, показались бестактными, и он чуть не вспыхнул, но сдержался и только тихо спросил:

— Зачем вы мне все это говорите? Ведь я не мальчик, в самом деле.

Директор вяло махнул рукой и посмотрел в потолок.

— Я тебе о мужском достоинстве говорю, а не о твоём возрасте. А оно заключается в том, чтобы ласково и с уважением относиться к женщине, ради которой мужчины нередко совершают подвиги. Мужская независимость и гордость вовсе не в том, чтобы к месту и не к месту грубо осаживать свою жену. А в тебе я заметил такую склонность. Но так ты ничего не добьёшься, поверь мне.

— Мда, — промычал Турарбек, не зная, что и сказать в ответ. Видимо, директор был завзятый моралист. Да и по какому праву он вмешивается в его личную жизнь?

Турарбека бросало то в жар, то в холод, а директор как ни в чём не бывало продолжал:

— Таких героев мы повидали немало на своём веку. И все они оказывались в дурацком положении. Ни дома мира и покоя, ни на работе авторитета. Почадили, надымили да и угасли. Да и, кроме того, боясь женщине язык развязать. Тогда уж не остановишь. Слабого человека женский язык может и рассудка лишить. Нет, лучший способ для мира в семье — это похвала и ласка. Ведь лаской и змею из норы выманить можно. А тебе что, жалко ласковое слово сказать человеку, тем более если этот человек — собственная жена? Ведь что такое слово? Это большая сила.

Словом можно и убить и воскресить. Кинжал мясо режет, а слово — кость.

Скажи утром женщине ласковое слово, она до вечера в своем сердце будет радость носить, и другим людям от этого теплей будет. И вечером она станет ждать твоего прихода с нетерпением. Придешь уставший, угрюмый, пожалуешься на житейские трудности, и она тебя поймет, снимет с твоих плеч усталость. И ты почувствуешь, что она не только жена тебе, но и друг.

Нет, дорогой Турарбек, жестокость не порождает любовь, а грубость — уважение. Семья — твой тыл, дорогой мой, который должен быть крепким и верным. А ведь из семей и состоит государство.

Турарбек в душе прекрасно понимал справедливость слов директора, но в то же время он увидел и посягательство на свою независимость.

— А чем же моя семья плоха? — спросил он усмехнувшись.

— Эх, друг! — покачал головой директор. — Вам еще рано считать себя семьей. Вы еще и восковой спелости не достигли. Одно скажу: если ты будешь обрывать каждое ее слово, то потом горько об этом пожалеешь.

— Но ведь все должно быть естественно, — возразил Турарбек. — И крик, и ласка. Все должно идти от души. А сами-то вы соблюдаете эти правила? Или, как мулла, говорите одно, а делаете другое?

— На это скажу — побываешь в моем доме, сам убедишься, — ответил директор.

— Да, целая лекция о том, как строить семью, — довольно сухо сказал Турарбек. — А когда же мне прийти за ответом насчет бригадирства?

— Можешь считать, что договорились, — сказал директор. — Если, конечно, до утра не передумаешь. Агроном может работать бригадиром, а бригадир агрономом — не всегда.

Турарбек попросился и вышел из конторы. Директор хоть и собирался идти обедать, но почему-то решил задержаться.

На крыльце Турарбек чуть не столкнулся с Зибаш.

— А ты что тут делаешь? — спросил он.

— Тетя велела привести вас.

— За ручку? — улыбнулся Турарбек. Зибаш покраснела. Он посмотрел на нее внимательно и подумал: «Славная девушка, стройная, симпатичная. И добрая, видно, щедрая сердцем».

Зибаш очень хотелось узнать, чем кончился разговор

Турарбека с директором, но она не решилась спросить, утешив себя тем, что узнает об этом от Кульжамили.

3

Утром, едва молодые встали с постели, Кульжамили еще и завтрак не начала готовить, как к ним вошел оживленный Каунбай, бригадир отделения Коктюбе.

— Ассалаумагалекум!

— Проходите, пожалуйста, — сказал Турарбек.

— Поздравляю тебя, Турарбек. Красивая птица села на твое плечо, — сказал Каунбай, намекая на Кульжамилю.

— Вашими устами да мед бы пить, — усмехнулся Турарбек.

— Невестушка, с новосельем вас! — не унимался Каунбай.

— Спасибо за добрые слова, — сказала Кульжамили приветливо.

— Как вы сами-то поживаете? — спросил Турарбек. — Дети не болеют? Жена как?

Каунбай слегка помрачнел и, не глядя на Турарбека, буркнул:

— Все целы.

— Кульжамили, у тебя чай готов? — спросил Турарбек, словно только что заметил жену, которая отошла в сторону.

— Сейчас.

Каунбай неловко потоптался на месте и вздохнул:

— Мотоцикл проклятый сломался. Едва до вас добрался, а ведь вышел рано.

— А зачем было в стороне от людей строиться? — упрекнул Турарбек. — Надо к людям поближе. Переезжать не думаете?

— Переезд дело хлопотное, — уклончиво ответил Каунбай. — Да и привычка, понимаешь ли.

Турарбек с трудом удержался от смеха. История Каунбая была всем хорошо известна. В свое время он был очень ревнив, жене шагу не давал ступить одной. На праздниках и свадьбах лишней чашки чаю не позволял выпить из-за своей ревности, мол, дома чаю напьешься. Бедная женщина не то что на мужчин, но и на подруг боялась смотреть. Ходил слух, что только из-за своей ревности он и построил себе жилье в стороне от людей.

— А ты все придержишься старых привычек? По-прежнему жене ревнуешь? — не удержался Турарбек. Но Каунбай лишь вяло махнул рукой, мол, нашел, о чем гово-

рять да вспоминать старые времена. Что было, то прошло. Он улыбнулся, лицо его опять оживилось.

— Ну и выручил ты меня, Тураржан! Век не забуду такой услуги! — воскликнул он. — Теперь ты хозяин в бригаде, тебе за все и отвечать. А я буду у тебя поливальщиком. Ну просто гора с плеч свалилась.

— Ну а если говорить серьезно, Каунбай, — сказал Турарбек. — Тебе не обидно, что я твое кресло занял?

Бывший бригадир весело, от души рассмеялся и замахал на Турарбека руками:

— Скажешь тоже! Кресло! Это же адская работа, а не кресло, дорогой мой! Так что какие могут быть тут обиды? Знал бы ты, как моя жена обрадовалась, когда узнала.

Турарбек с облегчением вздохнул, хотя слова Каунбая о нелегкой жизни бригадира и насторожили его.

— Ну а все-таки как поживает твоя женушка? Ты ведь так ничего и не сказал о ней? — спросил Турарбек.

— Я же говорю, радуется. Слава богу, говорит, избавился наконец от этого хомута. Не в твои годы, говорит, быть бригадиром. Хотя какие уж такие особенные мои годы? Так что уж очень она довольна.

— Радоваться одно, а злорадствовать — другое, — съязвил Турарбек, но, увидев искреннее огорчение на лице Каунбая, устыдился своих слов. — Расскажи мне хоть, какие трудности меня ожидают? Неужели так тяжело быть бригадиром?

Каунбай печально вздохнул:

— Не буду скрывать, для меня это не работа, а одно мученье. Знаний не хватает, образования у меня нет. А сейчас все хлопководы — люди ученые да мудреные. Ну зачем бригаде такой бригадир, который и наряды-то с трудом закрывает? Подумай сам и пойми меня. Да и быть отцом девятерых детей дело нелегкое.

— А десятого не ждешь?

— Жду и десятого, — озабоченно сказал Каунбай. — Так что сам понимаешь. Какое уж тут бригадирство с такой семьей. И так дома почти не бываю. До того набегаешься за день, что к вечеру забываешь, где у твоего дома дверь, у какой стенки постель. От зари до зари на ногах, за день со всеми переругаешься, каждый норовит по твоим плечам дубиной прогуляться. Э-э-э, да что говорить. Устал я от этого бригадирства, устал, сил больше нет. Вот потому и радуюсь.

Турарбек поморщился: «Ну и говорун. Как будто нарочно запугать хочет. Нет уж, у меня пока еще силы есть». Кульжами наконец подала чай. Но едва они успели

выпить по пиалке, в дом ввалился запыхавшийся мальчишка, важно шмыгнув носом и сообщил:

— Управляющий вас зовет.

— Вот незадача, — встревожился Каунбай. — Надо идти, управляющий ждать не любит. Такой человек, из-за пустяков может обидеться. Надо идти поскорее, чтоб от греха подальше.

— Не трогай лиха, будет тихо, — пошутил Турарбек. В то же время предстоящая встреча с управляющим беспокоила его. Выходя, уже на пороге, Каунбай обернулся и виновато сказал Кульжамиле:

— А ты уж, невестушка, не обижайся, что уходим. Еще не раз в твоём доме чаю попьём.

— А я и не обижаюсь, — сказала Кульжамила.

Управляющий отделением был человек огромного роста, плечистый, но какой-то рыхлый, с болезненным желтым лицом, почти уже весь седой, с мешками под глазами. Турарбека он встретил с холодной враждебностью:

— А ну, подойди, парень. Это ты попросил нашего уважаемого Саткена поставить тебя бригадиром? Ладно. Ну и какие планы у тебя, какие мысли?

— Решил попробовать, каков на вкус бригадирский хлеб, — прямо сказал Турарбек. — Решил начать с этого.

— А мне твоё желание, признаться, не совсем понятно, — буркнул управляющий и добавил с затаенной угрозой, как показалось Турарбеку: — А то, чего я не понимаю, мне не по душе.

Все время молчавший Каунбай вступил в разговор:

— Молодой он. Сначала силы свои испытать хочет.

Управляющий шумно вздохнул и сказал с плохо скрытым раздражением:

— Не понимаю я, что нынче за молодежь пошла. Дорогие мои, почему вы сторонитесь всего, больших дел избегаете? Вот мы в своё время другими были. Уж если зацепимся за какое место, зубами держимся. Эх, юноша, стоило пятнадцать лет глаза над учебниками портить, чтобы потом стать простым бригадиром? Нет, не понимаю я нынешнюю молодежь.

Слова управляющего сильно задели Турарбека, но ему не хотелось знакомство с ним начинать со ссоры, и он сдержанно проговорил:

— К чему копать во всем этом, агай? Будет время, и об этом успеем поговорить. Если вы не против, я приступлю к своим обязанностям.

Управляющий ничего не ответил Турарбеку, но повернулся к Каунбаю и процедил сквозь зубы:

— А ты чего обрадовался, будто отец воскрес?! Сдашь ему все дела до последней бумажки, все хозяйство до нитки передай. Понял? Если хоть иголки не досчитаешься, на меня не обижайся, ничего хорошего не жди.

— Аксакал, все будет в порядке, все я понял, — торопливо проговорил Каунбай, словно боясь, что управляющий передумает. — У меня как в аптеке.

— Если все как в аптеке, то можете идти, — сказал управляющий. — Для начала сходите к агроному. Что надо по работе, он разъяснит.

Турарбек вышел от управляющего с угнетенным чувством незаслуженной обиды. Поэтому некоторое время они шли молча. Наконец Турарбек не выдержал и спросил у Каунбая:

— Объясни, чего он накинулся на меня, иглы распустил, как дикобраз?

— Ах, — вздохнул Каунбай, — накатывает иногда такое на аксакала. Все беспокоится, что недостаточно его уважают. Ведь в свое время он был председателем крупного колхоза. Хозяин! Вот и привык покрикивать.

— Вот оно в чем дело. Выходит, начальство у вас уцененное.

— Как это? — не понял Каунбай, но, видя, что Турарбек молчит, продолжал: — Вот с тех пор и осталась у него привычка на людей покрикивать. Раздувается перед всеми, как индюк перед индюшкой. Впрочем, к его грубости мы привыкли, так что и ты не обращай на это особого внимания. Соглашайся с ним, а делай по-своему. Спокойней жить будет. Молчи, да и все.

Они уже подходили к гаражу, когда им навстречу выкатился кругленький смуглый джигит. Увидев их, он принял важный, начальственный вид и остановился.

— Здравствуй, агрономжан, — улыбнулся ему Каунбай. — Познакомься с новым нашим бригадиром. А может, вы уже знакомы?

Агроном протянул руку:

— Лично не знаком, но наслышан. Будем знакомы, Ермак Сеиткулов!

— Турарбек Куатбеков.

И они пошли дальше вместе, беседуя о делах да приглядываясь друг к другу. «Совсем молодой, а уж с брюшком», — подумал Турарбек. А тот соответственно: «Худощий какой. Настырный, наверное, парень, беспокойный. От таких добра не жди».

Разговор что-то не очень клеился. Каунбай подумал

с удивлением: «Не успели познакомиться, а уж сторонятся друг дружки. С чего бы это?»

— Если и дальше будет такая жара, то все кусты хлопчатника сгорят на корню. Прежде всего заботься о воде, — сказал агроном, поворачивая к конторе. — Пока.

Турарбек с Каунбаем зашагали дальше. Каунбай вздохнул:

— Не хватает воды, брат. Даже по ложке не приходится на куст. Очень трудно.

— Теперь все в твоих руках, — заметил Турарбек. — Ты теперь у нас поливальщик. Ты хозяин воды.

— Если бы ее было вдоволь! Напоить бы землю досыта, повеселел бы наш хлопчатник, ожил. А так одни разговоры, что хозяин.

Они направились к клеткам хлопчатника, которые тянулись вдоль большого арыка, поглядывая изредка на лениво текущую, илистую, коричневую воду. Арык был прямой как стрела, но тропа вдоль него извивалась и петляла. Рядом идти не было никакой возможности. А вести разговор, видя затылок собеседника, — радости мало. Поэтому оба умолкли, будто сговорившись.

Но наконец вышли на широкую дорогу, где можно было идти рядом, видеть выражение лица товарища. Турарбек покосился на Каунбая и тронул его за плечо:

— И все-таки скажи мне честно, почему ты так отбиваешься от бригадирства?

Каунбай даже растерялся на мгновение, слабая улыбка озарила его озабоченное лицо:

— Как тебя понимать? Ведь я же все объяснил?

— Да, — согласился Турарбек, — объяснил. Но мне кажется, что ты скрываешь от меня какую-то тайну. А может быть, эта тайна только для меня одного? Стоит ли скрывать? Ведь мне же работать с вами. И в конце концов, шила в мешке не утаишь. Рано или поздно все станет известно. Ведь ты знаешь я не чужой человек в ауле. И зла от меня никто никогда не видал. К чему скрывать, даже если и есть что скрывать?

Каунбай заметно помрачнел:

— Какие тайны? Какие секреты могут быть в ауле? А если они и существуют, то тебя никак не касаются. Ну что ты ко мне прилип?

— Ладно, как хочешь! — рассердился Турарбек. — Доволен, что избавился от тяжелого груза. И дела нет, что этот груз придется тащить другому. Мог бы и подсказать, где споткнись, а где упаду да расшибусь. Я не думаю, что сам ты испугался трудностей и поэтому отказался от бри-

гадирства. Тут кроется что-то другое. Не сегодня завтра все равно узнаю, не от тебя, так от других. Ну ладно, не расстраивайся, не стану больше терзать.

— Так-то лучше будет, — вздохнул Каунбай.

— И все-таки я от тебя не отстану, — через некоторое время сказал Турарбек.

— Нечего из мухи делать слона, — сказал Каунбай и подумал: «Слишком уж ты деловой да приткий. Не доведет это до добра».

— Не увиливай, Каунбай. При чем тут мухи да слоны? Вот послушай. Из бригады ты никуда не уйдешь, и я буду в ней работать, вместе будем работать, понимаешь? Так что облегчи душу. Сколько можно тащить на себе этот тяжеленный мешок с мусором? Возьми да и вытряхни его. Честное слово, легче будет идти и тебе и мне.

— И откуда на меня такая напасть свалилась! — вскричал Каунбай. — Из огня да в полымя. Ну что ты привязался к человеку? Если не перестанешь душу морочить, ей-богу, двину разок, поколочу по праву старшего!

— Караул! — спокойно сказал Турарбек. — Убивают!

Каунбай оторопело взглянул на нового бригадира, лицо у которого было безмятежно, как у младенца, и рассмеялся:

— Ничего я тебе не скажу. Сам до всего дойдешь. На то тебе и ум дан.

Турарбек вздохнул. Теперь он был почти уверен, что бывшему бригадиру что-то известно, но ему было стыдно насадить на Каунбая. Тот намного старше его, почти старик, семейный человек, и можно понять его страх. Турарбек почти угадал состояние Каунбая. Тот думал: «Пускай сами разбираются во всем, а я человек маленький. У меня семья. Если что-нибудь сболтну лишнего да узнает управляющий, мне от него житья не будет». Но столько в нем накопилось обид и горечи за последние годы, что за время разговора он не раз порывался излить душу. Он бы, наверное, и высказался, если бы Турарбек не был так настойчив.

Турарбек потерял наконец всякое терпение:

— Что это вы все в штыки меня принимаете. Управляющий, агроном, а теперь и ты. Я ведь вижу. И что я вам плохого сделал?

— Ничего ты плохого не сделал, — признал Каунбай, и лицо его жалко сморщилось.

— Ну так и черт с вами со всеми! — крикнул Турарбек. — Мы тоже люди, тоже хотим жить по-человечески. Плевать я хотел на ваши дела.

— Давно ли человеком стал? — сказал Каунбай и словно испугался чего-то, засуетился и засеменял вперед не оглядываясь.

Каунбая одолевала досада и крепко задевало то, что ведь совсем недавно, кажется, Турарбек бегал мальчишкой в одних трусах да в майке, а теперь вон какой. И когда он успел вырасти? И откуда у него такой настырный характер?

Каунбай был человек по натуре добродушный и несколько слабохарактерный, редко ему случалось выходить из себя. На разные пустяки он вообще не обращал внимания. А теперь бежал по тропинке, едва разбирая, что у него под ногами.

Турарбек хотел окликнуть его, потому что чувствовал себя виноватым. Сомнения одолевали. Зачем он пристал к человеку? Может, и правда из мухи слона раздул? Стыдно быть таким подозрительным с первых же шагов своей работы. В конце концов, у управляющего просто характер тяжелый, хлебнул в жизни немало, видать. И при чем здесь вообще Каунбай, простодушный, как ребенок? Нет, надо догнать старика и извиниться перед ним.

Турарбек прибавил шагу, а потом и вовсе побежал бегом, но Каунбай, все время маячивший перед глазами, вдруг исчез, будто испарился. Турарбек добрался до запыленной по узенькой тропке и стал осматриваться по сторонам. Он не сразу заметил Каунбая, который сидел на бережку, поджав колени, а увидев, обрадовался. Тот сидел спиной к нему, но Турарбек ясно вообразил себе его расстроенное, грустное лицо, и жалость охватила сердце.

Он подошел к бывшему бригадиру и присел рядом. Старик даже не шелохнулся, не повернул головы. Турарбек посидел немного молча и вздохнул:

— Вы уж простите меня, ага. Очень нехорошо получилось с моей стороны. Глупо.

— Ладно! Пусть небо упадет на меня и раздавит, как червяка, — с отчаянной решимостью сказал Каунбай.

— Да успокойтесь вы, ага, — продолжал Турарбек. — Так все нелепо. Я же не со зла, совсем не хотел вас обидеть.

Каунбай еще больше разгорячился, как будто вовсе и не слышал извинений Турарбека и что тот обращается к нему почтительно, как и положено.

— Все меня теленком считают, думают, что каждый обидеть может безответного человека. Но если все спускать им с рук, то ведь и избыют когда-нибудь. Каждый день одни придирки да брань слышишь. Огрызнешься другой

раз, еще хуже. А мне надоело! Недолго уж и жить осталось.

— Ну что вы, ага, не надо так говорить, — тихо сказал Турарбек, терзаясь душой. Ему показалось, что плечи у старика дрожат от плача. Когда тот поднял голову, чтобы снова заговорить, толстые губы его действительно дрожали от обиды.

— А мне теперь все равно. Сколько можно терпеть? Но обидно больше не за себя, а как они тихий, бедный аул по ниточке растаскивают. Ведь раньше мы жили хорошо, спокойно, а теперь что?! Все порушилось, вся эта наша спокойная жизнь. Как только он приехал, так все и разобиделись друг на друга. И пошло, и пошло. Поползли злые шепотки по аулу, от одного дома к другому. Сам ведь и слухи распускает да сплетни. Кому больше? До него тихо было. Работали не хуже.

Турарбек понимал, что ему удалось вызвать Каунбая на откровенность, но радости от этого не испытывал. Он сидел и подавленно молчал, чувствуя, как горе старика давит и его, что все обиды Каунбая — это и его обиды.

— С утра до вечера только и говорит: «Совестью поступись, все продай, только первым будь». Лишь бы сегодня в передовиках походить, а завтра хоть трава не расти. Сегодня победи, а завтра хоть умри, хоть в золу обратись, ему все равно. Передовое отделение, слава на весь район. Как же! Дутая это слава, хотя он умеет ею пользоваться, хапать все да под себя загребать. Всего два года, как приехал к нам, а уж своего агронома сюда перетасил, выписал. Родственники они, кажется, к тому же. И другого родича своего устроил главным инженером совхоза. Вот какие дела, парень...

Я уже тебе говорил, что сам он долго был председателем колхоза. Богатства у него не на одну семью, а на целый аул хватит. Когда нужно ему, ничего не жалеет, никаких денег. А почему? Потому что завтра наживет еще больше.

Каунбай умолк, чтобы передохнуть, и Турарбек сказал:

— Вы его, беднягу, прямо с грязью смешали. О ком вы все-таки говорите?

— Прохвост он и плут! Вот о ком я говорю! Мы же все видим, как он делишки свои обделывает, да только ловко концы в воду прячет. Так шьет, что и швов не видно. На него и пожаловаться-то трудно. Кляузником прослывешь, ни тебе, ни семье твоей житья не будет. У него все шито-крыто. Наш правдолюб бухгалтер пробовал бороться; так

где он теперь? На него же всю вину и свалили, чуть вообще не упекли в тюрьму. До смерти напугали беднягу. Вот так у нас и получается — с больной головы да на здоровую. А наш герой мастер подножки ставить. Чуть зазеваешься, и ты уже на земле, на лопатках лежишь. Все у него на расчете поставлено. Да что говорить, поработаешь бригадиром, сам увидишь.

— Да-а, — задумчиво протянул Турарбек. На душе у него было пакостно. Не с этого он мечтал начинать свою работу.

— А как держится перед людьми! Будто честнее его и на свете нет. Такого и верблюд с места не сдвинет, скала, а не человек. А в душу его загляни — один мусор гниет...

Турарбек наконец не выдержал:

— Ну хватит, пожалуй, на сегодня. Засиделись мы что-то.

Но Каунбая не просто было остановить. По всему видно, что не часто ему приходилось изливать душу, а может быть, и впервые.

Турарбек неловко пошутил:

— Послушайте, агай, так волноваться вредно для печени. Грех с ним, с этим управляющим. Идемте лучше посмотрим хлопковые поля, да с людьми познакомимся.

— И твое житье незавидное, — сказал Каунбай, не обращая внимания на слова Турарбека. — Ты думаешь, им нужен бригадир, который институт закончил? Если так думаешь, то ошибаешься. Ты думаешь, зря он тебя так встретил, будто гусь надутый? Да он бы тебя и близко к отделению не подпустил, будь на то его воля. Дело в том, что директор направил. Да он бы лучше умер, чем пустил к себе в отделение. Словом, будь осторожен. Не дашь повода, ничего он тебе не сможет сделать.

И Каунбай неожиданно умолк, будто из него выпустили воздух. А Турарбек подумал: «Что же это мне директор ничего не сказал, даже не намекнул про дела управляющего? Ведь не может же он ничего не знать о неблагополучии в отделении? Ах, Саткен Каирбаев, чем читать мораль, лучше бы с делами поближе познакомил».

— Надо идти, агай, — невесело сказал он бывшему бригадиру. Каунбай по-старчески стал подниматься, будто совсем обессилел после своей исповеди.

Едва они вышли на край поля, перед ними, как из воздуха, возник человек в красной косынке. Это была Зибаш.

— А ты откуда здесь взялась? — подозрительно спросил Каунбай.

— Случайно. Здравствуйте!

— Уж не следила ли ты за нами? — не на шутку встревожился Каунбай. Но Зибаш пропустила его слова мимо ушей и обратилась к Турарбеку:

— Поздравляю вас с началом работы! Только сегодня узнала, что у нас новый бригадир. Что же вы мне вчера ничего не сказали?

— Потому что все еще было не совсем определено.

— Теперь-то уж вы вздохнете с облегчением, — проворчал Каунбай. — Избавились от крикливого бригадира.

— От вас избавишься. И при новом бригадире умразуму учить будете.

— Да, если я кому-нибудь хоть слово скажу! — возмутился Каунбай.

— Пойдемте на полевой стан, — предложил Турарбек.

— А на стане и живой души нет. Все уже в поле, — улыбнулась Зибаш.

Турарбек был очень доволен, что после гнетущего разговора с Каунбаем, который невольно наполнил его душу неясной тревогой, он встретил эту девушку, румяную и свежую, как яблоко в утренней росе. Он с признательностью посмотрел на Зибаш, отчего-то смутился и перевел взгляд на ровные ряды хлопчатника, издали похожие на стеганое шелковое одеяло. Как-то сложится его судьба в этом отделении? Во всяком случае, ждет работа, ждут люди. Турарбек улыбнулся и решительно зашагал в поле...

В ОДИН ИЗ ЛЕТНИХ ВЕЧЕРОВ

1

Кульжамия только что возвратилась с центральной усадьбы с покупками. Она устала, запыхалась, вся прокалилась от зноя. Передохнув немного, она стала выкладывать на небольшой столик свертки из туго набитой сумки и вдруг услышала за спиной веселый голос мужа:

— А вот и я! Добрый вечер!

Кульжамия вздрогнула от неожиданности, оглянулась на вошедшего в комнату мужа и сказала с усмешкой:

— Что это сегодня случилось?

— А что могло случиться? — не понял Турарбек.

— Рано пришел. Ведь ты кончаешь свою работу обычно в полночь. Ох, как бы не сглазить такую удачу да подумать о пире по такому чудесному случаю. Куатбеков явился с работы как и все нормальные люди. Наконец-то.

Турарбек, посмеиваясь, сбросил верхнюю рабочую одежду, умылся основательно и только тогда сказал:

— Дай что-нибудь поесть, тороплюсь. А где моя белая рубашка?

Кульжамиля нахмурилась:

— Ах вот как? Уходишь? А я-то думала...

Турарбек быстро переоделся во все чистое, вид его совершенно стал другим. Взглянув на него, Кульжамиля подумала, что именно таким он когда-то ей и понравился.

Поставив перед мужем полную чашку холодного айрана, она с горечью вздохнула:

— Ты чего это так прифрантился? Не на свидание торопишься?

Турарбек залпом выпил айран и прищурился:

— Тебе бы все шутить. Но на этот раз ты угадала. Да, я спешу на свидание с одной красивой женщиной.

— Кто же она? — холодно спросила Кульжамиля.

Турарбек подошел к ней и так крепко и нежно обнял ее, что она невольно вспыхнула, сердце у нее затрепетало.

— Вот к кому я спешу на свидание, — жарко выдохнул Турарбек. — Вот кто самая красивая женщина!

В это время кто-то неожиданно и громко постучал в дверь. Кульжамиля резко отшатнулась от мужа, поправила волосы, но взгляд ее все еще был затуманен и нежен.

— Турарбек, ты скоро? — послышался голос.

— Кто это? — прошептала Кульжамиля.

— Наш бухгалтер, зовет на партийное собрание, — тоже шепотом ответил Турарбек. Он провел рукой по плечу жены, вздохнул и быстро вышел из дома. Растерянная и взволнованная Кульжамиля осталась одна...

Солнце клонилось к закату. Густые и яркие краски полыхали на западе, и там небо казалось гигантским шелковым занавесом, который скрывал от людей нечто тайное и вечное.

Земля, утомленная дневным зноем, понемногу приходила в себя, начинала дышать во всю грудь. Жар заметно поубавился. Весь воздух наполнился ароматом спелых дынь.

— Отовсюду дынный дух идет, — сказал бухгалтер. Он остановился, тяжело повиснув на костыле. — И течет, и течет этот дынный дух, как река.

— О чем вы? — не сразу понял Турарбек, который в этот миг думал о своей жене, о ее недавних объятиях, что

такое слияние душ всегда кратковременно и не часто бывает.

— Я о спелых дынях говорю, — пояснил бухгалтер. — Сейчас для них самая пора.

— А-а-а, — протянул с мечтательной улыбкой Турарбек. — Когда я жил в Алма-Ате, как я скучал по запаху наших дынь! Сейчас мы их едим каждый день, и для нас это в порядке вещей. Вот заговорили о запахе дынь, а мне это напомнило Алма-Ату.

— Все это верно, — задумчиво сказал бухгалтер. — Как тебе запах дынь напомнил о столице, так и мой протез постоянно напоминает мне о войне. Правда, только ночью. А днем некогда вспоминать, надо думать о хлебе, о хлопке, о мире. Люди не всегда понимают, что мир — это и есть счастье.

— Да, — согласился Турарбек. — Это счастье, и вы это понимаете лучше всех, и все те, кому удалось вернуться с войны. И те, кто не вернулся, понимали.

— Верно, сынок, верно, — согласился старый бухгалтер. — Но надо жить и сегодняшним днем. Сердце болит, когда видишь нашу бесхозяйственность. Ведь куда ни ступишь, всюду валяются дыни да арбузы, просто под ногами. А закупщики из Плодоовощторга ждут у своих складов. Нет чтобы поехать самим по аулам за этими дынями да арбузами. Все бы планы перевыполнили. Неужели они не понимают, что сейчас у нас самое горячее время, люди заняты хлопком? Нет у них времени, чтобы дыни поставлять.

— И когда кончится такая расточительность? — сказал Турарбек возмущенно.

— И каждый год так, — безнадежным голосом сказал бухгалтер. — Ты правильно думаешь, Турарбек. Это расточительность. А можно бы вагонами отправлять те же самые дыни, арбузы и прочую зелень в северные области.

— А знаете что? Давайте после собрания зайдем к нам и посидим немного, — неожиданно предложил Турарбек. — Я храню одну сетчатую дыню, огромную, как купола самаркандских дворцов.

— Кто знает, когда это собрание кончится, — уклончиво сказал бухгалтер. — Хорошо, если управляющий придет вовремя. Иногда мы ждем его до посинения.

— Как это он не может вовремя прийти на партсобрание? — удивился Турарбек.

— Э-эх, — протянул с горечью бухгалтер. — Это ведь наш Жукен! Ты еще не знаешь его.

Турарбек задумался над словами бухгалтера. Действи-

тельно, очень трудно бывает иногда понять управляющего. То он беспредельно ласков и внимателен, а другой раз так неприступен и важен, что и подойти-то к нему страшно. Что это? Ущемленное самолюбие? Себялюбие? И все, как дети, на него с опаской поглядывают, как бы не забранил не дай бог. Просто какой-то самодур.

— Как дела в твоей бригаде? Вы готовы к уборке? — спросил бухгалтер. — Если мы не возьмемся за дело вот с этой же минуты, будет поздно.

— Будет обидно на всю жизнь, если мы вовремя не уберем хлопок, — убежденно сказал Турарбек. — Ведь сколько трудов положено. Ухаживали все лето, как за малым дитем.

— Легко сказать — уберем. Не так-то это просто.

— Конечно, не просто, — согласился Турарбек. — Но извините, иногда мне кажется, что мы нарочно не желаем избавиться от этих трудностей. Ведь если все организовать как положено...

— Недавно я заходил в мастерские, — перебил его бухгалтер. — Комбайны в плохом состоянии.

— Знаю, — сказал Турарбек. — Но как бы нам за разговорами не опоздать на партсобрание.

— Да, уже смеркается, — согласился бухгалтер. — Надо поторопиться.

2

— Очередное партийное собрание первичной партийной организации отделения «Коктюбе» совхоза «Каракай» разрешите считать открытым, — объявил передовой механизатор совхоза Алим Сейденов, избранный председателем собрания. — На повестке дня всего один вопрос — готовность к уборке урожая хлопка. Докладчик — управляющий отделением «Коктюбе» товарищ Бектурсунов Журынбек. Другие предложения есть?

— Нет, — сказал кто-то.

— Тогда предоставляется слово управляющему отделению. Пожалуйста, Жуке!

Бектурсунов медленно поднялся со своего стула, обвел всех присутствующих усталым взглядом и не торопясь заговорил:

— Товарищи! Очень правильно, что вопрос об уборке урожая хлопка поставлен своевременно на повестке дня. Это, товарищи, хозяйский и деловой подход, это реальная помощь со стороны членов партии.

Что касается готовности к уборке урожая, то ни для кого

не секрет, что мы готовились к ней и днем и ночью. Все, что надо для сборщиков, у нас уже есть: фартуки, удобный дом для временного житья и отдыха. Все грузовые машины отремонтированы в срок и готовы принимать хлопок нового урожая.

Конечно, и у нас есть недостатки. У кого их не бывает? К сожалению, хлопок на плантациях вырос неравноценный. Кое-где местами коробочки плохие. Из-за почвы, из-за неважного полива, в общем, из-за отсутствия должного внимания и ухода. Так что при уборке мы столкнемся с рядом трудностей, безусловно, и на это нельзя закрывать глаза. Мы не успеем собрать хлопок со всех клеток, если к нам не придут на помощь горожане. Пока мы не можем обойтись без шефов, у нас не хватает рабочих рук...

«Привык выступать, — подумал Турарбек. — Слова гладкие, как морская галька. Одни общие слова».

— Долго я не буду задерживать ваше внимание, — продолжал управляющий. — Уборка урожая — дело нам знакомое и привычное. Я думаю, как-нибудь мы его вытянем. Не впервой. Впрочем, коммунисты, конечно, выскажут свои мнения. Обсудим все упущения, подумаем вместе.

Бектурсунов сел с видом исполненного долга, встал председатель собрания.

— Доклад на этом считаю законченным. Приступаем к прениям. Кто желает высказаться?

— Может быть, к докладчику есть вопросы? — раздалось из зала.

— Вопросов нет.

— Так кто желает высказаться? — повторил Алим. — Вопросов нет, как уже сказали. Товарищи, не будем время тянуть, оно дорого каждому.

Не успел он закончить фразу, как в глубине зала скрипнул протез, поднялся бухгалтер отделения, откашлялся, поправил костыль, оперся на него поудобней.

Председатель собрания объявил:

— Слово для выступления имеет секретарь первичной партийной организации, бухгалтер отделения, товарищ Айнабеков Ертай. Прошу вас, Ереке.

— Некоторым кажется, наверно, что мы все лето в конторе просиживаем да на счетах щелкаем, — начал свое выступление бухгалтер. — Кроме бумаг да счетов, ничего не видим и не знаем. Но это не так. Мы многое видим и многое знаем. Мы помним, сколько беспокойства и хлопот принес град, побивший посевы весной. Мы знаем, как все мучились летом, когда корням не стало хватать воды. Несмотря на все трудности, вы сумели сохранить и вырастить

хлопок. Коробочки вот-вот начнут раскрываться, не сегодня, так завтра. И зацветут белые прекрасные цветы в поле, которые относят к техническим культурам и которые так нужны государству. . .

Но готовы ли мы на самом деле к сбору хлопка? — спросил Айнабеков, не сводя глаз с побагровевшего лица управляющего. — Ведь по вашим словам, Жуке, мы идеально подготовились к уборке. И вообще у нас тишь, гладь да божья благодать. А по-моему. . .

В это время управляющий откинулся на спинку стула и презрительно захохотал, потом сказал:

— Ты прав, Ереке. За нуждой никакой скакун не угонится. Недостатки у всех есть, но к чему переливать из пустого в порожнее? Ведь о том, что у нас сделано, тоже нельзя молчать.

— И вы правы, товарищ Бектурсунов, — кивнул головой бухгалтер. — Но, по-моему, всегда лучше поговорить о недостатках, хорошее от нас не уйдет. Ведь наши упущения каждому здесь известны. Например, ни для кого не секрет, как плохо отремонтированы хлопкоуборочные машины. Если я ошибаюсь, пусть скажет слово председатель собрания, который дни и ночи проводит возле техники. Кто нам может гарантировать, что в первый же день уборки машины не останутся? Кто нам это может твердо и конкретно обещать? Молчите? Значит, вы согласны со мной.

Теперь второе. Подготовлены ли как следует прошлогодние тока для нового урожая? Кому, как не вам, хлопкоробам, знать об этом? Да ведь там и ноги можно поломать из-за всякого хлама. Я уж не говорю о дорогах. В каком они состоянии, вам известно. Все это обязательно обернется потерей дорогого времени и не менее дорогостоящей техники. А все это почему? Да потому, что привыкли надеяться на авось, кривая вывезет.

Бухгалтер замолчал. Собравшиеся опустили головы, забеспокоились, потому что происходило нечто необычное. Все привыкли, что после доклада управляющего почти никто не выступал. Его слово было первым и последним веским словом на собрании. И обычно они проходили гладко, как по маслу, тихо и мирно. И вот нашелся человек. И кто? Скромный, всегда уравновешенный бухгалтер, бумажная душа.

Люди, привыкшие жить по пословице, мол, начальству видней, все еще не могли прийти в себя от неожиданности.

Агроном отделения Ермек Сеиткулов усмехнулся: «Видно, старик и сам не ожидал, что так скажет. Вырвалось

невольню. Теперь корит себя». Но его беспокоило молчание управляющего, вроде на него это было не похоже.

— Продолжайте, Ереке, — сказал председатель собрания.

— Что ж, я продолжу, — отозвался бухгалтер. — Мы слишком привыкли надеяться на помощь со стороны, на шефов, я имею в виду. Но почему они должны выполнять нашу работу? Мы не смогли ее сделать из-за беспечности, а людей срывают с мест ради этого. У них ведь тоже своя работа, свои планы. Вот и смотрим мы с тоской на дорогу, поджидаем спасителей. Обидно, товарищи. Давно пора кончать с таким иждивенческим настроением в коллективе. Бахвальство и самоуспокоенность не принесут нам ни авторитета, ни славы.

Чем я хочу закончить свое слово? А тем, что, пока не поздно, надо исправить недоделки и ждать страды во всеоружии.

— Спасибо, Ереке, — сказал председатель. — Кто еще хочет выступить?

— Все ясно, что изменится от наших слов? — обронил кто-то недовольно.

В это время поднялся с места Турарбек.

— Разрешите мне.

— Слово предоставляется одному из ведущих бригадиров отделения, ученому агроному с высшим образованием товарищу Куатбекову.

— Ну и ну, сколько званий, — усмехнулся агроном.

— Товарищи! — громко сказал Турарбек и заговорил легко и свободно. — Того, что сделано, вашей былой славы, никто не отнимет. Оттого, что мы поднимаем на собрании большие и острые вопросы, выиграет только дело. Надо решить все до мелочей. Когда начнется уборка, каждая мелочь может превратиться в беду. Поэтому я полностью согласен с тем, что сказал товарищ Айнабеков.

— Соседи же они, — с ухмылкой пояснил управляющий собранию. — Умный человек выбирает не дом, а соседа. Ну говори, говори дальше.

— Я вас, кажется, не перебивал, товарищ Бектурсунов, — повернулся к управляющему Турарбек. — Когда и где говорить о наблевшем, как не здесь и не сейчас? Откровенный разговор всегда полезен.

Всем вам известно, что прошло три месяца с тех пор, как я приехал в аул и стал работать бригадиром. Думаю, что Алим сказал обо мне как о ведущем бригадире без задних мыслей, потому что не ведущих бригадиров я не признаю. Но что может сделать человек за три месяца,

даже если он и семи пядей во лбу? Только что успел познаться с работой и с людьми да заметил свежим взглядом кое-какие недостатки.

Что же меня порадовало? То, что люди стали жить намного лучше. А это не могло не произвести и известного сдвига в сознании моих аулчан. Люди болеют за общее дело. Казалось бы, все хорошо, чего еще не хватает? А дело в том, что некоторые, начиная с управляющего Жукена Бектурсунова, боятся нового, боятся свернуть с проторенной дорожки, не дай бог заблудиться.

Отстаете вы, товарищи, от стремительных темпов жизни. Вспомните, как совсем недавно вы искали арбу, чтобы добраться до соседнего аула, а теперь почти у каждого из вас своя машина. Почему же вы боитесь современных скоростей? Ну а конкретно, разве мы не в силах сделать так, чтобы каждый молодой хлопкороб стал механизатором широкого профиля? Я уверен, что этот вопрос давно назрел. Если мы его не решим положительно, придется сидеть у дороги и ждать спасителей шефов.

Сегодняшний доклад управляющего — обычный формальный отчет, к тому же не совсем объективный.

— Выходит, я лгу? — не выдержал управляющий.

— Полуправда — та же ложь, — отрезал Турарбек. — Не знаю, как вы, товарищи, а я не совсем удовлетворен положением дел в коллективе.

— Дорогой мой, с такими речами надо выступать на слете молодых хлопкоборов, — наставительно сказал управляющий. — А ты такие вопросы поднимаешь в крошечном ауле.

— Вас, конечно, задело мое выступление, — усмехнулся Турарбек. — Уж вам ли не знать, что большие дела начинаются с малого, со звена, с бригады, с отделения. Гореть надо за свое дело, чтобы светить.

— Все молодые нынче научились говорить, — с досадой сказал управляющий. — Ну и времена пошли, яйца курицу стали учить.

— Сохраняйте выдержку, Жуке, — вдруг оборвал его председатель собрания. — Порядок ведения собрания вам хорошо известен.

— Если уж он такой знаток, — сердито начал управляющий, — то почему конкретно не скажет, какие надо принять меры, чтобы исправить наши упущения. Языком молоть каждый умеет.

Алим строго уставился на управляющего, который, кажется, разобиделся совсем по-детски. После небольшой паузы он спросил:

— Кто еще будет говорить?

Этот вопрос будто подстегнул управляющего, он дернулся и закричал:

— Хватит говорить! Всех не выслушаешь, тем более мне некогда. Я должен ехать на центральную усадьбу и встретиться с директором!

— Ну что ж, тогда я скажу несколько слов, — поднялся председательствующий. — Что касается подготовки к страде, то я считаю, что даже в оставшееся время мы многое можем сделать. Кроме того, к уборке мы все-таки готовились серьезно, и нельзя сказать, что в этом плане ничего не сделано. Я не сомневаюсь, что мы приступим к уборке хлопка вовремя. Если же говорить о недостатках, то их тоже хватает. Хозяйство есть хозяйство, всего не предусмотреть.

Жуке, прежде всего надо привести в порядок дороги и еще раз осмотреть состояние токов. Мы, коммунисты, должны взять под свой контроль подготовку к страде. Нельзя сваливать все грехи на управляющего отделением да агронома. Короче, нам надо распределиться по самым важным участкам и возглавить там работу. Предлагаю это записать в протоколе как решение нашего собрания. Есть еще какие-нибудь предложения?

— А может, хватит? — сказал управляющий.

— Что вы все время подгоняете? — не выдержал Турарбек. — Пусть коммунисты выскажутся до конца.

— Да, Жуке, пусть выскажутся, — поддержал бухгалтер.

Управляющий сердито посмотрел на него:

— Можно и до утра жевать жвачку. Весь хлопок мы уберем в срок и сдадим государству. И план выполним, и обязательства. Так зачем шуметь?

Казалось, все согласилось с управляющим. Но Алим возразил:

— Подождите, Жуке. Не надо торопиться. Мы все-таки находимся на партийном собрании.

— Тогда мы до утра проболтаем.

— Кто еще желает выступить? — обратился Алим к собравшимся. С места поднялся агроном отделения Ермек Сеиткулов:

— Позвольте мне сказать!

— Слово предоставляется Ермеку Сеиткулову, агроному нашего отделения. Пожалуйста, Ермек.

— Конечно, легко поучать других, — начал агроном. — Можно и душу излить, и недостатки наши увидеть. Но вы посмотрите на хлопчатник, который вымахал почти в рост

человека, и все станет на свои места. Стыдно унижать себя. Довольно пустословить, товарищи! Эту страду мы проведем как всегда, а потом начнем думать о будущем хлопке. А там видно будет.

Турарбек едва сдержал себя, чтобы не вмешаться. И это выступает молодой человек, который считает себя агрономом? «Только начал жить и уже угас, — подумал он. — Не горит, а тлеет, чадит. Разве можно быть таким равнодушным?»

Многих удивило выступление агронома, который обычно отмалчивался на собраниях.

Турарбек после выступления агронома и сам не заметил, как вскочил с места:

— Не могу понять равнодушных людей! Разве ты не один из главных руководителей этого отделения, Ермек? У кого, как не у тебя, душа должна болеть за дело?

Ермек побледнел, губы у него задрожали, но он не смог ничего ответить.

— Прекратите, вы не на улице! — призвал к порядку председатель.

— Дай сказать, — отмахнулся Турарбек. — Откуда берется это благодущие? Откуда столько безразличия в образованном молодом человеке? Почему он на всех старается натянуть розовые очки? Нет, в решении собрания надо записать следующее: «Подготовка к уборке никуда не годится, и виноваты в этом определенные люди». И назвать всех поименно.

— Ты нас этим не запугаешь, — сдавленным от злости голосом прошипел вдруг управляющий. — Вижу, что хочешь унижить меня, подорвать мой авторитет. Нехорошо начинать жизнь со скандала. Незаметно для себя можно и склочником стать. Поэтому следи за своими словами, даже если ты с неба на крылышках опустился на нашу грешную землю. Мы таких говорунов да честолюбцев видали на своем веку, и не раз.

— Земля не грешна! — крикнул Турарбек.

— Вон как круто берет наш ученый бригадир, — с усмешкой сказал Ермек, успевший прийти в себя после выступления Турарбека.

— Кто хочет еще выступить? — почти с мольбой обратился председатель к собранию. Раздались возмущенные выкрики:

— Наслушались!

— Позор! Безобразия!

— Тогда разрешите огласить решение собрания, и на этом закончим, — с облегчением сказал Алим.

Когда Турарбек вышел из красного уголка, где проходило собрание, было уже около полуночи. Его догнал бухгалтер, и они пошли вместе.

— Надо было решение записать так, как я предлагал, — с обидой сказал Турарбек.

Бухгалтер остановился.

— Дорогой мой, нельзя так резко. Ты слишком круто взял. Забыл, что людей прежде всего надо уважать. Если так и дальше пойдет, то тебя будут избегать, бояться. А однажды потеряв доброе имя, трудно его восстановить. Зачем тебе это?

— Глупости, — проворчал Турарбек. — Всем не угодить.

— Делай, как знаешь, — вздохнул бухгалтер и тяжело навалился на костыль.

Ночь стояла лунная, и все вокруг было залито молочным сиянием луны. Турарбек никак не мог успокоиться. Хотя больше вслух он и не высказывал своей досады, однако все в нем кипело. «Замечание мне сделал, не одобряет мое поведение, — думал он. — Чего, мол, шумишь, и без твоего шума солнце в наших краях вставало исправно и петухи орали вовремя. Но не выйдет по-вашему, так легко я не сдамся». Турарбек шел понуро опустив голову, а бухгалтер продолжал говорить:

— Умный ты, я вижу. Для того чтобы человека обидеть, много ума не надо. Не ты один мыслитель и заступник. Люди тоже не дураки, все видят и понимают. Ох как легко ты словами бросаешься, Турарбек! Необдуманноими словами можно только вред делу принести. Нельзя бросаться вперед очертя голову и закрыв глаза. Можно и на скалу налететь, лоб расшибить. Надо держать руку на пульсе жизни, найти такие слова, чтобы тебя поняли и пошли за тобой безо всяких обид, добровольно, а не силой. Ищи слова, брат.

— Я не дипломат, а бригадир, — возразил Турарбек, который слушал его довольно рассеянно.

— Ты пока еще на должности бригадира, — мягко сказал бухгалтер. — Бригадиром тебе предстоит стать.

— Дело свое я знаю, — упрямо сказал Турарбек.

— Этого очень мало. Надо любить дело, и землю, и людей.

— Да вы что, за мальчика меня принимаете? — рассмеялся Турарбек, такими наивными показались ему слова бухгалтера.

— Ты просто репей, а не джигит, — улыбулся тот. —

Есть такая колючка, которую у нас в народе старой девой называют. Ко всему цепляешься.

— Как не цепляться, — вздохнул Турарбек. — Каждая минута сейчас дороже золота.

— Да, — согласился бухгалтер. — В этом ты прав. Ну, спокойной тебе ночи!

Турарбек ухватил его за рукав:

— Как это спокойной ночи? А кто обещал зайти ко мне? Про дыню-то забыли?

— Какая ночью дыня, — смущенно рассмеялся бухгалтер. — Да и перед женой твоей неудобно.

— Если вы сейчас не зайдете к нам, она мне покою не даст. Нет, правда, мы поздно ложимся спать.

Действительно, когда они вошли, Кульжамиля сидела в столовой и читала книгу.

— Не отпустил я агая, — несколько виновато сказал Турарбек. — Дорога наша к тебе выпала.

— Я рада, — приветливо улыбнулась Кульжамиля. — Проходите, агай.

— Ужин готов? — спросил Турарбек.

— Сейчас, через минуту.

Бухгалтер вымыл руки и прошел в комнату.

— Посидим спокойно, — сказал Турарбек. — Все равно всех дел не переделаешь, слов не перескажешь.

Бухгалтер устало откинулся на спинку дивана, осмотрелся и сказал:

— У тебя вроде бы книг прибавилось?

— Собираю понемногу, да только вот читать некогда. В этом отношении Кульжамиля счастливее меня. И читает, и музыку слушает.

— Это не так уж и плохо.

Кульжамиля успела уже накрыть на стол и пригласила садиться.

— Доставили мы тебе хлопот, — виновато сказал бухгалтер.

— Вы не переживайте, пожалуйста, — улыбнулась Кульжамиля. — Мы всегда ужинаем в это время. Турарбек приходит поздно, я уже привыкла.

— Вот человек, обязательно надо уколоть, — улыбнулся Турарбек. — Весной перед самым окончанием учебы влюбился в нее по уши один солидный аспирант с квартирой. Больно было смотреть, как он на глазах таял. Если бы Кульжамиля сделала правильный выбор, то гуляла бы сейчас с этим аспирантом по широким улицам да среди тенистых садов. И зачем она предпочла рядового агронома? Это для меня загадка. Так что пусть сама себя и винит.

— Между прочим, сейчас в любом городе хватает агрономов. Живут и на жизнь не жалуются, не все в аулах прозябают.

— Эх, жизнь! — вздохнул бухгалтер, вспомнив свою прошлогоднюю поездку в Алма-Ату, куда ездил летом за новым протезом. Он и не заметил, как вздохнул, а губы прошептали что-то.

Он снова увидел необозримые яблоневые сады, в которых уже начинали наливаться солнечным румянцем огромные яблоки. Все здесь было на виду, как роскошное приданое невесты. Окрестные холмы словно были покрыты нежным зеленым бархатом. За ними белыми головками сахара возвышались могучие горы, к которым упрямо шагали вдоль широких прямых улиц стройные тополя с серебристыми листьями, потом их сменяли могучие ели.

Каждый двор в городе был похож на сад, в котором вечный праздник.

Бухгалтер вспомнил, как подошел совсем близко к высокому фонтану и увидел множество маленьких радуг, лицо освежила мелкая водяная пыль.

Издали хрустальные струи казались тонким живым кружевом, в которое вправлены алмазы и лазуриты. Газоны вокруг фонтанов напоминали новые зеленые ковры с редкими крапинками простых цветов.

Но есть и пышные цветники, он их тоже видел. Сколько там роз — красных, желтых, белых, розовых. И так много цветов он увидел, что почувствовал себя счастливым мальчиком, попавшим случайно в добрую сказку.

Очнуться его заставил резкий скрип протеза. Да, всю эту сказку сотворили люди своими мозолистыми руками, за эту сказку многие отдали жизни под заснеженными стенами Смоленска, в батырской крепости Брест. И от этого напоминания сказка-жизнь стала еще дороже.

Скрип протеза напомнил ему еще и о том, что жаркая земля родного аула ждет его, белые коробочки хлопка ждут его рук и надо спешить домой. Эх, если бы мог он увезти с собой хоть немного сладкой алма-атинской воды, упросить арыки последовать за ним, чтобы этой живительной водой напоить досыта корни хлопчатника, какие бы дивные белые облака повисли над каждым кустом!

Несмотря на больную ногу, он всю неделю не давал себе передышки, бродил по тенистым аллеям, где так хорошо думалось, поднимался на Коктюбе, ездил на Медео и с этих высот смотрел на город, который казался и голубым, и желтым, и зеленым одновременно. А по ночам он слушал город и удивлялся его почной работе, пытался разобраться в шу-

мах, и ему чудился рокот турбин, ровное жужжание станков, шорох такси по серому асфальту и звон гитар. Да, город был прекрасен. Но может, прав и Турарбек, который вернулся в неистовую жару родного аула, несмотря на то что ему предлагали остаться в институте. Сильней магнита притянул его к себе этот невзрачный Каракай. Значит, не гость он здесь. . .

— Вы все еще на собрании? — улыбнулся Турарбек, удивившись глубокой задумчивости гостя.

— Нет, мой дорогой, — сказал бухгалтер, проводя рукой по лицу. — Я был далеко отсюда.

— Где, если не секрет? — спросила Кульжамиля с лукавой улыбкой.

— Не секрет. Я побывал в коридорах твоего института, Турарбек, и заглянул в окна твоего общежития, Кульжамиля.

— А разве можно заглядывать в окна женского общежития? — пошутила Кульжамиля.

— Мне можно, я старый, — рассмеялся бухгалтер. — В общем, я побывал в Алма-Ате.

— Вы побывали в Алма-Ате? — с завистью сказала Кульжамиля. — Как я по ней соскучилась.

— Все это хорошо, — задумчиво сказал Турарбек. — Но у меня не выходит из головы другое. Почему так вел себя на собрании управляющий? Откуда у него это чванство? Как хотите, я не могу с этим примириться. Вся моя натура против. Да, у меня большие замыслы и планы. Я хочу работать в полную силу, каждый день узнавать что-то новое и каждый день приносить добро людям. Да, я не откажусь от славы, только пусть она будет заслуженной. Я хочу стать полезным специалистом, а потом и хорошим руководителем. Для чего? Очень просто. Чтобы больше принести пользы делу и людям. Я хочу, чтобы меня уважали не за диплом, а за дело, за работу мою, за сердце и честность.

— Ну, разошелся, — смущенно сказала Кульжамиля. — Постыдился бы агая. Перестань, пожалуйста. Так редко выпадает случай тихо посидеть среди своих, а ты не даешь людям спокойно ни поесть, ни отдохнуть. Вы угощайтесь, агай, не обращайтесь на него внимания.

— И сегодня скромность украшает человека, как и в былые времена. Но не надо путать скромность с покорностью, — начал было бухгалтер, но Турарбек отмахнулся от Кульжамили и перебил его:

— Не буду я мириться с недостатками. Ведь какие времена сейчас! Нужен трактор — вот он, комбайн — пожалуйста, машины любые, удобрения — все к нашим услугам, все

есть. Нет одного — ответственности за дело, хозяйского подхода. Ничто нас не тревожит, не беспокоит. В крайнем случае шефы помогут. Разве это не равнодушие? Ну и как тут не злиться?

Вот говорят, без недостатков хозяйств не бывает. А надо, чтобы были, чтобы работа шла без авралов. Ведь если подумать, то ничего не горит, и без спешки можно работу делать. И нечего гордиться тем, что мы ночами не спим да валимся с ног от усталости. Все это от ленивости мысли да от нашей бесхозяйственности. Разве не так? А если уж говорить всерьез о нашем сегодняшнем собрании, то оно тоже прошло без пользы, просто ради «галочки». С этим надо кончать.

— Ты слишком много говоришь об очевидном, — прервал его бухгалтер. — Нового ты ничего не открыл. И все это ясно для каждого, кто был на собрании. Да только не по плечу сейчас нам эти дела. . .

— Но вы ведь секретарь партийной организации. Кому же, как не вам. . . — начал было Турарбек, но бухгалтер сухо оборвал его:

— Не надо продолжать, дорогой мой! Все и без слов понятно.

Турарбек смущенно замолчал, словно на каменную стену налетел.

А бухгалтер думал, что парень молод и слишком горяч, что надо ему во всем помогать, а иногда и придержать не худо. Аулу повезло, что такой джигит приехал, хоть разгонит ленивую дрему да зыбкие миражи. Толк из него выйдет.

Да, Турарбек нравился ему своей горячностью и нетерпимостью и, чего греха таить, житейской наивностью. Поэтому надо его беречь. Предстоит крупный разговор с Жукином и Ермеком.

Такие вот примерно мысли бродили в голове у Ертая Айнабекова, старого бухгалтера, когда он услышал голос Кульжамили:

— Ну что мы все надулись и молчим. Может, песни послушаем, если наговорились уже?

— Это ты хорошо придумала, — одобрил старик. — Ну показывай, где же твои пластинки?

Турарбек закурил и отошел к раскрытому окну. Он все еще никак не мог успокоиться и тоже был во власти своих дум и поэтому проворчал:

— Для музыки надо соответствующее настроение.

— А нет ли у тебя песни «Акбулак»? — спросил бухгалтер, не обращая внимания на ворчание Турарбека.

— Для вас найдется, агай, — сказала Кульжамиля и

вскочила с места. Почему-то она вдруг заволновалась, будто ей самой предстояло выйти на ярко освещенную сцену и запеть перед огромной толпой зрителей. Она подумала, что красивую песню должен петь красивый душой человек. Она вообразила себя в своем воздушном бело-голубом платье, которое так редко приходилось надевать здесь. Ей так вдруг захотелось ощутить на себе приятную, праздничную прохладу этого светлого наряда, что сердце у нее сжалось. Но не наденешь же его без всякой видимой причины, не объяснишь мужчинам своего странного состояния.

И еще ей захотелось танцевать, закружиться, опьянеть от музыки, от теплой ночи, от звезд.

Она вздохнула, вспомнив, как легко и прекрасно танцует Турарбек и как идет ему красивая одежда.

Бухгалтер расслабился. Он почувствовал, что проходит напряжение долгого дня и накатывается усталость, а тело просит отдыха. Он с улыбкой следил за порхающей по дому Кульжамилей и думал: «Бедняжка, легко ли ей тут? Она привыкла, что каждый день несет в себе радость и праздник. А здесь будни мужа, которого почти не видит, и вынужденное сидение дома».

В его грустные мысли вдруг ворвалась песня, которую он заказал.

И вот зарокотал серебристый ручей Акбулак, потянуло прохладой от замшелых валунов, всхрапнули кони, и красавица в голубом камзоле пришла к ручью за водой.

По тропинке спускаются девушки и женщины, звонко смеются они, и смех их серебристый сливается с жемчужными струями ручья.

А в стороне ведет на водопой свою дойную кобылу белобородый старик в войлочном колпаке. Остановившись, он слушает юные голоса, вспоминая свою собственную молодость, свою тонкую, как озерная тростинка, девушку в голубом камзоле, в расшитой узорами шапочке на голове, которая откинулась назад от тяжести черных кос. Над шапочкой трепещут перья филина, а в ясных лучистых глазах дрожит смех.

В струях быстрого Акбулака переливается свет, и на рябинках крохотных волн будто вспыхивают зернышки рубинов, янтаря, жемчуга и золота.

Лицо старика увлажняется то ли от водяной пыли, то ли от теплых слез. . .

Все трое, замерев, слушали песню, которую полюбил народ. Кульжамилля вздохнула и тихо сказала:

— Какая хорошая мелодия. Просто сердце захватывает.

Она машинально перебирала пластинки, зачем-то перерачивала их и снова ставила на место.

— Да, это Акбулак, каким я его и представлял себе. Я увидел этот чистый ручей, — сказал старый бухгалтер. — Далеко же унесла меня песня. . .

А песня продолжалась:

Как красив и резв
Шаловливый Акбулак. . .

Ветер утих, и девушки идут к белым юртам, осторожно несут воду, боясь расплескать ее. Старик в войлочном колпаке ведет на поводу кобылу, за которой бежит, потряхивая смешным кудрявым хвостиком, тонконогий жеребенок. Аксакал огибает земляную печь жер-очаг и бросает взгляд на кипящий казан, под которым рдеют кизячные угли. . .

Как-то уж очень неожиданно умолкла эта чудесная песня, и бухгалтер торопливо засобирился домой.

— Мне пора, я и так отнял у вас много времени, не дал вам отдохнуть, — сказал он виновато.

— Ну куда вы так спешите? — попыталась удержать его Кульжамия. На лице ее все еще дрожали всполохи радости и волнения, вызванные песней. — Кроме того, вы же сами еще не спели нам песню.

— Разве так шутят со старшими? — упрекнул ее Турарбек.

— А ты тоже не стой букой, иди к нам поближе, — смело сказала Кульжамия. — Иди, иди.

Бухгалтер не сразу нашелся что и сказать. Можно было, конечно, поблагодарить, сослаться на усталость и уйти с миром, но ему и самому не хотелось уходить, не хотелось терять ощущение праздника, хорошее настроение.

— В нашем ауле часто можно услышать красивую песню, которая так и называется «Красивая», — улыбнулся бухгалтер.

Все рассмеялись, а Турарбек сказал:

— В самую точку попали! Кульжамия, начинай!

— Почему я? — удивилась хозяйка. — Кроме того, у нас же пластинка есть с этой песней.

— А сами мы разве не сможем спеть? — сказал Турарбек весело. — Уверю тебя, у нас не хуже, чем у певцов, получится.

Кульжамия глубоко, порывисто вздохнула, приготовилась петь, но вдруг почему-то смутилась и тихо попросила мужа:

— Начни ты, пожалуйста. Мы так давно не пели вместе.

— Ну вот, так я и знал. Всегда первому начинать, — по-

пытался отговориться Турарбек, но Кульжамиля положила руку ему на плечо:

— Ничего, тебе не привыкать быть первым.

Турарбек затаил дыхание, глаза его вдруг сделались печальными, а взгляд далеким и задумчивым, и он робко запел. Сначала голос его дрогнул от волнения, но потом окреп, набрал силу, налился мечтательной нежностью и словно стлался над туманной степью, одиноко и обреченно. Но вдруг в него влился чистый голос Кульжамили и поднял песню высоко над степью, над туманом, к солнцу.

Припев они спели особенно хорошо:

Душа моей песни,
Весна моей жизни,
Куда ты пропала,
Красивая?

Гость опустил голову, чтобы скрыть свое лицо. Он и не думал, что сегодняшней вечер может так сильно взволновать его, старика, повидавшего в жизни и горького и соленого. Будто вернулась к нему его нелегкая юность и наяву запахло мокрой шинелью и порохом. А перед глазами стояла она, беззвучно смеющаяся девушка. Такой он навсегда запомнил ее. Она ждала, когда ж он подхватит песню, чтобы оживить ее, чтобы она обрела реальную жизнь и плоть. Она ждала. Но что-то сдавило ему горло. . .

ДУШНЫЕ НОЧИ

1

Вечер надвигался медленно и тяжело. Краски заката не гасли, а грузнели, превращались из светлого золота в темно-красную медь. Жгучие лучи солнца остывали томительно долго в душном безветрии, в каменной неподвижности неба, придавившего землю, которая источала запах прокаленной пыли. Только у самого горизонта сочно атели полосы света, сулящие наступление ночной свежести.

Аул будто оцепенел, уснул мертвым сном. Не слышно ни шороха, ни малейшего звука, ни даже лая собак, обычного для аульной жизни.

Кульжамиля хотела было поставить чай, но тут же вяло опустилась на кошму. Некому пить чай в этом доме. А ее даже сама мысль о горячем чае пугает. Муж должен прийти, как обычно, где-то около полуночи.

Сумерки густели, становились лиловыми, а ей и свет зажигать не хотелось, потому что он напоминал о жаре. К тому же на свет слетятся тысячи мошек и комаров, жучки с зелеными и золотистыми крылышками начнут кружить над лампой и биться жесткими грудками о горячее стекло.

Нет, в темноте сидеть лучше. Не станут ее дожимать назойливые мошки, да и меньше думается о жаре. Сейчас бы глоток горного воздуха и опьянеть от него.

Кульжамия поднялась с кошмы и настезь распахнула окна. Но и на улице воздух был тяжелый и неподвижный, не чувствовалось даже слабого сквозняка. Везде все тот же душный зной, давящий вечер, как будто ничего на свете нет, кроме этой оцепеневшей духоты. Будто кто-то накрыл весь мир огромной юртой без единого отверстия, в которое мог бы проникнуть спасительный свежий воздушный ручеек.

Кульжамия даже вообразила этот ручеек. Он был голубой, тихо журчал и переливался, как горная вода.

Она вздохнула и снова опустилась безвольно на пол, будто все ее тело было из мягкого, податливого воска. Села и замерла в ожидании неизвестно чего. Однако ее невеселое уединение было неожиданно нарушено. Пришла Зибаш, оживленная, как обычно.

— Что это вы сидите в темноте? — с порога заговорила она. — Уж не заболели ли случайно?

Кульжамия, которая за минуту до этого не хотела никого видеть и слышать, потому что чувствовала себя обнаженным комком нервов, к своему удивлению, обрадовалась приходу девушки. Как будто не она только что была зла на весь белый свет, а совсем другой человек.

— Проходи, Зибаш. Присаживайся. Как хорошо, что ты пришла! — ласково сказала она гостье.

Зибаш почувствовала тепло в голосе Кульжамии, и душа ее потянулась к молодой хозяйке.

— Что же это вы целыми днями из дома не выходите, — упрекнула она Кульжамилю. — Ведь скучно же одной сидеть.

Кульжамия горько вздохнула. Зибаш, эта девчонка, затронула самое больное место. Да, ей действительно скучно и тошно, и она просто не знает, куда себя девать в эти знойные долгие дни.

Кульжамиле вдруг захотелось высказать Зибаш свою боль, свою тоску и как одиноко она себя здесь чувствует.

— Ты права, Зибаш. Скучно мне. А что прикажешь делать? В ауле все от мала до велика заняты. Только у меня никакого дела нет. А кто в этом виноват? Разве я? Как я могу прямо с ходу влиться в размеренную жизнь чужого

для меня аула? А тем более стать для него своей? Да, я целыми днями одна. А ночами, ты думаешь, я не одинока? Турарбек приходит чуть ли не под утро и сразу же валится с ног от усталости. Двух слов не скажет. Сижую смотрю, как он спит мертвым сном. Думаешь, легко мне? Нет, дорогая моя, не так-то это просто.

Зибаш, которая сидела на диване и наблюдала за взволнованной Кульжамилей, с невольным осуждением подумала: «Что это она так? Дом для нее не мил, аул чужой, Турарбек не нравится. А ведь хорошее имя Турарбек, Тураш...»

Зибаш решительно встряхнула головой и сказала:

— Хотите, я вас завтра на хлопок свожу? Посмотрите, развеетесь. Ну что толку дома одной сидеть?

Кульжамиля снова замкнулась в себе, и опять давящая духота обступила ее со всех сторон.

— Зачем мне без нужды жариться на солнышке? — усмехнулась она. — Чем тащить меня куда-то в вашу пустыню, лучше отпросись на день да съездим мы с тобой в Джетысай. По магазинам походим. Я уже, наверное, сто лет не бывала в приличном магазине.

Зибаш задела слова Кульжамилей. «Хлопковое поле для нее пустыня, а солнце чужое. Магазин наш, видите ли, не по душе, — думала она. — Неужели всю жизнь так и собирается сидеть в четырех стенах? И что за человек, который боится солнца? Да разве это жизнь? Зачем отмежевываться от нашей жизни, от наших людей? Выходит, Турарбек для нее хорош, а его земля, люди — плохие? Нет, так не годится!»

— Прежде надо с людьми познакомиться, а Джетысай ваш никуда не убежит, — упрямо сказала Зибаш и усмехнулась. — Он ведь рядом.

— У всех у вас одни только отговорки, — раздраженно сказала Кульжамиля. — Сколько мне еще бродить по этим двум несчастным улочкам вашего аула? И так уже каждую пылинку истоптала.

Но Зибаш была уверена в своей правоте, и ей хотелось как-то доказать это Кульжамиле, убедить ее. Она сказала:

— Если ничто не помешает, то следующим летом поеду учиться. Неужели и я после института, когда вернусь в аул, то буду сторониться всех и всего? Неужели стану искать прохлады и бояться жары?

Злость, копившаяся в груди Кульжамилей весь день, закипела в ней, и она чуть не закричала:

— Хотела бы я тогда на тебя посмотреть! Да только думаю, что уже буду далеко отсюда. Но ты сто раз пожалеешь

о городе и немало слез прольешь. Вот тогда-то и вспомнишь меня.

— Не знаю, — задумчиво сказала Зибаш. — Мне кажется, все зависит от самого человека. В жизни аула есть свои интересные стороны, только надо их уметь видеть.

Это замечание Зибаш еще сильнее подстегнуло Кульжамилю:

— Какая ты мудрая, я смотрю! Какая шустрая! Но раньше и мы все такими же наивными были. Тоже мечтали о романтике! Трудности нам подавай, а мы их преодолеем. Мол, только мы и способны принести культуру в эту глухомань, но время рассудило иначе.

Хорошо, давай говорить откровенно. Взять, например, нас двоих. Приехали мы сюда, и дом готов, и все. Худо-бедно, свой очаг затеплили. Не буду скрывать, бывают у нас размолвки и даже ссоры, но мы умеем быстро мириться. Поругаемся, покричим, а ведь нас всего двое, куда денешься. К соседям не побежишь. Ну а если бы я приехала сюда одна? Чужой аул, чужие люди, своя жизнь, о которой посторонний человек ничего не знает и знать не может. Как ты можешь гарантировать, что через несколько дней не сбежишь отсюда?

— Да ведь от самого себя не убежишь, — быстро возразила Зибаш.

— Посмотрите вы на нее, такая молодая, а упрямства в ней хоть отбавляй, — насмешливо сказала Кульжамиля. — Не беспокойся, работа везде найдется, обязательно искать ее в вашем ауле, что ли?

— Мне просто не верится, что вы институт закончили, — лукаво улыбнулась Зибаш.

— Почему это не верится? — насторожилась Кульжамиля.

— Такая молодая.

Кульжамиля вздохнула и поднялась, чтобы включить свет.

— Ладно уж, будьте вы скакунами да берите все призы от жизни, — сказала она. — А я как-нибудь и потихоньку доплетусь до финиша.

Зибаш вспыхнула:

— Зря вы так говорите. Честное слово, не могу вас понять. Ну как это ничего хорошего не заметили в ауле? А люди, труд, повседневные заботы? Надо идти вам к людям, будь то аул или город, неважно. Можно ведь и в большом шумном городе чувствовать себя одинокой. Разве не так?

— Вои ты куда завернула! — удивилась Кульжамиля. —

Если бы тебя услышал мой Турарбек, спасибо бы сказал. Твои слова для него все равно что дождь в засуху. Подожди, скоро он придет, повторишь. Вот уж порадуешь человека.

— Хоть вы и смеетесь надо мной, все равно не правы, — улыбнулась Зибаш. — И вообще город и аул нельзя разделять. Везде люди. И все зависит от самого человека.

— Где это тебя научили такому красноречию? — отмахнулась Кульжамия. — Язык у тебя хорошо подвешен, слова не даешь вставить.

Зибаш по-настоящему обиделась:

— Запомните раз и навсегда: в ауле рано взрослеют, а тем более девушки.

— Я не удивлюсь, если ты сейчас спросишь, зачем я сюда вообще заявила, — холодно сказала Кульжамия. — И без меня ваш аул не пропадет. Так и скажи, чего уж стесняться.

— Ничего я такого не думала. Вы приехали, потому что сюда направлен ваш муж. А теперь уж все равно никуда не уедете. Никуда мы вас не отпустим. Лучше привыкайте побыстрее.

— И откуда ты взялась на мою голову, — пробормотала раздосадованная Кульжамия. — Ну ничего, проживем — увидим. — И она отвернулась, чтобы скрыть раздражение.

Зибаш поняла, что в своей откровенности зашла слишком далеко, и поспешила извиниться:

— Простите меня! Вечно я что-нибудь невпопад ляпну. Сболтну что-нибудь лишнее, а потом раскаиваюсь. Не обижайтесь, пожалуйста. Не надо хмуриться, прошу вас. Вам очень идет улыбка.

— Ох и хитруша ты, Зибаш, — невольно улыбнулась Кульжамия.

— А разве не правда? И вообще улыбка всем к лицу. Ой, чуть не забыла, вы же говорили, что у вас хорошие пластинки есть. Может быть, послушаем?

Кульжамия подумала, что Зибаш просто из приличия перевела разговор на другую тему. Во всем этом споре правда была, конечно, на стороне Зибаш, и Кульжамия это хорошо понимала, тем не менее чувствовала, что гордость ее ущемлена. Ей захотелось отомстить, показать свое превосходство над этой аульной девчонкой. В то же время она думала, что Зибаш ей ничего плохого не сделала и незачем на нее сердиться. Наоборот, нашла время навестить ее, скрасила одиночество.

Испытывая такое раздвоение в душе, Кульжамия поставила Первый концерт Чайковского, полагая, что Зибаш не

имеет никакого представления ни о Чайковском, ни о классической музыке. Но, как оказалось, она ошиблась.

Зибаш не раз слышала этот концерт и сейчас вся очутилась во власти его. Юное, еще такое неумелое сердце ее долго трепетало и после того, как затихли последние звуки.

— Бедная девочка, — снисходительно сказала Кульжамия, наблюдавшая за ней. — Тебе, наверное, было скучно?

— Нет, — покачала головой Зибаш. — Я очень люблю Первый концерт Чайковского. Вообще, сейчас тихий вечер, и лучше бы нам послушать «Вечернюю серенаду» Шуберта.

Кульжамия не ожидала такого ответа и с досадой прикусила губу.

— Конечно, даже дети знают этот концерт, — пробормотала она, — но это еще ни о чем не говорит. . .

Зибаш чувствовала, что ее хотят унижить. Несмотря на свою юность, она была не так уж глупа.

— В культурном отношении аул очень вырос, — заметила она тихо. — Музыку у нас любят.

— Что-то с трудом верится, — процедила сквозь зубы Кульжамия. — Я по Турарбеку вижу. Крутится как белка в колесе, где уж ему до высоких материй. А другие чем лучше? С утра до ночи только своим хлопком и заняты, пость некогда. А для музыки нужно время и настроение.

— Это вам только так кажется, — с какой-то грустью сказала Зибаш, — потому что вы из дома шагу лишнего не хотите ступить. Иначе бы так не говорили. Ничем мы не хуже других людей. Потом сами узнаете. . .

В это время на улице послышался шум мотоцикла и затих под окнами. Обе вскочили на ноги. В сенях загремело ведро.

— Да это же Турарбек, — равнодушно сказала Кульжамия и снова опустилась на диван. — Он всегда ведром гремит, воду ищет.

— Разве можно напиться в такую жару сырой водой? — улыбнулась Зибаш. — В такую жару надо пить ледяной кислый шалап.

— Шалап? — Кульжамия с удивлением посмотрела на девушку. Та подумала, что Кульжамия не знает, как готовится напиток, и принялась объяснять:

— Ну да, шалап. Берется кисло-соленый творог и разбавляется водой. Очень вкусно и полезно.

Кульжамия махнула рукой:

— Что я ему этот шалап, из-под земли достану? И воды напьется.

Вошедший Турарбек прервал их разговор.

— Ого! К нам, кажется, Зибаш пожаловала?! В таких

случаях обычно дастархан расстилают, а в большом казане мясо варится!

— Всему свое время, — сказала Кульжамия. — Не будь таким нетерпеливым и вредным.

Турарбек посмотрел на их скучные, тусклые лица, и ему самому стало беспокойно и тоскливо, как будто он сказал что-то неприличное. Глаза Зибаш словно говорили ему, что ничего не поделаешь, придется подчиниться общему настроению. Турарбек повернулся к жене. От ее красивого лица дохнуло на него холодом, оно будто упрекало его: «С чего это ты так обрадовался, чего резвишься, разве на это есть причина?»

Турарбек не вынес ее взгляда, отвернулся и молча вышел.

— Давайте чай поставим, — предложила Зибаш Кульжамие. — Он, наверное, голодный пришел, усталый.

— У нас чай и утром, и в полдень вместо супа, и на ночь, — проворчала Кульжамия. — А впрочем, давай поставим.

Через некоторое время вернулся Турарбек. Он умылся, поспежел, выглядел бодро и празднично.

— Завтра к нам в гости собирается весь аул, — радостно сообщил он.

— Зачем? — удивилась Кульжамия.

— На новоселье, поздравить нас хотят.

— А где же они были раньше?

— Видно, решили, что лучше поздно, чем никогда, — улыбнулся Турарбек.

Кульжамия молча прошла в столовую. Зибаш тоже поднялась с места:

— Пора мне, а то мама, наверное, уже беспокоится.

Турарбек попытался было удержать ее:

— Посиди с нами. Сейчас чаю напьемся, а потом мы проводим тебя с Кульжамией.

— И так уже засиделась, пора идти, — застеснялась Зибаш. — А утром я приду, помогу Кульжамие.

— Хорошо, приходи помогать, — согласился Турарбек.

Зибаш вышла. Ей очень хотелось оглянуться и еще раз посмотреть на Турарбека, но она этого не смогла сделать. Что-то помешало ей, а что, она и сама не поняла.

Гости собрались все разом. Дом, молчаливый обычно, наполнился голосами, ожил, как будто проснулся.

Глаза Кульжамии невольно засияли от радости, когда

она увидела, что во дворе сгружают с машины новенький холодильник, радиолу. Такого она никак не ожидала и как будто совсем потерялась от счастья, только с признательностью смотрела на старших, хорошо понимая, что это дело их рук. В голове мелькали суматошные мысли, легкие и веселые, как эти красивые вещи разместить в доме. Потом вдруг беспокойство охватило, ей показалось, что холодильник вот-вот уронят. В общем, Кульжамиля была счастлива.

Но, пожалуй, счастливей была Зибаш. Ее просто переполняла гордость за свой щедрый аул. Сияющими глазами она искала Турарбека, но не нашла его среди людей, тогда протолкалась к растерянной Кульжамиле, крепко обняла ее и, смеясь, проговорила прерывистым от волнения голосом:

— Вот видите! Я же вчера вам сказала, что скоро сами во всем убедитесь. Надо прежде всего узнать людей.

— Ох, и не говори! — всплеснула руками возбужденная Кульжамиля. — Ты права.

В это время появился Турарбек и стал приглашать всех гостей в дом. Он уже успел переодеться по случаю торжества. На нем очень ладно сидел голубой костюм, из-под которого выглядывала белая рубашка с бледно-зелеными полосками. Галстук, ремень, ботинки — все было подобрано соответственно костюму. Волосы Турарбек сумел так причесать, что можно было подумать — человек только что вышел из парикмахерской.

Зибаш, которая стояла в сторонке, не могла глаз отвести от Турарбека. «Счастливая Кульжамиля, — подумала она и вздохнула, — счастливая, что нашла такого джигита». Между тем гости стали проходить в дом и рассаживаться по местам.

— Хоть бы предупредил вчера, что так все будет, — шепнула Кульжамиля мужу. — Хоть бы намекнул, что ли. Так все неожиданно.

— Ты о чем? Я ведь тебе говорил! — не понял Турарбек.

— Да я об этих вещах. Деньги за них не надо платить?

— Ты с ума сошла! — рассердился Турарбек. — Перестань говорить всякий вздор. На новоселье всегда дарят подарки.

Когда гости все разместились, слово взял директор. Он обернулся к зардевшейся Кульжамиле и сказал:

— Дорогая хозяйюшка! В честь того, что вы с Турарбеком создали семью, собрались мы все сегодня, молодые и старые, и хотим от всего сердца поздравить вас. А если сказать лучше, то это не простой очаг, а чистый, не простой дом, а честный. Раньше в этом доме жили старики, которые всю

жизнь свою протрудились честно, прожили достойно. Не новая белая юрта приняла вас на родной земле, а старый дом дождался праздника. И не жалеете, а радуйтесь, что стали хозяевами старого дома. А мы радуемся, что с вашим приездом наш аул раздался вширь, что в ауле нас стало больше. Ведь в аул приехала не просто молодая и красивая семья, а прилетели наши птенцы в родное гнездо, вернулись наши птенцы, умудренные опытом и знаниями, испытав крепость своих крыльев. Как же нам не радоваться, друзья? Так пусть же во всей красе здесь, на нашей земле, раскроется цветок вашего счастья и будет цвести вечно, радуя всех. А еще я желаю вам быть всегда здоровыми и прожить столько счастливых лет, сколько вы сами себе пожелаете. Живите долго и дружно!

Когда директор закончил, все дружно поддержали его застольную речь:

- Верно сказано! Дай бог вам здоровья!
- Снова вспыхнул огонь в старом очаге!
- Свято место пусто не бывает!
- Будьте счастливы!

— Дорогая хозяйшук! — снова заговорил директор, когда гости немного успокоились. — Эти вещи, которые ты видишь, скромный подарок от нашего аула. Пусть и они послужат вам на радость, пусть вещи старятся, а вы сами оставайтесь молодыми!

— Спасибо, агай! — от всей души поблагодарила Кульжамия, совершенно счастливая. Последние слова директора пришлись ей больше всего по душе. А тот добавил:

— Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь безо всякого стеснения ко мне. Ты поняла, милая?

— Поняла, агай. Спасибо.

— На добрый гарнитур надо было разориться, — выкрикнул кто-то из гостей, но его тут же осадил управляющий отделением:

— Ну что ты вылез? Дай договорить человеку.

— А я что? Что думал, то и сказал.

— Ты сначала сказал, а потом подумал. Сиди тихо и не перебивай старших.

— О чем больше говорить, чего больше можно пожелать, — быстро сказал кто-то из сообразительных аулчан, видя, что назревает ссора, недостойная такого праздника. — Поднимем бокалы, все мы поддерживаем слова уважаемого Саткена. Все мы желаем молодым высокого, как небо, счастья. Так за то, друзья, чтоб не было в их отношениях ни одной трещинки, а царили вечный мир и благоденствие!

Гости зашумели, заговорили оживленно:

— Ну, гуляйте, каракайцы, чтоб небу стало жарко!

— Правильно!

— Из-за работы давно мы так не собирались. Все времени не хватает.

— Не в работе дело, а в нас самих!

— Погодите немного, — сказал директор. — До рассвета далеко, ночь длинная. Успеете повеселиться, попеть, потанцевать. Давайте сначала людей послушаем. Все, наверное, хотят сказать молодым что-нибудь свое. Пусть говорит наш бухгалтер Ертай Айнабеков.

— Нет, подождите, — усмехнулся бухгалтер и взглянул на управляющего отделением. — Очередное слово должно принадлежать Жукену.

— То, что сказал директор, следует исполнять незамедлительно, — с шутливой серьезностью заметил Саткен. — У Жукена положение особое. Вы думаете, я забыл про него? Опять вмешался кто-то из гостей:

— А кто вас, извините, выбрал тамадой? И днем он директор, и вечером директор, и за столом тамада.

— Ответственность — понятие круглосуточное, — отшутился Саткен. — Я и дома, с женой, директор.

За столом одобрительно рассмеялись.

— Все равно говорить должен Жукен! — упрямо сказал бухгалтер. — Ваше слово!

Управляющий пожевал губами, по привычке откинулся на спинку стула и спокойно заметил:

— Что это с тобой сегодня? Обычно ни за что ни в чем не уступает, а сегодня сам все отдает. Или ты не знаешь, что тамада — отец застолья и дома. Так что отца надо слушаться.

Бухгалтер нахмурился и не стал больше спорить. Он взял в руки свою пиалу, поднял ее и заговорил:

— Все мы, конечно, радуемся, но радости никогда не бывает в излишке. Вчера только совсем юный уезжал Турарбек из аула, а сегодня сидит среди старших. Его знания достойны уважения, а опыт еще придет. Да, он уехал от нас совсем зеленым юнцом, а вернулся зрелым и сразу стал хозяином. Кроме того, вернулся он не один, а с женой. Прибыль это аулу или нет? Прибыль. Он коммунист и молодой специалист. Мне по душе пришлось, что он сразу с головой ушел в нашу трудную работу, занял место в нашей жизни. А завтра, глядишь, и жена его займет свое место в общей работе, а в наших сердцах она уже свое место заняла. Но все это еще только начало их большого пути. Мне нравится, что Турарбек унаследовал от отца любовь к труду, преданность делу.

Я смотрю на его молодую жену и люблюсь ее открытым лицом, ее улыбчивым гостеприимством. Ты не обижайся, дочка, аул к тебе еще приглядывается, оценивает в тебе человека. Аул пронизателен и мудр, здесь все на виду. Аул обидчив и горд, но он щедр и широк душой, он великодушен. А главное, аул доброжелателен и честен. Ты его не бойся, дочка. К чему я все это говорю? А к тому, что и здесь живут люди с их достоинствами и недостатками. Какой аул живет без сплетен? Но надо уметь не идти на поводу у зловердных слухов. Бывают и грубые люди, но недостойно отвечать на грубость грубостью. Кто-то, может быть, и на руку не чист, но ты не смей думать, что только из таких и состоит аул.

Мы многого ждем от вас и немало надежд с вами связываем. Легко быть такими, как все, а вы будьте лучшими как в работе, так и в жизни. Вот чего мы вам все желаем. Больше нечего мне сказать. Пусть на дороге вашей жизни вырастут чудесные цветы!

— Вот слова, достойные секретаря партийной организации! — воскликнул управляющий после того, как бухгалтер умолк. — Все осветил, ни одного темного закоулочка не оставил. О чем теперь остальным говорить?

— Высказал все, что было на душе, — улыбнулся Айнабеков. А сам подумал невольно, что управляющий никак не может обойтись без того, чтобы не уколоть человека. Ладно бы на собрании, но здесь же новоселье, праздник. Или он нарочно хочет все испортить?

— Давайте лучше споем! — предложил кто-то из заскучавших гостей. Но управляющий тут же резко оборвал его.

— Смотрите какой пряткий! Здесь тебе что, консерватория или оперный театр? Успеешь еще порадовать нас своим криком. Саке, разрешите и мне несколько слов сказать. Есть и у меня кое-какие пожелания.

— Но почему вы торопитесь? — недовольно сказал директор. — Ваше слово заключительное.

— Ничего, слов хватит у меня и на то и на другое.

— Ну что ж, говори, — согласился директор. — Уважим просьбу аксакала.

Жукен поднялся с места, обвел всех взглядом и сказал:

— От имени коллектива отделения я хочу прежде всего пожелать, чтобы к сегодняшней вашей радости прибавилось еще много других. С первого дня, как вы сюда приехали, вы, слава богу, не испытываете недостатка в участии, заботе и внимании. Гостеприимный аул встретил вас с распростертыми объятиями, с открытой и чистой душой. Вы должны ценить такое отношение к себе. Тот, кто умеет уважать возраст, в беде не останется. Слушайтесь старших и не лезьте

вперед со своей мнимой самостоятельностью. Человеку всегда можно понять другого человека, если вести себя с ним без горячки и глупого молодого запала. Счастье вошло в ваш дом, птицей село на ваши плечи, так не упустите же его.

Турарбек насупился. Что за неясные намеки и угрозы в словах управляющего? К чему эти поучения? А может быть, это предостережение ему?

В это время Кульжамиля толкнула его в бок и прошептала:

— Ну что ты сидишь мрачнее тучи? Разве так ведет себя гостеприимный хозяин? Угощай гостей.

Турарбек натянуто улыбнулся и сказал громко:

— Поднимем бокалы, друзья!

— И верно, давайте поднимем! — поддержали гости.

— Это никогда не поздно, — сказал управляющий. — Но частые тосты тоже до добра не доведут. Проклятая выпивка и не таких джигитов валила в жизни с ног.

— Если вы имеете в виду меня, — едва сдерживаясь, начал Турарбек, — то вы ведь знаете, что я в рот ни капли не беру.

— А кто вас знает, — проворчал Жукен. — Чужая душа потемки.

Кульжамиля тревожно взглянула на управляющего и тихонько сказала Турарбеку:

— Давайте песню начнем. Все речи и до утра не переслушаешь.

— Какая тут песня! — пожал плечами Турарбек и криво усмехнулся.

— А разве петь преступление? — обиделась Кульжамиля.

— У нас в ауле женщины больше слушают, чем говорят, а ты тут разговорилась, — сердито сказал Турарбек.

Директор, который прислушивался к их тихому разговору, вмешался:

— Ты не прав, Турарбек. Пришло время и для песни.

Кульжамиля благодарно улыбнулась ему, и они с Зибаш первые начали песню. Вокруг них собралась в кружок молодежь. А старшие пересели поближе к почетному месту, где были директор с управляющим. Пожилые женщины образовали свой кружок и тут же начали судачить и посмеиваться.

Турарбек подавленно смотрел на гостей. С детства ему были знакомы и привычны такие застолья, но сегодня все казалось чужим, мелким и неприятным. Он не мог понять своего состояния. То ли сам далеко ушел от всего этого, то ли застолье перестало быть искренним? В любом случае Турарбек понял, что отвык от таких вечеринок и вряд ли скоро

привыкнет. Казалось бы, все у него сейчас есть, и работа, и уважение людское, но нет покоя, он не может быть прежним беспечным человеком. Интересно, есть ли такая сила, которая бы вернула ему покой? В жизни все так сложно. . .

В это время директор позвал его к себе:

— Турарбек, иди к нам, дорогой! Поговорим, раз выдался такой случай.

— Мальчик худеет прямо на глазах, — усмехнулся управляющий.

— Не понимаю, — нахмурился директор, — с чего бы это ему худеть?

— Жара наша измучила парня, — пояснил управляющий. — Она ему не дает ни минуты для отдыха. Никак не может воду по полям распределить. Не хватает ее. Но что делать, такая уж у нас работа, нелегкая, надо сказать. А он, поди, мечтает, что у него все сделается само собой, как в сказке. Хозяйственные нужды не терпят благодущия. Одно залатаешь место, в другом что-нибудь порвется. А раз не все у него ладится, вот и на душе невесело. Неудовлетворен парень. Знания свои, добытые из учебников, применить негде. А раз неудовлетворен, то и работа без радости. Неудовлетворенность рождает злость. А в жару раздражаться особенно опасно.

— Как вас понимать, Жуке? — спросил директор.

— Да чуть что не по нему, насмерть готов с каждым схватиться.

— А вы помогите ему на первых порах, — сказал директор. — У вас и опыт богатый, и власти побольше, возможностей. Надо больше уделять внимания молодому бригадиру.

— Вы очень добрый человек, — ухмыльнулся Жуке. — Кто вам по душе пришелся, для того ничего не жалко. Но, между прочим, таких, как Турарбек, у нас очень много.

— Молодежи у нас много, — задумчиво согласился директор. — Много и молодых специалистов, которые, как Турарбек, нуждаются в помощи. Но это не значит, что все они Турарбеки. Каждый человек незаменим на своем месте, и помогать надо тем, кто сердцем к этой земле привязан.

— Это верно, — согласился управляющий. — Конечно, помогать молодым надо. Но если они с самого начала привыкнут к опеке да к тому, что их на руках носят, что потом с ними будет? Им будет трудней. Вот это меня и беспокоит. Нас по-другому учили. Бросят в воду — и плыви как знаешь. Сурово, но полезно. Если шишек себе не набьешь, откуда же опыта да умения наберешься?

— Может быть, и так, — сказал директор. — Но если, приобретя опыт, он потеряет веру в людей? Кому нужен такой

опыт? Нет, надо думать прежде всего о человеке. Может быть, иногда стоит и пожалеть его лишний раз.

— Вот вы говорите, лишний раз, — усмехнулся управляющий.

— Внимание никогда не бывает лишним, — отрезал директор. — Да и вообще ни к чему сейчас этот разговор. Вот вам не кажется, что Турарбек, виновник этого праздника, чувствует себя как в гостях, неловко и неудобно?

— Личная радость одного это еще не праздник для всех, — возразил управляющий.

— Когда человек делится личной радостью со всеми, она становится общей, — покачал головой директор. — И все-таки я вас прошу — помогайте ему, будьте опорой и поддержкой.

Жукену не нравился этот разговор, и он едва сдерживал себя.

Турарбек слушал молча, не перебивая старших, с застывшей улыбкой, лицо его побледнело. Но он решил выслушать все до конца, понимая, что такой возможности, может быть, больше и не будет.

— Меня об этом просить не нужно, — глухо сказал управляющий. — Вы сами знаете, как я люблю молодежь. Но в интересах общего дела не могу быть нянькой для всех и каждого. Да и не вижу в этом особой необходимости. Ну пойдем мы навстречу Турарбеку, обеспечим его водой, техникой, удобрениями, людьми, и все это за счет, конечно, других. Выведем его в передовики, вознесем на высоту. Что из этого хорошего выйдет? А ваши планы насчет его я уже давно понял. Вы хотите любыми средствами поднять его на высоту и носиться, как со знаменем. Вот, мол, какой молодой, а уже передовик, рекордсмен. И мне бы тоже было приятно, а как же. Передовик из моего отделения. Но пусть побеждает в равной и честной борьбе. От дутого передовика толку мало, такие не долго в чемпионах ходят. Потом приходит вместо славы позор. Разве не так?

Директор промолчал. Тон, каким высказал все это Жукен, показался ему недопустимым, да еще в присутствии Турарбека.

— Мне не нравится этот разговор, — холодно сказал директор. — Совсем не нравится.

— А кому он нравится? Ему, что ли, Турарбеку? Но правда есть правда. А иногда она бывает очень неприятной.

— Ну знаете ли, — развел руками директор. — Всеу свое место и время.

Наступило неловкое молчание. Турарбек, в душе у которого все кипело, как в котле, во время этого разговора вдруг

успокоился, посмотрел на директора, на управляющего и сказал:

— Прежде всего скажу, что ни в ласке, ни в жалости я не нуждаюсь. И опека мне тоже не нужна. Не я нуждаюсь в заботе и опеке, а дело, хозяйство. Об одном только прошу, чтобы не мешали, а создали нормальные условия для работы. О хозяйстве, о деле мы как раз думаем мало, отсюда все беды. Нельзя жить только сегодняшним днем. Вот вы думаете, главное — собрать урожай с этой земли, и собрать сегодня. Оказаться среди лучших, в победителях. Как будто завтра мы навсегда собираемся откочевать в другое место. И потом, привыкли мы идти у слухов на поводу да прислушиваться к разным сплетням, кто чего сказал да о ком, да на кого косо посмотрели. И кто сказал и как сказал, а о здравом смысле и забыли.

— Ну вот! — воскликнул довольный управляющий. — Вы слышите, какого мнения о коллективе ваш подопечный? Сплетни, слухи. Все сам знает, все для себя решил. Ну как тут быть, если он не только старшего по возрасту, но и коллектив ни во что не ставит?

— Вы один еще не коллектив, — сказал Турарбек. — У меня совсем иное представление о коллективе.

— Какое же, интересно? — оживился директор.

— А такое. Нельзя считать коллективом случайное собрание людей, которые не связаны ни общим делом, ни общими интересами. Без единства целей, мыслей и духовной общности нет и коллектива.

— Все это красивые слова, — процедил управляющий.

— Дело не в словах, — возразил Турарбек. — И вы это прекрасно понимаете. Не надо прикидываться простаком.

— Вот, и как с ним после этого работать вместе?! — вскричал управляющий, повернувшись к директору.

— Ну-ну, Жуке, спокойней, — улыбнулся тот. — Не принимайте его слова близко к сердцу. Говорит он правду, а то, что слова не слишком выбирает, — это недостаток молодости, горячности.

— Да если бы он просто сказал, без задней мысли, — обиженно заговорил управляющий. — А то ведь думал об этом не один день, вынашивал в себе. Того и гляди завтра мне совсем на шею сядет.

Директор решил прекратить спор и предложил:

— Давайте вернемся к нашему застолью. Молодежь веселится, а мы ведем какие-то скучные разговоры. За дастарханом их не решают, все эти проблемы. А я совсем забыл про свои обязанности тамады. А ну, джигиты, кто из вас говорить будет?

— А разве нельзя молча выпить? — откликнулся тут же кто-то из нетерпеливых гостей. — Все и так ясно. Все мы молодым одного желаем.

— Говорят, что без тоста вино прокисает, — рассмеялся директор. — Я, как тамада, не могу нарушать традицию.

— Кто бы объяснил мне, какая польза от этих тостов?

— Я попробую это сделать, — сказал директор. — Прежде всего тосты воспитывают чувство красоты слога. Кроме того, они прививают чувство выдержки и меры в питье. Каждый знает, что ему придется говорить, еще он знает, что если будет слушать других, то и другие будут слушать его. А он будет слушать для того, чтобы не повториться. Если он молод, то будет учиться произносить тосты у других. То есть учиться уму, мудрости и красноречию. И еще я забыл сказать, что ведь между тостами едят.

Все рассмеялись, довольные тостом директора. А вскоре и действительно стало не до разговоров. Все присоединились к поющим.

3

После полуночи гости стали расходиться. Те, кому надо было добираться до центральной усадьбы, объединились в одну большую группу. Когда вышли на дорогу, главный инженер совхоза сказал рядом идущим:

— Вы идите, я догоню.

И он быстро зашагал назад, как человек, забывший что-то очень важное. Вскоре его тихонько окликнули из темноты управляющий отделением Жукен и агроном Сеиткулов. Все трое двинулись по пустынной ночной дороге.

— Не надо было на виду у всех отставать, — сказал агроном, не поднимая головы.

— Цыц, щенок! — рявкнул управляющий, который был явно не в духе после новоселья. — Ишь язык развязал. Что ж ты раньше-то молчал, как бык в ярме? Весь вечер просидел молча, как воды в рот набрал. У обоих у вас трусливые заячьи душонки. От своей собственной тени шарахаетесь. А видели, каков Турарбек? А ведь ваш ровесник. Уж он-то молчать не станет, когда до всего докопается. Уже и сейчас жалит своим языком, как клинком разит. Ах, сукин сын!

— Ругаться вы мастер, — сказал главный инженер. — Но мы-то здесь при чем? К нам-то зачем цепляться ни с того ни с сего?

— Ни с того ни с сего?! — ахнул Жукен и даже остановился от изумления. — Кроты слепые! Неужели не видите, что под вас яму роют? Оба вы заткнитесь, если ничего не

понимаете, дальше своего носа не видите. Ладно уж, так и быть, объясню. Мне надо было выяснять отношения, узнать его слабое место. А вы вместо того, чтобы помочь мне, молчали.

Что я узнал? Многое. Я узнал, что Турарбек хоть и сдерживается, но горяч без меры, и на этом его можно поймать. Но сейчас еще не время. Придет срок, и ловушка захлопнется. Поймите, сейчас он для нас самый опасный человек. Вы заметили, как вел себя директор, как он защищал его? Вы оба знаете, что директор не вечен с его хворобами, и мы ни в коем случае не должны выпускать из рук место директора. Оно должно быть нашим! Понимаете вы это, щенки, или нет?

Те двое подавленно молчали, и Жукен, воодушевленный их робким молчанием, трусливым протестом, заговорил еще горячее:

— Потом не жалуйтесь, что не слышали. Многих вы видели, кто пренебрегал связями. Где они теперь? Нет их! У кого есть в кармане и в голове не пусто, у того и друзья везде. А чем больше друзей, тем лучше. Заводи друзей, захвати его, в душу влезь, а когда он придет в себя, очухается, уже поздно будет, вот он, миленький, в кулаке у тебя зажат! И себя, конечно, при случае надо уметь подать.

— Продать? — вяло переспросил агроном.

— А хотя бы и продать! Только подороже. Надо уметь создавать для себя самые благоприятные условия. В общем, все дело в том, чтобы уметь перелицевать старый халат так, чтобы его не смогли отличить от нового. Если вы не поймете всего этого, то вечно будете для других каштаны из огня таскать. Ну, что вы молчите?

Главный инженер и агроном хоть и достаточно знали истинную душу управляющего, но тут не могли не содрогнуться, когда все им было высказано без намеков и недомолвок. Они уже ушли довольно далеко от аула, а Жукен все не мог уgomониться, подогретый вином, которое выпил на новоселье, и своим собственным красноречием. Этих двоих он не боялся.

— Вы только представьте себе, что вас ожидает в недалеком будущем, которое я готовлю. Один стапет директором, второй главным агрономом. Что вам еще надо? Заживете, горя не зная. А у этого совхоза большое будущее, богатое завтра. Стоит только закончить глубокий дренаж, и хозяйство пойдет в гору семимильными шагами. Золотую жилу надо копать, пока она не иссякла. Нечего ждать, когда на нее налетят другие хитрецы. Но кто их подпустит к лакомому куску, если хозяевами совхоза станете вы?! А народ здесь

доверчивый, ох как хорошо жить с таким народом! Вот только Турарбек как кость в горле! Эх, родные мои, да у вас под ногами золотые россыпи! Надо копать и копать, не теряя времени. А ведь Турарбек знает об этих россыпях. Но в долю он с вами не войдет, вы об этом и не мечтайте. Раздаст всем. Нельзя его из рук выпускать, чтобы он не захватил это будущее, которое уже кроит и прикидывает, что и как. Директор на его стороне, да и Сам Турарбек упрямый как черт. Боюсь, как бы он не сел нам на голову. Как бы он не докопался до наших корней, такой черт настырный. Прощай тогда Каракай — благословенное место.

В следующем году откроется новое отделение, которое будет заниматься только овощеводством. Неужели мы не сорвем яблоко, которое само просится в рот? Чем рубить сук, на котором мы все сидим, лучше бы понемногу начали действовать. Конечно, если у вас есть сердце, а не свекла вместо него. А отступать вам все равно уже поздно да и некуда. Так что же вы молчите, олухи?!

Последние слова управляющий выкрикнул с болью.

— Никто себя не шадит, — миролюбиво заметил главный инженер.

— Эта работа все соки из меня выжала, — вдруг сказал агроном. — Радоваться разучился, смеяться. Сил моих больше нет. Уеду я отсюда.

— Ты что?! — взвизгнул Жукен. — Что ты болтаешь?! Можешь считать себя пропавшим навсегда, если уедешь из Каракай. Ну и олух же ты, Ермек.

Агроному захотелось резко оборвать Жукена, сказать ему что-то обидное, но он быстро остыл, подумав: «Да ну его к шайтану! Старика уже не переделаешь. Горбатого могила исправит. Привык орать. Лучше помолчать, а то снова заведется на мою голову. Этот болтун не успокоится, пока не выплюнет все свои гнусности. Устанет, сам замолчит. И зачем я только с ними связался?»

— Устал я от всего этого, — только и смог выговорить агроном.

— Что же мне делать?! — запричитал Жукен. — Я весь лопаюсь от злости, глядя на вашу глупость. Да вас за людей скоро перестанут считать, тюфяки вы пыльные. А раз считаться с вами не будут, того и гляди в один прекрасный день и с работы турнут. А что вы из себя представляете без работы? Тьфу! Пустое место.

«Когда же он кончит? — с тоской подумал агроном. — Когда кончится это наваждение? А дома еще одно начальство в юбке ждет с выговором за поздний приход. Поди, уж точит свой язык, как точильник нож. Эх, надо было мне по-

раньше уйти, не попадаться им на глаза. И что за жизнь пошла?»

Некоторое время шли молча. Как будто Жукен немного успокоился или хмель вышел из него. Но где там, видимо, не так-то просто высказаться до конца.

— Бог не дал мне сына, — немного погодя с горечью сказал он, — чтобы был опорой моей старости. А на вас, слизняков, даже смотреть тошно. В мое время у джигитов была гордость, было у мужчин самолюбие. Умрут, бывало, а дерзости не спустят. Сколько можно жить согласно пословице: «Ты нас не тронь, и мы тебя не тронем»? Боже, да чем вы хуже других?

Управляющий сошел с дороги и сел в густой пахучий клевер, вздохнул:

— Не о себе забочусь. Я свое пожил, поел, попил. И польза была многим от меня. Уважали, ценили. И вот на старости лет в огонь и в воду лезу ради вас, о вашем будущем забочусь. Я ведь ничего не боюсь. Если завтра снимут с работы, с голода не умру, а проживу не хуже других. Того, что я успел скопить за эти годы, мне хватит до конца жизни, вот так, по горло! Дело совсем не в этом. В старости приходят беспокойные мысли о том, кому ты помог в жизни, кого напоил водой из клюва, кому руку помощи протянул, когда была сила и возможность, кого на ноги поставил. И все так. Если бы не мои друзья, что бы я без них значил? Жил бы я так, как сейчас живу? Нет.

— Пора домой, — тоскливо сказал агроном.

— Ну вот, из этого хоть в час по чайной ложке выжмешь, — усмехнулся Жукен и повернулся к главному инженеру. — А ты чего молчишь?

— А он со своими железками и разговаривать разучился, — с раздражением сказал агроном, который не без страха воображал, как дома встретит его жена.

— А тебе-то что?! — вдруг гаркнул главный инженер, порываясь схватить агронома за шиворот. — Тебе что от меня надо?!

— Да ты чего, спятил? — сказал агроном, отступая в сторону. — Простых шуток не понимаешь?

— Ох и глупцы вы оба, — вмешался Жукен. — Вам не между собой драться надо, а с Турарбеком, которого давно пора стреножить да и свалить при первой же возможности. Пока он еще не набрал полной силы, потом не поддастся. Кстати, первый секретарь райкома товарищ Теплов человек увлекающийся, доверчивый. Я уверен, что директор уже успел рассказать ему о Турарбеке, мол, умный растущий специалист с большим будущим. Парень скромный, пошел

в бригадиры, чтобы набраться опыта, о себе не думает. А такому и помочь не грех, такого поддержать надо. Думаю, что Теплов согласится с нашим директором. Нельзя нам этого допускать. Надо свалить молокососа, пока не поздно. Очень он нам мешает, поймите. Значит, надо действовать, самим создать подходящую обстановку. Время для этого пришло.

Главный инженер молчал, хотя весь так и кипел от злости и гнева. «Как гнусно и мерзко, — думал он. — И я все это спокойно выслушиваю. Подло, подло. Показал свое лицо, подонок. Неужели такие люди бывают на свете?»

Как сквозь плотный войлок доносились до него слова управляющего:

— Ты, Еремек, внимательно следи за водой. Как бы Турарбек ее на свой участок не отвел.

Бредущий в глубокой задумчивости агроном пробормотал:

— Этот Турарбек так легко не сдастся. Упрямый парень, отчаянный. Стоит ли с ним связываться? Во всяком случае, все это не для моего характера.

Жукен почему-то на этот раз промолчал. Видно, задавили старика нелегкие думы или проснулась совесть? . .

На краю аула все трое молча разошлись в разные стороны.

4

А в доме остались только хозяйева и Зибаш, которая помогала убирать со стола.

Кульжамила все еще не могла прийти в себя от радости. Она отставила в сторону пиалы, блаженно потянулась и сказала томно:

— Ну кто мог знать, что на новоселье мы получим такие подарки? Но больше всего меня радиола ободовала. Когда я ее увидела, у меня чуть сердце не разорвалось от счастья. Так и зашлось. Такие радиолы и в городе не у каждого есть. Ну, теперь наш дом изменится, не узнаешь. Такой уют. Эх, видели бы все это мои девчата!

— Какие девчата? — спросила Зибаш.

— Да мои институтские подружки. Эх, Зибаш, золотые то были денечки. Нет ничего лучше студенческой жизни. Поступай в институт, Зибаш, поступай. Турарбек тебе поможет.

— Не болтай чего не следует, — оборвал ее Турарбек. — Тоже мне благодетельница. Зибаш и сама поступит, честно, без всяких там протекже.

— Ох-ох, что это ты таким ангелочком стал? — покачала

головой Кульжамиля. — Честно не честно, лишь бы поступила.

— Помолчи.

— Ох, не знаю, поступлю ли, — вздохнула Зибаш. — Говорят, сейчас очень трудно поступить.

Турарбек промолчал, опустив голову.

После того как убрали со стола, Зибаш засобиралась домой, но Кульжамиля никак не хотела ее отпустить.

— Ночуй у нас. Мы с тобой себе в комнате постелем. А Турарбек найдет место. Оставайся, я тебе много чего порасскажу из моей студенческой жизни. А ты мотай на ус, тебе пригодится.

То ли пришла ночная прохлада, то ли у Кульжамили переменилось настроение, но эта ночь не казалась ей душной. Турарбек же долго ворочался и все никак не мог уснуть, хотя обычно засыпал как убитый.

В ДЕНЬ ПРИЕЗДА КОРРЕСПОНДЕНТА

1

Стояла такая жара, что казалось, будто небо спеклось с землей в какой-то белый сплав, на который больно глазам смотреть. Горячие воздушные потоки медленно струились над иссушенной степью. Душное марево дрожало над землей, как жидкое стекло.

Турарбек с трудом дотащился до стана, налил полную чашку прохладного чая и уже с наслаждением поднес к пересохшим губам, как дверь вдруг отворилась и на пороге появился директор с возгласом:

— Мир вам!

Турарбек поспешно поставил чашку на край стола и вскочил с места.

— Проходите, пожалуйста, товарищ директор.

— Все живы-здоровы? — тихо спросил директор.

— Слава богу, здоровы, — невольно понизил голос Турарбек. Только сейчас он с удивлением заметил, что вслед за директором вошел долговязый длинноволосый парень в черных очках. Он кивнул Турарбеку, дотащился в трудом до стула и плюхнулся на него с протяжным стоном. Турарбек вопросительно взглянул на директора, но тот как будто и не заметил его взгляда. Бросил свою соломенную шляпу на стол, расстегнул на воротнике две верхние пуговицы, достал из кармана огромный ситцевый платок, вытер потное лицо и тяжело вздохнул.

— В машине я чуть не испекся, — сказал незнакомый парень, пошевелившись на стуле.

— Зато хлопку такая жара полезна, — сказал директор. — Еще бы воды вдосталь, быстро бы он поднялся.

— В жизни я еще такой жары не видал, — признался приезжий.

— Жар костей не ломит, — рассмеялся Турарбек. — От нашей жары гости особенно страдают.

Директор улыбнулся длинноволосому:

— До вечера отсюда не выйдете, до прохлады. Я тоже с вами останусь, если не возражаете и если хозяева не против.

— Мы гостям всегда рады, — добродушно сказал Турарбек.

Через некоторое время парень немного отдышался, пришел в себя, мутная пелена страдания сошла с его глаз, и взгляд прояснился. У него даже появилась способность удивляться. Он осмотрелся и поразился, что в домике, который стоял одиноко в степи среди бесконечных хлопковых полей, есть все самое необходимое для людей. Внутри прохлада и полумрак, несмотря на раскаленный воздух снаружи. При желании можно пообедать и чаю напиток, даже вздремнуть пару часов. Все условия для отдыха. В книжном шкафу достаточно книг, в углу телевизор с большим экраном, у стены радиола, пластинки на столике, разные музыкальные инструменты, в глубокой нише у самых дверей белеет холодильник. Но больше всего бросался в глаза сервант, полки которого были уставлены разной красивой посудой.

Заметив, что гость не сводит глаз с серванта, директор сказал:

— При такой жаре спасает горячий чай.

— Но ведь здесь посуды на сто персон.

— Зато рабочие не ждут очереди, — с удовлетворением заметил Турарбек. — Все сразу могут напиток.

— И все это заслуга Турарбека, — подхватил директор. — Его инициатива.

Турарбек незаметно подмигнул молодому гостю и пошутил:

— А вы забыли, что каждую чашку чуть не силой приходилось вырывать из ваших рук?

— Ну вот, так уж сразу и жаловаться, — вздохнул директор. — Уж как и угодить тебе?

— Вы же знаете, мне угодить нелегко.

— Ну ладно, а как тут у вас дела идут? — озабоченно спросил директор.

— Воды не хватает. Тянем туда и сюда и все равно не

можем весь хлопок напоить. Больше всего боюсь, хоть бы корни не высохли у кустов, — пожаловался Турарбек.

Директор нахмурился и опустил голову. Казалось, они оба на минуту забыли о госте, погрузившись в свои заботы.

В это время гость, который прислушивался к разговору, не вытерпел и вмешался:

— Этот дом ваш больше похож на дом отдыха, чем на временный полевой стан. После него и в поле, поди, выходить не хочется?

— Хлопкоробы очень рано выходят на работу, — стал объяснять директор. — В самую жару они тут отдыхают часа три-четыре. Обедают, пьют чай, читают, слушают музыку. Газеты всегда свежие завозим. Люди для нас ничего не жалеют, разве можно жалеть для них?

— Да, они заслужили такую заботу, — согласился гость. — Если, конечно, у вас есть возможности.

Турарбек пристально посмотрел на гостя, ему послышалась в его словах ирония, но тот был серьезен, разве что немного смущен.

Хмурое лицо директора разгладилось, когда он заговорил о людях.

— Да, возможности, хоть и небольшие, у нас есть, — сказал он. — А теперь пришла пора и познакомить вас, хотя гость и просил не торопиться с этим. Этот молодой человек приехал к нам из Алма-Аты. Он корреспондент республиканской газеты. В дороге забросал меня самыми неожиданными вопросами, до сих пор не могу прийти в себя. Откуда только берутся у журналистов вопросы?

Пока директор говорил, журналист нетерпеливо ерзал в кресле, ожидая своей очереди. Наконец он не выдержал и перебил, обращаясь к Турарбеку:

— Понимаете, чтобы поднять один большой вопрос в газете, приходится задавать кучу разных вопросов. Что поделаешь, такова специфика.

— Хорошо, — нахмурился Турарбек. — Но что нового вы хотите узнать здесь, у нас? Ведь все и так известно.

— Простите, но все немного сложнее, — улыбнулся журналист. — Вот в чем мое конкретное задание: мне надо познакомиться с молодыми специалистами, как они начали свою трудовую жизнь, условия быта, работы, в общем, обо всем подробнее.

— Чтобы потом поругать бездушных директоров, которые не создают условий для работы молодым специалистам, — хмыкнул директор.

— К сожалению, приходится иногда говорить и об этом, — невозмутимо сказал корреспондент. — Подготовка

специалистов недешево обходится государству, и выражается это не только в денежном исчислении. Мы терпим большие материальные и моральные убытки, когда молодой специалист работает не на своем месте. Понимаете, это уже нравственная сторона вопроса. Наша конечная цель — вернуть этих заблудившихся на свои места, на поля и заводы.

— И все это вы хотите решить в одной статье? — удивился Турарбек.

— Вы правы, — согласился корреспондент. — Я с одним своим очерком ничего не решу. Но в том-то и дело, что занимаюсь этим вопросом не я один. И вы тоже должны помочь мне.

Турарбеку все больше нравился этот парень, хотелось с ним поговорить, поспорить. Сначала он насторожился, услышав, что гость работает в газете, но сейчас его беспокоило другое. О ком и о чем собирается писать журналист? Могут ли быть примером для других их небольшие пока дела? Об этом и хотелось сказать гостю, но с чего начать? И зачем вообще директор притащил корреспондента именно сюда, ведь есть и другие отделения?

Однако молчание затягивалось, и, помявшись, Турарбек сказал:

— Нелегко, оказывается, работать бригадиром. Пока еще особых результатов не видно.

Журналист понимающе закивал головой и сказал по-свойски, переходя на «ты»:

— Об этом сейчас не будем говорить. Да и что ты мог сделать за три-четыре месяца?

— Вот и выходит, если нет высоких показателей в работе, то не о чем и говорить, — сказал Турарбек.

Директор неожиданно добродушно рассмеялся:

— По всему видно, товарищ корреспондент от нас так легко не отстанет. Так что давайте ближе к делу. Расскажи гостю о своих мыслях, о своих планах.

— Что рассказывать? — смутился Турарбек. — Впрочем, я ведь скрывать ничего не собираюсь.

— Ради бога, никто вас не торопит, — улыбнулся журналист. — Дайте же и мне немного прийти в себя.

В это время за дверью послышался деликатный кашель или, лучше сказать, покашливание. Потом дверь распахнулась, вошел Жуken, а за ним появился Ермек, растерянный и запыхавшийся.

— Ассалаумагалеюм!

— Мир и вам! — сказал директор.

Корреспондент вскочил со своего стула и поздоровался. Затем с пристальным интересом стал рассматривать вошед-

ших. Один из них был хоть и в годах, но еще бодрый, широкий в плечах. А второй совсем молодой, не более двадцати пяти лет на вид, невысокого роста, плотный и какой-то круглый, как мячик. Все это корреспондент отметил с первого взгляда. Потом стал думать, почему эти двое прибежали на стан, как на пожар? Может, что-нибудь случилось?

— Саке, — повернулся к директору старший, это был управляющий отделением Жукен. — И ты, оказывается, здесь? Не случилось ли чего?

— Да нет, ничего не случилось, — спокойно сказал директор. — Просто вот корреспондента сопровождаю. Ну что вы стоите у дверей? Проходите.

Как всегда, Жукен тяжело обвел всех присутствующих взглядом, вздохнул и сказал:

— Мы тоже только вот сейчас узнали о вашем приезде и сразу поспешили сюда. По жаре пешком шли, вот и припоздали немного. Было обидно не познакомиться со стольным гостем, не перекинуться с ним парой слов, не послушать нового человека из большого города. Недаром говорят, что когда приезжает шестилетний, то шестидесятилетние первые выходят навстречу.

— Простите, но я приехал не в гости, — с холодной вежливостью сказал журналист, — а по работе. И очень доволен, что путь мой лежит через ваш аул.

— Мы гостям всегда рады, — отозвался Жукен, сделав вид, что не заметил суховатого тона в голосе гостя.

— Познакомьтесь, — вмешался директор. — Это наш аксакал Жукен, бессменный управляющий отделением «Коктюбе». А этот молодой товарищ Ермек Сеиткулов работает агрономом отделения. Так что на многие ваши вопросы только они и могут дать исчерпывающие ответы.

Жукен почувствовал иронию в словах директора и чуть не вспыхнул, но сдержал себя. Все-таки заметил с улыбкой:

— Ты, Саткен, кажется, решил посмеяться над нами? Зачем при постороннем человеке обижаешь?

Директор привстал и с удивлением сказал:

— Да что это с вами? Почему вам везде плохое мерещится? Разве не вы с Ермеком лучше всех должны знать о положении дел в вашем отделении?

— Вы знаете не хуже нас, — парировал Жукен.

«Ну и дела! — подумал Турарбек. — Даже при посторонних не могут скрыть свою неприязнь друг к другу. Опытный человек Саткен, а забыл, что нельзя наступать на хвост спящей змеи».

Ермек, как обычно, вздохнул и подумал: «Они уже и

голоса друг друга слышать не могут. Чуть что, так и цапаются».

Растерялся, видимо, и корреспондент, почувствовав общее напряжение.

— Я вижу, начался деловой диспут,— дипломатично сказал он. — Но это для пользы дела. Хорошо, когда сразу берут быка за рога.

Директор пожалел, что так необдуманно начал разговор при постороннем человеке, и решил сгладить свою неловкость:

— Я ничего плохого не имел в виду. Мои слова никакого подтекста не скрывают. Вы напрасно обижаетесь, Жуке.

Но Жукен не склонен был принимать извинения, он был обижен, так как всегда легко обижался, а директора не любил. Он молчал и напряженно думал: «Не высечь ли его еще раз публично? Но нет, это мне и самому навредит. Зачем без нужды ворошить грязное белье? Надо иметь ясную голову. Резкостью ничего не докажешь, и она не всегда уместна, тем более при посторонних. Интересно, зачем приехал этот корреспондент? Вот что надо узнать прежде всего».

И он вдруг заговорил совершенно спокойно, как будто ничего не случилось:

— Турарбек, ты что же это стоишь? Неужели не нашлось для гостя чашки горячего чая?

Турарбек смутился:

— Да вот, на беду, повариха у нас прихворнула. Пришлось гостей холодным чаем угощать. А что делать? Хоть и холодный, но зато от всего сердца. Я думаю, не обидятся? — Он посмотрел на журналиста.

— Какие могут быть обиды?! — вскричал тот. — Да при такой жаре лучше холодного чая ничего и нет. Говорят, в Мексике пьют только холодный чай с мятой, матэ называется. И знаете, пьют через трубочку. Ох, а я, признаться, чуть не растаял от вашей жары, как снеговик весной. Так что холодный чай для меня спасение.

— Я не знаю, какие чаи гоняют в Мексике, — рассмеялся Жукен, и глаза его заблестели от оживления. — Но у нас найдется, наверное, что-нибудь получше холодного чая. Сейчас мы все это приведем в порядок. Ермак, ну-ка принеси давешнее! Не зря говорят у нас в степи, что гость стесняется до прихода, а хозяин стыдится после ухода. Слава богу, мы краснеть не привыкли.

Турарбек удивился резкой перемене настроения Жуке-на. «Ну и ну, вот так Жукен! — подумал он. — Давно бы

так, худой мир лучше всякой ссоры. Как это он сумел проявить великодушие, несмотря на свой возраст? Крепкий орешек. Неспроста он так весь и светится. Наверняка что-то задумал. Ну ничего, скоро мы это узнаем».

Как бы то ни было, Жукен прямо на глазах из колючего, недоброго старика превратился в щедрого хозяина. Было ясно видно, что он пытался сгладить первое впечатление, произведенное им на присутствующих. Он с улыбкой посмотрел на директора и спросил:

— Как вы себя чувствуете, Саке? Что-то вид ваш мне не нравится. Лицо какое-то больное и землистое. Неужто опять этот проклятый недуг мучает?

— Мучает, — со вздохом признался директор. — Желудок как в огне. Как еще и жив, не знаю. Не проходит проклятая язва, ни на минуту в покое не оставляет.

— Вы не подумайте только, что я вас жалеть стану, — сказал управляющий. — Я вас ругать буду. Вы сами себя несколько не жалеете. Нельзя же так к собственному здоровью относиться, Саке! Это ведь преступление! Всех дел вам все равно не переделать. Чем таскаться по жаре да мучить себя, лучше бы в больницу легли. Пусть даже хоть на год. Зато вышли бы совершенно здоровым и навсегда забыли бы о своем проклятом недуге. А если вы свою болезнь запустите, что тогда делать?

— Дальше уж, наверное, некуда ее запускать, — проstonал директор. — Ничего, как-нибудь перетерпим.

— Ну вот, ему дело говорят, а он опять за свое. Лечиться надо.

— Да, здоровье всего важней, — поддержал журналист и сочувственно посмотрел на измученное лицо директора. — Я сразу заметил, что вы нездоровы. Надо вам отдохнуть. А на меня не обращайтесь внимания. Есть люди, которые не откажутся мне помочь.

«Смотря какие люди, — подумал Турарбек, бросив быстрый взгляд на управляющего. — Ишь какой заботливый стал наш Жукен. Он поможет. Только от такой помощи волком взвоешь».

— И правда, поезжайте домой, отлежитесь, — чуть не упрашивал директора управляющий. — Что толку от больного человека, хоть от меня, хоть от кого.

Саткен недовольно возразил, нахмутив брови:

— Ты обо мне не заботься. Не так уж я и плох.

— Эх, зря вас мучил, — тяжело вздохнул корреспондент. — Таскал везде за собой, как дитя няньку.

Директор открыл было рот, но Жукен опередил его:

— Да не переживай ты, дорогой мой! Не оставим тебя!

одного. Слава богу, не перевелись на свете добрые люди. Мигом доставим, куда тебе нужно. Ты уж не беспокойся, товарищ корреспондент.

— Да я не о себе беспокоюсь, — с досадой сказал тот. — О человеке подумать надо.

— А я у себя дома нахожусь, — тихо, но выразительно сказал директор.

Журналист почувствовал, что этот разговор имеет свои омуты и подводные камни. Он пристально посмотрел на управляющего, покраснел и сказал:

— Мне кажется, мы вам чем-то мешаем. Или я ошибаюсь?

— Чем же вы мне можете помешать? — усмехнулся Жукен. — От газеты мы ждем только помощи и поддержки.

— Да вы не обращайтесь на меня внимания, — сдавленным голосом сказал директор. — Я уже привык к боли. Знаю, скоро отпустит, легче станет. И все же это правда, помощи сейчас от меня мало. Вот товарищ Жукен Бектурсунов человек опытный. Сам много лет проработал председателем колхоза, немало повидал на свете. А сколько молодых специалистов прошло через его руки.

Все, даже корреспондент, почувствовали натянутость и какую-то, может быть, нечаянную фальшь в словах директора и насторожились. Что ответит управляющий?

А тот молчал и казался спокойным, хотя чувства и мысли его были далеки от безмятежного благодушия. «Все хочет унижить меня, — думал Жукен. — Сам корчится от боли и другому надо больно сделать. Но чего он этим добивается? Ну а что он мне может сделать? Пусть хоть небо на землю уронит, меня этим не проймешь.»

Да, но какое ему дело до моего прошлого? Ведь не без умысла сказал, мол, прошлое его не безукоризненно, не зря из председателей турнули. Мотай себе на ус, столичный гость. Комай, комай глубже. . .»

Ох как ненавидел в эти минуты Жукен директора, так бы и сошелся врукопашную. Но тот вдруг согнулся и еле слышно прошептал побелевшими губами:

— Ох, сил моих больше нет!

Журналист беспомощно засуетился:

— Вас нужно немедленно отправить домой и вызвать врача! В самом деле, нельзя же так.

Директор дошел до дивана и свалился на него.

— Кроме операции, мне ничего не поможет, — пробормотал он и взглянул на Турарбека глазами, полными боли, сквозь которую проглядывала тревога.

— Вот какой народ пошел, — покачал головой Жукен

и пожевал губами. — Нисколько себя не жалеет. Ведь на одном терпении далеко не уедешь. Вовремя лечиться надо, лекарства принимать.

Директор, которому, видимо, стало опять полегче, вдруг повысил голос:

— А есть у меня время для лечения?! Ведь болезнь, она не спрашивает, не планирует, а чаще всего приходит, когда ее совсем не ждешь и дел по горло. Все думаешь, вот дела закончатся, и тогда уж в больницу, вот это неотложное дело решу, и тогда уж болеть можно. Где там! Подходят вдруг новые неотложные дела. Так вот и болеешь все время на ногах.

Жукен натянуто рассмеялся:

— Ну вот, на все у него есть отговорка. Дурной бабе ребенок всему виной, плохому танцору ноги мешают. А я тебе скажу, что никакие дела не могут быть важнее своего здоровья. Не дела тебя удерживают, а страх перед больницей.

— Ну уж это ты слишком, Жукен! — укоризненно сказал директор. — Трусом я никогда не был, ты знаешь.

— Я тебя не в трусости обвиняю. Хотя, впрочем, и это понятно, не очень-то приятное занятие — операция.

— Нет, — перебил его Саткен. — Не страх перед ножом меня удерживает, а тревога за дело.

— Ты думаешь, без тебя совхоз зачахнет? Жизнь в нем прекратится? А для чего твои помощники? Для чего заместители? — не унимался Жукен. — За короткое время никому не под силу развалить хорошо налаженное хозяйство, как не может сойти поезд с рельсов, если в нем сидит хоть один помощник машиниста. А люди у нас хваткие.

— То-то и оно, — вздохнул директор. — А я уж думал, вы меня хороните.

— Вот еще чего придумал! Да ты всех нас переживешь, если не будешь шутить со своей болезнью.

— Опять ты об этом? — поморщился директор.

— А что? Горькая истина, но ты слушай. Это тебе полезно, как горькое лекарство. Слыхал, как степь говорит? И друг может сказать такое, что заплачешь. И враг может сказать такое, что засмеешься от радости. Надо смотреть правде в глаза. А правда такова. Кому нужен больной директор? Какая польза от твоих охов да ахов? Через каждые два дня в постель ложишься. Одно название, что ты здесь, с нами. Нет уж, лучше уехать подлечиться да вернуться здоровым. Всем от этого польза будет.

Когда Жукен замолчал, к директору подошел журналист и спросил участливо:

— А вы не пробовали обращаться к алма-атинским специалистам? Наши ребята могли бы помочь вам с госпитализацией и прочими хлопотами.

— Вот это хорошо сказано, — подхватил довольный поддержкой Жукен. — Поезжай, лечись и не беспокойся за хозяйство. Здесь люди не чужие, позаботятся обо всем. А так ни хозяйству пользы, ни тебе облегчения.

Турарбека охватила жалость и возмущение. Как нагло дают понять директору о его беспомощности и ненужности. Но разве это правда? Неужели директор поверит? И в то же время возразить трудно. Получится, что он, Турарбек, черствый и бездушный, не жалеет человека, а Жукен заботливый, чуткий товарищ. Какой же ловкий демагог этот управляющий. Нет, с таким надо ухо держать востро.

Слова Жукена, видно, больно ранили директора. Он вздохнул печально и сказал:

— Я вижу, вам не терпится от меня избавиться.

Жукен примирительно поднял руку:

— Ты уж прости меня за стариковскую прямоту. Может, я и сказал что лишнее в горячке, так ведь не от злого сердца. Но больно смотреть, как ты мучаешься.

— Не надо меня жалеть, — попросил директор. — Это унижительно.

— Да уж, сказанного не вернешь, — потупился Жукен. Затем повернулся к корреспонденту: — Дорогой товарищ, будь ты нашим судьей и рассуди по справедливости. Можно ли ему в таком состоянии работать? Если я не прав, скажи прямо. И я молчу. А если не прав он, то объясни ему, что он не борется с болезнью, а поддается ей. От всего этого и хозяйству никакой пользы, и человеку вред. Я ведь не говорю, что он плохой руководитель. Но если хочешь принести больше пользы людям, надо думать о своем здоровье. Разве не так? Вылечись, возвращайся здоровым и берись за дело засучив рукава. Ну кто может на это возразить? Кто меня переубедит, что я не прав?

— Прошу вас, перестаньте, — сердито сказал директор. — Разве нет другой темы для разговора?

— Извините, — сказал журналист. — Меня просили рассудить. И вот что я скажу. Жестокостью не лечат. Правда, что здоровье — главное богатство человека, никто с этим не спорит. Я вам не судья, но готов просить редакцию хлопотать за Саке, если он выберет время приехать в Алма-Ату. Я бы лично очень хотел этого.

— Ты хорошо сказал, дорогой гость, — одобрительно закивал Жукен. — Одно дело жалеть да переживать, дру:

гое дело — конкретно помочь человеку. Что толку от пустого сочувствия? Да и жалости есть предел. Не так ли?

И Жукен уставился на журналиста, требуя поддержки своим словам, но тот сделал вид, что не замечает его взгляда, опустил глаза и провел пальцем по корешку блокнота.

«Да, дела тут совсем не простые, — подумал он. — Старик, видно, стреляный воробей, такого на мякине не проведешь. Обо всем судит со знанием дела, обо всем у него свое мнение. Самоуверен, с начальством держится независимо, чувствует за собой силу. Да, материал тут есть, только вот как его добыть?»

2

Турарбеку давно уже было тяжело и неприятно. Он несколько раз порывался встать и уйти, сославшись на дела, но чувствовал, что это было бы похоже на предательство по отношению к директору.

— Эй, Ермак! Разговорами сыт не будешь! — вдруг властно сказал управляющий.

— Я мигом, Жуке, — отозвался тот, налил из бидона в большую эмалированную чашу кумыс и стал помешивать его деревянной поварешкой. Крепкий веселый запах разом наполнил комнату, зашекотал ноздри. Серебристая пена из мелких пузырьков появилась в чаше с кумысом. Знатки говорят, что эта пена всегда придает напитку особый вкус и приятную терпкость.

У журналиста невольно дернулся кадык, он проглотил слюну. Приметливый Жукен уловил это сразу же и заторопил Ермака:

— Что это ты кумысу колыбельную петь собрался? Давай разливай, давно уже поспел.

Корреспондент бережно принял двумя руками фаянсовую чашу, в которой тихо колыхалось белое озеро кумыса, припал к ней пересохшими губами.

Выпив кумыс, гость почувствовал себя намного бодрее и веселее, лоб его увлажнился, а щеки порозовели.

— Я не встречал еще напитка вкуснее и полезней кумыса, — расслабленно сказал он. — А у вас он особенный. В городе его не всегда достанешь, хороший кумыс старики перехватывают.

На минуту он загрустил, вспомнив прохладный утренний город, тихий парк с памятником панфиловцам. Гвардейцы стоят, сжимая в руках гранаты, раскинув бронзовые плащ-палатки, как крылья. Будто закрывают мир от беды,

В этом тихом молчаливом парке любят играть дети. Сюда приезжают издалека, чтобы поклониться героям...

Через парк, по его тенистым аллеям, вдоль цветников, журналист часто ходил в торговый центр, который горожане по старинке называли Зеленым базаром. Здесь был специальный отдел, где продавали кумыс. Стояли легкие стулья и столики, чтобы люди могли отдохнуть и поговорить, неторопливо потягивая кислый, остро пахнущий напиток. Одному, без собеседника туда ходить, конечно, не стоило.

Кумыса не всегда хватало, потому что завсегдатаи хорошо знали своих кумысниц и перехватывали их по дороге, забирали бидоны и располагались уже спокойно тесно сбитой компанией, игнорируя тот факт, что кумыс должен был еще пройти лабораторную проверку. Что ж, со стариками не поспоришь.

А они выглядели очень живописно в своих бархатных камзолах, когда пили кумыс из расписных пиал, возвышаясь над перилами кумысного ряда. Внизу, под ними, колыхалось море цветов, привезенных на продажу.

Слушаешь весь этот разноголосый шум, смотришь на полосатые халаты и черно-серебряные тюбетейки приехавших издалека гостей, торгующих большими дынями, абрикосами, гранатами, смотришь на горы грецких орехов, на пирамиды алых помидоров, на зеленые холмы огурцов, на яблоки, чей тонкий аромат порой поражает сильнее запаха кумыса, на огненно-красные дунганские салаты, от которых пожар вспыхивает во рту, смотришь на все это, и в душе возникает ощущение покоя.

А когда удастся посидеть в компании с аксакалами, такой день смело можно назвать счастливым днем, потому что аксакалы умеют рассказывать.

Вспыльчивый Жукен напомнил чем-то журналисту тех стариков...

Не всегда удавалось выпить на базаре хорошего кумыса, и все-таки журналист никогда не опускался до бутылочного, который почему-то считался коровьим. Но разве из коровьего молока делают кумыс? Шалап кислый делают, это верно. Ашмал делают, и этот бутылочный лжекумыс именно похож на ашмал. Из верблюжьего молока делают шубат. Но кумыс есть кумыс.

Журналист не раз думал написать в вечернюю газету в защиту кумыса, чтобы вернули ашмалу ашмалово, а кумысу кумысово. Чтобы тот напиток в бутылках называли не кумысом, а ашмалом.

Из глубокой задумчивости вывел журналиста все тот же Жукен. Он участливо заглянул ему в лицо и спросил:

— Что-то пригорюнился наш гость? Уж не по дому ли соскучился?

— А? — с трудом очнулся журналист. — Ах, да! Вспомнил кое-что. Отличный у вас кумыс. Не часто мне удается такой пить.

— А ты пей, не стесняйся. Чего-чего, а кумыса у нас хватит, слава богу. Да и всего другого хватает, грех жаловаться.

— У нас не только кумыс, но и шубат есть, и кыран, — не выдержав, похвастался Ермек.

— Что же, у вас и верблюдов разводят? — удивился журналист.

— Еще как разводят! — воскликнул Ермек. — Эх, жаль, не додумались мы кырана привезти.

— А ты не спеши, дорогой, дойдет очередь и до кырана, — осадил его Жукен. — Всему свое время.

Журналист не удержался и выпил третью пиалу кумыса, чем Жукен был очень доволен. Угодить гостю никогда не плохо.

— Не сочти нескромным мой вопрос, — мягко сказал он. — Из какого ты аула родом?

— Мой аул в карагандинских степях, — коротко ответил журналист.

— До старости дожил, а в тех краях еще не бывал, — со вздохом сожаления признался Жукен.

— Вот это напрасно, — сказал слегка захмелевший от кумыса гость.

— Да все никак дороги в ту сторону не выпадало, а без нужды зачем ехать, — сказал Жукен. — Отец и мать здоровы?

— Да, живы, слава богу. Отец на пенсии, а мама все еще работает дояркой.

— Гордятся, конечно, таким сыном, — закивал головой Жукен. — А мать молодая, видать, еще?

— Много моложе отца.

— А ты, наверное, старший? — продолжал выпытывать Жукен.

— А я и старший и младший в одном лице, — рассмеялся гость. — Единственный я у них.

— Да-а, — протянул Жукен. — А жена твоя откуда?

— Ее аул рядом с Алма-Атой. Всего три месяца прошло, как мы поженились, — не стал скрывать гость, хотя и удивился настойчивым вопросам старика. Не отвечать просто невежливо, да и скрывать нечего то, о чем все знают.

— Поздравляю тебя и желаю счастья, — улыбнулся Жу-
кен. — Живите в мире да согласии.

— А мы и так дружно живем, — вежливо ответил жур-
налист. Но Жукен нахмурился и покачал головой:

— Эх, зря все это. Нельзя оставлять молодую жену
одну в доме. Вся извелась, наверное, в ожидании, когда ты
вернешься. Соскучилась поди.

— Да ведь у меня всего на неделю командировка. Ни-
чего с ней за это время не случится, я думаю.

— Это хорошо, что вы верите друг другу, — вмешался
Ермек, не обращая внимания на уничтожающий взгляд
Жукена.

— А почему я не должен ей верить? — насторожился
журналист.

— Человеку надо верить! — резко сказал Жукен. — Ни-
кого нельзя обижать подозрением.

Гость растерянно посмотрел на них, наконец спросил:

— О чем это вы?

— Сейчас объясню, — сказал Жукен. — Дело, конечно,
не в недоверии. Не об этом речь идет. А о том, что твоя
молодая жена сейчас, наверное, остро чувствует свое оди-
ночество. Ты ее одну не оставляй. Потом не говори, что
не слышал. Плохая примета с первых дней обречь жену
на одиночество.

— А что же делать? Сидеть дома?

— Ты еще молод, сынок. Можно и дома сидеть и чув-
ствовать себя одиноким. Я говорю о том, чтобы не осты-
вало ее сердце к тебе, чтобы в доме всегда тепло душевное
было. Вот о чем мои слова.

Пока Жукен вел приятную беседу с корреспондентом,
Ермек не забывал своих обязанностей. Он наполнил кумы-
сом опустевшую чашу, и журналист не заметил, как выпил
ее. Выпил и спохватился, что сидит тут, болтает о своем
семейном счастье, а о деле совсем забыл. Кроме того, ему
стало стыдно перед директором, который, несмотря на свое
недомогание, потратил на него столько времени. Он понял,
что Жукена с его многословием остановить трудно, надо
было приступать к серьезному разговору по существу, ради
чего он сюда и приехал.

Но ему еще так хотелось поговорить о своем доме в
Алма-Ате, объяснить этим людям, чтобы они все поняли
глубину его счастья, как добра и ласкова его жена, по ко-
торой он действительно успел сильно соскучиться. Так что
все время видит ее лицо, глаза, слышит голос: «А ты меня
вспоминал там? Ты думал обо мне, правда? А я так по
тебе тоскую. Возвращайся поскорее, мой милый!» Прав,

пожалуй, Жукен. Разве можно оставлять жену в одиночестве?

— А может, она действительно тоскует? — неожиданно для себя сказал гость. — Это я про жену говорю.

— Как же ей не скучать?! — воскликнул Жукен. — Интересный ты человек. Конечно, скучает. Ты думаешь я просто так, от нечего делать болтаю?

Корреспондент разволновался. И позвонить-то здесь откуда, спросить бы хоть, как она там без него. Потом он вдруг почувствовал признательность ко всем этим милым людям, к молчаливому Турарбеку, к больному директору, который, кажется, задремал на диване, к этому мудрому аксакалу Жукену, к услужливому Ермеку, который только и ждет случая снова наполнить пиалу кумысом.

— А ведь вы правы, Жуке, — сказал корреспондент. — Я вам расскажу один случай. Для вас, наверное, не секрет, а может быть, и секрет. Я вам его открою. Мы обычно за день делаем номер газеты, то есть завтрашняя газета должна быть готова сегодня. Ну и вот, однажды я был редактором очередного номера. Ушел из дома пораньше. А живем мы пока на самой окраине города, где снимаем квартиру. Ушел я надолго, потому что вечером должен был еще дежурить в типографии. И вообще должен сказать, что с выпуском газеты хлопот много. Беспокойное это дело. За день просто заматаешься.

В самый разгар работы снизу позвонил дежурный охранник и попросил меня спуститься в вестибюль. Конечно, я подумал, кого там черт принес, от дела отрываю. Но делать нечего, бросил все и побежал вниз. Прибежал, смотрю. А рядом с охранником сидит моя жена. Я даже растерялся.

«Что ты здесь делаешь?» — говорю.

А она растерялась не меньше. Смотрит на меня и вдруг говорит: «Соскучилась по тебе».

«Соскучилась?» — пробормотал я. Вы понимаете, так было все неожиданно. А она и говорит:

«Я тут тебе жаркое принесла. Ты, наверное, проголодался».

Я покосился на охранника, а он отвернулся, у него плечи трясутся от смеха. Вот какие пироги, дорогие товарищи.

Ну что говорить. В тот день все дежурные по газете были сыты, хвалили мою жену, мол, такого вкусного жаркого в жизни не едали. Я, конечно, доволен. Сижу в сторожке, смотрю, как люди едят да нахваляются мое жаркое.

Ладно, в тот день дежурство у нас кончилось поздно. Вышли мы, гляжу, а она сидит все на том же месте как

пришита. А ведь пришла она довольно рано, солнышко еще не зашло. И вот просидела до полуночи, все меня ждала. Я уж хотел отругать ее, но охранник сказал:

«Ну, парень, повезло тебе! И где вы таких хороших девушек находите? Мой сын уже три года прошло как женился, а мира в доме все нет. Ни одного дня без ссоры не проходит. Я их мирю каждый день, уговариваю, а они и слушать не хотят. А ты береги ее, парень».

Вот в какое неловкое положение поставила меня моя жена. Хотя, если подумать, ничего в этом плохого нет, а даже наоборот.

Корреспондент умолк и сделал глоток кумыса. Все как будто задумались над его рассказом, даже Жукен. Наконец директор приподнял голову с дивана и сказал:

— Какое славное, какое чистое, детское простодушие! Нам так его не хватает. Пусть же всегда у вас так будет!

Жукен легонько прокашлялся и солидно заметил:

— Да, бывает такое.

— Чтобы ты был сыт, весел и одет чисто, надо найти ключик к сердцу своей жены, — сказал Ермек, хитро прищурился свои маленькие глазки. — Угодишь жене, не будешь знать нужды.

— Молодой жене угодить можно, — рассмеялся Жукен. — А что нам делать, старикам, со своими старухами?

— Это у вас-то старуха? — притворно возмущился Ермек. — Ну уж не скажите. И не дай бог, она услышит ваши слова. Если узнает, что вы ее старухой назвали...

— Молчу, молчу, — шутливо замахал руками Жукен, хотя если сказать правду, то слегка перетрусил, потому что побаивался своей жены, которая была на несколько лет моложе. — Да и от кого она может узнать, если ты не скажешь?

— Ладно, на первый раз прощаю, — не унимался Ермек. — Но учтите, в следующий раз ей все станет известно.

Директор от души рассмеялся, забыв про свои страдания. А Турарбек только голову наклонил. Ему было не до смеха.

Очевидно, все же он виноват перед Кульжамилей, которая постоянно жалуется на одиночество. Надо бы ей уделять побольше внимания. Но что делать, если у него работа такая?

Он видел, что в последнее время она особенно тосковала. На работу он уходил до солнышка и домой возвращался за полночь. Как тут не затоскуешь?

«Она меня совсем не видит, а я ее только спящей и застаю», — с горечью подумал он.

Однажды, когда у него выпала свободная минута и он забежал домой выпить чашку чаю, она сказала ему с болью и обидой:

— У тебя не только ласкового слова для меня не осталось, но и поздороваться ты часто забываешь. Тебе все равно, существую я на свете или нет.

Надулась, как ребенок. Что ей мог ответить Турарбек? Ничего. Промолчал. Она продолжала жаловаться, и, когда совсем уж допекла, он грубо оборвал ее:

— Да что ты все ноешь? Прекрати, надоело!

И она испуганно замолчала. Он увидел у нее на глазах слезы, слезы обиды, которые, как ржавчина, разъедают душу. Нет, подумал он тогда, пора с этим кончать. Стыдно так вообще к любому человеку относиться, тем более к близкому, к самому близкому.

Хоть и наивно несколько выглядел газетчик со своей непрощеной откровенностью, которую Турарбек не одобрял в душе, но он остро позавидовал его счастью.

Он давно укорял себя за грубость с женой и понимал, что это ни до чего хорошего не доведет. В то же время он пытался успокоить себя, что ничего особенного в их семье не происходит и нечего из мухи делать слона.

Во всяком случае, сейчас, после рассказа корреспондента о своем семейном счастье, на душе у него было нехорошо.

— Да, если начать, то всех разговоров не переговоришь и до утра, — сказал вдруг директор, переворачиваясь на другой бок.

Жукен с беспокойством посмотрел на него и подумал: «Ну и дела, только разговорили журналиста, а он хочет все зачеркнуть. К себе потянет приезжего. Меня-то не проведешь, я на семь аршин под землей вижу».

Решив взять инициативу в свои руки, Жукен подался всем корпусом к журналисту и заговорил:

— Дорогой, выпала тебе судьба и в нашем ауле побывать. Добро пожаловать! Погости, отдохни несколько дней. А о работе не беспокойся, все данные мы тебе сами соберем. Ты знаешь, друг, у нас тут под боком Чардаринское море волнами плещет. Ох и красота, я тебе скажу.

Жукен даже губами причмокнул от вожделения. Корреспондент с сожалением покачал головой:

— Спасибо вам, ага! Отдыхать времени нет, нежиться работа не дает. Да и командировка у меня не такая уж длительная.

Но от Жукена не ускользнуло, как вспыхнули глаза у

гостя при упоминании о Чардаре, как неуверенно прозвучал его отказ.

— Дело даже не в том, что гостя следует принять и проводить достойно, — зажевал губами управляющий. — Ведь поговорить о делах можно и у моря. Да и один день ничего не изменит. Не обижай нас отказом. Я тебе еще раз говорю, что дело твое от этого ничуть не пострадает.

Простодушный корреспондент задумался, в глазах появилось замешательство. Он впервые посещал эти края, но ему не раз приходилось слышать о гостеприимстве здешних людей. И вот сегодня он убедился в правдивости такого мнения. Ему нравилась спокойная доброта директора, беспредельная щедрость аксакала, немногословность Ермека и Турарбека и вообще уважительное отношение к гостю. И это решило все.

— Если останется время, то что может быть лучше поездки к Чардаринскому морю, — верешительно проговорил он.

— Это вель совсем недалеко, — подхватил Жукен. — Одна нога здесь, другая там.

— Ну вот, это другое дело, — улыбнулся Ермек. — Давно мы из аула никуда не выбирались. Благодаря вам и мы немного развеемся.

— В словах Ермека есть доля правды, — кивнул Жукен. — Только когда приезжают гости, и удастся нам побывать в прекрасных местах. А то все дела да дела. А всех дел не переделаешь.

Директор с тоской подумал о том, как прекрасно было бы окунуться в прозрачные волны, проплыть бездумно с километр, перевернуться на спину и замереть, поглядывая на солнечные зайчики, которые пляшут на гребнях волн. Забыть о работе, о болезни и о всех хозяйственных хлопотах. Но такое бывает разве что в сказке, а не в реальной жизни директора совхоза.

— Съезди туда, не пожалеешь, — тихо сказал он корреспонденту. — Отдохнешь и душой и телом.

— Эх, если бы и вы смогли принять участие в этой прогулке, — с искренним сожалением сказал журналист. — Но у меня язык не поворачивается пригласить вас. А очень жаль.

— Куда уж мне, — улыбнулся директор. — Мне лишь бы до дома добраться. Жена меня быстро вылечит. Она это умеет.

— Давно бы так, — проворчал Жукен.

— Да, немного отлежитесь, и как рукой снимет, — со-

чувственно сказал корреспондент. — Главное — лечь в постель.

— Спасибо на добром слове.

— Уф-ф, а я, кажется, немножко отошел после этой жары, — с удивлением сказал корреспондент. — Пора и к делу перейти.

— Не наговорились еще, — натянуто улыбнулся Ермак. — А когда же к Чардаринскому морю двинемся?

Но журналист пропустил слова Ермака мимо ушей и обратился к Жукену:

— Хочу, чтобы вы тоже помогли мне.

— Говори, пожалуйста.

Но Ермак опять настойчиво вмешался:

— Решили мы ехать к морю или нет?

— погоди ты! — резко осадил его Жукен. — Дай человеку сказать.

Наступила тишина, и корреспондент заговорил:

— Мне, кажется, повезло. Агроном у вас молодой специалист, и Турарбек в этом году закончил институт и сразу включился в работу. Что касается вас, Жукен, то по всему видно, что вы знающий и многоопытный руководитель, с людьми работаете давно. Что вы думаете об этих молодых специалистах? Какие надежды связываете с ними? Расскажите, в общем, все, о чем думаете. По возможности подробней, но в то же время самую суть. Главное, будьте объективны и ничего не скрывайте. Хорошо?

Жукен, только что казавшийся человеком с широкой и открытой душой, как-то сразу весь сжался, в глазах его появился холод. Такого он никак не ожидал от корреспондента. По дороге сюда он размышлял о цели его приезда и решил, что тот будет интересоваться только условиями труда, быта, показателями, станет про передовиков расспрашивать, и заранее наметил, что сказать, какие привести цифры, что показать в выгодном свете, о чем умолчать. А к вопросу о молодых специалистах Жукен не был готов.

Надо же так опростоволоситься, думал он. Что отвечать этому настырному малому? И в это время в голову ему пришла неожиданная мысль: «Да ведь это директор подсказал корреспонденту о молодых специалистах. Как же я раньше не догадался об этом, старый дурак? Да ведь он заранее все предусмотрел, как меня с землей смешать! И главное, публично! Ну нет, в грязь меня не втопчешь. Я знаю и умею, разбираюсь в людях не меньше тебя!»

Жукен с неприкрытой ненавистью бросил взгляд на скрючившегося от боли директора.

Корреспондент между тем, видимо чтобы утешить Ер-

мека, принял из его рук новую чашу кумыса, однако ска-
зав при этом:

— Спасибо тебе, Ермек! Но это последняя.

— Ничего, — просиял Ермек, — от кумыса еще никому
плохо не было. И вам не будет.

— Да, трудно мне так вот сразу ответить на твой во-
прос, — сказал в это время Жукен. Он сумел взять себя
в руки и выглядел спокойным. — При этих ребятах как-то
и говорить неловко. Но, конечно, если такой разговор не-
обходим, то тут уж ничего не поделаешь. Расскажем все,
что знаем и думаем, будем говорить открыто и по возмож-
ности объективно.

— Я не собирался ставить вас в неловкое положение, —
сказал корреспондент. — Только я не люблю говорить о
ком-то за его спиной. Правду всегда лучше говорить в лицо,
какой бы горькой она ни была. Вы согласны со мной, Жуке?

— Что ж тут скажешь на это? Конечно, согласен.

— Я от вас не требую полной характеристики на этих
ребят, — улыбнулся корреспондент. — Мне нужно просто
узнать, что вы думаете о каждом из них. Какие надежды
с ними связываете? Дело обычное.

И он обвел взглядом всех присутствующих. Прямые во-
просы журналиста, между прочим, заставили насторожиться
и директора. «Принесло на нашу голову этого газетчи-
ка! — сердито подумал он. — Совсем некстати. Жили себе
спокойно, так нам еще громкой славой не хватало. И что
это будет за объективная правда, если парень наплетет все
со слов Жукена? Хвалить нас пока не за что, а со своими
неурядицами мы и сами бы разобрались, без посредников.

Да и как теперь избавиться от корреспондента? Слиш-
ком уж он наивен и молод. Даже человеку опытному труд-
но вникнуть в наши дела с первого раза, в наши совсем
непростые взаимоотношения, а не то что дать еще и объ-
ективную оценку».

Как объяснишь этому пареньку, что они готовятся к
большому взлету, к настоящему делу, что ради этого дела
он и таскает свою боль по бесконечным хлопковым полям.
Как ему объяснишь характер Жукена, которому и во сне
снился другой директор. Нет, в двух словах все это не объ-
яснишь никому, тем более неискушенному корреспонденту.

И Турарбек места не находил себе от одолевавших его
сомнений. С одной стороны, он понимал, что не принять
участия в общем разговоре с этой минуты уже невозмож-
но, вопрос поставлен слишком ясно, а с другой, еще неиз-
вестно, что он может наговорить, если разгорячится. Го-
рячность может подвести, эта черта его характера никогда

не нравилась Жукену. Но и кому понравится, если все время противоречить и спорить, тем более с человеком, который в отцы годится? Но и молчать нельзя.

— Ну хорошо, Жуке, начинайте, — нетерпеливо попросил корреспондент.

— Хорошо, начну, но учтите, я человек прямой, утаивать что-то не в моих правилах, — сказал управляющий. — Если что и не так скажу, ты не обижайся, пожалуйста.

— А вы не обращайтесь на меня внимания, рассказывайте, — заторопил корреспондент, словно его гнали или он опаздывал на поезд.

Жукен откашлялся, обвел всех пристальным, даже, можно сказать, пронизывающим взглядом и заговорил:

— Взять хотя бы Ермека, к примеру. Он приехал к нам весной в прошлом году после техникума. Я его и раньше немного знал. Он мне всегда казался джигитом с шелковым характером. И с людьми всегда умеет найти общий язык, трудолюбивый, деловой парень. Но, по-моему, слишком доверчивый он был, слишком мягок. Не ахти какие недостатки — доверчивость и мягкий характер. Но все-таки для руководителя — это недостатки. Но я большого значения им не придавал, думал, что сама жизнь, работа изжижут их.

Конечно, мне пришлось серьезно и не раз с ним поговорить. Я устроил ему экзамен, не хуже государственного. И выяснил, что свое дело он знает как пять пальцев. И вот, заручившись согласием руководителей совхоза, взял я его в свое отделение. Больше года уже работаем вместе.

Сам лично я за ним ничего плохого не замечал, и у меня к нему нет никаких претензий. Думаю, что со временем из него вырастет руководитель. Он хорошо себя зарекомендовал. Но если уж говорить правду, и до сегодняшнего дня он не сумел избавиться от своей мягкотелости. Другой раз надо вести себя посуровее, а он деликатничает. Резкого слова людям сказать не может, приказывать не научился. Но недаром в степи у нас говорят, что кочевье выравнивается в пути. Так и Ермек в работе может стать настоящим руководителем. Я в этом несколько не сомневаюсь. В следующем году он собирается поступать в институт. Понимает парень, что без знаний нет роста. Знание — крылья!

Услышав последние напыщенные слова управляющего, Турарбек с трудом удержался от смеха. Он хорошо знал истинное положение дел с Ермеком. В техникум его устроил сам Жукен, место ему около себя приготовил, вынудив уйти прежнего агронома. Много сил потратил Жукен, что-

бы Ермека назначили агрономом, даже в район ездил хлопотать.

Турарбек подумал, что, пожалуй, сейчас не время для смеха, а надо сказать Жукену, чтобы не вводил в заблуждение корреспондента, если тому действительно дорога истина. Если бы Жукен на самом деле был откровенен, то он бы сказал: «Я этого парня, Ермека, знаю с детства, и он мне подходит. Я хочу, чтобы он заменил меня, встал на мое место. Мне свои люди нужны. Один каши не сварить, везде нужны свои люди. Вот поэтому, товарищ корреспондент, правдами и неправдами я устроил Ермека агрономом отделения».

Но хотя Турарбек и был возмущен словами управляющего, он промолчал, чтобы не показаться завистником. Его удивляло молчание директора. Уж он-то должен был направить разговор в нужное русло, на то и директор. Уж ему-то молчать никак нельзя было.

Однако корреспондента и самого не устраивали общие слова.

— Жуке, ваше мнение о молодом специалисте не может меня не порадовать, — мягко перебил он управляющего. — И все-таки расскажите конкретно, что сделал Ермек полезного для хозяйства. Я имею в виду как молодой специалист. Что нового принес он с собой в аул? И как он проявляет свою инициативу?

Жукен даже не дрогнул, он продолжал гнуть свое:

— Ермек специалист молодой, и ему прежде всего многому нужно научиться. А потом уже и новшества вводить. Мы, конечно, помогаем, как умеем, делимся опытом.

У него, например, молодая семья. Мы сразу же выделили ему дом. Насколько я знаю, он ни в чем не испытывает нужды. А как же иначе? Ведь надо создавать все условия для молодых специалистов. Вот мы и создаем.

Корреспондент поник головой. Его обескуражила уклончивость Жукена. Почему он не откровенен? Боится Турарбека? Но что ему бояться Турарбека, когда он и с директором разговаривает на равных? Неужели так сложно рассказать о достижениях отделения и какой вклад в эти достижения внес Ермек?

Сомнения мучили корреспондента. А может быть, он не с того разговор начал? Но надо было довести этот разговор до конца.

— Неужели вы с агрономом за год совместной работы ни разу не поругались и не поспорили? — лукаво спросил корреспондент. — И ни разу не пожалели, что взяли его в свое отделение агрономом?

— А о чем нам спорить? — вмешался Ермек. — Хозяйство у нас небольшое. Можно любой вопрос решить мирно.

Неуместное вмешательство Еркека пришлось не по душе управляющему. Он испугался, как бы простоватый парень все не испортил.

— Ермек, ты помолчи пока, дойдет очередь и до тебя, — хмуро сказал он.

— Продолжайте, пожалуйста, — попросил корреспондент.

Жукен испытующе посмотрел на него и спросил в свою очередь:

— Какую статью ты собираешься писать? Не мешало бы об этом знать заранее, чтобы не отнимать лишнего времени. Скажи прямо о своей цели, если хочешь от нас откровенности. Хвалить будешь или ругать, все равно не скрывай от нас. Тогда я буду знать, что говорить. Я не раз страдал из-за своей несдержанности. Теперь дую на воду, чтобы не обжечься. Кто говорит не думая, тот умирает не боля.

«Ну и насел на меня аксакал», — мелькнуло в голове у корреспондента, и настроение у него окончательно испортилось.

— Зря вы так, Жуке, — тихо сказал он. — Не надо меня подозревать бог знает в чем. Я не из тех, кто выискивает одно плохое. Пока я ничего не видел и ничего не знаю. О своей цели я вам сразу сказал. А почему я рассчитываю на вашу помощь, так это и ребенку ясно. Вы здесь старший, прожили жизнь, у вас опыт. Поэтому я и жду от вас слова, достойного аксакала. Я жду помощи, а вы увиливаете от ответа.

Вопросы мои простые, стандартные, если хотите. Я спрашиваю, каким обстоятельствам вы уделяете особое внимание при воспитании молодых кадров? Какие требования предъявляете к ним? Какие цели перед ними ставите? И хорошо бы, если бы вы ответили поподробней. И море состоит из капель. Из разных ваших ответов составит впечатление.

Я не сомневаюсь, что сказанное вами принесет определенную пользу не только молодым специалистам, но и руководителям хозяйств, когда мы вынесем эту проблему на широкое обсуждение. В чем моя задача? В том, чтобы ваш опыт стал объектом изучения.

Конечно, газета не может обойтись без критического материала. Но вы не правы, если думаете, что мы только и ездим для того в командировки, чтобы выискивать чужие недостатки. Проходить мимо отрицательных явлений мы,

конечно, не имеем права, но больше всего мы должны рассказывать о хорошем.

Корреспондент умолк вдруг смущенно. Ему пришло в голову, что он говорит сухим, казенным языком и ничего толком не сумел объяснить о своих задачах. Не смог донести свои мысли, которые мучили его не только в университете, но и в первые дни работы. Впрочем, мучают и сейчас. А суть их в том, что важнее всего уметь замечать в людях доброе начало и рассказывать об этом. Говорят, дурной пример заразителен. Но и хороший пример не менее заразителен.

Он даже с тоской подумал, что ошибся в выборе своей профессии. Сколько уже проговорил с людьми, а ничего не узнал путевого.

— У тебя большое дело, у нас маленькое, — смущенно хихикнул Жукен.

— Наверное, я ничего и не смогу рассказать своим читателям, — вздохнул корреспондент. — Вы так и не поняли, чего я от вас хочу.

— Нет, объяснил ты все хорошо.

— Может, тогда продолжим наш разговор?

Жукен отвел глаза в сторону и заговорил:

— Без ответа мы тебя не оставим и обязательно поможем. Это наш долг. Но ты и сам знаешь, наверное, что такое хозяйство. Барахтаемся из последних сил, а забот с каждым днем больше. Голову вытацишь, хвост увязнет. Хвост задерешь, рылом воткнешься в те же заботы.

Я к тому говорю, что в своей жизни еще ни разу не встречал хозяйства без недостатков. Всегда чего-то не хватает. Однако помощи у соседей мы не просим. Сами справляемся с трудностями. И здесь особую ценность имеет, конечно, слово молодых специалистов. Их инициативу мы всячески поддерживаем. Но и придерживаем! Придерживаем тех, кто рвется в гору, не соразмерив наши возможности и свои силы. От такой инициативы хозяйству один вред. Пусть сначала поучатся у старших, нашим умом поживут, пока своего не наберутся.

— А не называется ли это зажимом критики и инициативы? — перебил корреспондент.

Жукен поднял руку:

— Подожди, дорогой. Послушай. Ну так вот, мы тоже были в свое время нетерпеливыми стригунками. Да только время поубавило нам прыти, зато прибавило ума. Это, видать, закон природы, и тут уж ничего не поделаешь.

Нынешняя молодежь, она, конечно, ученая, все норовит по книжкам создать изобилие. А жизнь по книжкам не де-

лается. Она по-своему бьет, мнет, ломает, пока не собьет с тебя все острые углы, не обкатает, как море гальку. Пока ты не станешь для нее удобен. Но это тоже было бы неправильно, ждать, пока обкатает жизнь. Слишком накладно для хозяйства да и для них самих.

Мы ведь, старики, тоже люди, хотя некоторые молодые и хорохорятся без нужды, размахивают своими дипломами, и вообще яйца курицу начинают учить. Это обидно и больно нам, старикам. А то, что между мной и Ермеком нет никаких конфликтов, это наша общая с ним заслуга. Он меня слушает, как отца родного, и я за это его уважаю. Должна быть какая-то граница в отношениях старших и молодых. Эту границу надо знать и по возможности не переступать. В Ермеке я уже и сейчас вижу черты настоящего руководителя, полезного и делового специалиста. И меня это радует. Я испытываю немалое удовлетворение, что смену свою я подготовил и воспитал сам. Что такое человек без учеников? Бесплодное дерево. Ни доброй памяти, ни глубокого следа в жизни людской такой человек не оставит.

— Значит, вы связываете свое будущее и будущее совхоза с такими джигитами, как Ермек? — спросил корреспондент. — А вы уверены, что Ермек приживется здесь, будет болеть за эту землю?

— Здешняя земля ему не чужая, — покосился на журналиста Жукен. — И она станет ему родной. Я в это верю. Без такой веры я бы не стал его сюда вызывать.

Корреспондент задумался на минуту, потом решительно тряхнул своими длинными лохматыми волосами и сказал:

— Хорошо! А что вы скажете о Турарбеке?

К этому вопросу Жукен подготовился, он его ждал и ответил не мешкая:

— Прошло всего четыре месяца, как парень приехал к нам. До этого, признаться, я совсем не был знаком с ним. Да и не ожидал его приезда. Ведь он агроном по образованию. Но начальство послало его ко мне, и я вынужден был поставить бригадиром совсем незнакомого мне человека. Но теперь вижу, что он старательный работник. Пока, правда, ничего особенного не совершил. Может, по той простой причине, что пришел он уже на готовое, так сказать, к накрытому столу пожаловал. Ну а что касается помощи, то все мы, начиная с директора, ничего для него не жалеем. Справили, например, новоселье. В общем, даем все, что сами имеем. Да спросите у него самого.

Корреспондент заерзал на своем месте.

— Простите, Жуке, что перебиваю вас. Но судя по

тому, что вы приняли Турарбека на работу только по настоянию дирекции, значит, вам такой специалист не был нужен? Почему?

— Почему же не нужен? Люди нам нужны. Но мы должны смотреть на дело шире. Разве для того его учило государство, чтобы он работал простым бригадиром? Может быть, если бы он работал агрономом, то и пользы принес бы больше. Разве не горько смотреть, как специалист с высшим образованием ни на что не годен, кроме как быть бригадиром? Может, у него какие-то свои расчеты, я не знаю. Чужая душа потемки.

В это время директор с трудом поднялся с дивана и сказал:

— Ермек, налей-ка и мне кумысу, только немного. В горле что-то першит.

— И все же в чем вы видите причину такого поступка, что человек с высшим образованием пошел в бригадиры? — не унимался корреспондент.

— Не могу точно сказать, — нахмурился Жукен. — Мне и самому неясно. Пусть лучше сам скажет. Хоть он и молчит все время, язык у него неплохо подвешен.

Директор допил кумыс и направился к двери.

— Солнце уже к закату клонится, — сказал он на ходу.

— Вы не уходите далеко, — попросил корреспондент. — У меня к вам тоже есть два-три вопроса.

— Не уйду.

— Давно бы так, а то бедного старика совсем забросали своими вопросами, — пошутил Жукен. — Надо бы и директора тоже допросить.

— Я не допрашиваю, а расспрашиваю, — обиделся корреспондент. — Мне надо одно: чтобы все отвечали правдиво.

— Дело, конечно, твое, — неопределенно сказал Жукен. — Я тебя предупреждал, чтобы ты не обижался, если что не так скажу.

— А я и не обижаюсь, — улыбнулся корреспондент. — Не начать ли нам теперь разговор с Ермеком?

Турарбек, который все это время заставлял себя молчать, наконец не выдержал и сказал с досадой:

— Вряд ли выйдет толк из этого беспорядочного разговора. По-моему, все это мартышкин труд, когда нет настоящей откровенности и непринужденности.

— А ты не торопись, — остановил его корреспондент. — Дойдет очередь и до тебя. Тогда посмотрим.

— При чем тут я, — возразил Турарбек. — После Ермека мне уже ничего не останется сказать.

Ермек почему-то разволновался и не обратил никакого внимания на иронию Турарбека. Он отодвинул наполовину пустую посудину с кумысом и сказал дрогнувшим голосом:

— А что я могу сказать? За все Жукену спасибо. Мне бы трудно пришлось, если бы не его постоянная помощь. Он мне как отец родной, и я его доброты никогда не забуду. Ну а что касается работы, то тут мы себя не щадим, от зари до зари трудимся не покладая рук. Такая уж у нас, агрономов, работа. От зари до зари в поле. Горы я, конечно, не сворачиваю. Нет, этого я не могу сказать. Мне кажется, все дела надо начинать не торопясь, серьезно вживаясь в свою работу, постепенно устраняя недостатки. Ведь не зря говорят: поспешишь, людей насмешишь.

И он умолк, растерянно заморгав, потому что Турарбек и корреспондент вдруг расхохотались, а Жукен нахмурился.

Однако газетчик быстро взял себя в руки и, сделав, насколько можно, серьезное лицо, сказал:

— Ты три года учился в техникуме, после этого приехал в аул, где на твои плечи легла большая ответственность и сложное хозяйство, требующее не только знаний, но умения руководить. Ты принял обычное хозяйство со всеми его недостатками и упущениями, а не образцовое отделение. Так неужели все у тебя пошло гладко, как по маслу? Ты ни разу не споткнулся, не ошибся, не пострадал?

— А зачем страдать без нужды? — с вызовом ответил Ермек. — Ошибок можно избежать, если прислушиваться к советам старших и опытных товарищей.

— Старшие говорят, — корреспондент кивнул на Жукена, — что человека закаляют и воспитывают трудности. Молодому человеку надо пройти определенные испытания.

— Какие могут быть у нас испытания? — удивился Ермек. — У нас здесь Жукен давно уже навел порядок, жизнь идет нормально. Так зачем же зря голову себе забивать?

Корреспондент почувал, что напал на золотую жилу, и пошел по горячему следу:

— Скажи, а тебе нравится твоя профессия? И скажи еще, что ты думаешь об ауле, с которым ты каждый день хлеб-соль делишь? Чего тебе самому не хватает? Можешь ли ты здесь в полной мере применить свои знания? Есть ли возможность для творческого простора?

Корреспондент сознательно задал сразу так много вопросов, чтобы не дать Ермеку опомниться, и тот струхнул не на шутку:

— Я утонул в ваших вопросах. Но если уж так необходимо на них отвечать, я скажу коротко и ясно, тянуть

не буду. От зари до зари мы на ногах. К аулу я привык. Что касается знаний, то техникум дал их мне достаточно, чтобы справляться с работой. Похвастать ничем не могу, но свое дело делаю. Между прочим, местные жители умеют выращивать хлопок не хуже любого агронома. Их опыту надо доверять, а не лить пот напрасно.

Корреспондент поначалу даже растерялся от такой откровенности и умолк, не зная, о чем спрашивать дальше. Потом задумчиво спросил:

— Что значит напрасно пролитый пот? Как это понимать?

— А тут и понимать нечего. Зачем вмешиваться в дела, если они идут так, как надо? Иногда вмешательство даже может навредить делу. Разве не так?

— Теоретически, возможно, и так, — согласился корреспондент. — Но иногда это называют и по-другому, например бегством от трудностей, поисками легких путей. Как вы считаете?

— Вы меня такими словами не обижайте! — возмутился Ермек, еще дальше отодвигая от себя чашу с кумысом. — Каждый делает свое дело как умеет. Я умею хлопок выращивать, вы умеете писать и задавать вопросы. И я вас не учу да и не смог бы научить, как выращивать хлопок. Учиться у более опытных людей — это не легкий путь, а закономерный. Вот вы меня упрекнули, что я никогда не ошибался, не расшиб себе голову об камни, ни разу не споткнулся. А кому нужны эти искусственные трудности? Можно, конечно, шуметь и повсюду себя выставлять на показ, но разве от этого дело пойдет лучше? Не зря говорится в старой поговорке: «Если хочешь прославиться, подожги степь». Прославишься, конечно, но это дурная слава. Мне такой не надо. И петух утром кукарекает, думая, что по его голосу встает солнце. Такие голосистые умеют говорить и давать обещания. С ними трудно сладить, когда они языком начнут жать и косить. А что толку, если человек за свои слова не отвечает? Или говорит об одном, а делает другое? Разве это работа?

— Нет, это, конечно, не работа, — сказал корреспондент, с интересом поглядывая на Ермека.

— Ну вот видите! — обрадовался тот. — Значит, вы со мной согласны. А вы, журналисты, иногда больше красивым словам верите, чем делам. Не все золото, что блестит. Разве я не прав?

— Ты, видать, хорошо знаком с журналистами, — усмехнулся корреспондент. — Но ты продолжай, не стесняйся. Очень интересно тебя послушать.

— А я уже кончил, — проворчал Ермак, чувствуя себя задетым последними словами корреспондента.

— И все же мне кажется, что вы чем-то недовольны, — покачал головой корреспондент, снова переходя на «вы». — Что-то вас не удовлетворяет.

— А почему? — пожал плечами Ермак. — У меня все в порядке, можете в этом не сомневаться.

— И все же давайте говорить откровенно, — настаивал корреспондент.

Ермак рад бы и закончить на этом, он был испуган и раздражен и не знал, как избавиться от неприятных вопросов, а они были ему неприятны и досадны. А ведь было время, когда он и сам умел задавать такие вопросы и умел ловко уходить от них. Настоячивость корреспондента привела его в такую ярость, что он побледнел. Надоела ему такая жизнь. С одной стороны Жуken подхлестывает, с другой — Турарбек, а тут еще и корреспондент на голову свалился. Со всех сторон обложили, как зверя. Хотят правды? Что ж, они ее получат! Ермак криво усмехнулся и вдруг сказал:

— Ну что ты из меня масло давишь? Да, никогда я не мечтал стать агрономом. Не мое это дело! Я покой люблю! День прошел — и ладно, чудненько. Жди другого дня, а будет день, будет и пища. Прямо скажу, не нравится мне здесь, не по душе. И я бы давно уехал, если бы не Жуken. Его оставить не могу, потому что не умею отвечать на добро неблагодарностью. А то бы уехал, все равно пользы от меня тут немного, кот наплакал. А раз к делу душа не лежит, какое уж тут счастье? Вот она, моя правда, вы ее хотели. Ну ничего, постепенно привыкну лямку тянуть, научусь чему-нибудь.

— А если не научишься, что тогда? — сочувственно спросил корреспондент.

— Не знаю, — вздохнул Ермак и понуро опустил голову.

Жуken, только что смотревший на Ермака как зачарованный, — так потрясло его признание, — вскочил будто ужаленный.

— О чем ты тут болтаешь? — взревел он. — Кто тебя здесь удерживает? Вот бог, а вот порог! Скатертью дорога! Убирайся хоть сейчас. И без тебя вовремя солнце будет вставать. Только хотел бы я посмотреть, где это душа твоя успокоится? Где ты счастье найдешь? Из кислого рта гнилые слова вылетают. Так, кажется, говорит степь. О, да что это с ним? Он ведь ненормальный! Нет, нормальному человеку в голову такое не придет.

— А мне уже все равно, — тихо ответил Ермак. — Сказанного не воротишь.

Однако чувствовалось, что на душе у Ермака стало легче. Он даже улыбнулся.

— Не волнуйтесь, пожалуйста, — стал успокаивать Жукена гость. — Разве можно винить человека за то, что он откровенно высказался и облегчил свою душу? Зря вы его перебили.

Жукен, как будто опомнился, провел ладонью по лицу, словно снимая маску гнева, голос у него снова стал вкрадчивый и ласковый, когда он обратился к Ермаку:

— Ну что, дорогой? Разве так можно? Из самой Алматы приехал человек поговорить с нами, а ты ему про мелкие неурядицы толкуешь. Ему не сплетни нужны, а факты. Говори четко и ясно. До каких пор тебя учить, сынок?

Ермак поднял голову на ласковый голос, но встретился с таким угрожающим взглядом Жукена, что по спине у него поползли холодные мурашки. Он отвел взгляд и пробормотал:

— Откуда мне знать, что говорить? Насели на меня, до того довели, что и сам не знаю, что сказать. Конечно, об отъезде я сгоряча ляпнул. Нет уж, отсюда я до конца жизни никуда не стронусь.

— Зачем же болтал бог знает что?

— Да мне показалось, что ему именно это и хотелось услышать, — хмыкнул Ермак и принялся помешивать кумыс.

— А ты не сердись, — сказал журналист и бросил взгляд на Жукена. — Гнев человека уродует, а тебе он и вовсе не к лицу. По-моему, ты от природы человек добродушный. Ну, поехали дальше. Вот какой у меня к тебе еще вопрос. Что тебя привело в сельскохозяйственный техникум, твое собственное желание или ты поддался уговорам, чьим-то советам? А если случайно попал на чужое место, неужели за годы учебы ни разу об этом не подумал?

— Однако, я вижу, вы снова от меня хотите правды, — сказал Ермак и напряженно рассмеялся. — Ну хорошо, редко бывают минуты высказаться. И в школе у меня не было особого желания учиться, одни тройки получал. Кое-как закончил восемь классов, да и то потому, что меня тянули из всех сил. Я имею в виду учителей, им ведь тоже надо план по успеваемости выполнять. Мое шаткое положение было хорошо известно и дома. Родители, конечно, беспокоились за мою судьбу и советовали хоть как-нибудь да получить специальность. Вот и пришлось им подчиниться. Выбор за меня сделал отец, и выпирнул я, таким образом,

в коридорах сельскохозяйственного техникума. Семнадцать лет мне тогда было. Побежали нудные дни учебы. С тройками засыпал, с тройками просыпался. Учился без увлечения, вяло, потому что многое мне было непонятно. А раз непонятно, какой тут может быть интерес? С грехом пополам закончил я техникум, и Жукен сразу же определил меня к себе.

Жукен, казалось, и сам с большим интересом слушал исповедь своего агронома. Он хотел что-то сказать, но корреспондент опередил его:

— Скажи, Ермек, а за эти годы учебы ты ни разу не думал бросать техникум? Неужели тебя не мучили сомнения?

— Еще как мучили! Но куда мне было деваться? Домашние все уши прожужжали: «Получи диплом, а там что хочешь делай!» Еще они говорили, что весь свет станет надо мной смеяться, если я брошу учебу. Что мне оставалось делать, как не продолжать ходить на осточертевшие занятия? Вот и получил диплом. Бумажка ведь важнее человека.

— Выскажись, дурачок, выскажись, — со злостью перебил его Жукен. — В хорошеньком же свете предстаешь ты перед людьми! Нашел время и место для исповеди!

— Я тоже человек, — огрызнулся Ермек. — И мне тоже хочется иногда душу облегчить. Хватит, намолчался. Раз выпал случай, и тут рот затыкают!

— Мне кажется, что сегодняшний разговор полезен не только тебе, но и нам всем, — сказал корреспондент. — Ну и как ты собираешься жить дальше?

— Вот это уж действительно на допрос похоже, — недовольно сказал Ермек. — Ведь я сказал то, что и от отца родного скрывал. А вам, вижу, и этого мало. Ну и ну, хватка у вас.

— Ты же сам знаешь, сколько пустой породы приходится перерывать, чтобы обнаружить драгоценный камень. А найти истину еще трудней, — философски заметил корреспондент. — Ты знаешь, мне за тебя больно, Ермек. Я ведь не из простого любопытства расспрашиваю. Хочешь знать, что я думаю о таких, как ты?

— Знаю я все, — проворчал Ермек.

— И все-таки послушай. Ты занял чужое место в техникуме, а сейчас занимаешь чужое место в жизни. Ты не обижайся. Ведь кто-то другой рад был бы работать здесь. Рад и счастлив. А ты разве счастлив? Мы живем в такое время, дорогой Ермек, когда работа должна быть праздником.

— Все это красивые слова, — пробормотал Ермек. —

— Ну и что? Иногда и красивые слова соответствуют истине. И все-таки твоя откровенность мне пришлось по душе.

— Спасибо на добром слове, — буркнул Ермек.

Жукен, которому такая откровенность была в диковинку, безнадежно махнул рукой:

— Эх, мальчишка! Начнешь, так не остановишь. Остановишь — с места не сдвинешь.

— Ничего страшного, — повернулся к нему корреспондент. — Рано или поздно истина пришла бы к нему. Шила в мешке не утаишь. Так уж лучше рано, чем поздно. Молодец, что правде в лицо не побоялся заглянуть.

— Не знаю, не знаю, — задумчиво и огорченно покачал головой Жукен. — Я-то думал, что они мне крыльями будут на старости лет, а они раньше времени в могилу сведут.

— Ну, вы напрасно так говорите. Вы сначала сами дайте им эти крылья, летать научите.

— Скажу прямо, — тяжело вздохнул Жукен. — Очень меня удивило и расстроило, что со мной, самым близким человеком, он год молчал, а сегодня взял да и разболтался ни к селу ни к городу. Вот уж дожил до старости лет, а в людях разбираться не научился.

— Накопилось, видать, у человека.

— Вот-вот, только мало накопилось, — неопределенно пробормотал Жукен, берясь за шляпу. — А ты, Ермек, от меня так легко не избавишься. Так просто я тебя не отпущу. А когда станешь большим человеком, пожалеешь о сегодняшнем разговоре. И мне спасибо скажешь.

В это время открылась дверь и вошел директор.

— Все кругом горит и плавится, — сказал он. — Такого зноя еще не бывало. Все утонуло в жарком мареве, ничего не видно.

Жукен отошел к дивану и сел, привалившись к стенке, стал невесело раздумывать: «Ну и проворен этот корреспондент. Надо быть с ним поосторожней. А ведь прикинулся простачком, о жене начал рассказывать, напустил туману, а потом вдруг вцепился в Ермека, как клещ. Надо как-то домой его к себе затащить. В городе особых жиров не пагуляешь. А я его свежим мясом накормлю, коньячный водопад устрою. Ничего, все еще может обойтись. Только вот интересно, что Турарбек скажет. Да и директор молчит».

Жукен поудобней сел на диване и стал ждать. Ему хотелось выяснить обстановку до конца. Корреспондент мог

ему пригодиться, неплохо и в газете на всякий случай иметь своего человека.

Он посмотрел на Ермака. Тот сидел подавленный и бледный. «Ах ты сукин сын! — с ненавистью подумал Жукен. — Сидит как исклеванный воробьями подсолнух. Тебе ли быть строптивым, недоучка проклятый! За него люди хлопчут, все делают, так ему еще надо и самому языком молоть и себе и людям во вред! Черт с ним с самим, лишь бы другим палки в колеса не ставил. Выговорился, а теперь сидит, как утопленник, с синей рожей. Весь в отца. Тот тоже молчун, всю жизнь просидел, разглядывая собственный пуп. Слова не может сказать, глядя прямо в глаза, все куда-то в сторону пялится. И ему кажется, что он тоже человек. А этот и вовсе гнилой плод от трухлявой яблони. Но куда денешься, если нет под рукой лучшего материала? Родню себе не приходится выбирать, как на базаре. Приходится обходиться той, какая уж есть. Своя все же кровь, а свою кровь не будешь проливать».

В конце концов родственное чувство остудило гнев Жукена. Ермака надо было спасти и как-то поправить дело. Но злость снова поднялась в его душе, когда он взглянул на директора с чашкой кумыса в руках. Мелькнула мысль сказать, что в совхозе плохие методы руководства, оттого Ермаку и не нравится здесь. Может быть, журналист начнет копать в этом направлении? Однако Жукен промолчал. Неосторожным словом можно все испортить. Кроме того, он боялся вспыльчивого Турарбека.

Корреспондент в это время что-то записывал в свой блокнот, перечитывал и снова писал. Закончив пометки, он посмотрел на Турарбека и подумал, что с ним надо поговорить особо, с глазу на глаз. Интересно, что скажет Турарбек, который будто воды в рот набрал и его совсем не тронули ни исповедь Ермака, ни гнев Жукена? И все-таки что-то стало наконец проясняться, контуры статьи, ради которой он сюда приехал.

Он с улыбкой посмотрел на директора и спросил:

— Полегче стало, Саке? Сможете со мной поговорить?

— Да, немного лучше. Ну что ж, побеседуем. Расскажу, что могу. В нашем совхозе большинство специалистов — молодежь. Они-то и задают тон всей работе, всей жизни коллектива, являются его ядром и закваской. Мне нравится здоровое честолюбие молодых людей, и я не вижу в этом ничего плохого и опасного. Это не карьеристы, а творцы. Как говорят, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Я люблю их и верю им. Мне нравится и то упорство, с каким молодые отстаивают свою

точку зрения. Единственный их недостаток — горячность. Но и горячность тоже мне по душе. Это свойственно молодости. Не люблю холодных, равнодушных и расчетливых.

Конечно, не все они одинаковы, как не бывает одинаковых пальцев на руке. Не все они тянут на большой палец. Есть средние, мизинцы и безымянные, к сожалению, конечно. Есть и безликие молодые люди. Но таких, к счастью, совсем мало. Есть замкнутые и ограниченные, я имею в виду кругозор.

Небольно удивляешься, как молодой человек, образованный и умный, сокращает свой мир до размеров скотного двора, смотрит на свет сквозь плотную бумажку червонца. Все у таких рассчитано и решено заранее, каждый шаг делается по расчету. Откуда в них это? Очевидно, наш недо-смотр. Не сумели мы воспитать в человеке большой души. Очень жаль бывает, когда встречаешь таких.

— Саке, это все ясно, — задумчиво сказал корреспондент. — Но вы меня не совсем поняли. Расскажите лучше про тех джигитов, которые после учебы вернулись в Каракай. И поконкретнее, пожалуйста.

Тут вмешался Жукен, хихикнув в кулак:

— Этот парень от своего не отступит. Чистый репей.

Директор даже не посмотрел в его сторону, он прошелся по комнате и вернулся к корреспонденту.

— Что можно сказать о них? Возьмем хотя бы этих двух джигитов — Ермека с Турарбеком. Один из них агроном отделения, другой, как известно, работает бригадиром. Мне нравится незлобивость Ермека, его выдержка. Но, признаюсь, я больше люблю горячность, нетерпеливость и беспокойный нрав Турарбека. Мне по душе его безоглядная прямота и честность. И вы посмотрите, разве они не дополняют друг друга? Где-то один попридержит, а где-то другой подстегнет. Разве это не сама жизнь?

— Единство противоположностей, — хмыкнул корреспондент.

— Как не любить такую молодежь? — продолжал директор. — Мы с ней большие надежды связываем, ждем много нового и хорошего. Быть в стороне от молодежи нам с Жуксом как-то не к лицу. Кроме того, я стараюсь думать и о том, что наша молодежь не должна забывать о культуре. Ее долг не только хорошо работать, но и воспитывать людей, учить их прекрасному. Ведь у нас народ замечательный, щедрый, восприимчивый к добру. А земля богата, хранит в себе несметные сокровища, добывать которые придется молодежи. А чувства человеческие разве

не надо воспитывать? Души наших дехкан хранят в себе такое богатство, что и представить невозможно.

Давно в эту землю врубился первый кетмень, да только время лопат и кирки прошло. Иной теперь размах, иное время. И люди должны стать другими. Они неплохие, но должны стать еще лучше. И тот факт, что на месте небольшого отделения вырос огромный совхоз, говорит о многом. И я хочу видеть своими глазами, как начнет сбываться моя мечта. А это зависит от молодых джигитов. И молодые специалисты должны быть достойны будущего.

Сначала меня удивила и насторожила просьба Турарбека поставить его бригадиром. Довольно странное желание после института. Но я его понял и согласился с ним, когда он сказал: «Хочу с самого истока начать. А потом, придет время, не откажусь и от руководящей работы. Мне нужен опыт». Его слова заставили меня задуматься, и я разрешил ему начать с самой первой ступеньки. Пусть набирается опыта, привыкает работать с людьми.

Лицо у Жукена покрылось пятнами. Он чувствовал себя так, будто ему только что надавали звонких, увесистых пощечин и, главное, безответных.

«Как ловко повернул! — с досадой думал он. — Вроде бы и не ругал никого и не хвалил, а все ясно. Как я не учел, что Саткен большой мастер убеждать людей. Журналист теперь в его руках».

— Основное ваше будущее — это выращивание хлопка, конечно? — спросил корреспондент.

— Безусловно! И сейчас выращивать хлопок стало особенно сложно. Всегда эта культура требовала неустанной заботы, бережного ухода и бесконечного труда. С ранней весны до поздней осени нужен внимательный хозяйский взгляд и присмотр.

— Да, молодые многое могут сделать, — вернул Жукен.

Директор поморщился оттого, что его перебили, но все-таки продолжал:

— Правду сказать, сейчас действительно многие носят со своими дипломами. Но много и таких, которые по-настоящему желают у нас работать, потому что чувствуют перспективность и размах нашего дела. И я всегда рад тому, кто ищет большого дела, а не длинного рубля. К сожалению, такие ведь тоже есть. Говоришь с ним о хозяйстве, а он о своих нехватках, о жилье, о зарплатке. Я не против того, чтобы люди жили хорошо, со всеми удобствами. Но я против того, чтобы харч становился главной заботой в жизни. Да и что ждать от такого молодого спе-

специалиста, для которого жирный край собственного казана дороже общего котла? Есть, конечно, и хитрецы, которые за высокими словами пытаются скрыть свою мелкую душонку. Но такие быстро выявляются. Сама работа их раскрывает. А народ — не дурак, все видит.

— Но, как я понял, о быте, об условиях жизни молодых вы заботитесь неплохо? — сказал корреспондент. — А к такому хозяину как не тянуться.

Но директор не отреагировал на его слова, боясь потерять нить своих рассуждений.

— Мне важно увидеть в любом молодом специалисте прежде всего человека, — продолжал он. — Недавно ко мне зашел один парнишка. Два слова не успели сказать, и вдруг он говорит мне: «Смогу ли я после двух-трех лет работы у вас машину купить?» Что я мог ему ответить на это, как вы думаете? Я ему ответил: «Нет, молодой человек, не сможете». Хотя это и не совсем правда. Но откуда такие только берутся?

Журналист попытался направить разговор в нужное русло и спросил прямо:

— А что вы думаете насчет Еремка? Он сказал, что попал в агрономы случайно.

— Может быть, хватит обо мне? — резко дернулся Еремек. — Откуда вам знать, искренний я был с вами или нет? А может быть, я пошутил? Никто на магнитофон не записывал мои слова.

— Не обижайся, Еремек, — сказал корреспондент. — Такая уж у меня специальность. Раз спрашиваю — значит, мне это нужно.

Директор пришел на выручку к обескураженному и без того Еремку:

— Ты должен спросить у него сам о нем самом. А я скажу о другом. Если сказать правду, мы не умеем временем дорожить. У нас его на отдых совсем не остается. Разве это правильно, вставать с восходом солнышка и ложиться за полночь? Все зависит от организации труда, от ума. И в страду можно отдохнуть по-человечески. И дежканин человек.

Еремек наговорил, конечно, лишнего. Я слышал, потому что никуда не уходил, а стоял около двери. Если решение его твердое, то лучше ему уйти, пока не поздно. Для чего тащить этот груз на своих плечах, тащить изо дня в день, как каторжник на галерах? Ошибся человек, бывает такое. Но это не значит вовсе, что человек плохой. Может быть, у него другое призвание в жизни. Если же он хочет про-

должать тянуть это ярмо, пусть тянет, его право. Но будет очень нелегко.

И вот на плечи этих двух джигитов мы взвалили нелегкий груз забот, ответственность. Они почти в одно и то же время пришли на работу, в одно из самых передовых отделений совхоза. А тут есть простор, перспективы, можно размахнуться, показать себя. Ведь, в конце концов, мы не вечны. Место стариков займут молодые.

Жукен был, конечно, умный человек, но легко выходил из себя, а с директором у него была давняя вражда. Он давал себе слово не горячиться, но характер взял свое. После слов директора он тяжело задышал, кровь прилила к голове, и вряд ли он сознавал, что говорит:

— Медом мажешь, Саткен. Легко советы раздавать да судьбами играть. Мягко стелешь, да как бы жестко спать не пришлось молодым. Делаешь вид, что жалеешь. Смотрите какой! Сколько же яда таятся в тебе! Скажи, чем помешал этот мальчик, совсем еще почти ребенок? Почему ты задумал от него избавиться? Все время в сторону стараешься его отодвинуть. Но ты не торопись, мы еще посмотрим...

— Что вы, что с вами, Жуке? — встревожился корреспондент. — Не понимаю, что вас так задело? Успокойтесь, пожалуйста. Ну успокойтесь же!

Но разошедшегося Жукена трудно было остановить:

— Если хочешь бороться, то со мной враждуй и борись. Посмотрим еще, чья возьмет. Многие хотели свалить Жукена, но только сами едва убереглись. Уж ты-то, я думаю, не сильнее их! Знай, что мне все известно, даже то, что за семью печатями под землей спрятано!

— Аксакал, да зачем вы так, — начал было испуганно корреспондент, но директор жестом остановил его.

— Пусть уж выговорится до конца. Он все равно не замолчит, пока не успокоится.

— Пусть я не буду Жукеном, если не выведу тебя на чистую воду, перед всем народом не опозорю, — задыхаясь проговорил Жукен. — Можешь плюнуть мне в лицо, если я не сделаю так! А то совсем на голову сел. А может, тебе уже тяжело стало и партбилет носить в кармане?

— Оставьте в покое мой партбилет, — брезгливо сказал директор. — Не вы мне его давали, не вам и отбирать. Успокойтесь, Жукен.

— А я не успокоюсь. Пусть я старый, но на таких, как ты, у меня еще хватит сил. Поэтому говори со мной осторожно.

— Ермак, дорогой, еще не поздно, подумай как следу-

ет, — сказал директор, обращаясь к агроному и совершенно игнорируя Жукена. — Ты посмотри на Турарбека. Он ведь всем сердцем к этой земле привязан. И я уверен, что счастлив.

— Да уж и ненасытный этот Турарбек, — просипел управляющий.

— А разве это плохо? — сказал корреспондент. — Жадность к работе лучше, чем благодушие. Когда нет движения вперед, остается топтание на месте или отход назад.

— Ты тоже издеваешься надо мной? — прохрипел Жукен. — Повтори, что сказал?

— Я сказал... а вы что подумали? — спросил спокойно корреспондент.

— Не твое дело! — отрезал Жукен, однако тут же спохватился и заговорил почти ласково: — Извини, я тебя не понял, вот и подумал, что ты надо мной смеешься. А мне, если сказать правду, обидно за молодых. Я в них всегда вкладывал свое сердце без остатка, все целиком. Ночи не досыпал, неужели все это напрасно? Я Ермека во все тонкости дела ввел, все силы отдал. Хватит ли у меня сил, которых уж немного осталось, научить другого? Саткен о моем труде не подумал. Отцу больно сына терять, а учителю — ученика. Советы давать легко. Уходи, ты нам больше не нужен. Скажите, а куда ему идти, если он в жизни ничего толком не знает? Ведь он же еще и диплом свой не оправдал здесь. Да и труд мой тоже, пот мой... Нет, нельзя так разбрасываться людьми. Это мой кадр, и мне видней, на что он способен и чего мне от него ожидать. Я не только за человека буду бороться, но и за хозяйство, которое потерпит ущерб, если он уедет. Извините, если что не так сказал...

«Какие страсти, — иронически подумал корреспондент, но тут же упрекнул себя за эту высокомерную иронию. — Да, страсти! Вот и надо писать об этом знюе и страхах. Ведь все это живые люди, а не образы, не шахматные фигуры, которые можно двигать, куда захочешь. Люди. Вот об этом и надо рассказывать. Разве не могу я взять на себя боль директора, его мечты о будущем совхоза? Разве не удастся мне понять вспыльчивого, самолюбивого до предела Жукена? Или понять молчание Турарбека? Нет, пока не смогу. Потому что слишком мало еще знаю о них. Надо поговорить с каждым из них отдельно. Надо пропитаться, насколько это возможно, солнцем и воздухом этой знойной земли, а потом уж писать. А я что сделал? Пока что только рассорил людей, внес тревогу и беспокойство в их налаженную жизнь. Замучил своими вопросами. Но как иначе

докопаешься до истины? Ведь под этой ровной поверхностью бурные волны ходят. Они-то мне и нужны, эти волны, эта буря. В спорах рождается истина».

Журналист достал свой блокнот и бегло просмотрел заметки. «Да, надо поговорить с Жукеном. И странно себя ведет Турарбек, ни во что не вмешивается. Хотя по словам директора он не тот парень, чтобы молчать. Значит, надо и с ним найти общий язык. Да и директор не прост. Очень не прост».

— Сегодня мы, конечно, не сможем договорить до конца, — сказал директор. — Да и солнце уже садится. Надо трогаться. В конторе у меня дел, наверное, накопилось за день, и люди заждались.

Корреспондент беспокойно зашевелился на своем месте.

— Саке, если вы разрешите, — сказал он, — то я бы хотел остаться здесь. Хочу хлопковые поля осмотреть, с хлопкоробами познакомиться. Для меня это редкий случай. Как вы на это смотрите?

Слова журналиста обрадовали Жукена. Он приветливо улыбнулся и сказал:

— Это правильно. Да и нам стыдно гостя без угощения отпускать. Дела делами, но и о себе нельзя забывать. Погости, отдохни пару дней. А блокнот твой мы поможем заполнить, об этом не беспокойся. Только успевай записывать.

— Да ведь мы еще и на Чардару съездить собирались, — напомнил Ермек.

— Верно. Недаром говорят, что гость должен быть смирней овцы, — поддержал Жукен. — Думаю, гость не обидит нас отказом.

Директор как-то странно посмотрел на журналиста и кивнул головой:

— Конечно, если у тебя есть время, пожалуйста, погуляй, посмотри. Я не против.

Все вышли проводить Саткена к машине. Солнце медленно улеживало за горизонт, пронизывая алыми лучами редкие облака. Оно как будто совсем обессилело, отдав за долгий летний день весь свой жар земле.

Машина развернулась, рванулась в сторону заходящего солнца и скоро превратилась в черную точку, ее уже трудно было отличить от маленькой букашки, которая вилась над красным маком.

Директор уехал и как будто увез с собой непринужденность. Турарбек держался в стороне, и Жукен то и дело бросал на него исприяженные взгляды. Все вдруг почувствовали перед уехавшим какую-то непонятную вину, даже

управляющий. Он подумал, что был груб с директором, и ему захотелось как-то оправдаться перед корреспондентом.

— Мне уже за шестьдесят, — начал он издаലെка. — А мой трудовой стаж — хочешь, верь, хочешь, не верь — уже сорок пять лет. Скоро полвека набегит. Многие мне пришлось пережить за это время. Но имя свое я сумел в чистоте сохранить.

Когда в ауле организовали колхоз, меня, несмотря на мои малые годы, поставили учетчиком. А я тогда только по слогам и умел слова разбирать, практически полуграмотный человек. Но среди аулчан считался грамотеем.

Потом я стал бригадиром. В те годы не было работы более сволочной и трудной. Все обижаются на бригадира, а тому и пожаловаться некуда. Председатель весь в мыле, ему не до тебя. Ну а требует, конечно, с кого? С бригадира. Домой возвращались с рассветом. И не успевало солнце еще встать, осветить вершины деревьев, мы были опять на ногах. Тяжело, уму непостижимо. Однако никто не жаловался и не ныл. Мы не только работали, но и песни петь успевали, находили время. Бывало немало случаев, когда по трое суток глаз не смыкали, и ничего, слава богу, пережили и такое. Пережили, ох и тяжело было. Не дай бог никому такое пережить.

До войны моя бригада никому первого места в колхозе не уступала. На каждом собрании меня выдвигали в президиум. Каждый год я получал премии, грамоты разные, дипломы... Я тебе все покажу, если ты попадешь в мой дом. Но ты знаешь, какая самая лучшая награда для меня? Это моя жена. Она была самой красивой девушкой в ауле. Ну, сначала меня не замечала, даже смотреть в мою сторону не хотела. Но потом поняла, что я джигит серьезный и дом у меня — полная чаша. Поняла, что за мной как за каменной стеной, умная девушка была, ничего не скажешь.

Во время войны я стал председателем колхоза. Все хозяйство в те времена легло на плечи стариков и женщин. Но и в те годы мы свой план перевыполняли. Председатель работал наравне со всеми, в конторе часу не сидел. До обеда арбакешем, после полудня косцом — вот что такое был тогда председатель. Ну а вечерами надо было идти утешать вдов и сирот. Похорожки приходили одна за другой, аул рыдал. У меня до сих пор волосы дыбом встают, когда я вспоминаю те дни. Не дай бог никому!

Да, какое время пережили! И вот с тех пор я двадцать пять лет бессменный председатель колхоза. Да и потом в стороне не остался. Работал председателем аулсовета. Но все это не приносило радости. Я понял, что без хозяйства

мне не прожить. Так я об этом и сообщил начальству. И вот теперь здесь, в этом новом совхозе, уже пять лет работаю управляющим. В газете обо мне не раз писали. Приедем домой, сам увидишь. Эх, если бы нашелся человек да описал эту нашу трудную жизнь — легенда бы получилась.

— Да, это интересно, — задумчиво сказал журналист. — Целая эпоха перед нами. Я понимаю.

Жукуену, видимо, польстили слова журналиста. Впрочем, и картину-то Жукуен нарисовал правдивую. Что было, то было. Старые заслуги можно забыть, но объективно они существуют и в нынешнем дне.

— Ну а теперь мы не только старыми заслугами живем, — сказал Жукуен. — И теперь мы в первых рядах. Знают об этом и в районе и в области. В поощрениях недостатка не испытываем. Меня уважают не за старые заслуги, а за дела. Я не хвастаюсь. Мне моей славы хватает и хватит до конца жизни. Я ведь уже не молодой джигит, которому известность кружит голову, как утренний кумыс.

— Что верно, то верно, — поддакнул журналист, решив набраться терпения и выслушать Жукуена до конца.

— За эти годы накоплен громадный опыт, — продолжал тот. — Надо его кому-то передать. Не уносить же в могилу. И свой опыт я передаю молодым по капле, как нектар. На это уходят годы. Мне нельзя оставлять дело незавершенным и начинать все сначала с новым учеником. Мне нужен Ермек, в которого я вложил все свои силы и знания. Вот почему я сорвался в разговоре с директором. Обидно. Ты пойми, что в Ермека вложено очень много, мне нелегко расставаться с ним. Во многом он мое творение, к сожалению еще не завершенное. Джигит не оперился. Но придет время, и все станет на свои места.

Журналист внимательно слушал, пытаясь запомнить и понять слова старого аксакала.

— Я вас слушаю, Жуке.

— Эх, старый я стал, а сердце все как у молодого стучит.

— Вам до старости еще далеко, — сказал корреспондент. — Вы человек особой закалки.

Эти слова и мечтал услышать Жукуен. Наконец-то его поняли.

— Твоими бы устами да мед пить, — сказал довольный Жукуен. — А то эти двое джигитов так и не догадались порадовать старика.

— Кого же еще радовать, как не вас, — улыбнулся корреспондент.

— А ты не шути, — сказал Жукен. — Вот ты мне теплое слово подарил, а я тебя за это завтра на черной «Волге» до самой Чардары прокачу.

— Только надо успеть ее заправить, — озабоченно сказал Ермек.

— Машина собственная? — спросил корреспондент.

— Да уж не первая. Когда заездил старую машину, руководители области и района предложили взять новую. Я, конечно, не стал их обижать отказом.

— О, когда наш Жукен приезжает на черной «Волге» в район, люди долго смотрят вслед и удивляются, что это за большое начальство из области пожаловало?

— Ну а ты сам, у тебя есть машина? — спросил Жукен у корреспондента.

— Какая там машина, — вздохнул тот. — Двухкомнатной квартиры не могу до сих пор получить. Все по чужим углам мыкаюсь.

— Машина нужна, — солидно сказал Жукен. — Она вес человеку придает.

— Автомобиль не роскошь, а средство передвижения, — подал голос Турарбек.

— Как по писаному говоришь, — повернулся к нему Жукен. — Начитался книжек.

— Да, начитался, скрывать не буду, — с вызовом сказал Турарбек.

Жукен осуждающе покачал головой:

— Нам в свое время не до книг было.

— Это верно, — согласился Турарбек.

Управляющий снова повернулся к журналисту:

— Машина и для работы нужна. Везде успеть надо. А Ермеку надо хотя бы «Жигули» иметь. У твоего отца, Ермек, хватит добра, я это прекрасно знаю. На четыре машины хватит, а то и больше. Упросил бы его подарить тебе железного коня. Поплачь, может, твой мудроголовый отец и сжалится.

— Денег-то можно найти, — сказал Ермек. — Только как ее купишь, эту машину? Пока очереди дождешься, поседеешь.

— А меня ты совсем в счет не принимаешь? — укоризненно сказал Жукен. — Думаешь, дряхлый старик перед тобой? Да мы любую машину из очереди выхватим, если возьмемся по-настоящему.

— Вот это другое дело! — обрадовался Ермек. — Всю жизнь благодарен буду.

— Без твоей благодарности как-нибудь проживу. А ты

лучше слюни не распускай. Беги сейчас в аул да скажи хозяйке, чтобы гостя готовилась встретить.

Ермек кивнул головой и зашагал к двери.

— Погоди, — остановил его Жукен. — Расскажи ей, как мы ее хвалили, как называли самой красивой и все прочее. Так что пусть не подводит.

Ермек рассмеялся и махнул рукой.

— Все будет сделано как надо.

Остались втроем, но и Жукен куда-то вдруг заторопился. Уходя он сказал:

— Вечером у нас встретимся. Смотри не забудь, ждать будем.

Корреспондент, который надеялся узнать побольше о жизни этих людей, кивнул головой и сказал:

— Спасибо! Рад буду посмотреть, как вы живете, послушать ваши рассказы и познакомиться с вашей супругой.

Впрочем, он тут же раскаялся, что так легко дал согласие. Все-таки угощение к чему-то обязывало. Однако делать было нечего, раз пообещал, надо идти.

3

Кусты хлопчатника выросли дружно и уже поднялись выше пояса, густые, ветвистые. Если присесть между рядами, в глазах начинает рябить от множества зеленых пока еще бутонов, которые в свое время должны стать коробочками хлопков, превратиться в крохотные белые облачка.

Турарбек и корреспондент молча шли по хлопковой плантации.

— Хлопок будет хороший, — сказал Турарбек и остановился, чтобы сосчитать бутоны на одном кусте.

— А я раньше вообще не видел, как растет хлопок, — признался корреспондент. — Очень красиво.

— Да, красивое растение, — согласился Турарбек. — Особенно красиво, когда коробочки начинают распускаться. Бечером видишь ее закрытой, как шкатулка на ключ, а наутро нежная дымка стоит над полем. Каждый куст принарядился, как невеста на свадьбу.

— Да-а, — задумчиво протянул корреспондент.

Турарбек погрузился в мрачные раздумья, вызванные сегодняшним днем, и они некоторое время молчали. Наконец журналист сказал в сердцах:

— И как только ты от скуки не умер сегодня на стане?

Он, видимо, попал в большое место, потому что Турарбек строптиво дернул головой и сказал:

— А зачем зря сжигать нервные клетки? Я уже привык ко всему этому.

— Да, нехорошо получилось, — вздохнул корреспондент. — Этот ваш Жукен, видимо, не в ладах с директором.

— Тонкое наблюдение, — хмуро сказал Турарбек.

— А ведь Жукен на первый взгляд кажется неплохим человеком, — сказал корреспондент. — Недостатков у него, конечно, тоже хватает. Но с чего он на директора накинулся, не могу понять.

Турарбек с досадой вырвал клочок травы и сказал, глядя прямо в глаза корреспонденту:

— Послушай, друг, зачем ты мелочишься? Бросил бы ты аульные дрязги собирать. На кой черт они тебе?

Корреспондент сначала растерялся, потом обиженно засопел и, помолчав, сказал печально:

— Это не мелочи, Турарбек. Я думаю, что не все у вас ладно в коллективе, судя по тому, что среди бела дня директора за шиворот хватают. И главное, было бы за что. Или ты считаешь, что это нормально? Ну да, ты ведь ко всему уже привык. Вот и молчишь.

— Ты меня на слове не лови. Я молчу, но до поры. А сегодня мое вмешательство ничего бы не изменило, ни к чему хорошему не привело бы. Я ж тебе говорю, что давно научился ценить свои слова и поступки, щадить нервы, и свои и чужие. Поверь мне, директор не нуждается в моем заступничестве.

— И все же, это не мелочи, — повторил корреспондент.

— Саткен и сам виноват, что позволяет каждому садиться на голову, — вздохнул Турарбек.

— Да, у него слишком мягкий характер, он добрый человек, — согласился корреспондент. — Ну а вы-то почему в стороне остались? Лишь бы гром не грянул, так, что ли? Если они при каждой встрече цапаются, как еще хозяйство ваше живо?

— Это их личное дело и к хозяйству никакого отношения не имеет, — сказал Турарбек. — Каждый на своем месте работает добросовестно.

— Ну, вам видней, — кивнул журналист. — Только и свежем у глазу многое видно. Ей-богу, этот скандал не похож на случайную ссору.

— Ладно, на этом и закончим наш разговор, — оборвал Турарбек. — Остальное у Жукена узнаешь.

— Кстати, а как ты насчет того, чтобы вечер провести вместе? — спросил корреспондент.

— Извини, но меня к начальству не приглашали, —

усмехнулся Турарбек. — Да и особого желания у меня нет туда идти.

— Ну а что тут такого? Вы же здесь все свои?

— Свои-то свои, да только праздник может и в драку перейти.

— До чего ты любишь иносказания, — с досадой упрекнул корреспондент. — Разве в ауле не принято собираться в том доме, где гость?

— Когда это было! — рассмеялся Турарбек. — Об этом обычае стали уже забывать, дорогой мой.

— Так я тебе и поверил, — буркнул корреспондент.

— Ну ладно, — нахмурился Турарбек. — Давай потихоньку двигаться в сторону аула.

— Но ведь Жукен еще обещал заглянуть на стан?

— Мы его встретим по дороге.

— Что ж, тогда все в порядке.

Они встали и не спеша пошли вдоль арыка. Корреспондент смотрел по сторонам и что-то бормотал себе под нос. Турарбек тоже был занят своими невеселыми мыслями и тербил бездумно пучок травы, который нес в руках.

Закат сгущался, солнце почти уже зашло. Только узкий ободок его все еще светился над краем земли золотой коронкой. А все остальное медленно и тихо заливали сиреневые сумерки. Зной еще не прошел, пока еще все было пропитано им — тропинка, кусты хлопчатника, верхушки пыльных трав.

— Турарбек, а я вижу, ты прямой парень, — вдруг сказал корреспондент доверительно. — Знаешь что, давай безо всякой дипломатии с тобой поговорим. Я обещаю, что твои слова во вред тебе не обрещу. А польза может быть и тебе и мне.

— Ну что ж, начинай первый, — сказал Турарбек, как будто только этого и ждал.

— Что ж, и начну. Ты приехал в аул, стал бригадиром. В этом пекле ни днем ни ночью покоя не знаешь. Я заметил, что и авторитета особого у тебя здесь нет, и перспективы не бог знает какие. Ну а ты представлял себе, когда поступал учиться, учился, что так сложится твоя жизнь? Или ты воображал что-то другое? Расскажи мне об этом.

— Если все рассказывать, то долгая получится канитель, — сказал Турарбек. — Но если хочешь знать правду, то я тебе скажу, что ничего подобного не воображал и даже во сне не видел. Одно дело мечты, другое — жизнь. Но я с самого начала поставил себе цель стать хлопкоробом. Хлопкоробом я стал, мечта моя сбылась. А перспективы,

они появятся, и они уже есть. Не зря об этом директор говорил. Будет и авторитет, если я здесь останусь бригадиром. А бригадирский авторитет — это большое дело. Станет тесно в бригаде, пойду дальше. И опыт к тому времени появится. А что касается пекла, жары и прочего, то ведь мне не привыкать, я в этом ауле родился. Он мне дороже любого города. Остальное будущее покажет.

— Что ты имеешь в виду под остальным?

— А ты вроде и не знаешь? — усмехнулся Турарбек. — Раз собираешься писать о молодых специалистах, то и пиши. Стоит ли до всего докапываться? Со мной ты зря теряешь время. Вряд ли выйдет что-либо путное из твоей ватеи.

— Ты об этом, пожалуйста, не беспокойся, — сказал корреспондент. — То, что мне надо, я уже узнал. Можешь ничего больше не говорить, хотя, если честно сказать, не все мне еще ясно, и я надеялся на твою помощь.

Турарбек промолчал.

Земля дышала горячо и ровно, отдавая накопленный за день жар. От ее могучего дыхания было душно, а вечерняя прохлада все никак не приходила. Журналист, не привыкший к такому климату, весь вспотел. Он с завистью посмотрел на Турарбека, вид у которого был бодрый и свежий, как будто он не ощущал ни жары, ни духоты, ни усталости.

— Куда ты так торопишься? — не выдержал корреспондент. — Я весь запарился.

— Надо домой заскочить, перекусить немного, — не оборачиваясь, сказал Турарбек и прибавил шагу. — Если в контору сейчас пойду, то Жукен меня до полуночи непустит.

— Почему?

— Наряды сдавать надо. Каждый день одна и та же история.

— А что, если их не сдавать каждый день?

— Ничего страшного не случится. Бригадир ведет учет. Можно бы и раз в декаду отчитываться. Только у Жукена такая уж привычка, еще с тех пор, как в колхозе работал. А думаешь, так просто избавиться от тридцатилетней привычки?

— А вы бы ему сказали об этом.

— Сказали бы, если бы он умел слушать. Так он мало того, что не слушает, еще и накричать способен. Для него сдача нарядов — это праздник, целая церемония. От поучений бесконечных тошнотой становится, от крика глохнешь, а от оскорблений зеленеешь. Не очень веселая жизнь, я

тебе скажу. Но без ежедневной сдачи нарядов он спокойно не уснет. Для него это как лекарство от бессонницы. Ему кажется, что без крика порядка не будет. Говорят, когда он был председателем аулсовета, ни минуты дома высиживать не мог. Все шатался по аулу да выискивал недостатки.

— Но сегодня, я думаю, он освободит вас от нарядов, — улыбнулся корреспондент. — Он же пригласил меня в гости вечером?

— У этого человека вечер начинается после полуночи! — рассмеялся Турарбек.

— Вот это да! Ну тогда я сейчас пойду в контору.

— Нет, сначала зайдем ко мне, — возразил Турарбек. — Перехватим чего-нибудь.

— И то верно, — согласился корреспондент. — Этот кумыс здорово возбудил у меня аппетит.

— Судя по всему, Жукен велит зарезать барана в честь гостя.

— Я вижу, ты наконец успокоился? — усмехнулся корреспондент. — Объясни мне все-таки, что ты имел в виду, когда сказал, что будущее покажет?

Турарбек внимательно посмотрел на парня, но, кроме обычной заинтересованности, ничего не увидел на его лице. Он рассмеялся от души.

— Действительно, от тебя не так просто отделаться.

— Профессия.

— Ну хорошо. Скажу тебе прямо, не все в отделении у нас мне нравится. Другой раз такое зло берет, что локти кусаю. Сам посмотри вокруг, какой простор! А мы только и вздыхаем: «Ах земля, кормилица наша!» Как глупые дети, все у нее забираем, а она не видит ни заботы нашей, ни любви, о которой мы так любим говорить, ничего не видит. А ведь надо ценить землю и беречь. Не больше десяти лет прошло, как люди пришли сюда. А во что уже превратили ее? Во многих местах почва мертва, а если не мертва, то серьезно больна. Плодородный слой исчезает, одна пыль остается. Мы не даем отдохнуть земле, она устала, а требуем от нее все больше и больше. Но как мы довели до такого дряхлого состояния? И кто в этом виноват? Вот на эти вопросы мы отвечать и не хотим. Тревожные это вопросы. Одни уходят от ответа, другие молчат равнодушно. Но те, кто понимает, не имеют права спокойно смотреть на это безобразие. А тут еще и воды с каждым годом меньше становится. Для этих мест вода — это жизнь. Без воды здесь все на глазах превратится в пустыню. Кому

думать об этом, как не нам? Кто будет искать выход из тупика?

В других аулах находят почему-то и воду, и удобрения, и новые способы обработки почвы. А у нас нет, потому что нет настоящей ответственности за землю. Мы грабим ее сегодня, лишь бы план дать, чтобы походить в передовиках, а завтра хоть трава не расти. Дальше своего носа мы уже ничего не видим. Ей-богу, какая-то куриная слепота. Надо думать о будущем, научиться заглядывать далеко вперед. Не нам одним жить на этой щедрой земле, но и детям нашим и внукам. Избитые истины, но я не устану их повторять.

— Все это правильно, — согласился корреспондент.

— Пока я еще мало что умею и могу, — продолжал Турарбек. — Но ради того будущего, о котором я тебе говорил, я и работаю здесь. Но чтобы принести потом пользу в большом деле, я решил начать с малого. Когда почувствую в себе силы, вот тогда и попрошу настоящее дело. Это не красивые слова и не отговорки, ты не подумай.

Люди, земля и вода — вот три кита, на которых здесь все держится. Другие аулы нашли способы добывать себе воду в достаточном количестве, у нас это еще большой вопрос. И сейчас я его решить не могу. Чтобы напоить поле, приходится черпать воду буквально пригоршнями из маленького, хилого арычка. А ладонями всю землю от зноя и ветра не закроешь. Ты это прекрасно и сам понимаешь.

— Но почему ты не пошел агрономом в другое отделение?

— Я тебе уже говорил.

— Но ведь там твои возможности были бы вдвое больше?

— Как ты не понимаешь? Сначала мне надо с людьми научиться работать, а потом вместе с ними идти к земле и воде.

— Это интересно! — воскликнул журналист, доставая снова свой блокнот.

— Стоит ли записывать? — устало сказал Турарбек. — Вещи известные. Об этом уже не раз говорилось. Не хватает механизаторов. Они есть, но их мало. А тех, кого мы называем механизаторами широкого профиля, по пальцам можно пересчитать. Состояние дорог ты сам видел. Пешком по обочине еще пройти можно, а на машине не везде поедешь. Вообрази, что будет, когда по этим дорогам пойдут десятки и сотни машин с хлопком. А если дождь? Можешь представить, во что они превратятся?

Но ты еще не видел наших токов. Ведь это же показуха, из-за которой мы потеряем немало хлопка-сырца. Мы могли бы, конечно, и своими силами все исправить, а не ждать помощи со стороны. Но ведь нам ежедневные наряды и подекадные показатели важнее. Я другой раз и сам не понимаю, почему мы не торопимся искоренить недостатки в хозяйстве. Рабочие обычно говорят, что начальству видней, а начальство нам своих мыслей не докладывает. И все привыкли к такому положению.

И самое страшное, что хлопкороб перестал ощущать себя хозяином земли. А ведь у нас сил, средств и знаний хватает. Так что же мешают? Ты можешь мне ответить, у тебя ведь свежий глаз? Не можешь, и я не могу. Мне многие говорят, что со временем и я привыкну к такому положению дел, стану безропотно тянуть свою ляжку. Что-то сомневаюсь. Разве не будет это предательством по отношению к самому себе и к этой земле? Разве могут ужиться в одном человеке равнодушие и честность? По-моему, срунда. Я и дома и на работе хочу в глаза людям открыто смотреть.

Не хочу, конечно, обвинять всех огульно. Не все равнодушные. И ты знаешь, я сделал для себя открытие, что равнодушие — это болезнь опасная и заразная. И вот ходят среди нас больные, с пустыми глазами и смотрят, как умирает от жажды хлопок, спят на ходу. Может быть, я преувеличиваю, но сам не хочу смотреть на будущее сонными, ленивыми глазами. Жизнь-то ведь ключом бьет. Вот почему я и выбрал место бригадира в маленьком коллективе. Чтобы лучше чувствовать биение жизни. При желании и в капле воды можно увидеть море. А чистое оно или грязное, зависит от капелек воды. Я хочу, чтобы моя капля была чистой. А раз так решил, то выдержу все испытания, все трудности.

Вот ты похвалил это поле хлопка, к которому я приложил немало и своих сил. Только не за что меня хвалить. Жукен отчасти прав, я пришел на готовое. Но я не из тех, которые зарятся на чужие пироги. В этом он ошибается. Я пришел сюда хозяином и в своем маленьком хозяйстве хочу навести порядок. На следующий год начну сам, тогда и посмотрим. Может, еще встретимся и побеседуем...

— Спасибо, — сказал корреспондент после долгого молчания. — Спасибо тебе, друг. Я был бы рад встретиться с тобой еще раз. Спасибо.

— Да за что хоть спасибо-то? — улыбнулся Турарбек.

— За откровенность, за искренность, — серьезно сказал корреспондент.

— Смешной ты! — хлопнул его по плечу Турарбек. — И все-таки не пойму, хвалишь ты меня или ругаешь?

— Ни то и ни другое.

— Ну, тебе виднее, — махнул рукой Турарбек. — Сам знаешь.

— Знать-то я знаю, а ты расскажи мне о том, чего я не знаю.

— Ну и закрутил ты, — неодобрительно покачал головой Турарбек. — Нельзя ли поконкретнее?

— Если поконкретнее, то я прошу тебя рассказать о своих начальниках.

— Да ты ведь их и сам видел, — усмехнулся Турарбек. — К тому же твоя профессия обязывает быть наблюдательным.

Корреспондент понял, что Турарбек об этом больше говорить не будет, и решил оставить его в покое.

Когда выходили со стана, то аул казался совсем рядом. Они прошли довольно много, но аул все не приближался. Они шагали по извилистой тропинке вдоль арыка и молчали.

— А почему ты очки не снимаешь? — спросил через некоторое время Турарбек. — Что, плохо видишь?

— Да нет, привычка. Очки от солнца, простые.

— Ну днем-то еще ладно, а вечером как-то даже неприятно, — сказал Турарбек.

Корреспондент без слов снял очки, протер их платком и сунул в карман.

— А как твою жену зовут? — спросил он.

— Мою жену зовут Кульжамиля.

— Если забуду, назову ее Гулей, верно?

— Ошибаешься, дорогой. Не Гуля, а Кульжамиля. Постарайся запомнить все-таки.

— Ну и вредный ты мужик, — рассмеялся корреспондент. — Так и быть, постараюсь запомнить.

— Запомнить, что я вредный? — усмехнулся Турарбек.

— Уж в этом-то я не ошибся.

— Я шучу, — махнул рукой Турарбек. — Называй как хочешь, только похвалить не забудь.

— Все женщины это любят, — улыбнулся журналист, вспомнив про свою жену. — А знаешь почему? Потому что заслуживают.

В это время угас последний луч заката, окрасив все пространство вокруг в багровый цвет. Солнечные сумерки накатили на притихшую землю, которая все еще продолжала дышать жаром...

Перед тем как идти на наряды, Турарбек забежал домой. Он достал из холодильника бутылку минеральной воды и с наслаждением выпил всю, прямо из горлышка. Кульжамиля упрекнула его:

— Какой шайтан тебя гонит? Нельзя в стакан налить?

— В горле все пересохло. Сама видишь, с трудом до- рвался до воды.

— Ну конечно, вечная спешка. Иначе ты разве был бы Турарбеком.

В таких случаях Турарбек обычно отмалчивался. Он вышел в другую комнату, но Кульжамиля, задетая его равнодушным молчанием, не отставала:

— Ему дело говоришь, а он и в ус не дует. Пришел потный весь и на ледяную воду набросился. Может, тебе жить надоело? Поверь мне, завтра же свалишься с ног. Тогда уж не вздумай жаловаться да хныкать.

— Перестань, ничего со мной не случится.

Кульжамиля продолжала ворчать:

— Ну что ты столбом стоишь? Долго тебя дожидаться? Суп, поди, уж остыл.

— Давно бы так, а то цепляешься к человеку ни за что ни про что.

— А тебе лишь бы поесть да и опять исчезнуть из дома.

— Умный человек сказал когда-то, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, — пошутил Турарбек.

Кульжамиля только плечами пожала, даже не улыбну- лась.

— А перец есть? — спросил Турарбек.

— А тебе все горького мало?

— Ты все же большая мастерица, умеешь готовить, — миролюбиво заметил Турарбек.

— Какая уж есть.

— А сама почему не ешь?

— Лишь бы ты у меня не голодал, — сухо ответила Кульжамиля.

Турарбек понял, что не избежать ссоры, которые у них уже стали привычны. Он нахмурился, помрачнел и встал из-за стола, впрочем тут же и сел, но все же сказал:

— Долго это будет продолжаться? Когда ты наконец прекратишь?

— Выходит, я снова в чем-то провинилась? — усмехну- лась Кульжамиля. — Чем уж тебе и угодить, не знаю. И так каждое твое желание стараюсь предугадать.

— Ну хорошо, извини, я не прав,— Турарбек склонился над тарелкой.

— Ворчишь, как потревоженный в берлоге медведь. Хоть бы раз поласковой обратился к жене. Все не так, все ему не нравится, — продолжала ворчать Кульжамиля. — Дома никогда не вижу, что это за жизнь?

С трудом доев суп, Турарбек отодвинул в сторону тарелку и сказал, будто споря с кем-то:

— А я вот возьму да и не пойду на эти нудные наряды. лягу пораньше спать, отосплюсь как следует. Все равно завтра рано вставать.

— Он не пойдет, — хмыкнула Кульжамиля. — Да тебя за шиворот приволокут.

— Ладно, придут за мной, скажи, что нет дома, куда-то ушел. Не станут же обыскивать.

— Обыскивать, может, и не станут, но во лжи уличат. Никто не поверит.

— И пусть не верят, — с досадой сказал Турарбек.

— А тебе обязательно надо на неприятности наряжаться? Начальство и так на тебя косо смотрит, стоит ли?

В голосе Кульжамили послышалась тревога. «Все-таки она за меня переживает», — с удовлетворением подумал Турарбек.

— Что мне в тебе нравится, Кульжамиля, — сказал он, заваливаясь на диван, — так это твоя незлобивость. Есть женщины, которые по месяцу ходят хмурые. А ты как солнышко ясное. Улыбнулась, и в доме — свет. Нахмурилась — темно.

— Перестань, пожалуйста, — сказала Кульжамиля, но тут же рассмеялась. Действительно, она не могла подолгу сердиться. — И как тебя другие терпят?

— У меня нет других, — улыбнулся Турарбек. — У меня только ты.

— И все же тебе надо идти, — с сожалением сказала Кульжамиля. Но Турарбек даже не пошевелился.

Когда пришло время сдачи нарядов, за ним прибежал встревоженный Алим. Он ворвался в дом, напугав Кульжамилю. Она вскочила с места и накинулась на него:

— Когда ты в дверь научишься стучаться?

— Когда звонок приделаешь! Где Туреке?

— Спит.

— Что-то не верится.

— Тогда нечего и спрашивать.

— Люди уже давно на наряд собрались. Разбуди его.

— Будить бесполезно, — сказала Кульжамиля. — Все равно не встанет. Лучше уж ты скажи там, что он заболел.

— Да ведь Жуken волосы на себе станет рвать, — испугался Алим. — Во время уборки всякие простуды и болезни не считаются уважительной причиной.

— А разбудишь его, только хуже будет.

Алим почесал затылок, повернулся и выскользнул за дверь. Турарбек вскочил с дивана и крепко обнял жену:

— Ты у меня молодец!

— И чему радуешься? — пожала плечами Кульжамиля. — Завтра достанется.

— До завтрашнего дня еще целых восемь часов, — улыбнулся Турарбек. — За это время весь Коктюбе можно обойти раз десять.

— Что-то очень уж ты храбрый стал.

— У меня просто глаза слипаются, — пробормотал Турарбек, — постели, пожалуйста.

— Сейчас.

Турарбек и правда сразу уснул, едва голова его коснулась подушки. Кульжамиля долго еще лежала с открытыми глазами, чуть не плача от обиды. Раз в жизни остался дома и опять уснул, не обнял ее, не поцеловал. И что это за жизнь? Слезы жалости к себе появились на глазах. Но наконец и она уснула...

Турарбек и сам не понял, почему проснулся весь в поту. Он прислушался к какому-то неприятному ощущению в своем теле, и вдруг заныл, дернулся правый коренной зуб, будто его стали долбить отбойным молотком. Боль становилась нестерпимой, но все же он не стал будить жену. Уж очень сладко спала, да и чем она могла помочь ему среди ночи?

Он потрогал щеку и понял, что она у него распухла. Не зная, как избавиться от боли, он дотащился, постанывая, до буфета, ощупью отыскал бутылку водки и плеснул себе в пиалу. Выпил, дернул головой и заухал, как болотная выпь. Кульжамиля все так же ровно дышала. «Да ее и пушкой не разбудишь», — подумал он. А ведь она предупредила, чтобы не пил ледяную воду. Мудрая женщина.

Турарбек выпил еще глоток, потом намочил кусочек ваты и положил на зуб. От сивушного запаха мутило, но боль как будто стала успокаиваться. Турарбек сидел на кровати и со страхом прислушивался к своему больному зубу. Щека стала чужой и тугой, как резиновый мячик. Но все-таки он почувствовал облегчение, но не надолго, зуб задергало еще сильнее.

Рассвет наступил с трудом. Турарбек едва его дождался. Кульжамиля наконец открыла глаза и спросила удивленно:

— Ты уже встал?

— А я и не ложился, — с обидой сказал он. — Разве тебе не все равно, жив я или нет? Я тут всю ночь промучился, а ты даже не проснулась.

— Но ты ведь рано уснул, — сказала Кульжамия и вспомнила свою вчерашнюю обиду.

— Зуб проклятый, — прошепелявил Турарбек и выплюнул вату. — Среди ночи проснулся и до самого утра промучился. У нас есть что-нибудь от зубной боли?

— Ты ведь сам знаешь, что в доме нет никаких лекарств, — пожала плечами Кульжамия. — Попробуй ватку намочить в водке и приложить.

— Пропади она пропадом, эта затычка! — крикнул Турарбек со стоном. — И водяра проклятая тоже. Весь рот себе сжег. К черту все, даже если от водки и зависит мое спасение.

Кульжамие не хотелось вылезать из теплой постели, хотя она и поняла, что поспать ей больше не удастся. Опять вспомнилась вчерашняя обида, и она сварливо заговорила:

— Так тебе и надо! Кто тебя вчера просил не пить холодную воду? Вспомни. А после ледяной воды на суп горячий набросился, будто мяса не едал. Так ведь только сталь закаляют. Никакие зубы не выдержат такого отношения к ним. Что ж ты теперь от меня требуешь? Терпи.

«Она права, — подумал Турарбек. — Сам во всем виноват».

— Слушай, принеси большой молоток или щипцы и выбей мне этот зуб к черту! — простонал он.

Кульжамия с трудом поднялась с постели, протопала босиком к столу и зажгла свет. Стоявший в доме полумрак, развеялся. Свет как будто принес Турарбеку некоторое облегчение.

— Ты бы хоть оделась, а то продует, — заботливо сказал он ей.

— Такая жара в доме, не продует, — возразила Кульжамия. — Всю ночь промучилась от духоты.

— Ах вот в чем дело, — усмехнулся Турарбек. — А я думал, кто это рядом спит невинным сном младенца. Оказывается, это была не ты.

— Не я, — усмехнулась Кульжамия.

— И что ты все время споришь со мной? — раздраженно сказал Турарбек, прислушиваясь к своему зубу. Вместо ответа Кульжамия махнула рукой и пошла ставить чай. Турарбек нырнул под одеяло. Однако появилась Кульжамия и ловко стащила с него одеяло:

— Хватит валяться! Поезжай в центр к врачу. Мне

кажется, что твой зуб не вчера начал болеть. Ты его давно запустил.

— Сегодня мне некогда, может завтра выберусь, — сказал Турарбек.

— Ну тогда дело твое. Зуб у тебя не болит, и все ты выдумываешь.

— Меня твои шуточки в могилу сведут, — простонал Турарбек. — С утра до вечера пилишь, как пила.

— В таком случае поезжай немедленно к врачу, если не хочешь, чтобы пилила. Уборка хлопка закончена, и в поле тебе делать больше нечего. И так все лето дома не бывал.

— Не закончена еще уборка. Сегодня как раз и заканчиваем. А завтра пахать будут.

— Как знаешь, — сказала Кульжамиля и отвернулась от мужа.

— Столько я затратил сил, столько вытерпел за это лето, так неужели последний день не выдержу? — убедительно сказал Турарбек. — Да и погода неустойчивая. Надо всех людей собрать и бросить на хлопок, чтобы поле было чистое.

— До чего ж ты ненасытный! — воскликнула с удивлением Кульжамиля. — Вы же не только план выполнили, но и обязательства все перевыполнили.

— Ну и что? Выполнили, перевыполнили, и спи спокойно, так, что ли? А если хлопок еще остался, запахать его?

— Чем лежать да болтать, лучше бы вставал, — сказала Кульжамиля. Она и жалела мужа, и злилась на него. Из-за своей работы он на нее совсем перестал обращать внимание. Даже поговорить толком не всегда удавалось, все некогда, все недосуг.

— Что хочешь у меня проси, только избавь от этой боли! — вдруг чуть не взвыл Турарбек.

— Не пойдешь к врачу, промучаешься до окончания века, — спокойно сказала Кульжамиля. — И это еще только цветочки, посмотрим, что будет с тобой к вечеру, а потом и ночью.

— И куда это вся одежда моя подевалась? — спросил Турарбек, блуждая взглядом по комнате.

— И ты у меня спрашивешь? — усмехнулась Кульжамиля. — Сам разбросал, так ищи.

— Ну и женщина! — воскликнул Турарбек. — Хранительница тепла и очага. Что тебе стоило подобрать с пола одежду да в шкаф повесить? Так все под ногами и валяется. Вместо того чтобы с улыбкой встретить усталого мужа

после работы, вы уж приготовились, только и ждете минуты, чтобы вцепиться в него и выцарапать глаза. Что за народ! Нет, совсем огрубели женщины, на мужиков стали похожи.

— А кто виноват, что женщина стала такой? Кто виноват в том, что она огрызается? Те же трусливые мужчины, которые, где не надо, помалкивают, поджав хвост, а зло на женщинах срывают. Вот мы и научились защищаться. Женщина, между прочим, не раз пыталась и лаской и теплым словом вызвать ответную доброту, да только на ясность ее хмуростью отвечали, а на заботливое внимание — полнейшим равнодушием. Вот от этого и грубеет женщина. По крайней мере, не так болят синяки да ушибы.

— Откуда синяки-то? — только и нашелся сказать Турарбек, признавая в душе правоту Кульжамили.

— От стенки, — отрезала та. — От стены равнодушия!

— Ого!

— Оставь свою иронию! — с сердцем сказала Кульжамили. — У меня терпенья не хватает, когда смотрю на тех мужиков, которые, едва поженившись, уже начинают блудливо шарить глазами по чужим юбкам. И неважно, кто их носит, кривая, хромая или горбатая. Как мне иногда хочется такому мужчине вклеить хорошую оплеуху, чтоб на сто верст звон пошел.

— Слава богу, ко мне это не относится, — сказал Турарбек. — У меня нет привычки на других заглядываться. А то бы каждый день тумачи получал.

— Ты еще смеешься? — возмутилась Кульжамили. — Но скажу тебе, что и ты пялишься. Как увидишь эту девчонку Зибаш, глаза у тебя, будто пуговицы начищенные, начинают сверкать, рот до ушей, ноздри трепещут. Ну а что в ней такого особенного? Чем она лучше меня?

«Ну и ну, сова глазастая! — подумал с удивлением Турарбек. — Следить за мной вздумала?»

— Не очень-то красиво говорить гадости о ребенке, да еще за ее спиной, — сказал Турарбек.

— Во-первых, она не девчонка и не ребенок, а взрослый человек. Кроме того, я говорю не о ней, а о тебе. Далеко, видать, зашел, если сам ничего за собой не замечаешь. Кстати, у многих сверстниц твоего «ребенка» уже по двое детей.

— Не болтай чего не следует, — строго сказал Турарбек.

— А ты не прячься за спиной Зибаш, когда сам во всем виноват. Я еще в Алма-Ате слышала от подруг кое-что о тебе, да только значения не придавала.

— Что же ты слышала? — спросил Турарбек с любопытством, но в это время так заболел зуб, что в глазах появился синий туман. Он боднул головой подушку и простонал.

— Может, над паром подержать? — неуверенно предложила Кульжамия.— Я принесу горячую воду в чайнике, накройся одеялом и попарь свой зуб. Авось и полегчает.

Сейчас он был готов хоть яд принять, лишь бы полегчало, и поэтому с радостью ухватился за предложение Кульжамии, накрылся с головой одеялом и подышал паром. Потом выпил крепкого чаю, прополоскал рот, однако зуб все ныл. А тут еще Кульжамия снова принялась ворчать:

— Разбудил ни свет ни заря. Зуб болит, а лечиться не заставишь. Одна у тебя хроническая болезнь — это твой хлопок. А ты бы на других посмотрел, они и радоваться умеют, и время для отдыха находят, хотя и работают не меньше тебя. Видно, совсем решил извести себя этой работой. Но знай, что ты прежде всего меня в могилу загонишь. «Хлопок, хлопок». А на каком месте у тебя я?

— Наши радости, наш отдых впереди, — тихо сказал Турарбек. — Все у нас с тобой впереди.

— Устала я жить своими обещаниями и своим будущим. Я хочу жить и радоваться сегодня, а не завтра. Время идет. Ты, наверное, этого не замечаешь.

— Ну что с тобой сделаешь? — тяжело вздохнул Турарбек. — Зачем ты во все это вмешиваешься? Ну что ты ко мне пристала, Кульжамия?

— Пристала?! Да я тебя месяцами не вижу. Слова тебе сказать нельзя, чуть что, сразу грубишь. Лучший вид обороны — наступление, так, что ли?

— Ох, Кульжамия, ты еще не слышала, как я умею кричать, — покачал головой Турарбек. — Доведешь меня, узнаешь.

— Со мной справиться у тебя хватит сил. Тоже нашелся молодец среди овец.

— Ты, милая, я вижу, далеко не овечка, — сказал Турарбек. — Послушай, Кульжамия, если мы каждый раз из-за пустяков станем ссориться, как тогда жить? Мы ведь уже и слова перестали выбирать, лишь бы побольнее задеть друг друга. Ну куда это годится? Но ты меня пойми, никогда я не мог проходить равнодушно мимо пустоглазых, которые, кроме своей собственной выгоды, ничего в жизни не ищут. Таких я хочу смести с дороги, иначе душа моя неспокойна. А тех, кто делает вид, что ничего не за-

мечает, ничего не знает, я еще больше ненавижу. Такой уж я уродился, Кульжамиля, и мне себя не переделать. Пусть я дурак, не умею жить, но другим быть не могу.

— Ясно, ты ангел! — сказала Кульжамиля.

Что такое вдруг случилось с ним? Турарбек пожалел, что поделился мыслями с женой. До чего дошло дело, простая человеческая порядочность превратилась в мишень для насмешек. И всего-то их двое в доме, а друг друга найти не могут. Или они никогда не были настроены на одну и ту же волну? И говорят все время на разных языках? А ведь близкие люди.

— Пойдешь ты к врачу или так и будешь лежать? — не выдержала наконец Кульжамиля. И она вдруг поняла, что ей хочется, чтобы он поскорей ушел из дома со своим нитьем, со своими жалобами. Поняла и упрекнула себя: «Откуда во мне такая жестокость?»

— Да пусть хоть солнце взойдет, росу подсушит, — вяло проговорил Турарбек, отрывая голову от подушки. — Сегодня, если будет хорошая погода, мы наконец закончим уборку.

— Ну смотри, если ты еще раз пожалуешься на свой зуб... — предупредила Кульжамиля.

Турарбек опять застонал и поднял руку к распухшей щеке, но прикоснуться так и не решился.

Она вспомнила своих родителей и с трудом удержалась от слез. Какие достойные и добрые это люди! Как нежно они относились друг к другу.

Она думала о родителях, о их славных отношениях и понимала, что большая заслуга в этом ее отца, который любил повторять старые и справедливые, как степь, слова: «Будешь щедрым, не будешь бедным». Она видела, что мама не раз пыталась проявить свой характер, но рядом со спокойным и доброжелательным отцом ей приходилось сдерживать себя. Она, конечно, хорошо понимала, что злость человека уродует, но была всего лишь слабой женщиной. И отец всегда помнил об этом. Стоило матери повысить голос или сказать что-то с раздражением, он успокаивал ее своей добродушной улыбкой и ласковым словом. Он всегда умел найти ключ к сердцу матери, умел ей угодить.

Бывало, конечно, что она сильно гневалась, и тогда он терпеливо ждал, когда буря утихнет сама по себе. А ее даже эта постоянная ровная доброта мужа порой выводила из себя, и она говорила ему в сердцах:

«Неужели ты боишься сказать слово потверже? Неужели думаешь, что мое сердце разорвется от этого?»

Добродушный отец отвечал:

«А зачем мне говорить тебе суровые слова? Уж лучше я уйду куда глаза глядят, чем знать, что ты носишь в своем сердце обиду. Скажи, что тебя так рассердило? Может, тебе нужно что-нибудь? Или тебя обидели? Тогда я спрошу с обидчика».

Мать лишь рукой махала да начинала смеяться, воображая, как человек, который мухи не обидел за свою жизнь, станет спрашивать с обидчика. На этом все и кончилось, мир в семье восстанавливался.

Тоска по родителям оказалась такой сильной, что Кульжамиле захотелось немедленно бросить этот душный аул и уехать к ним, в родные места, где так все ясно и понятно и даже солнце ласковое, а не яростное и злое, как здесь.

А разве сравнишь ее внимательного и доброго отца с Турарбеком, который даже улыбается раз в неделю? Неужели ему трудно хоть немного считаться с ее желаниями и настроением?

Взять хотя бы Ермека. Уж тот умеет и поработать, и отдохнуть в свое удовольствие. А свою плосконосую жену, эту коротышку, он чуть ли не на руках носит. Никогда одну дома не оставляет, повсюду за собой тащит. Кроме того, чуть ли не каждый день ездит в Джетысай за покупками, и пока все магазины не обойдет, не успокоится. И почти каждую неделю бывает в Ташкенте. А это сказочный город...

Кульжамиле опустила глаза и вся погрузилась в свои невеселые мысли. А что, если бы она вышла замуж не за Турарбека, а стала женой Ермека? Уж он-то бы не дал ей скучать, вся жизнь была бы праздником. Только судьба распорядилась по-другому. Она вообразила себя женой Ермека и даже улыбнулась, так это показалось противоестественно. Нет, Ермек ей не нужен. Пускай живет со своей коротышкой, вот два сапога — пара. Нашли же друг друга!

— Судя по твоему молчанию, ты уже с землей меня смешала и тысячу раз пожалела, что вышла замуж, — усмехнулся криво Турарбек. — Только я тебе скажу, что лучше меня ты все равно мужа себе не пайдешь.

Кульжамиле даже вздрогнула. Неужели он подслушал ее мысли? Но характер ее и тут проявился.

— Особенно сейчас ты хорош, когда тебя перекосило всего, — иронически сказала она. — Писанный красавец, только с правой стороны на Ермека стал похож. Ну вылитый Ермек. Такой же толстощекий.

— Не смейся, — сказал Турарбек.

— А я и не думала смешить. А насчет того, нашла бы я человека лучше тебя или нет, теперь уже поздно говорить. Только я думаю, жена Ермека счастливее меня. Это и слепому ясно.

— Ты своего счастья не понимаешь, — вздохнул Турарбек. — И вообще перестань об этом. Каждый день женой агронома укоряешь.

— А ты на нее разве не пялишься? Мало тебе одной Зибаш?

— Опомнись! — вскричал Турарбек. — И не вздумай сказать кому-нибудь такое! Пусть, кроме меня, никто об этом не знает. Если люди узнают, весь аул лопнет от смеха. Так что смотри, будь поосторожней.

— Пугать вздумал?

— Да нет, просто предупреждаю.

— Спасибо за предупреждение.

— Хорошо, чай приготовила?

— А разве не надо сначала встать, умыться и одеться? Тебе что, в постель чай подавать? Ну конечно, ты ведь у нас бригадир хлопководов.

Кульжамия принялась готовить чай, а Турарбек с большим трудом оделся. Умываясь, он снова потревожил больной зуб и запричитал.

— Ты вот от зубной боли кричишь, а если бы у тебя душа болела, как у меня? — упрекнула его Кульжамия. Но Турарбек не в силах был отвечать. Он попробовал встать со стула, но у него закружилась голова, и он чуть не упал.

Кульжамия, не обращая на него внимания, ходила по комнате полураздетая. Она посмотрела в окно, но ничего особенного там не увидела. Небо было обложено тяжелыми неподвижными тучами. По улице мела черная поземка. Сосед-старик, натянувший по случаю холодов лисью шапку, вел вдоль арыка на водопой свою гнедую кобылку. Вот уж беспокойный человек, все чего-нибудь делает. Сидел бы лучше дома, чем суетиться от зари до зари. А может быть, покой ему и не нужен? Работа для него вроде развлечения, лекарство от скуки.

Кульжамия замерзла и зябко передернула плечами. Но одеваться ей не хотелось. Да и зачем, не на работу бежать. В это время ее позвал муж:

— Кульжамия! Куда ты подевалась?

— А что случилось?

— Ты уже взрослая женщина, а все стоишь у окна да по-детски мечтаешь.

- Откуда ты узнал, что я смотрю в окно?
- Каждый день стоишь.
- А если знаешь, зачем спрашивать, где я?
- Мне кажется, что ты соскучилась по Алма-Ате.
- Да-да! Я истосковалась по ее улицам. Если бы можно было, я бы и пешком ушла туда.
- Я бы нисколько не удивился.

— Но ведь есть предел всякому терпению, — сказала Кульжамия. — Из-за этого белого хлопка ты света белого не видишь, я уже не говорю о себе, несчастной, которую ты просто не замечаешь. Смотри, как бы однажды вместо меня не застать пустое место в доме.

Турарбек вдруг запричитал, подражая голосам аульных старух:

— Ойбай! Турарбекова-то молодуха в город от него сбежала! Да что ты говоришь? Ой стыд какой, совсем лицо потеряла. Эй, бабы! А чего от нее ждать, если она на нас и смотреть не хотела? Все фыркала да отворачивалась. Не-ет, ты не права, почтенная. Не вынесла бедняжка, убежала, говорят, в одной сорочке. В розовой такой, легонькой. Жалко ее. Э-э, что ее жалеть! Такая в сорочке не убежит! Она все свое имущество забрала, даже телогрейку мужнину прихватила. Ой-ей, он же, бедный, замерзнет без нее. Без жены-то? Да нет, без телогрейки. Ох, жалко беднягу Турарбека. Как он людям в глаза смотреть будет, поди ж ты, не смог удержать в доме жену. А чего его жалеть? Радоваться надо, что избавился от такой белоручки и нахалки. Да разве такой джигит пропадет? И красавец, и грамотный, руки-ноги целы, не горбатый. Э-э, да что говорить, был бы здоров, а жена найдется. За такого любая девка пойдет. Хи-хи, он на наших девок и смотреть не станет. Ему подавай нежную, как лебяжий пух. Ничего, полакомился медком, пусть теперь сухарик погрызет...

Ошеломленная Кульжамия смотрела на него во все глаза, не зная, смеяться или обижаться. Наконец, когда он остановился передохнуть, сказала презрительно:

— Артист.

А тот продолжал кривляться:

— Размазня этот Турарбек, такую жену не смог удержать. С бабой не совладал. А ведь и года не прошло, как они поженились. Что-то здесь не так. Да что не так? Нынешней молодежи развестись ничего не стоит. Зря ты ругаешь нынешнюю молодежь. Мало ли в нашем ауле семей, где молодые живут душа в душу! Вот так-то.

Кульжамия не на шутку разобиделась, даже покраснела и, когда муж умолк, сказала напряженным голосом:

— Все ясно. Только ты меня за дурочку не принимай, я все поняла до последней запятой. Да у тебя талант, можешь радоваться.

Турарбек подошел к окну, где она стояла, и обнял ее, потом зашептал:

— Ну скажи, чего нам с тобой не хватает?

— Отпусти меня.

— Не пущу.

— Отстань, а то я сейчас закричу.

— Не закричишь. Слушай, давай больше не будем ссориться по пустякам? А зимой, когда от всех забот освобожусь, мы с тобой поедem в Алма-Ату. Да и в Баянул можно, со стариками повидаться. Или в Москву слетаем, в Ленинград. Но прежде ты закажешь несколько хороших платьев в Джетысае. И правда, чем ты хуже Ермековой жены?

— Вот ты как заговорил.

Кульжамия попыталась освободиться, но Турарбек крепко держал ее.

— Когда ты сердиться, я сам не свой, — сказал Турарбек. — На всех готов кричать.

— Говорят тебе, отстань. Сыта по горло твоими обещаниями. Хватит обманывать, как неразумную девчонку.

— Меня ведь тоже можно понять, — горячо заговорил Турарбек, заметив, что Кульжамия потихоньку отгаивает. — Давай во всем разберемся, разве мы не сможем понять друг друга?

— Нам не в чем разбираться.

— Кулянтай, давай забудем все наши обиды?

Кульжамие наконец удалось вырваться из рук мужа. Она улыбнулась:

— Как ты меня назвал? Повтори-ка.

— А что, с сегодняшнего дня ты для меня Кулянтай.

Кульжамия недоверчиво посмотрела на него и рассмеялась.

— Все равно лучше меня ты не найдешь себе мужа, — сказал Турарбек.

— Ты уже повторяешься, — сказала Кульжамия. — Лучше выпей горячего чаю. А то у тебя есть такая привычка уходить не позавтракав.

— Вот это настоящий мир! — искренне обрадовался Турарбек. Кульжамия только вздохнула, надо сказать, не без облегчения, и стала собирать на стол. Но Турарбек опять схватился за щеку и пробормотал: — Какое коварство. То отпустит, перестанет болеть, то снова начинает.

— Попробуй снова попарить.

Однако Турарбек махнул рукой, вылил всю водку в пиалу и выпил.

— Я легко не поддамся. Пусть болит, черт с ним!

— Не храбрись. Лучше выпей горячего чая да поешь что-нибудь. А то окосеешь перед людьми.

— Большого греха в этом не вижу. Последний день уборки — праздник. Просто я раньше других начал отмечать это событие.

— А это уже первые признаки опьянения, — заметила Кульжамиля. — Будешь продолжать в том же духе, из дома не выпущу.

В это время к ним зашла Зибаш и поздоровалась. Турарбек вскочил со стула:

— Проходи, садись.

— Ты что это ни свет ни заря появилась? — с удивлением спросила Кульжамиля.

— Да ведь уже утро давно! Просто на улице пасмурно, вот вам и кажется, что еще рано.

— Садись к столу, — пригласил Турарбек.

— А у вас, ага, щека что-то распухла, — заметила Зибаш.

— Да вот зуб разболелся, — пожаловался Турарбек. — Всю ночь глаз не сомкнул. Просто хоть на стенку лезь.

— Да и глаза у вас красные, — подозрительно сказала Зибаш, испуганно взглянув на Кульжамилю.

— От бессонной ночи не только глаза могут покраснеть.

— Да ты бы уж лучше признался, что водки выпил, — презрительно сказала Кульжамиля.

— Какая водка? Что за новости? — еще больше испугалась Зибаш.

— Да что скрывать, — смущенно пробормотал Турарбек. — Зуб пробовал лечить.

— Но ведь сегодня последний день уборки, — сказала Зибаш с упреком.

— Успеем еще, не опоздаем. Пусть утренний холод уймется, — совсем сконфузился Турарбек, привыкший выходить из дома чуть свет.

— А ведь люди уже собрались. Ждать будут, — сказала Зибаш.

— Ну что ты стоишь? — обратилась к ней Кульжамиля. — Садись, раз пришла.

Зибаш опустила голову, не зная, что и сказать.

— Почему вы вчера на нарядах не были? — через некоторое время спросила Зибаш.

Турарбек насторожился.

— А что мне там делать? Я еще днем обо всем до-

говорился со сборщиками хлопка и с трактористами. Почему ты спрашиваешь об этом?

— Я встретила бухгалтера. И он мне рассказал, что было вчера в конторе.

— Что же он рассказал?

— Управляющий сильно ругался. Нарушителем вас назвал, и еще как-то, разгильдяем, что ли. Жаловался, что вы совсем ему сели на голову, и обещал сбить вам гонор. Да, еще он сказал, что ему известно, на кого вы надеетесь. В общем, много всего наговорил.

— Что ж делать, — угрюмо сказал Турарбек. — Начальству рот не закроешь.

— Это еще не все, — невесело сказала Зибаш. — Он сказал, что раз вы не пришли на наряды, значит, ставите себя выше коллектива. Таких строптивых бригадиров ему не нужно и с завтрашнего дня освободит вас от работы. Поклялся, что пусть его больше не зовут Жуkenом, если не уберет вас из своего отделения.

— Руки коротки, — буркнул Турарбек. — Однако наговорил он про меня немало.

— А вы тоже странный человек, — упрекнула Зибаш. — Что стоило вам сходить на эти наряды? Вы ведь знаете, какой у него характер.

— А сколько можно плясать под его дудку? — вскипел Турарбек. — Все, теперь ни на один наряд не пойду.

— А бухгалтер-агай советовал вам извиниться перед ним. Для этого он и послал меня к вам.

— Мне не за что просить у него прощения. Он должен извиниться, что публично оскорбил меня.

— Все равно вам с ним не справиться, — дрогнувшим голосом сказала Зибаш. — Он ведь и директора ни во что не ставит. Только накличете беду на свою голову.

— А вот эти разговоры тебе как раз и ни к чему, — сказал Турарбек внушительно. — Не к лицу девушке во всякие дразги вмешиваться.

— Вот именно, — поддержала Кульжамиля. — Нечего сплетни разносить. Там сегодня сгоряча что-то сказали, а ты нам передаешь.

Зибаш даже вздрогнула и побледнела от обиды. Ей было и без того тяжело, а тут такая несправедливость.

— Я не радуюсь, зря вы так, — тихо сказала она. — Просто я хотела, чтобы агай был ко всему готов. То, что я сказала вам, могу и всем повторить. Очень вы меня обидели своими словами. Ладно, как хотите, ваше дело.

И Зибаш вышла из дома, низко опустив голову, чтобы

скрыть слезы. Наступило тягостное молчание. Турарбек стал торопливо одеваться.

— Ну что ты слепишь? — сердито сказала Кульжамиля. — Торопишься утешить свою Зибаш?

Кульжамиля и сама понимала, что зря обидела девочку, но от этого еще больше досадовала на себя и на всех.

— Люди уже заждались, наверное, — озабоченно сказал Турарбек.

— Тебя не станут дожидаться, — усмехнулась Кульжамиля. — Зибаш уже, наверное, по всему аулу растрезвонила, что бригадир дома пьяный валяется.

— Хватит! — с угрозой повторил Турарбек. — Оставь в покое девушку. Сама сначала стань такой, как она. А через два месяца мы с тобой поедem в Алма-Ату.

— А почему не через две недели?

— Через два месяца! — отрезал Турарбек и вышел из дома, недовольный собой и своей женой.

2

Дул пронизывающий ледяной ветер. Молодые ивы, только вчера еще пышные, теперь выглядели растрепанными и плешивыми. Нависшие над землей тучи, казалось, каждую минуту готовы были пролиться холодным затяжным дождем. С опаской поглядывая на небо, Турарбек и не заметил, как доехал до дома Алима. Тот сидел как на иголках, поджидая Турарбека.

— Ну что, едем?

— Что-то не нравится мне эта погода, — сказал Турарбек. — Надо поторопиться.

— А вы вчера напрасно не пришли на наряды, — сказал по дороге Алим. — Из-за вас и мне досталось. Видели бы, как он на меня насел.

— Пускай он катится куда подальше, — пробормотал Турарбек. — Утром у нас была Зибаш и сказала, что Жукен готов растерзать меня.

— Знаете что? — после некоторого молчания сказал Алим. — Постарайтесь сегодня ему на глаза не попадаться.

— Вот этого я делать не буду, — сухо сказал Турарбек.

— Я видел, что с утра он уехал на центральную усадьбу. Сейчас, наверное, из директорского кабинета пыль выбивает.

— Да пошел он к черту! — рявкнул Турарбек. Он вдруг почему-то вообразил себе, как дома, накрывшись с головой,

лежит на кровати Кульжамиля, и подумал с неприязнью: «Как она себя бережет».

От холодного ветра опять потихоньку заныл зуб. Потом вдруг так дернуло, что Турарбек чуть не застонал. Мысли его вернулись к управляющему, и он подумал: «Ну, Жукен, мы еще посмотрим кто кого!»

Это не было пустой угрозой. У Турарбека были веские причины, чтобы сказать так. Он давно приглядывался к подозрительным делам и темной возне своего непосредственного начальства. Кое-что ему стало ясно в деловых отношениях Жукена и агронома Ермека. Не хватало лишь немногих фактов, чтобы уличить их, а еще лучше поймать сразу на месте сделки. Наглость этих жуликов его возмущала. «Неужели плуты думают, что все вокруг слепые и дураки? — размышлял он. — Люди-то ведь все видят, от них не скроешь».

Дело в том, что в отделении выращивали и овощи и бахчевые культуры. Главным оставался, конечно, хлопок, а всякая зелень и овощи были как бы в тени. Начальство за них особо не спрашивало, тем более что план по овощам отделение выполняло.

Аулчане сами овощами не занимались, им хватало забот с хлопком. Поэтому каждый год на работу приглашались пенсионеры со стороны. Об этих делах во всех подробностях знали только Жукен и Ермек, так как они заключали договоры. Отсюда-то и ухватился Турарбек за ниточку. В договоре можно занизить урожай, а излишки овощей переправить на рынок и продать горожанам по спекулятивным ценам.

«Со следующего года мы возьмем под контроль и овощи», — подумал Турарбек.

На побуревшей плантации сиротливо белели редкие коробочки хлопка. Они дрожали и зябли на ветру, будто некие неземные существа протягивали к людям тонкие плети рук с крошечными белыми облачками на ладонях и умоляли: «Люди, возьмите то, что осталось. Тогда мы спокойно примем лютый мороз».

«Надо убрать до последней коробочки, — подумал Турарбек. — Завтра Жукен все здесь перепашет».

Не успел он заглушить мотоцикл, как подъехала машина, из которой со смехом и шутками стали выпрыгивать женщины.

— Мы не опоздали, ага?

Турарбек обернулся и увидел Зибаш. Она улыбнулась ему, как всегда, никаких следов утренней обиды не было видно на ее лице. Она была одета в брюки, в новую кра-

сивую курточку и казалась тоненьким мальчиком, застенчивым и нежным. Турарбек невольно смутился, перехватив взгляд ее добрых смеющихся глаз. «И как можно обижать такую девчонку? — подумал он. — Нехорошо себя вела Кульжамия утром. А ведь я перед ней чуть ли на коленях не ползал. Странная штука жизнь. А Зибаш... она вся своя. Все понимает. Вот уж и про обиды забыла, улыбается мне».

— Что вы здесь стоите? — спросила Зибаш и рассмеялась.

— Идите приступайте к работе, — растерянно пробормотал Турарбек.

— Простите, иду.

И Зибаш пошла, то и дело оглядываясь на него. Ему казалось, что она спрашивает: «Почему вы утром обидели меня? Зачем до слез довели? Что я вам плохого сделала? Я же просто хотела предупредить!»

Пока Зибаш не скрылась из глаз, Турарбек не двинулся с места, смотрел и смотрел ей в след. И ему вдруг вообразилось, что обе они, Зибаш и Кульжамия, стоят перед ним и он смотрит то на одну, то на другую. В глазах Зибаш жалость и понимание. Она будто говорит ему: «Не стоит так переживать. Все это пустяки. Все в жизни бывает. Я же понимаю, что не вы обидели меня, а ваша боль».

А у Кульжамии вид, как всегда, равнодушный. Брови сурово сдвинуты, в глазах холод. Вот она привычно пожала плечами и сказала: «Действительно, стоит ли из-за пустяков изводить себя? Прояви характер, одерни ее, чтобы не болтала разные глупости».

Да, Кульжамия была права, когда говорила, что у него лицо светится при виде Зибаш. Права, что с некоторых пор в нем проснулись новые и добрые чувства. И с каждым днем эти чувства к Зибаш растут, но он пока не поддается им.

Как-то Зибаш сказала ему, что на следующий год собирается ехать учиться. И он вдруг затосковал, сердце упало.

Каждый день, если он не видел Зибаш, казался ему пустым и потерянным.

Турарбек двинулся по полю, выбирая из жестких коробочек хлопок.

Он догнал Зибаш и пошел рядом с ней. Она бросила на него быстрый взгляд и сказала:

— И все-таки вам надо сходить к врачу. Мы тут и без вас закончим.

— Уж не сговорились ли вы сегодня с Кульжамией? —

сердито сказал Турарбек. — Одно и то же твердите. Нет, этого я сделать не могу. Уйду, когда последняя коробочка будет убрана.

— Любите вы себя истязать. Надо было с раннего утра бежать к врачу, — сказала Зибаш. — Просто вы из одного упрямства не хотите нас слушать. А ведь в душе признаете, что мы с Кульжамилей правы.

Турарбек с удивлением подумал, что, пожалуй, Зибаш права и к врачу он не идет из упрямства. Кто знает, если бы с утра Кульжамиля проявила сочувствие, заговорила с ним ласково, по-человечески, может быть, он и послушался бы ее.

Но нет, она с утра начала его пилить. Все не по ней, кругом он виноватый, то не так делаешь, здесь неправильно поступил, и вообще все у тебя не по-людски.

Тонкая ниточка связывала их, а теперь вот натянута до предела, того и гляди, порвется. А если порвется, что тогда? Станет ли ему легче? Станет ли легче ей? Вот так у них и повелось, Кульжамиля ругает его, а он отмалчивается. Но разве в этом спасение? Разве это выход?

Настроение у Турарбека совсем испортилось. Ему стало тяжело и одиноко. Захотелось вдруг поделиться всем с Зибаш, но он тут же остановил себя. Нечего свои переживания на ее плечи перекладывать. Хорошо, если бы она правильно его поняла, но ведь может и не понять. Кроме того, разве достойно мужчины всю вину сваливать на Кульжамилю? Может быть, в чем-то и он виноват? «Ну и что у меня за дурацкий характер? — подумал Турарбек. — Когда я перестану себя изводить? Неужели нельзя на все смотреть проще?»

— Ну что ж, я пойду? — вопросительно сказала Зибаш.

— Да-да, иди, конечно, — с облегчением вздохнул Турарбек, будто Зибаш была ему в тягость.

Он с тоской отметил про себя, что второй раз в одно утро девушка уходит от него.

— Неужели в город уедет, — сказал он вслух, провожая взглядом ее алую, как пламя, куртку. — Да, уедет...

Он уже собрался разыскать Алима, который действительно куда-то запропастился, как вдруг из ложка появился трактор с плугом. Турарбек удивился, что не услышал шума мотора. Или он так крепко задумался? А может быть, трактор с утра стоял в ложке и выехал на поле только сейчас? Пока он раздумывал, откуда-то подъехала «техничка». «Хоть бы Жукена на ней не было», — с тревогой подумал он, зная, что Жукен под разными предлогами часто использовал грузовой транспорт для личных целей, в частности

эту самую «техничку». Но чтобы не вызывать кривотолков, он велел обшить кузов, поставить крышу. Таким образом, и появилась в отделении «техническая помощь», на которой Жукен мог ездить куда угодно, не вызывая подозрений.

Турарбек не ошибся. Едва машина остановилась, из кабины высунулась голова управляющего, и он спросил:

— Турарбек, здоров ли ты?

Бригадир недоверчиво посмотрел на него, но лицо у Жукена выглядело приветливым и безмятежным, даже каким-то радостным. Как будто вчера Жукен и не бушевал в конторе. Из кузова мячиком выпрыгнул агроном и поздоровался:

— Привет, Турарбек.

— Привет, Ермек.

Агроном ухмыльнулся и шутливо сказал:

— Ты что это ни на шаг от Зибаш не отходишь? Все вертишься около нее?

— Когда ты успел разглядеть?

— Не только сегодня, и не я один, — отрезал Ермек.

— Вот даже как? — усмехнулся Турарбек.

— Именно так. А что ты будешь делать, интересно, если я обо всем расскажу Кульжамиле? — сладким голосом продолжал Ермек. Турарбек насторожился. Прежде Ермек не осмеливался на такие шутки.

— Можешь доложить об этом хоть господу богу, — сказал он и отвернулся.

Жукен, ходивший по краю поля, заложив руки за спину, вмешался:

— Что это вы оба словно с цепи сорвались?

— А что нам делать? — сказал Ермек и рассмеялся. — Уборка закончена, урожай мы отправили. Премияльные заработаны.

Турарбек отметил про себя, что раньше Ермек так свободно никогда с управляющим не разговаривал, и удивился.

Жукен с усмешкой покосился на Ермека и сказал:

— Деньги, конечно, будут. Но тебе не много достанется, пока у нас есть такие бригадиры, как Турарбек.

— Да, от него всего ожидать можно, — хмыкнул Ермек, глядя на потупившегося Турарбека. — А я все не мог понять, зачем он в бригадиры пошел со своим высшим образованием. Ну и хитер, ну и дальновиден, ничего не скажешь.

— Да ты что, уже хлебнул с утра? — хмуро сказал Турарбек.

— А что? Невелик и грех. Немало мы повозились летом с этим хлопком. Не то что выпить, той надо устроить. И мы это обязательно организуем.

— Но ведь ты никогда раньше не пил? — удивился Турарбек.

— Верно говоришь, — согласился Еремек. — Пока хлопок не убран, капли в рот не возьму.

— Напрасно ты поторопился, — сухо сказал Турарбек. — Сбор хлопка еще не закончен.

— Ну это как сказать, — усмехнулся Еремек. — Зря вчера на наряды не пришел. Ведь ты командир и должен быть в курсе дела, а ты ничего не знаешь о нашем решении. А суть его такова, что уборка полностью закончена, кампания завершена успешно. Кто виноват, что ты отстаешь от жизни?

— Разве этим шутят? — резко сказал Турарбек. — Перестань, что с тобой?

— А я и не думал шутить. Отделение вчера закончило уборку хлопка. Управляющий еще утром отвез рапорт о досрочном и полном выполнении плана.

Жукен все время был в глубокой задумчивости и, казалось, не обращал внимания на их разговор, а тут вдруг поднял голову:

— Погоди, не трещи!

— Слово предоставляется управляющему, — поклонился шутливо Еремек.

Жукен обвел взглядом опустевшее, невеселое поле, по которому гулял резкий осенний ветер, и обратился к Турарбеку, словно только что увидел его:

— Ну, как дела?

— Нормально. Сегодня закончим уборку.

— Я вижу, тебе удалось собрать всех. Молодец!

— Надо было собрать побольше людей, иначе не успеть.

Все пришли очень рано.

— И что у тебя за страсть людей понапрасну держать? — спросил Жукен.

— Не напрасно, — возразил Турарбек. — Все лето терпели, а уж один-то день как-нибудь вытерпят.

— Очень плохо, что ты не жалеешь людей, — задумчиво сказал Жукен. — В конце концов, это авторитета тебе не прибавит.

Турарбек разозлился, что управляющий ходит вокруг да около, а о деле не говорит. Не зря ведь он сюда приехал.

— Говорите прямо, что вам надо! — резко сказал он.

— А тебе не кажется, что твоя хваленая прямота часто

обращивается дерзостью? — сказал управляющий. — Смотри, когда-нибудь нарвешься на ответную грубость.

— Пока я никому еще не грубил.

Турарбек искренне считал, что сейчас не время препираться, ведь слово за слово, и до ссоры может прийти дело. А тут еще Алима все не было. И он решил отмолчаться, как обычно.

В это время Жуken повернулся к трактористу, голова которого торчала из кабины, и сказал ему:

— Ну, брат, ты хорошо едешь. На машине за тобой едва угнались. Давай, покажи себя, каков ты в работе.

Тракторист от похвалы управляющего весь расплылся в улыбке.

Теперь Турарбеку все стало ясно. Да и что тут понимать? Не зря сюда трактор с плугом пригнали. Решили перепахать неубранное поле. Но неужели они пойдут на это?

— Я вижу, вы очень торопились сюда со своим трактором, — прищурился Турарбек.

Ермек солидно откашлялся, принял важный вид и приказал:

— Сборщик отправляй по домам. Завтра погода может совсем испортиться. Поле надо вспахать сегодня.

— Ну, приступай к делу, да поживей, — с беспокойством сказал Жуken трактористу. — Время не терпит.

Турарбек пока сдерживался.

— Жуке, надо денек повременить с пахотой, — сказал он. — Разрешите сегодня закончить уборку.

— Вчера все было решено, и хватит об этом, — отрезал Жуken.

— С кем решено?

— Об этом известно всем, кто вчера был на нарядах.

— А почему со мной не согласовали?

— Ты что, думал, мы к тебе на квартиру пойдем с нарядами? И так прождали весь вечер.

— Да вы только посмотрите на хлопок! Неужели вам не жалко?

— Нечего мелочиться, — сказал Жуken. — У плешивого волос на голове больше, чем хлопка на этом поле. И что у тебя за привычка вечно спорить?

— Говорите что хотите, но я должен убрать с поля все, до единой коробочки.

— Интересно! Ты управляющий отделением или я?

— В этом случае я прав, и вы не можете мне приказывать.

— Ого! Еще как подчинишься!

— Вы не имеете права.

В это время Еремек тронул его за плечо и сказал:

— Слушай, бригадир! Мы с большим трудом достали трактор. И то нам дали потому, что мы раньше всех закончили уборку. Поэтому ни одной лишней минуты трактор задерживать нельзя. Понял, в чем дело?

— Я его не задерживаю. Отправляй обратно. Этот малый, видать, шустрый, мигом до конторы доедет.

— А ты меня не трогай! — огрызнулся тракторист. — Видали мы таких горячих немало.

— А тебе чего надо? — удивился Турарбек. — Не лезь, когда старшие говорят.

— Сам-то не очень слушаешься старших, — проворчал тракторист.

— Сказано тебе, помолчи!

— А что ты мне рот затыкаешь? Тоже, начальство выискалось! Ученый, раздулся от важности, как мыльный пузырь. И слушать никого не хочет. Надо бы ему эту спесь сбить.

Турарбек понял, что тракторист так и рвется в драку.

— Слушай, помолчал бы ты на самом деле! — крикнул Турарбек. — Проси чего хочешь, только заткнись!

— А ты выбирай выражения! И вообще ходи тише воды ниже травы, дольше проживешь.

— Да ты что, парень?! — расสวิрепел Турарбек. — Замолчи, щенок!

Тракторист мигом выскочил из кабины, будто ветром его оттуда выдуло. На ходу он сбросил свою замасленную телогрейку и стал засучивать рукава клетчатой рубахи.

— Это я-то щенок? Ну я тебе покажу!

— Сынок, — укоризненно обратился к нему Жукев. — Ну что ты так кипятишься? Он же старше тебя, успокойся, не буянь.

— А вы не вмешивайтесь! Я ему сейчас врежу!

Но к действиям тракторист так и не перешел, он то закатывал рукава, то расправлял их и начинал застегивать пуговицы, весь дрожа от злости.

— Пусть на этом и закончится наш разговор, — спокойно сказал Турарбек, успевший взять себя в руки.

— Отрезать бы ему язык, — прохрипел тракторист, поднимая с земли телогрейку.

— Ты лучше уезжай, — сказал Турарбек. — Доберись пораньше до центральной усадьбы, там тебе дело найдут.

— А что ты приказываешь? Не на того напал. Будешь приставать ко мне, горько пожалеешь. Я тебя на куски разорву!

И настырный тракторист продолжал честить Турарбека, но то и дело посматривал в сторону Жукена, возможно в поисках поддержки и одобрения своих действий. Во всяком случае, Турарбеку, который внимательно наблюдал за ним, так показалось. И это вернуло ему хладнокровие.

— Итак, закончим неприятный разговор, — сказал он. Ермак вопросительно посмотрел на Жукена. — Да забери свою телогрейку. Она твоя кормилица.

— Ну ты! Хватит! — угрожающе сказал тракторист.

— Ладно, заводи трактор да уезжай поскорее. Ты, видно, из тех, кому в спину дунут, а дальше сам летишь.

— На что ты намекаешь? — Тракторист опять сделал движение, будто снимает телогрейку, но потом махнул рукой. — Да что с тобой связываться.

А Жукен все стоял молча, как будто решив ни во что не вмешиваться. Или выжидал, что предпримет Турарбек. По виду его нельзя было сказать, чтобы он торопился уйти.

Турарбек, хоть и казался спокойным, все-таки волновался, Алима с тележкой не было, и сборщики все чаще оглядывались. Но Турарбек не мог к ним подойти, он словно был привязан к этому месту. Если уйти, то вдруг забияка тракторист начнет пахать поле?

Явно они замыслили против него что-то недоброе. Нет никакой нужды именно сегодня начинать пахоту. Однако пригнали трактор. Может быть, это сделано для того, чтобы спровоцировать его на скандал? Турарбек решил, что будет стоять на своем до конца, что бы там ни случилось. И вдруг его поразила горькая мысль: «За что он меня невзлюбил? Что я ему такого сделал? А ведь пожилой человек, с него бы пример молодежи брать».

— Я все понимаю, Жуке, — сказал он. — Мне ваши расчеты ясны, только шли бы вы своей дорогой.

Жукен и на эти слова не обратил внимания.

— У тебя что-то щека, кажется, распухла? — сочувственно спросил он. — Видать, зуб не на шутку разболелся.

— Жуке, есть предел и лицемерию, — продолжал Турарбек. — Ведь все равно я никуда отсюда не уеду, и вы это прекрасно знаете. Я приехал работать, а не жировать. Не стойте на моей дороге, а то весь ваш авторитет, который вы по чайной ложке собирали, в один миг прольется и в песок уйдет.

— Да, я вижу ты один из тех честолюбцев, которые ради собственной славы отца родного не пожалеют, — сказал наконец Жукен.

— Сейчас я доскажу, потерпите, — сказал Турарбек. — Вы совсем задурили голову Ермаку, а ему и без того не-

легко. Пускай бы он со своей слабой головой сам как-нибудь жил, но вы еще и в свои делишки впутали. Так вот, не ломайте ему жизнь. Он молод и дорогу найдет.

— Ты много болтаешь лишнего, — перебил его Жукен. — Смотри как бы пожалеть не пришлось.

— Сейчас договорю, — спокойно сказал Турарбек. — Я вас прошу, не портите людей. И так у всех уши болят от грязных сплетен да слухов, ползущих по аулу. Не забывайте о том, что сами же и вымажетесь, а отмыться вам будет трудно. Если вас заденет, то крепко заденет. И тогда на меня не обижайтесь.

— Да ты никак угрожать мне вздумал? — сказал Жукен и трясущимися руками стал застегивать пуговицы своего пальто. — Смотри, мальчик, не ошибись!

— Конечно, зачем бы наступать на хвост спящей змеи, это неразумно, — сказал Турарбек. — Но вы сами виноваты.

— Ты меня не запугаешь!

— Я вам еще раз повторяю. Оставьте людей в покое!

— А ты чего молчишь?! — вдруг взревел Жукен, угрожающе посмотрев в сторону притихшего Ермека.

— Да разве словами его примешь, — с досадой сказал Ермек и сам заорал на тракториста: — Ты чего, курить сюда приехал? Заворачивай трактор и начинай пахать!

— Пусть только попробует! — процедил сквозь зубы Турарбек. — Я ему голову оторву!

— Ты чего это сегодня бросаешься на всех?! — подскочил к нему Ермек. — Чем так с людьми жить, лучше бы убирался из аула на все четыре стороны!

— Это уж мое дело. А ты что раскомандовался? Чувствуешь силу за своей спиной?

— Не твое дело, — сказал Ермек, понизив голос.

— Как это не мое дело, когда оно меня касается? Эх, ты! А я-то думал, что у тебя хоть остатки совести сохранились.

Жукен хоть и переживал, слова Турарбека были ему не очень приятны, но, как человек опытный, заговорил примирительно:

— Успокойся, Турарбек! Ты ведь не мальчик. И пойми, что не можем мы из-за нескольких коробочек хлопка лишаться трактора, который с таким трудом достали. Время уборки кончилось, пришло время пахоты. Надо подумать о завтрашнем урожае. Дело пустое.

— А он всегда так, из мухи слона раздувает, — обиженно сказал Ермек.

— Но это поле не готово для вспашки, — упрямо сказал Турарбек, и в глазах у него загорелся недобрый огонек.

— Хватит чепуху молоты! — вспыхнул Ермек. — Начинать надо!

— Попробуй! — сказал Турарбек.

— Какой грозный, — начал было Ермек, но бригадир так посмотрел на него, что тот попятился.

— Не выводи меня из себя! — предупредил Турарбек. — Плохо тебе будет. Дуй лучше поскорее домой.

Управляющий решил вмешаться и начал говорить успокаивающе, с укоризной:

— Нехорошо, друзья, такие обидные слова говорить друг другу.

— Да какой он мне друг? — совсем по-детски возмутился Турарбек. — Я таких друзей в музее видал!

— Где? — обиделся Ермек. — Где ты меня видал?

— Ну, с таким характером, Турарбек, ты далеко не уйдешь, — озадаченно протянул управляющий.

— Да хоть вы-то не учите меня жить, — раздраженно сказал Турарбек и тут же пожалел, что выдержка ему изменила. Он решил вести себя хладнокровней.

Между тем холодный ветер усиливался. Тракторист и шофер сидели в кабине и без конца курили, с интересом наблюдая за перепалкой.

— А вы подумали, Жуке, какой осадок останется на душе у тех вон девушек и у этого молодого тракториста, если мы начнем сейчас пахать? Разве будут они после этого уважать чужой труд? Да и как можно терпеть, когда народное добро на глазах губят? А совесть? Вы забыли про совесть? Мы не поле перепашем, а людские сердца. По их ночам бессонным, по пролитому поту, по их радости и слезам вы хотите пустить трактор.

— Быстро ты нас с грязью смешал, — усмехнулся управляющий. — Разве ты судья, чтобы судить нас?

— А разве можно оставлять преступление безнаказанным? — возразил Турарбек. — Разве можно покрывать безобразие?

— Да, уж ты бы никого не пожалел, будь власть в твоих руках, — сказал Жукен и снова стал расстегивать пальто, будто ему стало жарко. — Может, и под суд бы отдал нас.

— Жукен, разговор идет серьезный, — сказал Турарбек.

— Ладно, если так. Но запомни, умирать буду, а к тебе за помощью не обращусь.

— Хорошо, не обращайтесь. Но если бы я был дирек-

тором совхоза, я бы ни на один час не доверил вам управлять отделением.

— Уж не думаешь ли ты, что испугал нас?

— У меня нет ни времени, ни желания спорить, — сказал Турарбек. — Тем более что вы сами все это затеяли.

Управляющий вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха. Сердце больно сдавило, напугав его, но тут же отпустило. «Оскорблять меня на старости лет, унижать, как мальчишку, — подумал он. — Нет, такого спускаться нельзя, иначе все полетит к черту».

В это время тракторист, которому надоела вся эта канитель, завел трактор и поехал пахать поле.

Турарбек и сам не помнил, как вскочил на подножку и выкинул тракториста из кабины, потом заглушил трактор.

Размахивая руками, к нему подбежал Ермек, и они сцепились.

— Хватит! — заорал вдруг управляющий. — Шенки!

Столько неожиданной силы и власти было в его голосе, что все замерли и виновато опустили головы. Однако руки у Жукена заметно дрожали. Ни на кого не глядя, он направился к машине.

Тяжелые и обидные думы, казалось, придавили Жукена к земле. Он вдруг остро почувствовал свое одиночество, свою старость, что никому теперь не нужен, даже Ермеку. Словно кто-то нашептывал ему на ухо: «Время твое прошло, и никто тут не виноват. Ни Турарбек, ни директор, ни ты сам».

Сборщицы хлопка закончили свою работу. Поле было готово к вспашке, к новому урожаю...

СОДЕРЖАНИЕ

ДОРОГА НА АККЕНТ. <i>Перевод Р. Сейсенбаева</i>	3
ВДВОЕМ С ОТЦОМ. <i>Перевод А. Кончица</i>	84
ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ. <i>Перевод А. Кончица</i>	173
ЖАЖДА. <i>Перевод Б. Момыш-Улы и А. Кончица</i>	249

КАЛДАРБЕК НАЙМАНБАЕВ

ДОРОГА НА АККЕНТ

М. «Советский писатель», 1982, 384 стр.
План выпуска 1982 г. № 271.

Редактор Н. И. Голосовская
Худож. редактор Е. М. Дробязин
Техн. редактор Л. П. Полякова
Корректор Л. М. Вайнер

ИБ № 3026

Сдано в набор 17.02.82. Подписано к печати 29.06.82. А 09135. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 22,31. Тираж 30 000 экз. Заказ № 185. Цена 1 р. 70 к. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

1р.70 н.

Г